

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

*Допущено Министерством образования Республики Беларусь
в качестве учебного пособия для студентов, магистрантов
и аспирантов исторических и философских специальностей
учреждений, обеспечивающих получение высшего образования*

Под общей редакцией профессора В.Н. Сидорцова

Минск
«ТетраСистемс»
2006

УДК 930.2(075.8)
ББК 63я73
М54

Авторский коллектив:

доктор исторических наук, профессор *В.Н. Сидорцов*; доктор исторических наук, профессор *А.Н. Нечухрин*; доктор философских наук, профессор *Я.С. Яскевич*; кандидат исторических наук, доцент *О.М. Шутова*; кандидат исторических наук, доцент *С.А. Кизима*; кандидат исторических наук, старший преподаватель *А.В. Курьянович*; кандидат исторических наук, профессор *О.А. Яновский*

Рецензенты:

кафедра философии и гуманитарных проблем образования Академии последиplomного образования; заведующий кафедрой философских наук Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор философских наук, профессор *В.И. Чуешов*; от Государственной комиссии по подготовке учебников в гуманитарно-обществоведческой сфере — кафедра истории славянских народов Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина; директор Института государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор политических наук, профессор, член Государственной комиссии *С.В. Решетников*

Методологические проблемы истории : учеб. пособие для М54 студентов, магистрантов и аспирантов ист. и филос. специальностей учреждений, обеспечивающих получение высш. образования / В.Н. Сидорцов [и др.] ; под общ. ред. В.Н. Сидорцова. — Мн. : ТетраСистемс, 2006. — 352 с.

ISBN 985-470-372-X.

Учебное пособие отражает многообразие проблем, стоящих перед современной исторической наукой в областях историософии, эпистемологии и теории истории. Оно дает читателю представление не столько о традиционных, сколько об инновационных подходах к современным проблемам исторического познания, в том числе о постмодерне, исторической синергетике, междисциплинарности, системности, современных методах, интеллектуальной истории и др.

Предназначено для студентов, магистрантов и аспирантов исторических и философских специальностей.

УДК 930.2(075.8)
ББК 63я73

ISBN 985-470-372-X

© Оформление. НТООО «ТетраСистемс», 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современная наука вступила в новый этап развития, который обозначается как постнеклассический. Парадигмальные сдвиги в сторону постнеклассики обнаруживаются в различных отраслях научного знания. При этом постнеклассические тенденции в историческом знании характерны как для его эпистемологии, что проявляется в изменениях понимания субъектно-объектных отношений, так и для методологии, приобретающей черты плюрализма. Происходит осмысление истории как полифоничной, и чрезвычайно актуальным становится осмысление новых механизмов складывания соответствующего исторического знания. В этих условиях тема настоящего пособия продиктована не только глобальными процессами, происходящими в масштабе мировой культуры, но и необходимостью интерпретации тех переломных моментов, которые переживает отечественная историография.

Историки долгое время чувствовали себя за пределами эпистемологических сомнений, которым подвергается постсовременная культура с ее неопределенностью, многовариантностью, неverifiedруемостью, с утверждением нелинейности мышления, однако такая «политика самоизоляции» создает угрозу для самой истории как дисциплины. Следуя ей, исследователи истории могут оказаться в культурном арьергарде. Именно поэтому необходимость их включения в постсовременный / постнеклассический дискурс в последнее время стала ощущаться особенно остро. Историки нуждаются в собственных рефлексиях своей профессии, что создаст возможности не только для самоидентификации истории, но и для осмысления общих тенденций и перспектив развития исторического знания.

Данное учебное пособие является продуктом сотрудничества философов, историков, историографов, и подобная кооперация весьма показательна для постсовременности. Если в период пребывания науки в ее «классическом» состоянии было характерно разделение онтологии, гносеологии, философии истории, то уже в неклассике ситуация меняется в сторону смещения границ этих сфер, их пересечения и даже смешения. Постнеклассическая наука сознательно отходит от подобного размежевания и, более того, заменяет его противоположным — «вне», «поверх» границ. В самом деле, жесткая демаркация онтолого-гносеологическими, социально-философскими, лингвистическими, культурологическими аспектами становится невозможной в условиях постнеклассического периода культуры.

В пособии воедино сведены тексты по постнеклассической философии и постмодерну. При выяснении основных тенденций в постсовременном историческом знании, акцент делается на сопредельности, корреляции характеристик постнеклассической науки и постмодерна. Не случайны в связи с этим сотрудничество философов, историков и специалистов в области информационных технологий, а также обращение к синергетике как «естественно-научному» резонансу постмодерна в постнеклассической науке.

Предпринята попытка создания междисциплинарной концепции, объединяющей усилия философов, историков, специалистов в области информационных технологий, что позволяет не просто выстроить современную историческую картину мира, но и представить средства, учитывающие идеалы открытой рациональности, диалога культур, плюрализма мнений, гибкой, а не силовой стратегии решения конфликтов и преодоления кризисов. Подготовленная работа, хотя и предназначена в качестве пособия, необходимого историкам, философам и вообще гуманитариям, может служить вместе с тем известным теоретическим подспорьем для специалистов в области философии и методологии истории.

Постижение истории, построение различных исследовательских программ при ее изучении требует междисциплинарных усилий, ибо начало XXI в. характеризуется поиском фундаментальных оснований единой цивилизации с новой шкалой общечеловеческих духовных ценностей — своеобразного эколого-информационного сообщества. Особое место в этой цивилизации принадлежит истории, науке, философии, ноосферологии, которые через систему образования и обоснования новых приоритетов призваны обеспечить основу для экологизации и гуманизации общества. В этих условиях особенно возрастает роль методологической рефлексии над основаниями современной истории культуры.

В пособие вошли наиболее актуальные вопросы, характеризующие современное состояние исторической науки. Они сгруппированы в таких направлениях, как теория истории, в отношении которой стоит задача ее самоопределения в постсовременных условиях; историческая эпистемология с ее непреходящими основами и рядом инновационных междисциплинарных подходов; макро- и микроистории, актуализация и дифференциация которых инициирует разработку новых подходов (уровней) и выделение новых отраслей в мировой и отечественной историографии (гендерная и устная, демографическая и экологическая истории, интеллектуальная история и др.).

Комплексность и междисциплинарный характер рассматриваемых в пособии проблем обуславливает то, что оно охватывает интересы как начинающих, так и опытных исследователей в области истории, культурологии, философии науки. Особенно полезным оно может быть для магистрантов и аспирантов как в плане приобретения ими фундаментальных философско-методологических знаний в области постижения ее величества Истории, так и специальных знаний в сфере исторической эпистемологии, новых отраслей в мировой и отечественной истории, что пока еще недостаточно отражено в литературе. В пособие включены тесно связанные между собой три раздела:

1. Теоретические вопросы истории (современное видение истории как науки).

2. Методология исторического познания (специфика дисциплины, принципы и методы познания прошлого).

3. Современные направления в историографии (выделение специфических по подходам, методам и предметам историографических областей).

Каждый из разделов включает ряд подразделов, которые начинаются с ключевых слов и вопросов для обсуждения, ориентирующих читателей на уяснение смыслового содержания поставленных проблем и обмен мнениями. Подразделы заканчиваются контрольными для самопроверки вопросами, которые могут быть также темами рефератов. При этом, в силу того, что ряд рассматриваемых в пособии вопросов продолжает оставаться предметом научных дискуссий, к поиску ответов на них привлекаются и сами обучаемые. Этим обстоятельством данное пособие отличается от тех, авторы которых считают необходимым включать в подобные издания лишь материал, уже отстоявшийся в науке. Указанного подхода (творческого в прямом смысле слова) требует логика развития самой методологии истории, особенно в современных условиях.

В приложении к изданию приведен словарь терминов, который, по мнению авторов, поможет читателям ориентироваться в лабиринте поднимаемых проблем. А предложенный в конце пособия список литературы к курсу в целом или его отдельным разделам носит рекомендательный характер. Для более глубокого уяснения отдельных тем (их творческого анализа) читатели могут обратиться к источникам, названным в виде ссылок по тексту пособия.

Учебное пособие является коллективной работой. Его авторы: д-р ист. наук, проф. В.Н. Сидорцов (предисловие; 2.3; 2.5; 2.7; словарь терминов); д-р ист. наук, проф. А.Н. Нечухрин (2.1; 2.2;

2.4; 2.6; 2.8); д-р филос. наук, проф. Я.С. Яскевич (1.1; 1.2; 1.3; словарь терминов); канд. ист. наук, доц. О.М. Шутова (предисловие; 1.4; 3.1; 3.3; 3.5); канд. ист. наук, доц. С.А. Кизима (1.5.1; 3.4); канд. ист. наук, ст. препод. А.В. Курьянович (3.2); В.А. Латышева (1.5.2); канд. истор. наук, профессор О.А. Яновский (методический аппарат).

Предлагаемое пособие продолжает серию подобных изданий в Беларуси по методологии истории¹. От «Методологии истории», вышедшей в 1996 г., оно выгодно отличается содержащейся в ней философской составляющей, а также таких частей, как «Постмодернистские контуры исторического сознания», «Историческая синергетика», «Проблема междисциплинарности», «Макро- и микроподходы в историографии», «Новые направления в историографии» и др. В сравнении с «Постижением истории», опубликованным в 2002 г. и рассчитанным, главным образом, на слушателей системы повышения квалификации и переподготовки кадров образования, в данное, более доступное для понимания, пособие включены (с учетом пожеланий рецензентов) такие подразделы, как «Социальные функции исторической науки», «Методы исследования», «Интеллектуальная история»; преобразован подраздел «Синергетическое видение истории» и др. Фактически это — новое учебное пособие, авторы которого надеются на обратную связь с читателями и их конструктивную критику.

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

1.1. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ: ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ, ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОГРАММЫ

Ключевые слова

Философия истории, проблемное поле, онтологическая философия истории, аналитическая философия истории, общество и история, альтернативность и нелинейность развития, исследовательские программы, редукционизм, этноцентризм, направленность и смысл истории, прогресс и гуманизм.

Вопросы для обсуждения

1. Проблемное поле и основные понятия философии истории.
2. Специфика человеческой истории как сложноорганизованной системы.
3. Исследовательские программы в социально-историческом знании.
4. Идея направленности и прогресса человеческой истории.

Философия истории — область философского знания, предметом которой является, с одной стороны, уяснение природы исторического процесса, выявление фундаментальных принципов и начал исторического бытия, постижение смысла, направленности и многомерности истории, с другой стороны, рефлексивно-аналитическое осмысление специфики и структуры исторического знания, его связи с другими типами знания (донаучным, художественным, этическим, религиозным и др.) социокультурными и ценностными компонентами, раскрытие механизмов взаимодействия и специфики исторического описания (нарратива), понимания и объяснения, социального детерминизма и свободы воли в истории. Отмеченные ракурсы философии истории фиксируют, как мы видим, два ее измерения — исследование исторического бытия в целом или всемирной истории во всем ее многообразии, философский анализ исторического познания, его форм, методов, границ и особенностей.

Проблемное поле и основные понятия философии истории

Термин «философия истории» впервые введен в философский оборот в XVIII в. Вольтером. Использовал его также И. Г. Гердер в работе «Идеи о философии истории человечества» (1791). В 1822–1823 гг. Г. Гегель впервые прочитал лекции по философии истории, представив всеобщую историю человечества от первобытных времен до современной цивилизации. В соответствии с этим философским подходом история была поднята на более высокую ступень, где она в отличие от чисто эмпирической, т.е. *устанавливающей* факты, стала философской историей, *понимающей* их, познающей причины того, что эти факты произошли именно так, как они произошли. В гегелевском понимании понятия «философия истории» и «философская всемирная история» используются как равнозначные.

Рассмотрим более подробно каждую из разновидностей (или предметных областей) философии истории: онтологическую (субстанциональную) и критическую (аналитическую). Классические версии философии истории, которые принято называть *онтологической* или *субстанциональной* моделью философии истории (метаистории), были разработаны Дж. Вико, Гердером, Гегелем, Марксом, Шпенглером, Тойнби, Бердяевым, Ясперсом и др.

Проблемное поле онтологической философии истории включает в себя следующие моменты:

- природу, специфику, причины и факторы движения истории;
- закономерности и случайности в истории;
- направленность и смысл истории;
- движущие силы исторического процесса;
- прогностические модели исторического развития;
- тематизацию содержания и ритма истории;
- характер отношения прошлого, настоящего и будущего;
- проблему выбора путей исторического развития и т.д.

Проблемное поле критической (аналитической) философии истории охватывает такие вопросы, как:

- природа и специфика исторического познания;
- особенности исторического описания (нарратива);
- понимание и объяснение в истории;
- историческое и донаучное знание;
- социокультурные и ценностные регулятивы исторического знания;

- рациональное и иррациональное в историческом знании;
- структура и методы исторического знания;
- формирование и статус исторических фактов;
- детерминизм, случайность и свобода воли в историческом познании и т.д.

Становление аналитической философии истории было детерминировано развитием в конце XIX в. дисциплинарно организованной науки, опредмечиванием наук о природе и «наук о духе», когда эти науки приобретали статус самостоятельных дисциплин. Традиция критической философии истории формировалась благодаря усилиям Дильтея, Виндельбанда, Риккерта, Кроне, Коллингвуда, обративших внимание на специфику и природу исторического познания, логику его развития². Существенный вклад в разработку аналитической философии истории внесли в 40–50 гг. XX в. такие представители критико-аналитической философии, как Гемпель, Дрей, М. Уайт и др.

Критико-аналитическая философия истории особый импульс развития получает в XX в., когда появляется большинство работ по эпистемологии (гносеологии) и методологии исторического познания. Не случайно критическую философию истории называют *гносеологическим* направлением (логикой исторического познания) в понимании предмета философии истории в противоположность *онтологическому*, акцентирующему внимание на проблеме исторического бытия (онтологии).

Однако следует ли проводить резкую демаркационную линию между онтологическим и гносеологическим направлениями философии истории? В русской философской традиции предпринимались попытки синтеза исторической онтологии и логико-гносеологического подхода к философии истории. Н. И. Кареев в своих работах «Основные вопросы философии истории: Критика историософических идей и опыт научной теории теоретического прогресса» (тт. 1–3, 1883–1890), «Историология. Теория исторического процесса» (1915) и др. философию истории рассматривал как синтетическую дисциплину, включающую в себя теоретическую и конкретно историческую части. Философия истории для него есть суд над историей, в соответствии с чем на историю и на социум важно смотреть глазами живой личности, включенной в социокультурную среду и исторические контексты. Таким образом, в философии истории Кареева осуществляется синтез социального и исторического знания. «Именно преобразование всемирно-исторического процесса с некоторой общей точки зрения и есть основная задача философии истории»³.

Аналогичную позицию в отношении синтеза онтологического направления (теория исторического процесса) и гносеологического (теория исторического познания) в философии истории занимал и русский философ и богослов Л. П. Карсавин. Философия истории, с его точки зрения, выполняет такие задачи, как: исследование первоначал исторического бытия; рассмотрение этих начал в единстве бытия и знания; познание и изображение конкретного исторического процесса в его целом, в раскрытии смысла этого процесса. Синтетический подход базируется, по Карсавину, на неразрывной связи между бытием и знанием, которое является модусом первого. «Поскольку философия истории, — поясняет он, — ограничивает себя первой задачей, она является теорией истории, т.е. теорией исторического бытия и теорией исторического знания. Поскольку она преследует решение второй задачи, она — философия истории в узком и специальном смысле термина “философия”. Наконец, в области, определенной третьей задачей, она предстает перед нами как метафизика истории, причем, конечно, в термине “метафизика” иного не мыслится, как отвлечение от конкретной эмпирии, но конкретное познание исторического процесса в свете наивысших метафизических идей»⁴.

Концептуальная система философии истории была бы неполной без рассмотрения предметного поля *историософии*, занимающей центральное место в философском осмыслении человеческой истории. Само понятие «историософия» в свое время ввел А.Цежковский в книге «Введение в историософию»⁵. Наиболее яркое воплощение историософия получила в произведениях русских философов по религиозной философии истории. Вопросы о человеке, его судьбе и предназначении, о смысле и цели истории стали центральными темами русской историософии. По меткому выражению В. В. Зеньковского, русская мысль сплошь историософична, она постоянно обращена к вопросам о «смысле» истории, конце истории и т.д. «Оригинальная русская мысль, — по мнению Н. Бердяева, — рождается как мысль историософическая. Она пытается разгадать, что помыслил творец о России. Каков путь России и русского народа в мире, тот ли, что и путь народов Запада, или совсем особый, свой путь»⁶.

Философия истории в силу своей синтетичности и фундаментальности в постановке и решении обсуждаемых проблем выступает в качестве мировоззренческого и методологического основания *современного социально-гуманитарного знания*. Филосо-

фия истории является в то же время пограничной дисциплиной, анализирующей социально-исторические проблемы в контексте концептуальных подходов теоретической социологии, с одной стороны, и ряда сопряженных дисциплин (антропологии, культурологии, политологии, психологии и др.) — с другой.

Философия истории не только интегративная область знания, синтезирующая социологические модели теоретической реконструкции общества, философско-антропологические и психологические подходы, но и истинно *критическая концептуальная модель, осуществляющая рефлексию и анализ своей собственной социокультурной обусловленности, фиксирующая проблемность и открытость исторического бытия, его незавершенность и нелинейность*.

Философское осмысление исторического бытия, динамики общественных процессов в рамках философии истории позволяют выполнять ей мировоззренческую и методологическую функцию не только по отношению к социально-гуманитарному, но и к *естественно-научному знанию*, обосновывая идеалы моральной ответственности ученых при решении частных научных проблем, критерии периодизации истории соответствующей науки, поиска новых мировоззренческих ориентиров при решении глобальных проблем современности, анализа социокультурных предпосылок научного знания. В то же время открытия современного естествознания, его обновление, открытость, отход от концепции жесткого детерминизма и независимого субъекта, господствующего над миром, фиксация необратимости, вероятности, «свободы выбора», альтернативы обогащают и трансформируют само понимание наук «о духе», о человеке, об обществе. Те идеи, которые получили физико-математическое обоснование в естествознании, с необходимостью входят в социальную философию истории, социально-гуманитарное знание, в результате чего человек и человеческая история уже не могут рассматриваться с позиций жесткого детерминизма, единой модели развития, однолинейности, отказа от выбора, альтернативы, случайности, непредсказуемости, а система ценностей, наработанная в рамках социальной философии становится неотъемлемой шкалой и точкой отсчета в естественно-научном поиске.

Центральным понятием философии истории является история в различных ее измерениях, выступающая в процессе философской рефлексии как *историческое бытие*, а учение о ней как *историческая онтология (метафизика истории)*.

Специфика человеческой истории как сложноорганизованной системы

Человеческая история представляет собой сложноорганизованную, постоянно развивающуюся социальную систему. Слово «система» в переводе с греческого — целое, составленное из частей, соединение, совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенное единство.

Представление об обществе, человеческой истории и природе как упорядоченном, целостном, гармоничном космосе сформировалось еще в античности. В XIX–XX вв. проблема системности общества и человеческой истории стала предметом специального исследования такими мыслителями, как О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, М. Вебер, П. Сорокин, Т. Парсонс и др. В конце 60-х — начале 70-х гг. XX столетия идеи об обществе и человеческой истории как едином, целостном организме, как и о других сложных самоорганизующихся системах, о мире в целом получили рациональное обоснование в таком междисциплинарном направлении, как синергетика (Г. Хакен, И. Пригожин и др.). С точки зрения наработанных в философии и науке подходов, *общество характеризуется как сложноорганизованная саморазвивающаяся открытая система, включающая в себя отдельных индивидов и социальные общности, объединенные кооперативными, согласованными связями и процессами саморегуляции, самоструктурирования и самовоспроизведения.*

В качестве *социальной системы* может выступать отдельная личность, поскольку она обладает характеристиками, которые формируются и выявляются в процессах социального взаимодействия; отдельные группы людей, находящиеся в непосредственном контакте; этнические или национальные общности; государства или группы государств, объединенные согласованными, кооперативными связями; различные организации с четко представленной структурой; некоторые подсистемы общества — экономические, политические, правовые и т.д.

Человеческая история, общество в целом как сложноорганизованные саморазвивающиеся системы обладают следующими *специфическими чертами*:

1. Человеческое общество отличается большим *разнообразием различных социальных структур, систем и подсистем*. Это не механическая сумма индивидов, а сложная система, в которой форми-

руктся и функционируют различные общности и группы, большие и малые: роды, племена, классы, нации, семьи, коллективы и т.д. В соответствии с этим общество имеет сверхсложный и иерархический характер: различного рода подсистемы в ней связаны соподчиненными отношениями. Вместе с тем, каждая подсистема обладает известной степенью автономии и самостоятельности.

2. Общество несводимо к людям, делающим и составляющим его, — это система вне- и надындивидуальных форм, и связей, и отношений, которые человек создает своей активной деятельностью вместе с другими людьми. Эти «невидимые» социальные связи и отношения даны людям в человеческом языке, в различных предметах и поступках, программах деятельности, поведении и общении, без которых люди не могут вместе существовать. *Общество в целом и человеческая история обладают интегративным качеством*, присущим им в целом и несвойственным отдельным, образующим их компонентам. Человек, живущий и создающий историю, чаще всего поступает поэтому, как принято в соответствии с нормами коллективной культуры и истории. Это, однако, не становится преградой на пути к осмысленным поступкам, сознательному выбору человека, созданию новых образцов поведения с попытками оставить след в человеческой истории.

3. Важнейшей чертой человеческой истории является ее *самодостаточность*, т.е. способность истории как сложной системы в процессе активной совместной деятельности людей создавать и воспроизводить необходимые условия собственного существования. История характеризуется в данном случае как целостный единый организм, в котором тесно переплетены и не функционируют в отрыве друг от друга различные социальные группы, самые разнообразные виды деятельности, обеспечивающие жизненно необходимые условия существования не «в одиночку», а совместными усилиями. История как самодостаточная социальная система — это продукт совместной кооперативной деятельности людей, где ни один из ее видов не может функционировать вне взаимодействия с другими видами деятельности, группами, коллективами, что и создает предпосылки и условия жизнедеятельности общества. Так меняется общество и творится история. А изменившееся общество начинает формировать людей «под себя», т.е. тех, кто способен воспроизводить и сохранять это общество.

4. Человеческую историю отличает *исключительная динамичность, незавершенность и альтернативность развития*. Причем если проблема выбора вариантов развития в других областях осуществляется естественным образом в процессе самоорганизации

природного бытия и без наличия человека, то в истории главным действующим лицом и «дирижером» выбора является человек. Выбор того или иного исторического пути развития является своеобразным связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим.

5. История отличается и особым *статусом субъектов*, определяющих ее развитие. Человек является универсальным компонентом социальных систем, включаясь в каждую из них. За противостоянием идей в истории всегда скрывается столкновение определенных потребностей, интересов, целей; воздействие таких социальных факторов, как общественное мнение, официальная идеология, политические установки и традиции.

Неизбежная и острая конкуренция интересов и устремлений субъектов истории определяет селективную деятельность по выбору тех или иных средств и аргументов для обоснования отстаиваемой идеи, концепции, способной привлечь внимание других людей, послужить мотивом их социальной активности. В связи с этим в обществе очень часто происходит столкновение альтернативных идей, возникает острая полемика.

6. Важнейшей особенностью человеческого в истории является *непредсказуемость, нелинейность развития*. Наличие в обществе большого количества подсистем, постоянное столкновение интересов и целей различных людей создает предпосылки для реализации *различных вариантов и моделей будущего развития общества*. Как только в обществе начинают предприниматься попытки реализовать в жизнь, в практику одну из моделей развития, претендующую на статус «единственно правильной и научной», общество становится «закрытым», т.е. таким обществом, которое не допускает плюрализма в экономике, политике, культуре, в котором неизбежно развитие тоталитаризма, примата общества над индивидом, идеологического догматизма, противопоставление себя всему остальному миру. Вместе с тем непредсказуемость, нелинейность развития общества не означает, что ученые вообще не могут строить модели социального прогнозирования. Напротив, проведение работ в сфере глобального моделирования, построение компьютерных моделей мира, обоснование *возможных вариантов развития социально-исторической системы* в самых ее различных областях — вполне рациональный и необходимый, особенно в современных условиях, акт. Социальный мир не является абсолютно произвольным и неуправляемым.

7. При построении различных моделей развития человеческой истории, при вмешательстве (даже слабом) человека в характер

развития социальных процессов (например, возникающих на национальной или религиозной почве) *необходимо обязательное осмысление последствий такого вмешательства*. Исследование общества, общественных процессов нуждается во всестороннем «проигрывании» возможных вариантов развития социальной системы и выявлении причин ее неустойчивости. Необходим и анализ политикующих вопросов и возможных ответов. «Что произойдет, если...; какой ценой будет установлен порядок, какие последствия вызовет такое слабое “воздействие” на систему, как...; какова значимость того, что погибнет и что возникнет, если...». Такого рода вопросы свидетельствуют о необходимости *отказа от позиции беспрекословной «манипуляции» и жесткого контроля над социальными системами*. Если бы мы почаще ставили подобные вопросы, прежде чем принять решение вмешаться в тот или иной процесс, происходящий в обществе, тогда, быть может, в нашей истории было бы меньше трагических страниц, неостребованных талантов, безвременно загубленных жизней, нерезализованных целей.

На протяжении всей истории философской мысли предпринимались попытки раскрытия тайн общества и человеческой истории, проникновения в механизмы функционирования социально-исторических процессов и в соответствии с этим обоснования идеалов управления обществом и прогнозирования исторического развития. Так, Платон предложил модель идеального государства, в котором власть принадлежит философам, являющимся склонными к мудрости, а смысл справедливости заключается в том, что все свободные граждане занимаются делом, к которому они склонны. Аристотель рассматривал общество-государство как воплощение общего блага, справедливости и права, где личные интересы должны подчиняться общественным, полисным. Защита абсолютной власти государства сочетается у Гоббса с обоснованием гарантии свободы для подданных. Своими рассуждениями Локк превосходил идеи правового государства. Гоббс и Локк обосновали концепцию общественного договора и договорную модель возникновения государства. Теоретики утопического социализма (Томас Мор, Т. Кампанелла и др.) предложили модели идеального общественного строя. Гегель рассматривал всемирную историю как «прогресс в создании свободы», который развертывался через мировой дух. Мировой дух находит конкретное воплощение в «духе» отдельных народов. В разные периоды на авансцену истории выдвигаются те или иные народы,

в которых мировой дух выполняет свою миссию осознания свободы. Основная мысль Конта состояла в том, что необходимо создать науку об обществе как едином социальном организме, основанную, подобно естественным наукам, на точных наблюдениях и фактах. «Позитивное» знание об обществе, лишенное спекулятивного, умозрительного подхода, даст возможность эффективно управлять общественным организмом. Политика должна стать «социальной физикой». Целью «социальной физики» является открытие неизменных законов прогресса, аналогичных ньютоновскому закону тяготения в физике. Главной предпосылкой материалистического понимания истории стал вывод о том, что общественное бытие определяет общественное сознание.

Исследовательские программы в социально-историческом знании

Философия истории как теоретически обоснованная система философских знаний на существование и развитие общества и человеческой истории формируется в период становления дисциплинарно организованной науки начиная с конца XVIII — первой половины XIX вв., когда возникают попытки построения систематического обществоведения. К этому времени сложились многообразные теоретико-методологические *парадигмы* (или *исследовательские программы*) как системы принципов, идеалов и норм, определяющих механизмы описания и объяснения общественных и исторических явлений, критерии научности в их познании и прогнозировании, выступающие в силу своей интегративности трансляторами социально-философского знания в сферу конкретно-научного знания, а через него способствующие приданию смысла деятельности практического мышления в истории, экономике, политике и других сферах социальной жизни.

К исследовательским программам, сформировавшимся в философии истории, относятся следующие:

- натуралистическая (ее версии: методологический редукционизм, этноцентризм, органицизм);
- культурно-историческая (культурно-центристская);
- психологическая и социопсихологическая исследовательские программы;
- исследовательские программы классического и постклассического марксизма;
- программа социального действия М. Вебера;

программа социальной реальности как феномена символической интеракции (Дж. Г. Мид);
программа структурного функционализма (Т. Парсонс);
программа общественной рациональности и коммуникативного действия, «системы» и «жизненного мира» (Ю. Хабермас) и др.

Исторически первой исследовательской программой общественного знания Нового времени была *натуралистическая программа*, рассматривающая общество по аналогии с природой как естественное продолжение ее закономерностей, как «венец» природы, хотя и не самое совершенное ее образование.

Натуралистическая программа допускала правомерность экстраполяции методологических особенностей естествознания на социально-историческое знание и формировала идеалы и нормы науки по образу естественных наук. Перенесение центра тяжести с одной науки на другую в натуралистической программе отражало степень зрелости естествознания, науки в целом и появление в ней все новых лидирующих дисциплин (механики, географии, биологии, экономики и др.), с помощью которых и объяснялись закономерности развития общества.

Натуралистическая программа в философии истории представлена тремя основными вариантами, или версиями: редуционистской, этноцентристской и органицистской.

С позиций *редукционизма* (*reductio* — от лат. отодвигание назад — методологический принцип, согласно которому высшие формы материи могут быть полностью объяснены на основе закономерностей, свойственных низшим формам) человеческая история и тип общественного устройства определяются силовыми взаимодействиями (вариант классического механицизма — Т. Гоббс, П. Гольбах), особенностями географической и природоклиматической среды (географизм — Ш. Монтескье, И. Мечников), процессами ассоциации и диссоциации (химизм — М. Шевроль).

В роли ведущего фактора социальной и исторической динамики с точки зрения *этноцентризма* выступают природно-национальные особенности. Так, Л. Н. Гумилев в своей этногенетической концепции рассматривает этнос не столько в социокультурном контексте, сколько в связи с событиями космического характера и общими процессами в биосфере Земли. Подобные методологические подходы характерны и для евразийства — социально-философского учения, сформировавшегося в 20–30-х гг. XX в. (Г. В. Флоровский, Л. П. Карсавин, Н. С. Трубецкой и др.) в среде российской эмиграции и до сих пор сохраняющего свой идейно-политический потенциал. По мнению представителей евразийства, Евразия как

географическое понятие ассоциируется с местоположением особой евразийской культуры, ядром которой выступает культура восточнославянских народов – русских, украинцев, белорусов. Россия-Евразия с этой точки зрения характеризуется как общностью исторических судеб населяющих ее народов и родственных культур, так и единым экономо-политическим будущим.

Сейчас, уже в XXI в., вызывают интерес идеи евразийства о глобализации человеческой истории, мечты о «всеедином» человечестве, о едином «богочеловеке», о русской идее земного братства, противостоящие концепциям ранжирования государств по различным основаниям.

Органицистская версия натуралистической программы восходит к трудам Г. Спенсера, уподоблявшего человеческую историю и общество организму и пытавшегося объяснить социально-историческую жизнь биологическими закономерностями. По аналогии с живым организмом в рамках органицистской версии обществу приписывались все черты организма – единство, целесообразность, специализация органов. Роль кровообращения, например, выполняет торговля, функции головного мозга – правительство (П. Ф. Лилиенфельд), обмена веществ в организме – экономическая жизнь общества (А. Шеффле).

Формирование второй из основных исследовательских программ – *культурно-исторической (культурцентристской)* – и кризис натуралистической программы были связаны с осознанием различий природы и культуры, социальной реальности от природной; развитием таких наук о человеке и обществе, как антропология, история, искусство, культурология, этнология, психология и др. Произошло открытие второй по сравнению с природой онтологической реальности – культуры во всем ее многообразии, понимание ее не как деятельности, направленной на реализацию природной сущности человека, а как феномена, обеспечивающего формирование человека и социальных связей, как продукта истории и самой истории, в ходе которой меняется человек. Культура, социальные связи в данной исследовательской программе занимают центральное место в противоположность натуралистической программе, где точкой отсчета были различные проявления природной зависимости и взаимодействий человека и человеческого общества. Подобно натуралистической программе, опирающейся на частные естественные науки, культурцентристская программа также находила опору в ориентации на формирующиеся новые социально-гуманитарные науки – историю, антропологию, психологию, науки об искусстве и др., указывая тем самым границы натуралистической программы.

В культурноцентристской исследовательской программе общественно-человеческая история рассматриваются как сверхиндивидуальная реальность, в которой воплощен мир моральных, эстетических, духовных ценностей, культурных смыслов и образцов, обуславливающих ход всемирной истории и деятельность отдельных индивидов (Кант, Гегель, Гердер, Риккерт, Дильтей, Тейлор и др.). При всем многообразии выделяемых в данной программе теоретических оснований ее представители исходят из того, что, во-первых, «общественная жизнь по самому существу духовна, а не материальна» (С. Л. Франк); во-вторых, «природу мы объясняем, душевную жизнь мы постигаем» (В. Дильтей); в-третьих, «при объяснении действительной закономерности социальной жизни» необходимо учитывать символический характер социальных взаимодействий (П. Сорокин).

В рамках психологической и социопсихологической исследовательских программ предпринимаются попытки объяснить социально-историческую жизнь на основе влияния на человеческое поведение психологических факторов. Психологический подход и предполагает объяснение человеческой истории, общества и общественных отношений с точки зрения определяющей роли психологии индивида, его эмоциональных и волевых компонентов, сферы бессознательного, психологии групп, социальной психологии межиндивидуальных отношений (Л. Уорд, Г. Тард, З. Фрейд и др.).

В 40-е гг. XIX в. создавалась *марксистская исследовательская программа* социально-исторического развития. Несмотря на скептическое или резко критическое отношение к марксизму, наблюдающееся в современной отечественной философской мысли, необходимо все же взвешенно и без свойственной долгое время канонизации марксистской идеологии выделить основные положения данной исследовательской программы. При этом следует иметь в виду, что существуют разные ее версии. Это и классический марксизм, представленный его основоположниками, и разработка марксистской программы с ленинской и сталинской ее версиями, и различные неомарксистские концепции (А. Грамши, Дж. Лукач, Ю. Хабермас, Г. Маркузе, Э. Фромм и др.).

Марксистская концепция социально-исторического развития прежде всего основывалась на выявлении тенденций к усилению общественного характера труда. Кардинальная идея социально-философских исследований состояла в том, что научно-технический прогресс и превращение науки в производительную силу общества взломает узкие рамки классовых и национальных отношений, создаст условия для раскрепощения человека, превратит

историю человечества во всемирный процесс, который обозначается данной программой как социализм и коммунизм. Для К. Маркса идея переустройства общества, гуманистического освобождения человечества от власти чуждых ему структур представлялась вполне обоснованной, следующей из его философской системы. Продолжая линию теоретического обсуждения реализации своего гуманистического проекта освобождения человечества от власти им же порожденных, но чуждых ему структур мышления и бытия, Маркс связывает решение проблемы осуществления политических прав и свобод человека в истории с переосмыслением вопроса о соотношении гражданского общества и государства. Продолжая традицию немецкой классической философии и «переворачивая» Гегеля, Маркс рассматривает исторический прогресс уже не как «развитие понятия свободы», а как *практическое движение и освобождение человечества*. В работах 40-х гг. К. Маркса и Ф. Энгельса обосновывается принципиальная возможность перехода человечества к новому свободному типу исторического развития.

Приоритет открытия и квалификации обсуждения законов поведения сложноразвивающихся социальных объектов «свободно-волевого» типа принадлежит философии марксизма, которая осваивает диалектику истории как особую форму объективного процесса, вырабатывает такую картину социума, для которой идея социальной индивидуальной свободы так же имманентна, как и идея развития. Идея освобождения человечества и коммунизм как социальная форма и воплощение — ведущие ценностные регулятивы западноевропейской философии — нашли теоретическое обоснование в марксистской программе.

Бесспорно и то, что идея классового конфликта и революционного изменения обстоятельств могла многое объяснить в истории второй половины XIX — первой половины XX в. Становление идей марксистской программы происходило в контексте культуры, в которой провозглашалось деятельностное отношение к миру, как к природному, так и к социальному. Поэтому марксистская концепция классового конфликта, социальной революции и диктатуры как способа решения социальных проблем возникла в контексте ценностей техногенной культуры. Вопрос состоит сегодня в том, насколько продуктивна идея насилия сейчас. Перед лицом глобальных опасностей человечество с необходимостью должно перейти к стратегии ненасилия, к диалогу культур, наций, религий.

Особое место в марксистской программе социального развития занимает учение об общественно-экономических формациях,

которое в современных условиях также переосмысливается, сопоставляется с концепцией цивилизационного развития. Особого внимания заслуживает рассмотрение различных версий неомарксизма.

Весьма привлекательной исследовательской программой является *концепция социального действия М. Вебера (1864–1920)*. Свою концепцию Вебер называет «понимающей социологией». Социология анализирует социальное действие и тем самым объясняет его причину. Понимание означает познание действия через его субъективно подразумеваемый и переживаемый смысл. Вместе с «субъективным смыслом» в социальном познании оказывается представленным все многообразие человеческой культуры: идеи, идеологии, мировоззрения, представления и т.п.

Основные категории понимающей социологии – поведение, действие и социальное действие.

Поведение – всеобщая категория деятельности. Оно считается действием, когда и поскольку действующий связывает с ним субъективный смысл. Вебер выделяет 4 типа социального действия:

1) целерациональное – когда предметы внешнего мира и другие люди трактуются как условия или средства действия, рационально ориентированного на достижение собственных целей;

2) ценностно-рациональное – определяется социальной верой в ценность определенного способа поведения как такового, независимо от конечного успеха деятельности;

3) аффективное – определяется непосредственно чувствами, эмоциями;

4) традиционное – побуждается усвоенной привычкой, традицией.

В соответствии с членением социальных действий выделяются 4 типа легитимного порядка: традиционный, аффективный, ценностно-рациональный, легальный.

По признанию Вебера, большое воздействие на него имели работы К. Маркса. Свои работы по социологии религии и методологии социальных наук он рассматривает как направленные против марксистской концепции общества и истории. Однако это утверждение неоднозначно. Характерен случай из биографии Вебера, рассказанный Э. Баумгартеном. В феврале 1920 г. студенты организовали встречу Вебера с О. Шпенглером, чье сочинение «Закат Европы» вышло в 1918 г. и наделало много шума. «Шпенглер, – рассказывает Баумгартен, – сделал доклад, в котором резюмировал основные положения «Заката Европы». Он отрицательно высказался о Ницше, а затем высмеял прогнозы Маркса. Вебер поднялся, все еще соблюдая учтивость... и вдруг резко

бросил Шпенглеру: «К чему, собственно, сводятся Ваши прогнозы, г-н доктор? Вы говорите, что цветущая культура перейдет в старческую стадию цивилизации. Будет ли это некий единый период? И будет ли единой стадией то, что за ним последует?... Но положим даже, что Вы могли бы однозначно определить, какая степень накопления решающих признаков свидетельствует о начале старческой стадии культуры, т.е. эпохи цивилизации. Даже и в этом случае Ваши прогнозы по сравнению с прогнозами Маркса лишены всякой научной ценности. Это прогнозы того же рода, как если бы я посмотрел в окно и сказал: «Сейчас светит солнце»; а затем, обратившись к благоговейно внимающим мне, глубокомысленно возвестил: «Но можете быть уверены, в один прекрасный день пойдет дождь». А вот у Маркса, которого Вы так поносили, совсем иначе. Восстань он сегодня из гроба и взгляни окрест себя, он — несмотря на некоторые важные отклонения от его пророчеств — все же имел основание сказать: «Воистину, это плоть от плоти моей и кость от кости моей».

Вебер относил идеи Маркса к числу тех, что определили горизонт социально-исторической мысли XX в. «Мир, в котором мы духовно существуем, — говорит он, — это мир, несущий идеи Ницше и Маркса». Назвать же Вебера последователем Маркса несправедливо. Построение нового социалистического типа общества, в корне отличного от капиталистического, Вебер считал невозможным. С этой точки зрения он оценивал Октябрьскую революцию.

Представляет интерес и следующая исследовательская парадигма философского осмысления социально-исторического развития общества — *теория социальной реальности как феномена символической интеракции Дж. Г. Мид*. Данная методологическая ориентация сводила содержание социальных процессов к взаимодействию индивидов в группе и обществе.

Отрицая изначальную данность людям разума и сознания, Мид подчеркивал, что социальный мир индивида и человечества формируется в результате процессов социальных взаимодействий, в которых большую роль играет «символическое окружение».

Согласно Миду, общение между людьми осуществляется при помощи особых средств-символов, к которым относятся жест и язык. Анализу «символического окружения» человека Мид придавал особое значение, поскольку оно оказывает решающее значение на формирование сознания личности и человеческого «Я».

Существенное значение имеет ролевая концепция личности Мид. Многомерное поведение человека можно представить в виде

определенного набора устойчивых шаблонов поведения – «ролей», которые человек играет в обществе. Анализ ролей человека дает основания для суждения не только о его поведении, но и о его личности, поскольку его внутренний импульс и нормативная противоречивость выражаются в любых поведенческих актах.

Рассмотрим еще одну парадигму – *программу структурного функционализма*. Структурно-функциональная теория (для краткости именуемая *функциональный подход*) – одно из наиболее важных и сложнейших направлений современной социологической мысли. Для него характерно сознательное стремление построить законченную систему социального действия как наиболее полную систему объяснения эмпирических фактов социальной деятельности. Основателями данной программы являются Т. Парсонс и Р. К. Мертон.

Социальная система, с точки зрения Парсонса, предполагает наличие трех подсистем:

- личностная система (действующие актеры);
- система культуры (разделяемые ценности, которые обеспечивают преемственность и последовательность норм и предписанных им статусных ролей);
- физическое окружение, на которое общество должно ориентироваться.

Для того чтобы выжить, каждая система должна соответствовать четырем требованиям:

- адаптации (к физическому окружению; экономика);
- достижению целей (средствам организации ресурсов для достижения целей и получения удовлетворения; политике);
- интеграции (форме внутренней и внешней координации системы и путям ее соотнесения с существующими отличиями);
- поддержанию образцов, *латентности* (средствам достижения относительной *стабильности*; социализации).

Данная концепция известна под названием AGIL: адаптация – цель – интеграция – латентность. Все подсистемы связаны между собой средствами обмена, которые представляют деньги (A), власть (G), влияние (I), латентность (L). Равновесие социальной системы зависит от этих сложных процессов обмена между разными подсистемами.

Одна из привлекательных исследовательских программ социально-исторического развития – это *теория коммуникативного действия* Ю. Хабермаса. Центральным ядром концепции выступает проблема преодоления неадекватного (отчужденного) статуса общности (как проявление общего кризиса европейской установки на вертикальную структуру субъект-объектного отношения).

Целевой вектор философии истории Хабермаса — возможность установления принципиально ненасильственных (невертикальных) способов социального бытия как «универсального примирения». Фундаментальным условием осуществления этой программы считают радикальную трансформацию европейской рациональности, моделирующей насилие в жестких формах логического дедуктивизма и технологического операционализма, переориентацию с субъектно-объектных на субъект-субъектную структуру, моделируемую межличностным общением, — «интеракцию», понимаемую Хабермасом не только как социальное воздействие, но и как содержание коммуникации. Если стратегическое поведение ориентировано на достижение цели, что неизбежно предполагает субъект-объектную процедуру и прагматическое использование другого в качестве объекта (средства), то коммуникативное поведение принципиально субъект-субъектно, предполагая принятие другого в качестве самодостаточной ценности. Необходима смена «научно-технологической рациональности» (субъект-объектной) на новую, коммуникативную рациональность, т.е. субъект-субъектную.

Идея направленности и прогресса человеческой истории

Формирование каждой из перечисленных исследовательских программ было исторически детерминировано развитием философии истории и социальной философии в целом, проблемным полем развивающейся культуры, выявляющим вновь открываемые срезы многоликой социально-исторической реальности.

В рамках философского осмысления динамики человеческой истории важное место занимает проблема *направленности совершающихся в обществе изменений, идея прогрессивного развития общества*. Само понятие «прогресс», как известно, происходит от лат. *progressus* — движение вперед, успех и характеризует направленность развития от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному. В противоположность ему «*регресс*» обозначает тип развития, для которого характерен переход от высшего к низшему, процесс деградации, понижение уровня организации, наличие застоя или возврата к изжившим себя формам и структурам.

Проблема направленности совершающихся в обществе изменений зародилась еще в древности. Для *Платона, Аристотеля, Полибия* история общества представлялась как циклический кру-

поворот, повторяющий одни и те же стадии. *Гесиод, Сенека* рассматривали историю общества как регрессивный процесс, направленный по нисходящей линии. Для многих *древнекитайских мыслителей* «золотой век» также находится в прошлом. В *христианстве* впервые формируется идея внешнеисторической предустановленной цели общества, т.е. дается религиозное понимание истории общества как проявление воли Бога, осуществление заранее предусмотренного божественного плана «спасения» человека. С бурным развитием капиталистических отношений и реальным ускорением общественного развития появляются оптимистические представления о всемогуществе человеческого разума, научного познания и о беспредельной способности человека к прогрессивному развитию. Считалось, что не нужно оглядываться на древних, необходимо расстаться с «идолами» прошлого и уверенно идти вперед. *Гегель* понимает исторический прогресс как саморазвитие мирового духа и, пытаясь объяснить переход от одной ступени общественного развития к другой, прибегает к *теодицее*, т.е. к идее оправдания Бога за то, что он допустил существование зла в истории. С точки зрения *марксистской концепции* развития общества прогресс связан с развитием производительных сил и совершенствованием производственных отношений, ростом производительности труда, развитием науки, постепенным овладением стихийными силами природы, освобождением людей из-под гнета стихийных общественных сил, социально-политического неравенства и духовной неразвитости. Таковы были *критерии исторического прогресса*, и в соответствии с ними различные формации (первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая) рассматривались как закономерные стадии поступательного прогрессивного развития человечества.

Таким образом, в различные эпохи в качестве критерия прогресса рассматривались различные явления. Критерием прогресса считали *развитие разума*, науки и техники. Для социалистов-утопистов (*Ж. А. Сен-Симон, Ф. Фурье, Р. Оуэн*) основой прогресса выступала мораль, *нравственный принцип*, в соответствии с которым люди должны относиться друг к другу, как братья. Немецкий философ *Фридрих Шеллинг* полагал, что только постепенное приближение к *правовому государственному устройству* может выступить критерием исторического прогресса. *Гегель* считал, что прогрессивное развитие общества связано с ростом *сознания свободы*. *Марксистская традиция* связывала критерий общественного прогресса с высшим уровнем *материального производства*,

техники, экономических отношений и развитием производительных сил, включая самого человека. В каждом из этих подходов в качестве критериев социального прогресса выступали весьма важные показатели развития общества – разум, наука, техника, мораль, право, мера свободы, которую общество может предоставить человеку, а также развитие производительных сил, которые не утратили своей значимости и в наше время.

Вместе с тем осмысление трагических реалий природного и социального бытия в XX в., необходимость решения жизненно важных планетарных проблем человечества, от решения которых зависит социальный прогресс (экологическая, энергетическая и другие глобальные проблемы современности), актуализирует проблему *поиска критерия социального прогресса в современных условиях*. Налицо диспропорция между прогрессом техники и науки, прогрессом в области квалификации и профессионализма, управления и организации производства, в целом материального производства и потребления и ростом отчуждения человека «в массовом обществе», уровнем духовной культуры общества. Не случайно появление в XX в. различных концепций «конца истории» (Фукуяма Фр. и др.) и антиутопий («О дивный новый мир!» О. Хаксли, «1984» Оруэлл и др.), в которых обосновывается убеждение, что любые попытки воплотить в жизнь справедливый общественный строй сопровождаются катастрофическими последствиями.

Понятие прогресса в современных условиях все более трансформируется в сторону обогащения его *гуманистическими параметрами*, характеристиками. Осознание хрупкости собственно человеческого существования, бытия как проблемы обуславливает необходимость гуманистической стратегии в понимании сущности социального прогресса. *Развитие человека в его духовном и телесном измерении, осознании самоценности человеческого существования, создание благоприятных условий для человека – в этом видится прогресс современного общества.*

Таким образом, философская рефлексия над Ее Величеством Человеческой Историей приводила мыслителей к выявлению фундаментальных вопросов природы, специфики, причин и факторов развития человеческой истории, движущих сил исторического процесса, характера отношения прошлого, настоящего и будущего, построению различных исследовательских программ, описывающих механизмы развития человеческой истории, что и составляет проблемное поле философии истории в ее онтологическом измерении.

Контрольные вопросы

1. Каковы основные понятия и проблемное поле философии истории?
2. Что означает понятие «историософия»?
3. Раскройте специфику и дайте основные характеристики человеческой истории и общества с точки зрения современных философских и научных подходов.
4. Охарактеризуйте исследовательские программы, разработанные в социально-историческом знании при исследовании закономерностей человеческого общества и его истории.
5. Назовите известные Вам подходы, сложившиеся в ходе осмысления направленности и прогресса человеческой истории.

1.2. ИМПЕРАТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Ключевые слова

Узловые моменты истории, цивилизация, типы цивилизационного развития, традиционная (восточная) цивилизация, западная (техногенная) цивилизация, модели развития современного Востока (японская, индийская, африканская), информационное общество, славянские духовные ценности, глобализация, императивы современности.

Вопросы для обсуждения

1. Узловые моменты истории цивилизационного развития.
2. Основные типы цивилизационного развития.
3. Основные модели развития современного Востока.
4. Тенденции и противоречия развития современной западной цивилизации.
5. Статус и приоритеты славянских духовных ценностей в современном мире.
6. Глобализация и «встреча цивилизаций».

Современный этап развития мировой истории аккумулирует в себе весь исторический опыт, накопленный человечеством, разнообразные пути и формы его общественного развития и позволяет сквозь призму «истории человечества в целом» понять место, направленность и смысл исторических событий, специфику и роль отдельных цивилизаций в мировом историческом процессе, его целостность и взаимозависимость. Поистине, «большое видится на расстоянии», — так и человеческая история как целое не может быть понята вне познания частей, т. е. отдельных ее фрагментов, признания уникальности каждой культуры и цивилизации, а также постоянного

сопоставления исторической целостности с узловыми моментами развития человеческой цивилизации. Вместе с тем «взгляд на человеческую историю ведет нас к тайне нашего человеческого бытия», ибо, «к чему я принадлежу, во имя чего я живу, все это я узнаю в зеркале истории» (К. Ясперс).

Рассматривая реальность всемирной истории как особую стадию развития человеческого духа и как результат взаимодействия различных культур, К. Ясперс подчеркивал, что подлинная связь между народами духовная, а не родовая, не природная. Именно духовное единство человечества и обуславливает реальность мировой истории.

Узловые моменты истории цивилизационного развития

Обозревая историю цивилизационного развития человечества, исследователи выделяют такие ее четыре узловых момента:

1. «Доисторический период», когда происходило становление человека, выражающееся в использовании огня, орудий труда, появлении речи, образовании групп и сообществ, организации жизни посредством мифов.

2. «Великие исторические культуры древности» (локальные культуры), появление которых в трех областях мира означало *начало человеческой истории*:

а) шумеро-вавилонская и египетская культуры, а также эгейский мир (с IV тысячелетия до н. э.);

б) доарийская культура долины Инда (с IV тысячелетия до н.э.);

в) архаический мир Китая (со II тысячелетия до н.э.).

3. «Осевая эпоха» (с 800 по 200 г. до н. э.) — *начало всемирной эпохи*, когда независимо друг от друга и в разных местах — в Индии, Китае, Персии, Палестине, Древней Греции — возникают духовные движения, сформировавшие тип современного человека. Это время рождения мировых религий и философии; проявления духовной рефлексии и пробуждения духа; начала общей истории человечества, распадавшейся ранее на локальные культуры.

4. «Эпоха техники» (*переход к единой мировой истории*), проявившись в XVII в., всеохватывающий характер приобрела в XVIII в., а чрезмерно быстрое развитие получила в XX столетии. Это — эпоха наступления духовного единства человечества, перехода к единой мировой истории. Осознание единства мировой истории произошло благодаря европейским географическим открытиям, достижениям науки и техники.

Таким образом, с точки зрения сторонников всемирно-исторического подхода подчеркивается, что только на определенном этапе взаимодействия локальных цивилизаций возникает феномен всемирной истории и начинается весьма сложный и противоречивый процесс становления единой глобальной цивилизации. Тем самым подчеркивается, что современное общество — это целостный и взаимосвязанный мир, постоянно сталкивающийся с необходимостью культурного плюрализма при решении глобальных проблем современности.

Основные типы цивилизационного развития и их специфика

Отталкиваясь от понимания цивилизации как устойчивого культурно-исторического сообщества людей, которому присущи общность культурных и духовно-нравственных (в том числе и религиозных) ценностей и традиций, специфический образ жизни и тип личности, наличие, как правило, общих этнических признаков и определенных географических рамок, сходных материальных и социально-политических условий, — на современном этапе можно выделить следующие типы цивилизаций: западную, восточно-европейскую, мусульманскую, индийскую, китайскую, японскую, африканскую, латиноамериканскую. Цивилизации включают в себя два уровня: региональный и локальный (национальный). Так, на региональном уровне в состав западной цивилизации включаются североамериканская, французская, германская и другие локальные цивилизации. Будучи уникальной, обладая специфическими духовно-нравственными ценностями, создавая особую психологическую ауру и формируя типичные, неповторимые личности с только им присущими качествами, локальные цивилизации как бы в «снятом» виде позволяют зафиксировать на региональном уровне некоторые типичные, присущие этой цивилизации как материальные, так и духовные проявления, схожие в главном. Очевидно, это и дало основание при характеристике всемирной истории обращаться к проблеме «Восток—Запад», ибо мировая цивилизация развивается в постоянном противоречивом взаимодействии этих двух «полумиров», представляющих собой различные типы цивилизационного развития.

С Востоком связывается развитие традиционных обществ, отсюда название термина «восточная (традиционная) цивилизация», с Западом — развитие техногенной цивилизации, что в терми-

нологическом выражении передается часто как «западная (европейская) цивилизация» (В. С. Степин). Одним из критериев различения этих типов цивилизаций исследователи называют и то, что каждый тип на определенном этапе истории человеческой цивилизации выступал центром концентрации человеческой истории, будучи ее лидером, т.е. обнаруживается маятниковый характер взаимодействия «Восток–Запад». Начинается история на Востоке, где складываются древнейшие очаги мировой цивилизации.

С возникновением античной Греции, где были созданы принципиально отличные от восточных обществ и почти неизвестные или, по крайней мере, слабо развитые в остальном мире, частнособственнические отношения в сочетании с господством частного товарного производства и рынка, эксплуатацией частных рабов при отсутствии сильной централизованной власти и при самоуправлении общиной полиса (города-государства), в цивилизованном мире возникли две различные социальные структуры — восточная (традиционная) и западная (европейская). В последующие эпохи геополитическое понятие Запад постепенно перемещалось в Европу. В лице же христианства Восток в III–V вв. покорил Западную Европу, в VII в. началось активное арабское вторжение на Запад и последовавший за ним процесс исламизации. На смену арабским завоеваниям (VII–XVII вв.) пришли колониальные захваты, знаменующие новый этап вестернизации мировой цивилизации. На пути ее техногенного развития, который начался в эпоху Возрождения и продолжился с развитием капитализма, Восток, давший в свое время импульс западной цивилизации, уступил лавры лидерства Западу.

«Традиционное» общество (или Восток) во все времена не представляло собой единого и однообразного явления: в нем всегда были типичные, общие черты, отличающие его от Запада. К таким основополагающим, с точки зрения мировой истории, характеристикам Востока относятся: неразделенность собственности и административной власти, подчинение общества государству, отсутствие гарантий частной собственности и прав граждан, полное поглощение личности коллективом, экономическое и политическое господство, а зачастую — деспотическое государство.

Основные модели развития современного Востока

Многие из этих системообразующих признаков традиционных обществ, определяющих на протяжении тысячелетий дихотомию «Восток–Запад», в современных условиях отходят на второй план, а порою и «размываются», теряя свое классическое содержание. В таком направлении (первая модель) развиваются по западно-капиталистическому пути страны Дальнего Востока, добившиеся наиболее заметных успехов в развитии. Для них характерно полное господство свободного конкурентоспособного рынка, обеспечение государством эффективного функционирования хозяйства страны, гармоничное использование традиций и новаций, т. е. синтез трансформированных традиционных структур, норм поведения (например, представления о дисциплине труда у японцев, восходящие к нормам конфуцианства) и элементов западноевропейского образца (включая институты демократии, правовые и другие стандарты). К такой «успешной» модели развития стран Востока, которую Л. С. Васильев называет японской, относятся Япония, Южная Корея, Тайвань.

Ко второй модели развития – индийской – относится группа стран современного Востока, которые успешно развиваются по западноевропейскому пути, глубоко не перестраивая при этом свою традиционную внутреннюю структуру. Здесь наблюдается симбиоз важнейших элементов западного образца – многопартийная система, демократические процедуры, европейский тип судопроизводства – и привычных для подавляющего большинства населения страны традиционных устоев и норм жизни, перешагнуть через барьер которых не представляется возможным. Страны – Индия, Таиланд, Турция, Пакистан, Египет, группа арабских нефтедобывающих монархий и др., – находящиеся на этой стадии развития, в принципе пребывают в положении определенного равновесия, устойчивой стабильности; их экономика в состоянии обеспечить существование страны и народа. Существенна политическая стабильность для большинства стран этой модели, а ряд стран имеют тенденцию к перерастанию симбиоза в синтез (Турция, Таиланд).

Страны, принадлежащие к третьей модели развития – *африканской*, численно преобладают, и отличаются не столько развитием, и тем более стабильностью, сколько отставанием и кризисом. Сюда относится большинство африканских стран, некоторые страны исламского мира (Афганистан, Бангладеш), а также

такие беднейшие страны Азии, как Лаос, Камбоджа, Бирма и т.д. Несмотря на то, что в подавляющем большинстве этих стран в экономике весомую позицию занимают западные структуры, все же отсталая, порою полупервобытная, периферия здесь более значима. Скудость природных ресурсов, низкий исходный уровень развития, отсутствие или слабость духовно-религиозного и цивилизационного фундамента обуславливают здесь ситуацию некомпенсируемого существования, неспособную к самообеспечению, с низким уровнем жизни. Проблема кризиса развития и даже просто выживания населения большинства стран африканской модели остается пока еще весьма острой.

Такие страны, как Китай, Вьетнам, решительно приступившие к трансформации общества, а также такие, как КНДР, где все еще впереди, не вписываются в рассмотренные выше три модели. Формально ориентируясь на строительство социализма, Китай все же, как показывает его динамика, не будет слишком строго в будущем придерживаться принципа централизованного контроля над рынком и частной собственностью. Можно допустить, что Китай сумеет достичь успехов, сравнимых с теми странами, что входят в первую, японскую, модель.

Таким образом, традиционные общества под мощным воздействием западной (техногенной) цивилизации, начавшей свое бурное восхождение со становлением в Европе капиталистических отношений в XV–XVII вв., претерпели существенную модернизацию. Одни из них были практически поглощены техногенной цивилизацией, превратившись в типичные техногенные общества; другие, испытав на себе воздействие западной культуры и технологии, тем не менее смогли сохранить традиционные черты, превратившись в своего рода «симбиозные», гибридные общества; третьи, тяготея к традиции в ее наиболее отсталой, чаще всего полупервобытной, модификации, находясь в состоянии стагнации, без чужой помощи не в состоянии себя прокормить.

Тенденции и противоречия развития современной западной цивилизации

Западная цивилизация, истоки которой ведут в Древнюю Грецию, где в отличие от восточной цивилизации впервые возникли частнособственнические отношения, полисная культура, подарившая человечеству демократические структуры устройства государства и классические формы рабства, к XV–XVII вв. бурно раз-

инициась вместе с формированием мировой капиталистической системы. На грани XV–XVI вв. началась эпоха Великих географических открытий: 1492 г. – открытие Х. Колумбом Америки; 1497–1498 гг. – открытие В. да Гамой морского пути в Индию; 1519–1521 гг. – Ф. Магелланом было совершено первое кругосветное путешествие. В целом к концу XIX в. весь неевропейский мир был разделен между империалистическими державами.

Итак, все общества мира были втянуты в центральное историческое пространство, которое тем самым превратилось во всемирное историческое пространство.

Историческая эволюция общества включает в себя три стадии: преиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную. Индустриальное общество возникает как общество капиталистическое, и отсюда начинается тесное взаимодействие западной, техногенной, цивилизации и традиционных обществ.

Быстро развивающаяся, динамичная и агрессивная техногенная цивилизация с ее устремленностью ко всему новому, нетрадиционному, с ярко выраженным индивидуализмом свободной личности, с деятельностным преобразовательным вектором по отношению к природному и социальному миру оказала мощнейшее влияние на все мировые очаги цивилизации, в том числе и на те исторические арены, где продолжало сохраняться первобытное и предклассовое общество.

Для индустриального общества характерен высокий уровень промышленного производства, ориентированного на массовое производство товаров потребления длительного пользования (телевизоров, автомобилей); влияние НТР, обеспечившей дальнейшую последовательность нововведений в производстве и управлении; радикальное изменение всей общественной структуры, начиная с форм поведения человека (и социального общения) и кончая рационализацией мышления в целом.

В 60–70-х гг. XX в. западная цивилизация в результате структурной перестройки экономики, выдвинувшей на лидирующие позиции новые, гибкие, наукоемкие отрасли взамен тяжелой промышленности, переходит в постиндустриальную стадию. Этот период связан с созданием разветвленной экономики услуг, доминированием слоя научно-технических специалистов, центральной роли теоретического знания в развитии экономики и политических решений, бурным развитием «индустрии знаний», компьютеризацией и появлением широких информационных систем. Не случайно современное общество называется информационным.

Сторонники концепции информационного общества (Д. Белл, А. Тоффлер) рассматривают в качестве доминирующего «четвертичный», информационный сектор экономики, следующий за сельским хозяйством, промышленностью и экономикой услуг, и считают, что информация и знание, а не капитал и труд являются основой постиндустриального общества. «Компьютерная революция» постепенно приведет к замене традиционной печати — «электронными книгами», громоздких корпораций — «малыми» экономическими формами, «электронными коттеджами» для индивидуальной деятельности на дому, превращая безработицу в «обеспеченный досуг».

Но в настоящее время в западном обществе растет и озабоченность по поводу неконтролируемого, расширяющегося влияния техники и технологии на образ жизни и его возможные негативные последствия для будущего. Появляются пессимистические оценки возможностей научно-технического решения проблем техногенного общества.

Как реакция на бурный рост техносферы и применение новой информационной технологии появляется боязнь утраты гуманистических идеалов и нравственных нормативов в современном обществе, страх перед подавлением человеческой индивидуальности грядущей машинной цивилизацией, опасение, что человек в конце концов превратится в придаток машины.

Развенчиванию технократического мифа о беспредельном экономическом росте и информационном знании как средстве решения всех проблем содействовала концепция пределов роста (Дж. Форрестер, Д. Мидоуз), выдвинутая в начале 70-х гг. Согласно этой концепции, конечность размеров нашей планеты и ограниченность ее природных ресурсов предполагает существование предела экспоненциального роста народонаселения и промышленного производства. При сохранении существующих тенденций к росту истощение природных ресурсов и загрязнение окружающей среды достигнут критических пределов, чреватых катастрофой уже в начале XXI в.

В настоящее время настойчиво ищут способы преодоления негативных тенденций западной цивилизации, осуществляется поиск путей гуманизации мира и человека, предпринимаются многочисленные попытки объединения усилий общественности в предотвращении термоядерной войны, прекращении национальных распри, сохранении окружающей среды, преодолении отчуждения человеческой личности, ее сохранении.

Статус и приоритеты славянских духовных ценностей в современном мире

Может ли славянская цивилизация в этом процессе поиска обновленных ценностей предложить свое видение императивов современной социальной динамики в контексте глобализации мировой истории?

Восточные славяне, находясь на стыке культур, на перекрестках мировых цивилизаций, подобно другим «контактным» государствам и обществам, занимавшим такое же положение (Древний Рим, Византия, Эллинский Восток и т.д.), исторически находились в состоянии «дрейфующего общества», постоянного «раскачивания» между двумя полюсами — Востоком и Западом — и несли болезненное, порою трагическое бремя его маятникового движения. А. Чаадаев, признавая своеобразие цивилизационного развития России, видел его в том, что «мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежали ни к одному из известных семейств человеческого рода, — ни к Западу, ни к Востоку, — и не имеем традиций ни того, ни другого». А. Тойнби рассматривал российскую цивилизацию в качестве «дочерней» зоны православной Византии. Н. Данилевский считал «славянский тип» цивилизации наиболее перспективным, противостоящим западной культуре.

Возможно, именно славянский мир на современном этапе цивилизационного развития с его тенденцией к единству мирового процесса, признанием культурного плюрализма и необходимостью отказа от всякой иерархии культур, а значит, и отрицанием евроцентризма, сможет сыграть ведущую роль творческого посредника между Востоком и Западом. Тем самым он послужит их интеграции, пониманию, а не противостоянию и желанию подчинить друг друга. Находясь же на перекрестке цивилизаций и в силу своего геополитического статуса став местом столкновения Востока и Запада уже *внутри славянства*, Беларусь в этом процессе мирового единения может сыграть заметную роль.

Исторический опыт показывает, что государства, достигавшие высоких вершин экономического, политического и культурного развития на определенных исторических этапах, всегда обращались к объединяющим мировоззренческим идеям, выражавшим в концентрированном виде цели, к которым стремится общество. Такого рода идеи впитывают в себя духовные ценности, значимые и понятные каждому человеку, вследствие чего они способны выступить в качестве мировоззренческого мобилизующего начала.

Так, в свое время немецкая философия, разрабатывая категории абсолютного духа, единства мирового разума, рационального начала в развитии общества и др., выработала систему общенациональных ценностей, которые были реализованы политической практикой создания сильного германского государства из мелких княжеств. Становлению государственности в США также способствовало провозглашение идеологии «американская мечта», дополненной в период великой депрессии рузвельтовским «новым курсом», а позже идеей «нового общества» вместе с системой долгосрочных программ борьбы с бедностью, расизмом, неграмотностью. Фундаментальная идея «мирового порядка», которая со стороны других государств воспринимается как «мировое государство», характерна для современного американского общества.

Наиболее привлекательными идеями нашего постсоветского существования стали идеи демократического государства с гарантированными нормами прав и свобод, разделением властей, установлением рыночных отношений в экономике, повышением роли политической активности граждан, устранением распределительных отношений, формированием подлинно гражданского патриотизма. В сознании современного белорусского гражданина создается образ своего отечества как цивилизационного, суверенного молодого государства с древними традициями, способного выполнить уникальную историческую миссию инициатора интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Следует признать, что такие ценности государства социалистического типа, как монополизм государственной формы собственности, однопартийность, некоторые коммунистические идеологии, утратили свою значимость, оставаясь господствующими лишь среди определенных слоев общества. В этих условиях, несомненно, обостряется историческая память людей, актуализируется проблема обоснования обновленной системы ценностей, происходит «переоткрытие времени», возникает особый интерес к духовным традициям прошлого, к глубинным истокам своей собственной истории, ибо, «если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки». Какую же роль в этом процессе поиска системы ценностей могут сыграть *славянские традиции духовной культуры*, сформированные в глубине веков богатой и порою трагической истории? Будут ли они востребованы мировой цивилизацией в условиях ее глобализации?

Духовные традиции любого народа имеют чрезвычайно важное значение, обнажая истоки, корни соответствующей цивилизации, ее наследие. В истории же цивилизации, как и в человеческой

жизни, детство, как отмечает Ле Гофф⁷, имеет решающее значение. Оно во многом, если не во всем, «предопределяет будущее». Акцентируя внимание на проблеме преемственности духовных традиций, исследователь американской цивилизации М. Лернер также подчеркивал: «Те вопросы, которые я задаю американцам, можно бы задавать представителям любой великой нации. Каковы ваши традиции? Как уживаетесь с глубинными извечными проблемами? Как вы работаете, веселитесь, воплощаете свой творческий дух? Каковы связующие и организующие принципы, удерживающие вашу цивилизацию от распада? Каким богам вы поклоняетесь, какие верования вас держат в узле или дают вам силу? Какие мечты, какие мифы вас вдохновляют и какие страхи лишают вас сил? Что дает вам мужество для борьбы? Какие неурядицы грозят вам разладом и какие чувства общности спаивают вас воедино?»⁸.

Духовные традиции, аккумулируя опыт прошлого, являются культурогенетическим кодом народа, запечатлевая его «черты вечности», существуя вопреки переменчивому времени и всему исторически преходящему.

В иерархии духовных традиций и ценностей славянства можно выделить *общеславянские ценности; ценности восточного славянства* (наряду с другими типами регионального славянства — западного и южного); *духовные ценности национального славянства* (русские, белорусы, украинцы и т.д.).

Проблеме *общеславянских духовных ценностей* уделял внимание В. Соловьев, пытаясь проникнуть в дух народа, выразить глубинные антиномии и напряжения славянского этноса. В славянской духовности, в отличие от западного образа мышления с его аналитической, холодной рациональностью, он видел сплав язычества (мифологизм), христианства (мудрость) и европейского мышления (рационализм)⁹. С точки зрения Н.Данилевского, менталитет славян в большей степени соотнесен с христианским идеалом. Славянству, по его мнению, свойствен дух свободы, хотя это стремление к свободе обусловлено умением и привычкой славянских народов повиноваться, наличием у них уважения и доверия к власти и, в основном, отсутствием властолюбия¹⁰.

Сравнивая общеславянские духовные ценности с менталитетом западного человека, исследователи называют такие традиционные качества славян, как святость и добродетель, коллективизм и соборность, вера в идеал, служение обществу, в противоположность таким ценностям, как агрессивность, уверенность в себе, умение владеть собой, прагматизм, что характерно для западного

общества. При исследовании различных черт общеславянских духовных ценностей часто в литературе подчеркивается некоторая их сопоставимость с западноевропейскими и американскими типами ментальности. Это позволяет выделить такие альтернативы, как христианская мудрость и рационализм, свобода и рабство, добродетель и агрессивность и т. п.

Не раз отмечалось, что формированию некоторых духовных ценностей общеславянства способствовала соответствующая природная среда, географическое положение, маятниковое положение между Востоком и Западом. В очерке «О власти пространства над русской душой» Н. Бердяев отмечал это обстоятельство применительно к России, поскольку главные звенья становления духовного мира восточного славянства были заложены здесь. «Географическое положение России, — писал он, — было таково, что русский народ принужден был к образованию огромного государства, размеры которого ставили народу почти невыполнимые задачи. Вся деятельность уходила на служение государству. Это наложило безрадостную печать на жизнь русского человека. Душа русского ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безграничность не освобождает, а, наоборот, порабощает ее». Из географической необъятности России Бердяев делает вывод о национальном характере русского человека, таких его чертах, как смирение, самосохранение, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности. Антиномичность русской души заставляет стремиться ее к безграничной свободе духа, скитанию и искалеченности, быть мятежной и жуткой в своей стихийности, в своем народном дионисизме, не желающем знать формы.

Несомненно, российский менталитет закладывал важные звенья духовного мира *восточного славянства*, представленного русскими, украинцами и белорусами, хотя и нельзя все духовные ценности белорусов и украинцев сводить к российским. В эволюции духовных ценностей восточного славянства решающую роль сыграли такие исторические вехи, как формирование Киевской Руси, Московского княжества и Великого княжества Литовского, единого Российского и советского государства (имея в виду некоторое отклонение существования западных белорусов в составе Польши), а также современная суверенность трех восточнославянских народов.

Формирование *духовных ценностей восточного славянства* связано с влиянием православно-византийского духовного наследия. «Между гражданами Византийской империи, — писал К. Леонтьев, — были люди, которыми могли бы гордиться все эпохи, всякое общество»¹¹. Обладая глубокими знаниями, богатой культурой,

высокими идеалами, такие люди трансплантировали византизм на почву восточного славянства. Благодаря салунским братьям Кириллу и Мефодию была передана не только вся сумма знаний, накопленная Византией и полученная ею в наследство от античной цивилизации, но и произошла передача ее исторического опыта, юридических и этнических норм, духовных ценностей. Образ жизни восточной ветви славянства, пережившего ордынскую подневольность, тяжкий путь освобождения от нее, жесткий режим московских правителей, на фоне общеславянства все же отличался. Неустрашимость подобного наследия формировала такие черты ментальности восточного славянства, как стойкость к жизненным испытаниям и невзгодам, твердость душевной организации, готовность нести свой тяжкий крест перед лицом судьбы, особая преданность в сохранении христианских заветов. Наиболее показательным примером такого характера является Сергей Радонежский.

Наряду с общеславянскими духовными ценностями, ценностями восточного славянства в этой иерархии особую роль играют *ценности национального славянства* — русских, белорусов, украинцев, поляков, германцев и т.д. О ментальности русских, как самой значительной части восточного, да и всего славянства мы уже частично говорили. Здесь важно иметь в виду, что генезис русской этнокультурной общности объединил в себе такие компоненты, как исходный славянский, византийско-православный и ордынский (татаро-монгольский), что создавало особый характер русского человека.

Противоречивость русской души, ее амбивалентность во многом объясняются антиномиями исторического пути Руси, которые ей пришлось испытать, ее промежуточным, неустойчивым положением между двумя цивилизациями. Трудолюбие и лень, деспотизм и доброта, бунт и смирение, коллективизм и персонализм, мужское и женское, христианство и язычество, аскетически-монашеское и безбожное, трудолюбие и праздность и т.д. — таковы противоположные начала русского характера. Комплекс раболепия (сервилизма), транслированный от Востока, причудливо сочетался здесь с бунтарским духом, вечным стремлением к свободе.

Духовные ценности белорусов, несомненно, формировались в контексте восточнославянского менталитета. При этом традиционно испытывались трудности существования между Востоком и Западом и осуществлялся поиск собственного пути развития. Белорусская ментальность впитала в себя и униатскую склонность к компромиссам, и героику католицизма, и строгую воздержанность

вместе с индивидуализмом протестантизма. Многие исследователи отмечают, что белорусы миролюбивы, для них нехарактерно чувство национального превосходства над другими национальностями. Говоря о толерантности белорусской нации, обычно выделяют такие черты, как рассудительность и поиск справедливости без насилия, стремление к разумному компромиссу, терпимость, чуткость, уважение людей с иным мировосприятием и стилем мышления.

Отмечается неоднородность белорусской ментальности в зависимости от местонахождения: так, для Гродненщины и других районов Западной Беларуси, развивающихся под влиянием католической Польши, Литвы и протестантской этики Западной Европы, характерна индивидуализация жизни; в Полесье же преобладает культ сельской общины, в белорусском Поозерье, граничащем с Россией, проявляется православная соборность.

В последнее время все чаще слышен призыв к *единению славян*, который зародился в глубине веков. Объединительная программа всех славян, т.е. восточных, южных и западных (европейских), католиков, православных и др., именуется *панславизмом*. Еще во времена Московской Руси, в царствование Алексея Михайловича, появились идеи и попытки такого объединения. Панславянские идеи поддерживал известный русский дипломат XVII в. Афанасий Ордын-Нащекин, подчеркивая необходимость более тесного союза с Польшей, призывая к объединению двух мощных государств и двух конфессий — католиков и православных. Позже, рассматривая различия исторических путей других славянских народов (болгар, сербов, чехов и др.), К. Леонтьев дополнил понятие «славизм» понятием «славянства», под которым понимал племенную совокупность славян. Сравнивая же исторический процесс в России и на Западе, он, как и Н. Данилевский, был убежден, что славянской России необходимы внутренняя сила, крепость организации и дисциплины, чтобы защитить свою независимость от европейского натиска. Дистанцируясь от Запада (испытывая «тяготение на почтительном расстоянии»), Россия в то же время должна в себя вобрать и некоторые западные тенденции («национальную гармонию», «дух охранения в высших слоях общества»).

О необходимости единения славян говорили и представители меньших славянских народов. Сторонниками единения славянства были, например, примыкавшие к протестантизму мыслители Великого княжества Литовского С. Будный, Л. Зизаний, М. Смотрицкий, католики из этого же княжества Я. Вислицкий, Н. Гусовский, Я. Длугаш и др.

Ближе к нашему времени начинает укрепляться более целостное, не ограниченное конфессиональными рамками представление о путях единения славян. Влиятельными центрами утверждения единства славянства были в разные времена такие города, как Охрид, Тырново, Киев, Новогрудок, Белград, Минск. Но наибольшего влияния достигла Прага, которую называли «Славянскими Афинами». В ней и состоялся в 1848 г. 1-й Славянский конгресс, сформировалась сильная школа ученых-славистов. Здесь, в Праге, проводились такие ответственные форумы, как Всеславянский съезд прогрессивных студентов (1908), I Международный съезд славистов (1929) и в 1998 г. Всеславянский съезд.

На рубеже XX в. одновременно с интеграцией западноевропейских стран происходит процесс дезинтеграции славянского мира, сопровождающейся разрушением СССР, расчленением СФРЮ, Чехословакии. Славянские духовные ценности, как проявление особой человеческой цивилизации и ментальности, исторически уникальны и во многом самодостаточны. В наши дни разъединения славян и славянской трагедии на Балканах особенно актуально звучит призыв Н. Данилевского к мужеству, единодушию, твердой вере в величие славянских народов.

Ни для кого не является секретом, что процесс формирования единой глобальной космополитической цивилизации, о которой мечтал еще И. Кант, считая, что она будет представлять государство народов, устроенное по принципу всемирной федерации, в современных синергетических версиях модернизации видится как обустройство всего человечества по западной модели. В свете теории модернизации ведущее место в динамике человечества к универалистским ценностям отводится Западу, как локомотиву цивилизационного поворота, остальные же элементы синергетической планетной системы, в том числе и славянский мир, должны рационализировать свои традиционные ценности и жизнеустройство по западным стандартам, поворачивая свои вагоны-цивилизации вслед за локомотивом прогресса. Резкая поляризация между индустриальным ядром и периферией, автоматическое превращение отставших в резервуар для сбыта товаров и услуг, производимых в техногенном ядре, вызывают тревогу не у представителей западной модели глобальной модернизации человечества, а лишь у тех лидеров, которые осознают последствия ориентации на западные ценности. В докладе о развитии человека говорится о том, что мир становится более поляризованным и пропасть между богатыми и бедными становится все шире. Из 23 триллионов долларов США мирового ВВП в 1993 г.

18 триллионов долларов США приходится на промышленно развитые страны и только 5 триллионов долларов США — на развивающиеся, хотя там проживает почти 80 % населения мира. Перенос ценностей, по которым развивался западный социум (индивидуализм, конкуренция, право на выживание сильного, культ накопления), в традиционные общества дает печальные результаты.

Восточно-православному миру западными идеологами отводится важное место в стратегии противодействия самобытным цивилизациям. Свое отношение к иным типам цивилизации профессор американского университета Джона Гопкинса З. Бжезинский четко определил одним понятием — гегемония. «Гегемония стара, как мир, — пишет он, — однако современная гегемония Америки отличается стремительностью своего утверждения, своим глобальным характером, а также средствами своей реализации. В течение одного столетия Америка трансформировалась — не без динамики международного развития — из страны, изолированной в западном полушарии, в державу, беспрецедентную по своему влиянию и масштабам»¹². Если такие политики, как Г. Трумэн, Дж. Буш, Р. Рейган, гегемонию США выводили из ее военного и экономического могущества («России следует показать железный кулак», — заявлял в самом начале холодной войны против СССР Г. Трумэн), то З. Бжезинский дополняет этот перечень таким компонентом, как культурная гегемония, выделяя при этом ее привлекательность среди молодежи. Развивая, по сути дела, известную концепцию С. Хантингтона¹³ о столкновении цивилизаций, он учит, что в возможном конфликте двух основных цивилизаций XXI в. — западной (атлантической) и конфуцианско-буддистской — восточно-православный регион необходимо использовать как противовес усилению исламского фактора и для недопущения «конфуцианско-мусульманской» связи.

Вместе с тем З. Бжезинский видит и трудности формирования из восточно-православной цивилизации противовеса конфуцианству и исламскому миру в том случае, если восточное славянство, восстановив свою мощь, может оторваться от Запада и установить тесные связи со странами, способными играть роль цивилизационных или региональных центров: Турцией, Ираном, Китаем. По мнению западных стратегов, это может содействовать России в формировании оппозиции американской гегемонии не только в Евразии, но и в мире, учитывая фундаментальный потенциал восточного славянства в географической, политической, интеллектуальной и военной сферах. Восстановление «импер-

ской мощи» восточного славянства не вписывается в антураж стратегии атлантизма, для чего и прорабатывается тактика расчленения восточного славянства на самостоятельные анклавные, а союз России и Беларуси с этих позиций рассматривается, по крайней мере, как нежелательный эксперимент.

Как ответит на этот вызов времени восточнославянский мир, как сохранить и умножить славянские духовные ценности и единство славян на рубеже веков, каковы приоритеты дальнейшего развития человечества? Эти вопросы призывают современные славянские народы к их величию, мужеству и твердой вере в свою историческую миссию единения различных народов, национальностей, конфессий, культур в контексте глобализации мировой истории.

Глобализация и «встреча цивилизаций»

Само же понятие глобализации представляет собой философско-культурологическую интегративную концепцию, отражающую тенденции развития мировой истории на современном этапе. В рамках данной концепции утверждается, что современное общество — это целостный и взаимосвязанный мир, постоянно сталкивающийся с необходимостью культурного плюрализма при решении глобальных проблем современности (установление международного порядка на принципах равноправия и взаимовыгодного сотрудничества; развитие экономической интеграции; проблема предотвращения мировой ракетно-ядерной войны; экологические проблемы во всех проявлениях; демографические, энергетические, продовольственные проблемы; проблема использования космоса; субглобальные проблемы социокультурного, гуманитарного ряда, связанные с ликвидацией эксплуатации, нищеты и других форм социального неравенства). Становится ясно, что при всей уникальности и неустрашимости различий между отдельными цивилизациями — западной, исламской, индийской, африканской, китайской и других, при всем их культурном, этническом, социальном плюрализме тезис о единстве мировой цивилизации уже не кажется ложной концепцией, а рассмотрение современного мира сквозь призму европоцентристского рационального западного видения не отвечает духу времени и глобальному, планетарному, мировосприятию. Вне диалога отдельных культур, «встречи цивилизаций», вне коммуникационно-понимающей трактовки цивилизаций, вне устойчивого и определяющего

взаимодействия и равноправия современный мир представить уже невозможно. Глобальное взаимодействие культур, не оставляющее иллюзий о сохранении «чистых» цивилизационных образований в их первоначальном этническом и социокультурном изоляционизме приводит к становлению в XXI в. глобальной культуры, единой планетарной цивилизации с новой шкалой общечеловеческих ценностей. Предвестником современной глобальной культуры с коллективным общепланетарным Разумом, Памятью, Духовным миром, с общечеловеческими ценностями является современное кризисное состояние общества, выход из которого возможен только через адекватное рискованное поведение субъектов власти в политике, экономике, культуре, через обновление общечеловеческих ценностей, идеалов Добра, Совести, Справедливости, Добродетели, Долга, Чести, Достоинства, Милосердия, Красоты, Истины, Толерантности, Согласия, Взаимоуважения и Взаимопонимания в третьем тысячелетии.

Контрольные вопросы

- 1. Интерпретируйте узловые моменты, которые выделяет К. Ясперс в истории цивилизационного развития.*
- 2. Назовите современные темы цивилизационного развития и определите их специфику.*
- 3. Дайте характеристику известных Вам основных моделей развития современного Востока.*
- 4. Какие тенденции и противоречия характерны для современной техногенной (западной) цивилизации?*
- 5. Каков статус славянских духовных ценностей в контексте глобализации мировой истории?*
- 6. Каково содержание понятия глобализации и на какие ценности она должна быть ориентирована?*

1.3. ЛИНЕЙНЫЕ И НЕЛИНЕЙНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МИРОВОЙ ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИКИ

Ключевые слова

Линейные и нелинейные интерпретации социальной истории, формационный, цивилизационный и культурологический подходы, цивилизация и культура, геополитика, классические геополитические модели, приоритеты развития современного белорусского общества, рациональный выбор исторического пути развития.

Вопросы для обсуждения

1. *Линейные интерпретации социальной истории.*
2. *Цивилизационно-культурологические (нелинейные) подходы к анализу истории общества.*
3. *Формационный и цивилизационно-культурологический подходы к анализу истории общества.*
4. *О связи и диалоге цивилизаций и культур в современном мире.*
5. *Неклассические цивилизационно-культурологические концепции в современной геополитике.*
6. *Консолидирующие идеи белорусского общества и рациональный выбор исторического пути развития.*

Характер отношения прошлого, настоящего и будущего, проблема периодизации человеческой истории, выявление ее природы, направленности, причин и факторов движения — все эти проблемы составляют сердцевину онтологической, или субстанциональной, модели философии истории. Существуют два подхода к исследованию динамики человеческой истории. Первый из них — *стадиально-поступательный (линейный)* — заключается во взгляде на всемирную историю как на единый процесс поступательного восходящего развития человечества, в соответствии с чем выделяются определенные стадии в его истории. Вторым подходом, который обычно называют *цивилизационным (нелинейным)*, исходит из того, что в человеческой истории выделяется несколько самостоятельных образований (цивилизаций), каждое из которых имеет свою собственную, совершенно самостоятельную историю. Вся история человечества есть бесконечное творение множества одних и тех же процессов.

Линейные интерпретации социальной истории

Рассмотрим истоки и сущность концепции периодизации исторического процесса с точки зрения выделения отдельных его этапов. Греческое слово «история» означает рассказ о прошлом, причем прошлое связывается с настоящим и будущим. В связи с этим возникают вопросы о периодизации исторического процесса, о возможностях познания прошлого, о связи прошлого, настоящего и будущего, его единстве или многообразии и др.

В античной концепции истории она предстает как круговое движение, как геометрический образ вечности, вечного становления и возвращения драматических, и порою трагических, моментов, с идеями мировых пожаров (который, по Гераклиту,

«все рассудит») и эсхатологического понимания истории (эсхатология — учение о конце истории).

Преодоление античной идеи кругооборота осуществляется с приходом христианской концепции, где узловыми пунктами истории выступают первый приход Христа, его казнь, ожидаемое второе его пришествие. Конечный пункт истории, ее смысл достижимы только в случае, если человечество станет Богочеловечеством. В христианской интерпретации человеческая история есть реализация плана Божественного управления миром (идея провиденциализма).

В последующие эпохи — Возрождения и Просвещения — идея Божественного провидения противопоставляется идее естественного закона истории и ее прогрессивного развития. С точки зрения итальянского философа Вико, все народы в историческом развитии проходят одинаковые стадии: первобытного варварства, феодализма, эпохи законов и разума. Для него история — это осознание человечеством собственных деяний. Смена эпох осуществляется в силу общественных переговоров и борьбы. Хотя у истории нет конечного вневременного смысла, она все же развивается прогрессивно, по спирали, проходя отдельные стадии на более высоком уровне. Идею органического закономерного развития человеческого общества и человеческой истории развивал немецкий философ-просветитель Гердер. Для Гегеля история также есть закономерное и прогрессивное развитие, это «прогресс духа в сознании свободы», который развертывается через «дух» отдельных народов, сменяющих друг друга в историческом процессе по мере выполнения своей исторической миссии.

Стадиальный подход в периодизации исторического процесса нашел свое проявление и в вычленении таких основных стадий истории человечества, как дикость, варварство и цивилизация, и в подразделении человеческой истории на охотничье-собирательский (пастушеский), землевладельческий и торгово-промышленный периоды (А. Тюрго, А. Смит и др.). Также выделены в истории человечества пять всемирно-исторических эпох: древневосточная (IV—II тысячелетия до н. э.), античная (VIII в. до н. э. — V в. н. э.), средневековая (VI—XV вв.), новая (конец XV в. — 1917 г.) и новейшая (1917 г. — до наших дней). Более общепринятым в рамках новейшей европейской традиции постренессансного времени стало деление истории на три поступательные стадии исторического процесса — древность, средние века, Новое время.

В марксистской концепции периодизация исторического процесса дается через смену общественно-экономических формаций:

первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической. Именно ее имеют в виду, когда говорят о *формационном подходе к истории*.

В отечественной традиции этот подход долгое время оставался господствующим, хотя уже К. Маркс и Ф. Энгельс замечали некоторые его противоречия. Несмотря на то, что Маркса интересовали проблемы современного ему Востока и он писал статьи по этой теме, все же в его генеральной схеме крупномасштабного деления истории на формации место Востоку не было определено. Не случайно в своих работах Маркс и Энгельс, наряду с рабовладельческим и феодальным способом производства, выделяли так называемый «азиатский» способ производства переходной стадией от первобытнообщинного к классовому обществу. Позже некоторые исследователи «азиатский» способ производства интерпретировали сочетанием полуфеодальной эксплуатации с патриархальным, неразвитым рабством; как способ производства, базирующийся на системе сельских общин и являющийся переходным от первичной формации, основанной на общей собственности, к вторичной формации, основанной на частной собственности; как особую общественно-экономическую, кабальную, сочетающую в себе признаки рабства, феодализма и наемного труда, формацию, присущую древнему Востоку.

Основной недостаток традиционной версии смены общественно-экономических формаций состоял в том, что все внимание здесь концентрировалось только на «вертикальных» связях во времени, диахронных, понимаемых как связи между различными стадиями внутри одних и тех же социально-исторических организмов. Связям же «горизонтальным», т.е. связям между сосуществующими в пространстве социально-историческими организмами, связям синхронным в традиционном варианте теории общественно-экономических формаций, значения не придавалось. Однако недостатки формационного подхода (как, впрочем, и его положительные моменты) могут быть лучше поняты в ходе сравнения формационного и альтернативного ему цивилизационного подхода к мировой истории.

Современную концепцию социальной периодизации истории принято называть концепцией постиндустриального общества (Л. Белл, О. Тоффлер, З. Бжезинский и др.). В истории человечества постиндустриалисты выделяют три стадии: 1) традиционного (аграрного) общества; 2) индустриального (промышленного) общества; 3) постиндустриального (сверхиндустриального, информационного, технотронного и т.п.) общества.

В рамках первого, стадийно-поступательного, подхода к периодизации исторического процесса предпочтение отдается делению истории на стадийно общие для всего человечества этапы. С точки же зрения второго подхода — цивилизационного — на первый план выдвигается несходство эволюции у разных народов и целых регионов.

В отечественной исторической науке долгое время господствовал стадийно-поступательный подход в его марксистском, формационном варианте. В схеме формаций по Марксу в стадийно-поступательный процесс не вписывался Восток, который остался как бы в стороне от этого процесса. Хотя Маркс и проанализировал «азиатский» способ производства наряду с античным, феодальным и буржуазным, все же он оставил в недоумении своих последователей в отношении того, где же место Востока в его формационной модели.

Эти противоречия и неясности были разрешены лишь в XX в. в результате формирования цивилизационного подхода к интерпретации человеческой истории. Предпосылки же к такому подходу, где обращалось внимание на различие в эволюции разных народов и регионов, закладывались гораздо раньше. Их мы можем обнаружить уже у древних греков — идеи о принципиальном различии свободных и свободлюбивых греков и рабов деспотической империи персидских Ахеменидов; идеи о разительном отличии «спящего» Востока от динамично развивающейся Европы, появившиеся в результате колонизации европейцами Востока; проблема «исторических» и «неисторических» народов, нашедшая наиболее четкое выражение у Г. Гегеля.

Обширный материал, накопленный к XX в. археологией, этнографией, сравнительным языкознанием и другими науками, а также кризис иллюзий относительно «линейной» направленности истории и либерального прогрессизма, переживаемый большинством интеллектуалов под влиянием Первой мировой войны, послужили предпосылкой для формирования цивилизационного подхода в понимании истории. Необходимо было раздвинуть горизонты традиционной исторической науки, определить место европейской культуры среди других культур. Сущность цивилизационного подхода заключается в том, что история человечества подразделяется на несколько совершенно самостоятельных образований — локальных цивилизаций, каждая из которых имеет свою собственную самостоятельную историю, отличается неповторимостью исторических явлений, уникальностью культурно-исторических событий.

Плюрализм во взглядах на историю сочетается с идеей кругопорота, утверждающей цикличность развития в разрозненных в пространстве и времени культурных мирах, которые даже при одновременном существовании не сообщаются между собой. Движение истории, ее логика рассматриваются с точки зрения основных фаз исторического существования цивилизации: возникновение, расцвет, упадок («надлом», «размежевание») — аналогично периодизации жизни человека (отрочество, юность, зрелость, увядание).

Цивилизационно-культурологические (нелинейные) подходы к анализу истории общества

Как известно, термин «цивилизация» (от лат. *civilis* — гражданский, государственный) употребляется в нескольких смыслах:

- ступень исторического развития человечества, следующая за варварством (Л. Морган, Ф. Энгельс; А. Тоффлер);
- синоним культуры (А. Тойнби и др.);
- уровень (ступень) развития того или иного региона либо отдельного этноса (античная цивилизация, например);
- определенная стадия в развитии локальных культур, стадия их деградации и упадка (О. Шпенглер «Закат Европы»).

При всех различиях в подходах к цивилизации все же ее наиболее *общепризнанной чертой* является то, что сам переход к цивилизации является узловым моментом формирования культуры. Цивилизация означала переход к собственно социальной организации общества, когда сформировался социум со всеми его отличиями от варварства. Цивилизация означала возникшую в результате прыжка от родоплеменной изолированности всеобщую связь индивидов и первичных общностей, усиливала и усиливает интеграционные процессы в обществе между различными регионами и народами («по горизонтали»). Цивилизация не сводится лишь только к одному, хотя и очень важному, экономическому параметру развития общества, а включает в себя и такие важнейшие моменты, как культурологический, географический, духовный, обуславливая уникальность и неповторимость каждой цивилизации.

Понятие «цивилизация» привлекло внимание исследователей в XVIII в. вместе с понятием «культура». Цивилизационным обществом французские просветители (Вольтер, Тюрго, Кондорсе) называли общество, основанное на началах разума и справедливости. Они отстаивали концепцию истории как прогрессивного развития

человечества, как непрерывного процесса усовершенствования ремесел, наук, искусств, нравов, законов, жизненных условий, просвещения умов. Для них история человеческого общества — это история прогресса человеческого разума. Развитие истории, как утверждали просветители, никогда не пойдет вспять. Линейный, поступательно прогрессивный характер развития мировой истории, с неизбежностью приводящий к гибели капитализма и торжеству коммунизма, явился лейтмотивом и формационного марксистского подхода, рожденного в лоне набирающей темп техногенной цивилизации. В XIX в. понятие «цивилизация» употреблялось для характеристики капиталистического общества в целом. Однако такое представление о цивилизации не было общепризнанным. Уже во 2-й половине XIX в. происходит поворот к поиску новых трактовок мировой истории, всплеск научного интереса к истории цивилизаций (или великих культур), который засвидетельствовал, что назрела насущная необходимость в новом понимании исторического процесса. На основании огромного эмпирического материала, новых данных истории, археологии, истории культуры различные авторы приходили к выводу о том, что линейные концепции развертывания всемирно-исторического процесса в своих попытках выделить всеобщее в структуре истории оставляли в стороне то особенное и единичное, что могло помочь в поисках смысла истории. Кризис, поразивший западное общество в конце XIX в., разрушал саму основу линейных концепций, в основе своей европоцентристских. Начинает формироваться *цивилизационная концепция исторического прогресса*, основной задачей которой является объяснение вариативного характера исторического развития, многообразия и уникальности человеческой истории, разрушение европоцентристских стандартов и приоритетов, постулирование принципиальной возможности иного мироустройства.

Наиболее масштабные теории цивилизационного развития были созданы Н. Я. Данилевским, О. Шпенглером, А. Тойнби, П. А. Сорокиным¹⁴. Одна из первых попыток описания истории человечества с точки зрения развития локальных цивилизаций и замкнутых культур принадлежит русскому естествоиспытателю и философу *Н. Я. Данилевскому*, который еще в 1871 г. в своей книге «Россия и Европа» осуществил критику общепринятой концепции деления всемирной истории на древнюю, среднюю, новую и назвал следующие «*самобытные цивилизации*», или *культурно-исторические типы*: египетский; китайский; ассирийско-вавилонно-финикийский; халдейский; индийский; иранский;

еврейский; греческий; римский; новосемитический, или арабийский; германо-романский, или европейский; американский (мексиканский и перуанский). Каждый из культурно-исторических типов, или самобытных цивилизаций, проходит в своем развитии три периода: этнографический (древний), который начинается с момента отделения племени от родственных с ним племен и обретения способности к самобытной деятельности; политический (государственный), когда народы выходят из чисто этнографической формы бытия, строят свое государство и гарантируют свою политическую независимость; цивилизационный, который, как правило, обеспечивается толчком извне и обеспечивает народам возможность реализации своих духовных идеалов в науке, искусстве, общественном благоустройстве и личном благосостоянии.

Данилевский обосновал теорию общей типологии культур, или цивилизаций, согласно которой не существует всемирной истории, а есть лишь история данных цивилизаций, имеющих индивидуальный, замкнутый характер.

Выделив десять цивилизаций в мировой истории, он сформулировал основные закономерности или законы возникновения, роста и заката, цивилизаций:

1. Любое племя или народ, говорящие на одном языке или принадлежащие к одной языковой группе, представляют собой культурно-исторический тип (или «самобытную цивилизацию»), если они духовно способны к историческому развитию и прошли стадию детства.

2. Для подлинного рождения и развития культуры народ должен достичь политической независимости.

3. Основные принципы цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам других культурно-исторических типов. Каждый тип создает свою собственную цивилизацию, испытывая большее или меньшее влияние чужих (предшествующих и современных) цивилизаций.

4. Цивилизация данного культурно-исторического типа достигает своего полного расцвета, только если ее «этнографический материал» разнообразен.

5. Ход развития культурно-исторических типов напоминает жизнь многолетних растений, период роста которых длится бесконечно, а период цветения и плодоношения короток и истощает их силы раз и навсегда.

Общая схема развития культурно-исторических типов, или цивилизаций Данилевского, имеет циклический характер. Она включает стадию зарождения («этнографический период»); период

«средней истории», в течение которого оформляется культурная и политическая независимость; и кульминационный этап — цивилизационную стадию (т.е. «расцвет»), которая представляет собой полное развитие творческого потенциала и реализацию идей справедливости, свободы, социального и индивидуального благополучия. Исчерпанием творческих сил начинается упадок и дезинтеграция культурно-исторического типа, которая может быть длительной или краткосрочной.

Картина развития великих культур у О. Шпенглера, несмотря на сходство с Данилевским в организмическом понимании (рождение, рост, упадок) цивилизационной динамики, отличается от концепции Данилевского. Работа Шпенглера «Закат Европы» была пропитана кризисными умонастроениями, предвещала грядущую гибель Запада. Исторический процесс Шпенглер и рассматривал под знаком заката Запада — рождение, рост и разрушение отдельных, замкнутых в себе культур. Он выделяет *следующие типы культур*: египетскую, индийскую, вавилонскую, китайскую, «аполлоновскую» (греко-римскую), «фаустовскую» (западноевропейскую) и культуру майя. Каждый культурный «организм» проживает заранее отмеренный определенный (около тысячелетия) срок. Умирая, культура перерождается в цивилизацию, в позднюю, окостенелую «массовую» культуру, где осуществляется переход от творчества к бесплодию, к бездушному «интеллекту», к отрицанию самой жизни. Для западного мира, с точки зрения Шпенглера, этот «закат» начинается в XIX в., греко-римская культура этот переход осуществила в эпоху эллинизма.

Шпенглер не пытается выяснить причины возникновения культур и движущих факторов их развития, поскольку, с его точки зрения, принцип причинности неприменим к истории. Рождение великих культур — это всегда необъяснимая тайна. Культуры — это организмы, каждая культура имеет душу. Пробуждение души есть рождение великой культуры, которой предназначено пройти через рост, упадок и омертвляющее превращение в цивилизацию. Цивилизация, с точки зрения Шпенглера, есть радикальное отрицание культуры, ее «распад», заключительная стадия развития любой культуры. Основные признаки цивилизации: развитие индустрии и техники, деградация искусства и литературы, возникновение огромного скопления людей в больших городах, превращение народов в безликие «массы». Понимание цивилизации как эпохи упадка противопоставляется здесь целостности и органичности культуры.

Острое ощущение реальной возможности гибели всех тех приобретений разума и духа, которые составили богатство современной западной цивилизации и убеждение в многообразии, плюрализации форм социальной организации человечества, самобытности и самоценности, уникальности и неповторимости каждой цивилизации отстаивает английский историк, дипломат и философ А. Тойнби. В своем 12-томном труде «Исследование истории» (1934–1961) он анализирует смысл и закономерности исторического процесса, его факторы и проблемы. Всемирная история, с точки зрения Тойнби, представляет собой лишь *совокупность историй отдельных своеобразных, относительно замкнутых цивилизаций*, каждая из которых проходит в своем развитии стадии возникновения, роста, надлома и разложения. В первоначальном варианте Тойнби выделял 21 относительно замкнутую цивилизацию (затем сократив их число, не считая второстепенных, побочных и недоразвитых): западную, православную христианскую в России и основную, иранскую и арабскую (исламскую), индуистскую, дальневосточную в Корее и Японии и основную, эллинскую, сирийскую, китайскую, минойскую, шумерскую, хеттскую, вавилонскую, андскую, мексиканскую, юкатанскую, цивилизацию майя, египетскую. Не всем цивилизациям суждено пройти путь возникновения, роста, надлома и разложения. Некоторые из них погибают, не успев расцвести, иные останавливаются в развитии и застывают в монотонном прозябании. Жизнеспособность цивилизаций зависит от последовательного освоения жизненной среды и развития духовного начала во всех сферах человеческой деятельности, от способности людей дать одинаковый «ответ» на «вызов» исторической ситуации, в которую входят природные и человеческие факторы. Движущей силой развития цивилизации является, с точки зрения Тойнби, «творческое меньшинство», которое успешно отвечает на различные исторические вызовы, увлекает «инертное большинство». Гибель цивилизации, считает Тойнби, можно отсрочить посредством рациональной политики правящего класса. Спасение переживающей кризис западной цивилизации может прийти от «единения в духе» благодаря объединению существующих мировых религий и приобщению к вселенской религии.

Таким образом, Тойнби в своих конечных выводах стремится реставрировать идею мировой истории вопреки самодовлеющей замкнутости отдельных цивилизаций на основе культурной преемственности и духовного единства мировых религий. В духовном совершенствовании, в религиозной эволюции от примитивных

анимистических верований через мировые религии к единой синкретической (нерасчлененной) религии будущего Тойнби усматривал прогресс человечества.

Цивилизация рассматривается Тойнби как некое состояние общества, в котором существует, хотя и незначительное, меньшинство населения, свободное от задачи не только производить продукты питания, но и быть вовлеченным в какую-либо область экономической деятельности. Именно наличие этого меньшинства дает возможность данному обществу быть цивилизацией, давать ответы на внешние и внутренние «вызовы». В творческое меньшинство (элиту) Тойнби включает профессиональных солдат, администраторов и священников как носителей основных ценностей цивилизации. В качестве классического образца, на котором можно показать динамику становления локальных цивилизаций, Тойнби называет три модели: античную, китайскую, диаспорическую.

Цивилизация на стадии разложения, по Тойнби, не может дать положительный ответ на вызов среды. Стадия надлома характеризуется тремя моментами: недостатком творческой силы у меньшинства, отказом большинства от подражания меньшинству и утратой обществом социального единства. Связующим звеном в истории, обеспечивающим новый творческий импульс цивилизационному развитию, считает Тойнби, является универсальная церковь.

В понимании П. Сорокина (1889–1968гг.) цивилизация (или «культурные суперсистемы») представляет собой тип исторической целостности (системы), характеризующейся единством идей, доминирующих в мировосприятии, т.е. единством представлений о природе и сущности бытия, о потребности субъектов, способах и степени их удовлетворения.

Критерием разграничения типов культуры, ее основой и фундаментом выступает система ценностей (или истин), принятых в культуре. Сорокин выделяет *три типа культур* в соответствии с качественной спецификой системы ценностей, главные из которых — это истина, красота, добро и их единство — польза:

1. Идеациональная культура. Она основана на системе ценностей, связанных с представлениями о сверхчувственности и сверхразумности Бога. Цели и потребности такого типа культур в основном духовные, направленные на приобщение и приближение человека к Богу. Этот тип характеризует культуру брахманской Индии, буддийскую культуру и культуру средневековья.

2. Идеалистическая культурная система охватывает сверхчувственный, сверхрациональный, рациональный, сенсорный аспекты,

образуя собой единство этого бесконечного многообразия. Греко-латинская культура V—IV вв. до н.э., культура XIII—XIV вв. в Западной Европе были преимущественно идеалистическими.

3. Чувственный тип культуры основывается на идее о том, что объективная реальность и ее смысл чувственны, ибо вне чувственной реальности или нет ничего, или есть что-либо такое, чего мы не могли почувствовать. Став доминирующим с XVI в., этот тип определил особенности современной культуры. И хотя в чистом виде эти идеальные модели в истории мировой культуры не встречаются, все же большинство культур может быть объяснено путем отнесения их к одному из типов. Они обнаруживаются в истории египетской, греко-римской, вавилонской, индуистской, китайской и других культур.

Сорокин ставит под сомнение тезис о замкнутости локальных цивилизаций, или культурных суперсистем, и подчеркивает такую важнейшую особенность их функционирования, как взаимосвязи и взаимодействия, в результате чего каждая историческая эпоха, выступая как культурная суперсистема, включает субкультурные типы. Хотя культурный облик эпохи определяется господствующим типом мировосприятия, все же в цивилизации обнаруживается и система ценностей предшествующих периодов развития, а также осуществляется наработка новых духовных ценностей для будущих этапов.

Будущее современной культуры не кажется ему столь трагичным, как у Шпенглера, хотя он и говорит об «острой боли рождения новой культуры», о ее кризисных тенденциях, зависящих от творческих возможностей самого человека. Внутренние свойства любой социокультурной системы с присущим ей предначертанием своей собственной судьбы вместе с воздействием внешней среды предопределяют, с точки зрения Сорокина, наличие определенного поля и потенциально возможных направлений развития системы. Немалую роль в выборе этих направлений Сорокин отводит и фактору случайности («потенциальной изменчивости»).

Анализ концепций Данилевского, Шпенглера, Тойнби и Сорокина показал, что все эти концепции выделяют в многообразии социокультурных феноменов большие *цивилизационные образования* — локальные цивилизации, великие культуры, культурно-исторические типы, культурные системы и суперсистемы, которые не всегда идентичны нациям или государствам, но тем не менее функционируют как реальные единства. Часто разными терминами ими описываются сходные явления цивилизационного развития.

Каждая цивилизация базируется на особых «чертах характера», «символах души», ценностях культуры, которые она выражает, развивает и воплощает в процессе жизненного цикла. Развитие цивилизаций здесь трактуется как цикличное, как исторический круговорот цивилизаций. Общей тенденцией развития цивилизаций является постепенное расширение степеней их свободы, отказ от одномерности, поиск оптимального соотношения цикличности и поступательности в развитии цивилизаций, признание возможности рождения новых цивилизаций посредством влияния случайных факторов (внешней среды, сверхчувственного и сверхрационального гения, роли случая и т.п.).

Опираясь на различные подходы к пониманию цивилизации, имеющие место в предшествующей традиции, а также учитывая современное состояние этой проблемы, можно дать следующее определение этого сложного понятия.

Цивилизация — это устойчивое культурно-историческое сообщество людей, отличающееся общностью духовно-нравственных ценностей и культурных традиций, сходством материально-производственного и социально-политического развития, особенностями образа жизни и типа личности, наличием в большинстве случаев общих этнических признаков и соответствующих географических рамок.

С точки зрения своей истории и по сравнению с формациями цивилизации являются более глубинными и длительными социальными общностями. В современных условиях известны такие основные цивилизации, как западная, восточноевропейская, мусульманская, индийская, китайская, японская, африканская, латиноамериканская.

Цивилизациям присущи два уровня: региональный и национальный (локальный). Например, французская, германская, североамериканская и другие национальные цивилизации образуют западную цивилизацию.

Формационный и цивилизационно-культурологический подходы: сравнительный анализ

Сравнительный анализ формационного и цивилизационно-культурологического подходов к решению задачи крупномасштабного членения исторического процесса позволяет сделать вывод, что эти подходы следует рассматривать не как взаимоисключающие

по принципу «или-или», а с точки зрения принципа дополненности, сопряжения («и-и»), учитывая положительные моменты в каждом из подходов.

Сейчас необходим интеграционный подход, учитывающий поступательно-стадиальный прогрессивный характер развития человеческой истории, ее развитие во времени, хронологию и в то же время учитывающий всю многомерность, сложность, уникальность отдельных культур и цивилизаций, развитие человеческого общества в пространстве. Только в рамках такого интеграционного подхода исторический процесс может быть рассмотрен во всем многообразии его характеристик, вариативности исторического развития, в направленности на плюралистический диалог культур и обосновании перспектив цивилизационного развития. Перед лицом глобальных проблем современности человечество все более и более осознает свое единство и единство мировой истории.

Такой интеграционный подход к пониманию истории человеческого общества некоторые исследователи называют *всемирно-историческим*, имея в виду, что только на определенном этапе взаимодействия локальных цивилизаций возникает феномен всемирной истории и начинается процесс становления экуменической единой цивилизации. Реальность мировой истории, по мнению немецкого ученого и философа К. Ясперса, обусловлена, прежде всего, духовным единством человечества. Начало всемирной истории он называет «осевым временем» (с 800 по 200 г. до н.э.), когда в великих культурах древности, в сфере их влияния, начинает формироваться универсальная духовная основа всего человечества. Независимо друг от друга в разных местах — в Индии, Китае, Персии, Палестине и Древней Греции — возникают духовные движения, способствующие формированию того типа человека, который существует и поныне. В «осевую эпоху» рождаются и мировые религии, пришедшие на смену язычеству, и философии, сменившие мифологическое сознание. Это было пробуждением духа, началом общей истории человечества, которое распадалось до того на локальные, не связанные между собой культуры. Ясперс выделяет и «осевые народы» (китайцы, индийцы, иранцы, иудеи, греки), которые, создавая свою историю, заложили основу единой духовной сущности человека и его подлинной истории. В рамках данного подхода понятию «цивилизация», как мы видим, дается всемирно-историческая интерпретация.

О связи и диалоге цивилизаций и культур в современном мире

Одним из актуальных и «непроясненных», вызывающих острые дискуссии, вопросов современной философии истории является вопрос о соотношении цивилизации и культуры. Как известно, слово «культура» (от лат. cultura – возделывание, воспитание, образование) вошло в сферу европейской мысли лишь во 2-й половине XVIII в., хотя представления о культуре обнаруживаются на разных этапах как европейской истории, так и за ее пределами. В «пайдеей», т.е. «воспитанности», эллины видели свое главное отличие от «некультурных варваров» (в китайской традиции – это «жень», в индийской – «дхарма»). В настоящее время насчитываются сотни определений культуры – в зависимости от того или иного аспекта рассмотрения. Не вдаваясь в подробный анализ, отметим лишь некоторые подходы к осмыслению феномена культуры, что дает нам возможность рассмотреть связь культуры и цивилизации.

Деятельностный подход, в рамках которого культура выступает как специфический способ человеческой жизнедеятельности, как способ регуляции, сохранения, воспроизводства и развития общества, как своего рода «социальный ген» жизнедеятельности людей, механизм адаптации и основа творческой активности человека.

Аксиологический (ценностный) подход связан с выделением мира ценностей в бытии человека. Культура выступает в данном случае как *совокупность материальных и духовных ценностей*, сложная система идеалов, целей и смыслов, значимых для человека.

Семиотический подход к культуре заключается в его способности выступать в качестве знакового механизма передачи опыта через определенный социокод, т.е. знаками закрепленную совокупность деятельностных схем. Эти схемы обеспечивают социальное наследование (по биологическим программам не передаются), человек их усваивает в процессе обучения, воспитания, трудовой деятельности и т.д.

Социологический подход представляет культуру как социальный институт, который определяет роли и нормы поведения людей в различных подсистемах культуры (материальной, духовной, политической), в конкретной системе общественных отношений.

Гуманитарный подход выделяет в культуре аспекты, направленные на духовно-нравственное совершенствование человека как субъекта культуры.

Этим не исчерпываются многообразные подходы к трактовке культуры, они взаимодополняют друг друга, позволяя дать более полное описание этого сложного феномена. В нашей литературе наиболее часто культура рассматривается через призму деятельностного подхода. При таком подходе *культура* — это своеобразный генотип общества, специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и духовных ценностей, в отношениях человека к природе, к самому себе и другим людям.

В рамках деятельностного подхода к пониманию культуры как внутреннего достояния человека, как меры его развития и духовного богатства понятию «культура» часто противопоставляется понятие «цивилизация». Эта традиция возникла в XIX в. в странах германского языка. Уже И. Кант проводит различие между этими понятиями. Классическое различие цивилизации и культуры мы находим у О. Шпенглера. Цивилизация, с его точки зрения, есть неизбежная судьба культуры, это те самые крайние и искусственные состояния, осуществить которые способен высший вид людей. Эти состояния — завершение, они следуют как ставшее — за становлением, как смерть — за жизнью, как неподвижность — за развитием, как умственная старость и окаменевший мертвый город — за деревней и за душевным детством. Они — неизбежный конец. Будущий Запад, предвещал Шпенглер, не есть безграничное движение вперед и вверх, по линии наших идеалов. Современность есть фаза цивилизации, а не культуры. В связи с этим отпадает целый ряд жизненных содержаний как невозможных. Когда цель достигнута и идея завершена и осуществлена во внешнем, тогда культура вдруг застывает, отмирает, и кровь свертывается, силы ее надламываются — она становится цивилизацией. Поставленный Жан Жаком Руссо вопрос о том, становится ли человек лучше благодаря цивилизации, Ф. Ницше считал смешным, так как противоположное ясно как день. Высшая точка подъема культуры и цивилизации не совпадают, по его мнению, и не следует обманываться в вопросе о глубочайшем антагонизме между культурой и цивилизацией. Цивилизация желает чего-то другого, чем культура, быть может даже противоположного.

Сам человек не способен поспевать за цивилизацией, констатирует Х. Ортега-и-Гассет, он терпит крах. Эти эпохи самоудовлетворения, считает он, снаружи такие гладкие и блестящие, внутренне мертвы. Д. Белл также говорит о «железной клетке цивилизации», в которой обитает самодовольное механическое

окаменение. Н. Бердяев придерживается аналогичной точки зрения и считает, что в культуре закончены начала, которые неотвратно ведут к цивилизации. Цивилизация же есть смерть духа культуры. Противопоставляя культуру и цивилизацию, Бердяев отмечает, что культура есть творческая деятельность человека, цивилизация же есть переход от творчества ценностей к самой «жизни»; культура национальна, а цивилизация — интернациональна; культура — органична, цивилизация — механична; культура — аристократична, цивилизация — демократична.

Признав, что в рамках деятельностного подхода к пониманию культуры как внутренней устремленности человека к процессу творчества, созидания, становления, а цивилизации — как внешнего по отношению к человеку опредмеченного мира, воздействующего на него и противостоящего ему, все же противопоставлять понятия «культура» и «цивилизация» не стоит. Тем более, как было указано выше, в других подходах эти понятия отождествляются, рассматриваются как синонимы. Важность же концепции, согласно которой цивилизация рассматривается как стадия упадка и деградации культуры, заключается в том, что она (концепция) обращает внимание исследователей на драматическую динамику цивилизации и культуры, она сигнализирует о возникшем тупике в их взаимоотношениях, предупреждает человечество о грядущих испытаниях. Поэтому в современных условиях необходим диалог различных культур в процессе поиска утраченных культурных смыслов, обновления мировоззренческих ориентиров, обращения к общечеловеческим ценностям.

Проблема ценностей с ее извечным вопрошанием «Что есть благо?» неизбежно возникала и возникает в эпохи обесценивания и дискредитации культурной традиции, кризиса общечеловеческих представлений о добре и зле, истине и не-истине, справедливости и несправедливости, красоте и безобразии. Вместе с тем кризис культуры, как свидетельствует мировая история, способен вызвать трагические явления, безвременье и крах культуры в ее прежнем облике, в то же время является мощным толчком к самопознанию культуры, обнаружением ее внутренних потенциальных возможностей.

Неклассические цивилизационно-культурологические концепции в современной геополитике

Цивилизационно-культурологическим классическим парадигмам, связанным с именами Н. Данилевского, П. Сорокина, О. Шпенглера и А. Тойнби, отводится серьезное место наряду с неклассическими подходами (цивилизационно-культурологического синтеза С. Хантингтона; мир системного анализа В. Валлерстайна и т.д.) при построении современных геополитических моделей.

Заметим, что геополитика – geopolitics – междисциплинарное научное направление, изучающее зависимость внешней политики государств и характера международных отношений от системы политических, экономических и военных стратегий, обусловленных географическим положением страны (региона) и рядом природно-экономико-географических факторов (климатом, природными ресурсами, расселением и т. д.). Цель геополитики – разработка геостратегии государства, т. е. обоснование направлений и механизмов его внешнеполитической деятельности. Динамичный процесс глобализации мировой истории повышает значимость географического положения страны как ее природно-экономического ресурса. Если ранее оно оценивалось главным образом с позиций геостратегии, то в настоящее время большую роль приобретают такие его новые компоненты, как уникальность экосистем и их значимость для глобальных природных систем жизнеобеспечения; близость к мировым научно-техническим и финансовым центрам, международным транспортным потокам и т. п.

Уже с древнейших времен осуществлялись попытки осмысления организации обширных географических пространств (Геродот, Фукидид, Полибий и др.). В Новое время сформировались достаточно строгие модели взаимозависимости географических (континентальное, островное или прибрежное местоположение страны, размеры ее территории, тип коммуникаций, климат, ландшафт) и демографических компонентов на социально-политические реалии народов (Ш. Монтескье, Г. Гердер, К. Риттер, Г. Т. Бокль и др.). Постепенно, благодаря усилиям ряда государственных деятелей и теоретиков в области геополитики (Р. Челлен, А. Мэхэн, Х. Макиндер, К. Хаусхофер), сформировались концептуальный аппарат и проблемное поле геополитики, включающие идею фундамен-

тального противостояния держав суши и моря; концепция «великой суши» (географического единства Европы, Азии и Африки) и ее сердцевины — «хартленда», вокруг которой концентрируется история человечества; концептуальное обоснование геополитических союзов (военно-политических блоков) ведущих государств.

Будучи междисциплинарной областью, классическая геополитика зафиксировала ряд закономерностей, ставящих перед субъектами государственной власти вопросы как теоретического, так и практического плана, обуславливая тем самым вдумчивость и сдержанность в принятии политических решений и рисковом поведении. История демонстрировала при этом свои жесткие выводы, показывая, что даже слишком большая геополитическая мощь не создает реальные предпосылки для контроля над бесконечно большими пространствами, а известные истории попытки установления мирового господства приводили к неизбежному краху (А. Македонский, Чингисхан, Наполеон, Гитлер). Геополитика (как наука в ее отношении к власти) установила, что иногда преимущества получает тот субъект, который контролирует геостратегически ключевые точки пространства, а сила и слабость геостратегического субъекта зависит от его склонности к риску, от степени его самодостаточности и умения контролировать ключевые точки. Было доказано, что потеря контроля над пространством одним геополитическим субъектом всегда означает его приобретение другими; стабильность, устойчивость и безопасность геополитического субъекта обеспечивается некоторым оптимумом подконтрольного пространства в силу того что чем шире пространство, тем труднее оно поддается управлению со стороны субъекта. Контроль же над пространством теряют те геополитические субъекты, которые не обладают необходимыми и достаточными возможностями для завоевания и удержания территории, не демонстрируют необходимые признаки самодостаточности¹⁵. В послевоенной геополитической мысли наряду с традиционными геополитическими факторами анализировались рядом исследователей и такие, как оружие массового уничтожения, массовое поведение людей, использование космоса, новейших электронных средств борьбы и т. п. Биполярная модель идеологического разделения мира (СССР и США с его союзниками) в контексте Ялтинской системы, несмотря на локальные конфликты и крушение колониальной системы, все же выполняла функции стабилизации, подтверждая известную концепцию о биполярной геополитической структуре как об оптимальной модели расстановки геополитических сил. Предложенная

В. Б. и И. В. Тихомировыми модель – «периодическая таблица государств (геополитических элементов)» – исходит из того, что все существующие государства планеты (по крайней мере, около ста наиболее значительных) занимают вполне определенные уровни в соответствии с экономическим потенциалом каждого (валовой национальный продукт). На каждом уровне (орбите) при этом может размещаться строго определенное количество стран (2, 2, 6, 2, 6, 2, 10...)¹⁶.

Такая модель исключает «однополюсную» геополитическую схему расстановки сил в современном мире, рассматривающую в качестве гегемона какую-либо одну сверхдержаву, например США.

С точки зрения современных геополитических исследований, классическая (например, тойнбианская) модель цивилизационного развития в виде пяти локальных цивилизаций (индо-буддийская, китайско-конфуцианская, арабо-мусульманская, западно-христианская, славяно-православная) с присущим им миром духовной культуры, равным положением перед лицом истории, правом на рождение, жизнь и смерть не оставляет места европоцентризму.

Постклассические геополитические сюжеты основываются в своих основных подходах на том, чтобы геополитический субъект сочетал при создании различных моделей мирового развития универсальный (мировой), региональный (цивилизационный) и страновой (государственный) вектор безопасности. Ясно, что национальные интересы государства представлены достаточно фундаментально на национально-государственном уровне. Как решить проблему соотношения безопасности на трех названных уровнях при учете цивилизационно-культурологической динамики и общечеловеческих интересов – такого рода вопросы требуют от современного геополитического субъекта рационально взвешенной позиции в духе идей глобальной единой мировой истории.

Консолидирующие идеи белорусского общества и рациональный выбор исторического пути развития

Принятие государственных и политических решений на международном (глобальном) и внутреннем (страновом) уровнях требует от современных политиков, экономистов, субъектов различных ветвей власти знаний в области выстраивания стратегических приоритетов страны для обеспечения ее государственной

безопасности на уровне мегариска с целью увеличения предсказуемости развития внешнеэкономических и внешнеполитических связей, а также гарантирования внутренней стабильности на уровне макро- и микрориска.

В этом отношении следует отметить, что современная Беларусь представляет собой трансформирующееся, или транзитивное, общество, в котором пока еще не сформирована аксиологически ориентированная государственность, целостная система мировоззренческих ценностей, приемлемых для людей, познавших горечь и разочарование крушения кумиров и иллюзий, тяжелое испытание, вызванное чернобыльской трагедией и человеческого бытия «на изломе», в эпоху «великих перемен». С одной стороны, возникают новые демократические модели мировосприятия, с другой стороны, пока еще сохраняются мировоззренческие стереотипы коммунистических идеологов. Парадоксы и разочарования в новых идеалах и ценностях сочетаются с непреодолимым желанием отказа от модели «жить по-старому».

Но следует ли из этого, что мы должны отказаться от рационального осмысления происходящего, от веры в разум, в смысл человеческой истории, в человеческую свободу, в возможность преобразования личностного и социального сознания на разумных началах? Или же, все-таки, разум, а значит, мораль, совесть, справедливость являются значимыми для нас до тех пор, пока они определяют нашу личную и социальную позицию и поведение, ибо то, что создано разумом, может быть достойно использовано лишь в том случае, если в этом использовании участвует разум?

Не случайно лейтмотивом XX Всемирного конгресса (10–16 августа 1998 г., Бостон, США) выступила идея обращения к человеческому разуму, его защиты, а через обращение к разуму — примирение человечества, его воспитание. Просветительская тема конгресса «Пайдея: Философия в воспитании человечества» подчеркивала необходимость рационального осмысления происходящего в мире, поиска путей сосуществования в рамках альтернативных взглядов и подходов, решения глобальных проблем, воспитания человечества и особенно молодого поколения в духе толерантности, взаимоуважения, диалога культур и терпимости по отношению друг к другу, открытой коммуникации, веры в рациональное начало, плюрализма мнений, гибкой, а не силовой стратегии решения конфликтов и преодоления кризисов.

Забвение разума, отказ от рационального осмысления происходящего, утрата веры в гуманистические ценности, как свидетельствуют исторические аналогии от Древней Греции до возник-

новения нацизма в Германии, становились тревожным симптом наступления «сумерек кумиров», длительного периода упадка, возврата к иррациональному. Подобно тому как в Греции расцвет просвещения сопровождался прогрессивным переходом греков от мифологического мышления к рациональному, а период реакции и упадка сопровождался возвратом к иррациональному, так и возникновению нацизма в Германии предшествовали расцвет паранауки, подъем иррационализма и оккультизма. Строгая и неизбежная предопределенность астрологической судьбы в такие моменты исторического бытия казалась более предпочтительной, чем тяжелое бремя ответственности, чем даже свобода с ее нечеткими и ненадежными измерениями.

Мировоззренческо-нравственное состояние белорусского общества — лишь частный случай глубочайшего духовного кризиса, охватившего сейчас все современные общества. Идеалы христианского братства, любви к ближнему, служения добру, отказа от соблазнов власти, богатства, мирской славы, оптимистические представления о всесиили человеческого разума и социального процесса, с которыми человечество шло в XX в. и на которые возлагало столько надежд, потерпели полный крах. Внутренние же проблемы постсоциалистического существования, а также осмысление реалий послечернобыльского бытия, несомненно, усиливают необходимость обоснования обновленных ценностных приоритетов и эталонных моделей — сценариев будущего развития наших стран.

Становлению новой мировоззренческой культуры и парадигмы развития, несомненно, способствуют обновляющиеся процессы социальной динамики, происходящие в постсоветском пространстве Беларуси. Современное белорусское общество нуждается в консолидирующей системе идей, сплачивающих различные слои населения, определяющих их ценностные ориентации, моральные нормы, определенный образ жизни, их социальную активность. Такая социально значимая и теоретически оформленная система идей, в которой отражаются глубинные интересы соответствующих социальных групп и слоев и которая призвана закрепить или изменить общественные отношения, и является идеологией.

Продоление негативного отношения к учению об идеях, идеологии предполагает отказ от умозрительных конструкций и оторванных от действительности построений «игры мысли» и поиск таких фундаментальных оснований, которые бы учитывали традиции белорусской культуры в контексте мирового цивилизационного процесса. Как народ, так и политическая власть, лишённые

консолидирующей государственно-национальной идеи, понятной, переживаемой, принимаемой и реализуемой большинством народа, не могут добиться стабильного развития общества, закрепить собственные национальные интересы, обеспечить динамичное развитие страны как свободного и независимого субъекта международного сообщества.

Вместе с тем становление общественно значимой приоритетной национальной идеи не предполагает перехода к единой государственной идеологии, ибо там, где исчезает разнообразие, плюрализм мнений и подходов и утверждается единственно верная научная идеология, наступает конец демократическим началам и росткам.

Фундаментальными приоритетами и консолидирующей идеей белорусского общества, в рамках которых объединяются разнообразные подходы и фиксируются значимые для открытого общества ценности, являются:

- национальные интересы, предполагающие обеспечение национальной безопасности Беларуси;
- экономические приоритеты, направленные на создание динамично развивающейся, социально-ориентированной, рационально-целесообразной рыночной экономики;
- основные приоритеты в социальной сфере, предусматривающие реализацию принципов социальной справедливости, обеспечение условий для реализации творческих способностей людей, социальной защиты интеллектуальной элиты Беларуси, сохранения научных школ и направлений.

Необходимо учитывать и культурно-духовный статус русского и белорусского народов, который определяет нравственные начала и нормы социальной жизни и поведения человека в обществе. Здесь важно осмысление геополитического положения Беларуси, располагающейся на стыке двух культур, двух цивилизаций – Востока и Запада. Отсюда в высшей степени необходимы для сохранения современной цивилизации фундаментальные черты, например, белорусского народа – его толерантность, гибкость, уступчивость, открытость, жертвенность, доброта, совесть – или широта, открытость, антиномичность, свойственные «русской душе».

В своей национальной культуре белорусский народ, как и другие, выражает свою индивидуальность, придавая отдельным элементам культуры общенациональный тон. С точки зрения общей теории систем лишь достаточно сложная система, обладающая значительным числом элементов, жизнеспособна и перспективна в своем развитии. Поэтому развитие национальных культур, а на ее

основе высшей национальной идеи и самостоятельности способствует динамичной эволюции мировой культуры и цивилизации в целом. Это не противоречит идее глобализации жизненного мира и современной истории, ставшей одной из центральных тем 90-х гг. Глобализация представляет собой сложный и многомерный процесс, проявляющийся в экономической, политической, информационной и культурной универсализации, когда территориальность исчезает как организующий принцип социальной и культурной жизни¹⁷. Заметим, что в данном случае, скорее, следует говорить об осмыслении диалектики локального социально-культурного своеобразия и всемирного единства, а не об обосновании некоего «особого пути», отделяющего славянский мир от остального.

Фундаментальную роль в становлении белорусской государственности играют культурные традиции, которые актуализируют национальную историческую память, гарантирующую преемственность общечеловеческого и культурного прогресса, приобщение к культурно-исторической жизни народа, формирование чувства укорененности в своей отчизне, патриотизма и ответственности за нее, заботы о своем «доме». Белорусский человек, как и русский, глубоко общественное существо, предпочитающее решать свои проблемы «всем миром».

Белорусская культура, подобно русской, формировалась как культура синтетическая, как культура, которая достаточно легко ассимилировала в себе влияния других культур. В силу своего географического положения она в значительной степени толерантна и восприимчива к чужой/иной позиции, а следовательно, динамична и мобильна в своих содержательных аспектах. Беларусь, как и Россия, всегда выступала как неповторимое единство двух начал, активного и пассивного, в силу своей устремленности духовными интенциями на Запад и укорененности материальных оснований в общинных укладах Востока.

В белорусской культуре имеются реальные предпосылки для осуществления гармоничного единства восточной и западной традиций по отношению к природе. В контексте современной экологической проблематики, связанной с постчернобыльским существованием наших народов, осуществляется пересмотр существующих ценностей и идет поиск новых мировоззренческих ориентаций, и, в частности, отказ от использования силы по отношению к природе, характерной для западноевропейской цивилизации в отличие от восточной культуры, где воплощались идеи гармонии человека и природы, бережного к ней отношения. Такие пред-

ставления о гармоничном взаимоотношении человека и природы, отказ от использования силы по отношению к природе, человеку и обществу в целом, формирование толерантности и взаимопонимания, поиск консенсуса между человеком и остальным миром, которые утверждаются в силу чернобыльской трагедии в современной культуре, могут стать ведущими аксиологическими основаниями будущего цивилизационного развития. Уникальная и неповторимая национальная культура, опирающаяся на национальные духовные принципы, способна стимулировать духовно возвышающие человека ценности.

В становлении государственности важное место занимают приоритеты социально-политической консолидации общества, основывающиеся на:

- реализации демократических принципов разделения законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти;
- соблюдении прав и политических свобод человека;
- адаптации демократических традиций мировой социально-политической практики;
- гарантированном участии граждан в управлении и реальном влиянии на принятие решений в политической и социально-экономической сферах, преодолении отчуждения власти от народа;
- сохранении традиционных демократических ценностей;
- стремлении к созданию правового государства, политического плюрализма, созданию демократических стабильных режимов;
- ориентации на интеграцию Беларуси, России, стран СНГ.

Сфера политической жизни требует от субъектов власти высокой профессиональной подготовки и компетентности, ответственности и индивидуальности, умения владеть собой, не поддаваться изнуряющим сомнениям и тревогам, веры в свои способности и силу характера, что помогает выдержать напряженность и хитросплетения политической борьбы. «Гладиаторы власти», добивающиеся успехов на политическом олимпе, способны к рациональному риску, разумной агрессивности, обладают потребностью в самоутверждении и доминировании над другими, способны умело сочетать открытость и тайную дипломатию, особое искусство маски и лавирования.

Приоритетным требованием профессиональной и психологической подготовки субъекта власти является реализация принципа единства политических действий и морали. Противопоставление политики и морали исчезает при понимании того, что требование морали в политике должно освящаться законом, что этика ответственности при принятии судьбоопределяющих решений должна выступать в единстве с этикой убеждения, нацеленной

на исключение из политики деяний, противоречащих закону, хотя бы на первый взгляд и ориентированных на самые высокие и священные принципы.

Продолжение демократизации белорусского общества и достижение политической консолидации и стабильности предполагает постепенный переход к подлинному народовластию; гарантию свободного политического выбора, создание и развитие частной собственности; численное наращивание среднего класса; совершенствование государственно-правовых механизмов, гарантирующих устойчивость политического развития общества и баланс интересов социальных групп.

Для формирования устойчивой и ценностно-ориентированной государственности важен высокий приоритет научной рациональности и «просвещенной творческой элиты» в экономике, политике, культуре, образовании при обосновании социально-политических и экономических моделей развития общества, отказ от догматизма и апологетики, слепого копирования западных образцов и создания социальных мифов. Современная наука, и в частности такая ее междисциплинарная область наследования, как синергетика, рассматривает различные системы — природные, социальные, экономические и другие — как сложные саморазвивающиеся и самоорганизующиеся.

При оперировании сложными социальными процессами особое значение имеет не сила, не силовое давление, а гибкая, правильная топологическая конфигурация, учет кооперативных эффектов, происходящих в обществе.

Из этого следует, что без государственного управления и регулирования сложными социальными процессами (экономическими, политическими) невозможно устойчивое динамическое состояние общества, необходим конструктивный синтез компонентов планирования с наличием демократических свобод, «степени свободы», «веера возможных выборов» развития различных сфер культуры и экономики, их многовариантного развития, а не однозначно заданного вектора. Согласно синергетике будущее состояние системы открыто, оно детерминировано настоящим, и вместе с тем будущее присутствует в действительности. Динамика социальных процессов определяется не только прошлым состоянием системы, но и будущим. «Память о будущем», воспоминания о будущем заложены в свойствах самой среды. Наши установки сейчас нас ориентируют, образцы процессов задаются до самих процессов. Детерминация будущим может сыграть решающую роль («Прошлое еще впереди» — пронзительно прочувствовала и отметила М. Цветаева).

Таким образом, консолидирующая идея русского и белорусского общества в процессе становления государственности не является единой и единственной идеологической конструкцией. Для того чтобы она выступила в роли стабилизирующего и консолидирующего начала общества и стала частью личностного переживания современного человека, подобная объединяющая идея должна:

- включать в себя такие приоритетные компоненты, которые затрагивают жизненно важные ценности каждого человека и государства в целом; национальные интересы, обеспечивающие безопасность и суверенитет государств, их независимость;

- предусматривать создание динамично развивающейся, социально ориентированной и наукоемкой экономики;

- ориентироваться на социальную защищенность каждого гражданина, высокий статус культурно-духовных ценностей и традиций общества;

- осознавать особую миссию белорусского и русского народов в единении современной цивилизации, в выполнении ведущей роли творческого посредника между Востоком и Западом в силу соответствующего геополитического статуса Беларуси и синтетичности ее культуры.

Ориентация на эти приоритеты будет способствовать гражданскому единению общества, его консолидации, духовному оздоровлению и сплочению, рациональному выбору исторического развития в XXI в.

Контрольные вопросы

1. Назовите известные Вам подходы к исследованию динамики человеческой истории.
2. В чем состоит специфика линейной интерпретации социальной истории? Охарактеризуйте ее истоки и назовите ее последователей.
3. Какова сущность цивилизационно-культурологического (нелинейного) подхода к анализу истории общества? Назовите представителей этого подхода.
4. Следует ли формационный и цивилизационно-культурологический подходы по отношению к крупномасштабному членению исторического процесса рассматривать как взаимоисключающие? Обоснуйте свой ответ.
5. Каким образом, на Ваш взгляд, должен строиться диалог культуры и цивилизаций в современном мире?
6. Каково содержание понятия «геополитика»?
7. Назовите известные Вам неклассические цивилизационно-культурологические концепции в современной геополитике.
8. Каковы, с Вашей точки зрения, современные приоритеты и консолидирующие идеи белорусского общества?

1.4. ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ КОНТУРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Ключевые слова

Ситуация постмодерна, «конец истории», историцизм, новый историцизм, деконструктивизм, постструктурализм, «антропологический поворот», «лингвистический поворот», дискурс, культурная история.

Вопросы для обсуждения

1. *Смысл и направленность истории в свете постмодернистского влияния на историографию: «конец истории» и отказ от глобальных объяснительных схем.*
2. *Деконструктивизм и постструктурализм в историографии: идеи, подходы, методы.*
3. *Перспективы «лингвистического поворота» в историографии.*
4. *Эволюция историцизма в XX в.*

Постмодерн: ситуация и концепция

Несколько последних десятилетий показывают значительные изменения в историческом сознании и новые тенденции в историографии, связанные с переосмыслением ставших уже традиционными направлений исследований и появлением новых интересов познания и стратегий в отношении истории. Антропологизация исторической науки, «лингвистический поворот», процесс конструирования междисциплинарных объектов определяют сегодня лицо этой новой историографии.

Эти черты часто связывают с проявлениями общей ситуации постмодерна. Следует сказать, что постмодерн как ситуация и постмодернизм как ее концепция возникли во 2-й половине XX в. и тесно связаны с понятием «модерн» не только названием («после модерна»), но и основными идеологическими концепциями, проблематикой, терминологией. На протяжении последних 20–30 лет и историография, и историософия (теория истории) развивались под сенью теорий, связанных с герменевтикой, феноменологией, структурализмом, постструктурализмом, деконструктивизмом, «новым историцизмом», феминизмом и постфеминизмом, постмарксизмом и др. И если в философии постмодернизм дает о себе знать в совершенно определенных выражениях, то в исторической науке он принимает более нейтральные или кажущиеся несвязанными с ним формы.

Обращаясь к рассмотрению форм проявления постмодерна в исторической мысли, следует заметить, что они тесно переплетены с его общими характеристиками как социо-культурного исторического феномена. Онтологические моменты, связанные с постмодерном (как ситуации так называемого «конца истории», «конца идеологии»), служат постоянным предметом обсуждения в историософии уже с 1970-х гг. Гносеологические же аспекты завоевали самое пристальное внимание со стороны идеологов «новых направлений» — антропологически ориентированной истории, социальной истории, культурной истории, а также в рамках пограничных с историей дисциплин. Прежде всего, насколько серьезно мы можем говорить о ситуации постмодерна на белорусской почве? Действительно, термин «постмодерн» был практически неизвестен еще несколько лет назад, а сегодня он уже получил самое широкое распространение, войдя в историографию как бы *per se* (так же, впрочем, как и «дискурс», «ментальность» и другие «иностранные», не имеющие русских эквивалентов). Некоторые даже сетуют на то, что «термин “постмодернизм” стал ходячим выражением даже раньше, чем возникла потребность в установлении его смысла».

Возможно, поначалу «постмодернизм» и казался чем-то чуждым нашей действительности, привнесенным с Запада, однако уже в 1990-е гг. становится реальным определением его основных выражений в отечественной историографии. Как и на Западе, они связаны с тем влиянием, которое оказывают направления исследований и методы, взятые на вооружение еще французской школой «Анналов» и исторической антропологией, а также с общей тенденцией перехода исторических исследований на микроуровень и, наконец, с так называемыми «лингвистическим» и «антропологическим» поворотами. Кроме того, проявления постмодерна в историографии невозможно оценить в отрыве от общей социально-политической и культурной ситуации.

Как выразился английский историограф Кейт Дженкинс, «сегодня мы живем внутри общей ситуации постмодерна. И это не подлежит нашему выбору. Потому что постмодерн — это не “идеология” или позиция, которую мы можем выбирать; постмодерн — это наше условие существования, это наша судьба»¹⁸.

Ситуацию постмодерна невозможно представить без рассмотрения предшествующих условий, связанных с эрой так называемого «модерна». Модерн как образ жизни стал своеобразным экспериментом, выраженным в нескольких вариациях — либеральном рыночном капитализме и социалистической версии

марксизма. Экспериментом, который проводился на протяжении последних веков на социально-глобальном уровне и сопровождался, как считают многие, неудачами или даже поражениями. Экспериментом, принесшим разочарование и недоверие к самой возможности общего объяснения хода истории.

Лавина новых знаний и фактов, пришедших из областей естественных наук и не вписавшихся в традиционные схемы, обрушилась на философов во 2-й половине XX в. и породила замешательство и эсхатологические настроения. Не будем следовать за теми, кто разделяет эти настроения и, подобно американскому обозревателю Д. Хоргану, говорит о конце науки (а также о конце прогресса, философии, физики, космологии, эволюционной биологии, социальных дисциплин, в том числе истории), связанном с разочарованием в ней как в способе познания¹⁹. Эра модерна была не только сопряжена с огромными жертвами, которые человечеству пришлось принести, но и приблизила к нему ценности, о которых оно мечтало тысячелетия – гражданские права, демократию, гуманизм. Однако даже избегая крайних эсхатологических позиций, нельзя не заметить черту, объединяющую сегодня многих идеологов постмодернизма – неприятие глобальных объяснительных схем, настороженное или даже презрительное отношение к теории вообще, и теории истории в частности.

Эта черта подходит и к описанию ситуации, создавшейся в отечественной историографии: начало постмодернизма, хотя и с некоторым «опозданием», и с несколько иной подоплекой, совпадает в постсоветской историографии с тенденциями на Западе²⁰. Крушение марксистско-ленинской концепции истории образовало нишу в историческом сознании людей, требовавшую заполнения. Ощущение «тотальности», целостности, незыблемости жизни сменилось неуверенностью в завтрашнем дне. В результате возникли многочисленные идеологические, религиозные, мистические суррогаты, создававшие видимость возвращения «тотальности». В историософии, в свою очередь, появились и получили широкое распространение попытки восполнить отсутствие «тотальной» объясняющей теории истории. Однако вместе с этим необходимо отметить и тенденцию полного отказа от «универсалистских» схем исторического процесса, разочарование в возможности создания глобальных объяснений в истории.

Таким образом, постмодернистские взгляды на «конец истории», скорее, можно было бы охарактеризовать как конец модернистских толкований истории, связанных с телеологическим по своей сущности представлением о «заданности» истории как

постепенного неуклонного поступательного движения от низших форм к высшим. Идеологи же постмодерна видят в истории движение без цели («movement without the aim»), движение, имеющее ценность само по себе.

Постмодернизм характерен этой своей оппозицией «универсализации» истории. Под влиянием постмодернизма идея об историческом прогрессе, который сопровождает человечество с древнейших времен (через первобытность, рабовладение, феодализм, капитализм, памятные нам социализм и коммунизм), так сильно укоренившаяся в исторических кругах постсоветского пространства, даже без своей идеологической подоплеки, становится архаичной. В связи с этим меняется представление и о смысле истории — и как процесса, и как области познания.

Не случайно мы подчеркиваем взаимосвязь проявлений постмодерна во всех аспектах человеческого существования — от социально-экономических до художественных, научных, эстетических. Более того, сам термин «постмодерн» возникает как осознание «непохожести» последних десятилетий XX в. на предыдущие годы. Мы видим новые явления, многие из них еще не носят окончательно оформленного характера, и все-таки их «новизна» дает основание говорить об особом периоде новейшей истории.

После 2-й мировой войны происходит распад колониальной системы. Народы стран Африки, Южной Америки, Азии идут по пути самосознания, открывая Западу иные модели развития, «не вписывающиеся» в европоцентристскую модель. В общем процессе демократизации задействованными оказываются так называемые «меньшинства» (определяемые так по расовому, религиозному, национальному, гендерному признакам).

Процесс самосознания, потребность в «своих» историях, открытие тем и людей, до этого времени «спрятанных» от истории, привели к оформлению новых предметных областей историографии, освоению новых методов исследования, появлению иных подходов и направлений в исторической науке. Примерами этой тенденции могут считаться устная история, история повседневности, история семьи и, пожалуй, самое широкое и более всего связанное с идеологией направление современных исследований — «женская история», а несколько позднее — «гендерная история».

Именно в 1990-е гг. становится реальным определение основных понятий постмодерна в историографии и его «персонификация» в исторической мысли.

Среди представителей современной историографии есть немало и тех, кто не приемлет взглядов признанных корифеев постмодернизма — Ж. Дерриды, Ж. Лакана, М. Фуко, Ж. Делеза, Ж.-Ф. Лиотара,

Ж. Бодрийара и других. Среди основных возражений, вызываемых постмодернизмом, постструктурализмом, деконструктивизмом, литературной критикой, главной, пожалуй, является ссылка на то, что нет эмпирического применения их работам. Б. Эггер, например, не скрывает своего удивления по поводу того, почему эти «теоретики не показывают эмпирического (политического, культурологического, социального) применения своим работам»²¹. Более того, историки-практики зачастую сетуют на «извилистость», запутанность размышлений постмодернизма.

И все же большинство исследователей сегодня в той или иной степени принимает постмодернистские, постструктуралистские и деконструктивистские идеи, считая, что они могут помочь обнаружить те ценности, интересы, условия исторической реальности, которые скрываются под поверхностью текста.

Постструктурализм в первую пору своего существования вселял большие надежды у прогрессивно мыслящих исследователей, особенно благодаря своему разрыву с «традиционной» литературной критикой, возможностям «через бесконечную игру означающих и означаемых заменить тиранический мир значений свободой бесконечного разнообразия»²².

Как мы уже упоминали, деконструктивизму, как и иным проявлениям ситуации постмодерна, свойственно недоверчивое отношение к «законченным» теориям. Однако в конечном итоге и сам деконструктивизм может подвергнуться деконструкции, ибо «деконструированный» текст никогда не решит всех проблем, связанных с возможностью установить факт. Наука, как и художественная литература, не может прийти к абсолютной истине.

И все же деконструктивизм и постструктурализм помогают исследователям и читателям истории обнаруживать факты собственной вовлеченности в тексте, те «скрытые смыслы», которые остались в нем от прошлого, а также то, каким образом сам язык участвует в конструировании реальности.

Трансформация исторического сознания

Ситуация постмодерна привносит и существенные изменения в традиционный смысл термина «историцизм», ставшего уже в XIX в. неотъемлемой частью исторического сознания. Во 2-й половине XX в. историцизм претерпевает значительные изменения, связанные с кризисом его основных составляющих — интенциональностью, уверенностью в историческом смысле и прогрессе человечества, а также верой в то, что описываемое историком и есть та

историческая реальность, которая имела место «на самом деле». В настоящее время историцизм преобразуется в «новый», где от традиционного понимания осталось лишь «представление о перво-степенной важности исторического контекста в интерпретации всех видов текстов»²³.

Если говорить об общих тенденциях, которые особенно характерны для историографии XX в., то их, как отмечает видный американский историограф Д. Иггерс, вырисовывается две: первая связана с продолжением тех традиций, которые сложились в эпоху «классического» историцизма в XIX в. (реальность, интенциональность, временная последовательность); вторая – приближает историю к литературе как по своим методам, так и по задачам и результатам, ориентирует на изучение условий и опыта повседневности.

Историки XX в. стремятся установить научный статус истории, «применяя» методы, заимствованные из других дисциплин, адаптированные и развитые для истории (это и представители «исторической социальной науки» в Германии, и левое крыло школы «Анналов», и прогрессисты США, и историки-квантификаторы).

Несмотря на широкие вариации направлений в историографии XX в. и их отличия от «классического» периода XIX в., их объединяет глубокая преемственность. Так, большинство историков, концентрировавших свое внимание на социальных процессах и структурах в истории как главных составляющих и движущих силах, разделяют кардинальные положения «классического» историцизма – убежденность в том, что объект и результат исследования историка совпадают, а историческая действительность и есть то, что описывает историк. Событийно-временная последовательность и ориентация на западную модель сохраняются для многих современных историков, для которых «история мира совпадает с вестернизацией (westernization)»²⁴. Однако в общем процессе демократизации, самоосознания «спрятанных» от истории народов и социальных слоев, дискретности окружающего мира, влияния подходов естественных наук задействованными оказались и основные элементы историографии – историцизм, нарративизм.

И все же они разделяют основные положения, связанные с историцизмом и нарративом. В весьма преобразованном виде эти принципы остаются краеугольными камнями для многих представителей социально ориентированной истории. Историк может и должен «охватить» прошлое, саму историческую реальность, сконструировать ее, причем залогом истинности этой конструкции является та методология, которой пользуются авторы,

и та объяснительная схема истории, которую они принимают. В этих кругах по-прежнему остается в силе фактор «линейной временной последовательности»: события свершаются одно за другим, с четкой последовательностью причин и следствий. Более того, объяснительные схемы истории и модели развития всего мира в целом по-прежнему выстраиваются в соответствии с историей Запада.

Подобное подвергалось критике уже в XIX в., и даже предпринимались попытки построения альтернативных объяснительных схем (например, цивилизационный подход Дж. А. Тойнби). В начале XX в. деятельность культурных антропологов во многом подготовила общественное сознание к признанию разнообразия и многонаправленности истории (хотя представители культурной и социальной антропологии все же исходили из иных посылок, стремясь через изучение институтов и традиций «примитивных» обществ понять эволюцию общественных отношений на Западе).

И все же решающий перелом наступил лишь во 2-й половине XX в.

С распадом колониальной системы народы стран Африки, Южной Америки, Азии пошли по пути самосознания, открывая Западу иные модели развития. В общем процессе демократизации задействованными оказываются так называемые «меньшинства» (определяемые так по расовому, религиозному, национальному, гендерному признакам).

Создание общества массового потребления, процессы «информатизации» и демократизации ведут к перестановке акцентов и в истории. Предметами изучения социально ориентированной истории становятся не столько социальные структуры и процессы, сколько повседневный опыт людей, условия, в которых они жили, — своеобразный «антропологический поворот».

Самоосознание, потребность в «своих» историях, открытие тем и людей, до этого времени «спрятанных» от истории, — все это привело к кризису тех черт традиционного нарративизма, которые были связаны с интенциональностью истории и ее темпоральной последовательностью. Более того, усилиями представителей школы «Анналов», исторической антропологии и историческое сознание стало включать представление о разноуровневом времени.

Так, время различается не только в зависимости от уровня генерализации, его деление не исчерпывается знаменитым броделевским временем пространств, структур и конъюнктур. Даже само время событий воспринимается многомерно: его скорость зависит от исторической эпохи, социального класса, в рамках которых

присутствует разное восприятие времени. Исследования в этом духе окончательно подорвали представления о линейном времени, связанные с историцизмом и нарративом.

Примерно в 60-е гг. XX в. широкое распространение получила идея о том, что историк «всегда является узником мира, внутри которого он мыслит, и его мысли и восприятие обусловлены категориями языка, которым он оперирует». Постмодернизм бросил своеобразный вызов историцизму, и нарративизму. «Идея о том, что объективность в историческом исследовании невозможна, потому что не существует самого объекта истории», повлекла за собой не только кризис историцизма, традиционно постулировавшего обратное, но и переоценку устоявшихся ценностей и концепций.

Многие постструктуралисты и постмодернисты приходят к отрицанию самой идеи глобальной, тотальной или тотализирующей истории (универсальной концепции, ее объясняющей). Настоящее в любом случае присутствует в прошлом (точнее в том, как мы его видим). Постмодернизм не отрицает неизбежного влияния современных моделей знания или власти на изучение прошлого и вследствие этого невозможности создания таких интерпретаций, которые, как желал классик немецкой историографии XIX в. Л. Ранке, были бы свободны от оценок и идеологических влияний. Напротив, среди представителей постмодернизма существует стремление отбросить иллюзии презентизма и соотнести их с современностью, вскрыть его историческую случайность²⁶.

Проявления постмодерна в историко-культурной сфере

Пожалуй, самым драматическим явлением XX в. стала общая идея о дискретности, дробление всех сторон человеческой жизни. Математики, а затем и художники-авангардисты открыли новое представление действительности, на самом деле состоящей из фрагментов. Эта стилистика проникла буквально во все жанры искусства, литературу, кино, рекламную продукцию и т.д. Более того, она приняла философскую направленность. Идеи дискретности определяют сегодня новый взгляд и в обществе, и в историческом сознании.

Таким образом, ситуация постмодерна складывается практически во всех сферах общественной жизни. По утверждению одного

из авторитетных постмодернистов В. Вельша, «конгруэнция постмодернистских феноменов в литературе, архитектуре, как и в разных видах искусства вообще, так и в общественных феноменах от экономики вплоть до политики и сверх того в научных теориях и философских рефлексиях, просто очевидна».

Социально-футуристические аспекты исторического сознания в условиях постмодерна открывают новую картину жизни общества. Так, считается, что социалистически организованная экономика и «чисто капиталистическая» система хозяйствования не просто «приказали долго жить». На современном этапе человечество, по всей вероятности, приходит к сочетанию этих систем на совершенно новом уровне. Так, Э. Гидденс в 1990 г. рисует картину постмодернистского общества, связывающую многоуровневое демократическое участие, «систему-после-бедности» (социализированная экономическая организация, преодоление войны, система планетарной помощи и др.), демилитаризацию, гуманизацию технологий в одно неразрывное целое.

Следует признать, что подобного рода построения по прошествии десяти лет кажутся слишком идеальными. Эйфория, связанная с демократизацией, распадом социалистического лагеря, перспективами глобализации мировых процессов, сменилась разочарованием, недоумением, сомнениями, настороженностью по отношению к возможностям постмодерна в целом. Тот же Гидденс предостерегает об опасностях, которые таятся в организации жизни в конце XX в. «Апокалипсис стал банальной возможностью, столь привычен он как противоположность повседневной жизни; поэтому, как и все параметры риска, он может стать реальностью».

Особенно настораживает ситуация, сложившаяся в мире в связи с так называемыми «локальными конфликтами», приобретающими глобальный характер (Сербия, Чечня, Афганистан, Ирак), а также дисбаланс внешней политики, расширение НАТО и т.п. Возможно, эти «трудности» являются лишь временными, связанными с переходным периодом. Однако то, чем окончится этот переходный период, в какое новое качество перейдет постмодернизм, пока остается неизвестным.

Проявления постмодерна в культурной жизни человечества 2-й половины XX в. настолько разнообразны и значимы для уяснения его исторической картины, что требуют особого внимания. Заметим при этом, что «экономические и социальные отношения не являются приоритетными или доминирующими над культурными; они сами — сферы культурной практики и культурного производства»²⁷.

Пожалуй, наиболее заметными являются постмодернистские влияния в сфере искусства, и особенно в литературе. Именно здесь уже в 1940-е гг. появляются течения, которые позднее будут характеризоваться как постструктуралистские и деконструктивистские, а с 1950-х гг. нарастает количество произведений, «основной корпус» которых представляет собой «исследования различных видов повествовательной техники, нацеленной на создание “фрагментированного дискурса”, т.е. фрагментарности повествования».

О времени возникновения постмодернизма существуют разные мнения. Так, И.Хассан и К.Батлер относят его к 1939 г. (год издания «Поминок по Финнегану» Дж.Джойса); другие исследователи — к 1950 гг., а превращение постмодернизма в господствующую тенденцию в искусстве — к середине 1960 гг.

На наш взгляд, представляется весьма затруднительным выявлять те сферы искусства, науки, общественно-экономической жизни общества, в которых постмодернизм проявился раньше всего. Так, распад привычных форм в литературе, музыке, живописи в начале XX в. проходил одновременно с оформлением вероятностной физики и многомерной дифференциальной геометрии, а развитие дискретной, фрактальной математики сопровождалось бурными процессами в искусстве кино, созданием телевидения, «дискретной» архитектуры и, что особенно важно для историографической интерпретации, появлением нового взгляда на феномены языка, кодирования и распознавания знаков.

Д. Лодж, автор не только знаменитых «академических романов» («Changing Places», 1984 и «Small World», 1991), снискавших ему всемирную славу, но и известный исследователь-постмодернист, так характеризует постмодернистские тексты: «решающим оказывается тот факт, что на уровне повествования они создают у читателя “неуверенность” в самом ходе развития повествования». С этой характеристикой связано и то, что произведения постмодернистского толка имеют в качестве доминирующей тенденцию к умолчанию, неопределенности, отсутствию последних истин.

«Специфическое видение мира как хаоса, лишенного причинно-следственных связей и ценностных ориентиров, «мира децентрированного», предстающего сознанию лишь в виде иерархически неупорядоченных фрагментов, и получило определение «постмодернистской чувствительности» как ключевого понятия постмодернизма». Эта постмодернистская чувствительность пронизывает современные представления не только литераторов и живописцев, но и непосредственно историков (М. Фуко, Х. Уайт).

Согласно таким представлениям в корне изменяются взгляды на историю. Она теряет телеологичность, присущую практически всем концепциям, претендовавшим ранее на универсальное объяснение исторического процесса. Идея об историческом прогрессе, который сопровождает человечество с древнейших времен (через первобытность, рабовладение, феодализм, капитализм, памятные нам социализм и коммунизм), так сильно укоренившаяся в исторических кругах постсоветского пространства, даже без своей идеологической подоплеки становится архаичной.

В чем же смысл истории в таком случае? Историки, придерживающиеся постмодернистских идей, утверждают, что смысл истории приобретает инновационно, что история не является эволюционным процессом и тем более не обусловлена социально-экономическими трансформациями общественного организма. У М. Фуко, например, история – это сфера действия сил бессознательного, хаотичного, скачкообразное накопление знаний и изменений дискурса.

На современную культурную жизнь сильное влияние оказывает такой элемент постмодерна, как постструктурализм. Основной сферой его воздействия вновь стали философия и литература, в основном в их франко-американских вариантах (Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Делез, Ю. Кристева, Дж. Миллер и др.).

Однако не меньшее влияние постмодернизма, его системно-структурного взгляда испытывает историография, особенно социальная история.

Рассмотрение общества как системы, имеющей свое устройство, структуру, элементы и их функции, открывает перспективы изучения экономических, социальных процессов (например, в «урбанистической истории», «рабочей истории»). Кроме того, в связи с наметившимся уже в 1970-е гг. расширением самого понятия «социальная история» наряду с классами, сословиями, объектами изучения стали такие микроструктуры, как семья, община, приход и др.

С середины 1970-х – начала 1980-х гг. под влиянием культурной антропологии и в социальной истории происходит сдвиг исследовательских интересов от изучения макроуровневых структур к культуре, причем в ее новом понимании. «Антропологизация» культуры расширила его, включив сюда «реальное содержание обыденного сознания людей прошлых эпох, отличающиеся массовым характером и большой устойчивостью ментальные представления, символические системы, обычаи и ценности, психологические установки, стереотипы восприятия, модели поведения».

В результате дискуссий 1980-х гг. произошел тот самый «антропологический поворот» в исторической науке, который меняет и ее предметную область, и подходы к изучению. С одной стороны, акцент в исторических исследованиях перемещается на изучение собственно «человека в истории», причем не столько созданных им и довлеющих над ним «структур», сколько его непосредственного опыта в историческом процессе. В традиционной дихотомии «действия — структуры» («общество — культура») центральной категорией становится «опыт». С другой стороны, для изучения неосознанных социокультурных представлений людей прошлого, включенных теперь в понятие «культура», историки стали широко использовать методы, заимствованные ими из культурной антропологии.

Дифференциация, расширение предмета истории, изменение подходов к ее изучению, появление новых субдисциплин являются показателями неотъемлемого качества современной исторической науки — ее междисциплинарности. Она выражается не только в заимствованиях из других дисциплин (социологии, демографии, психологии, математики и информатики, антропологии, лингвистики, литературоведения), но и в «интеграции на уровне конструирования междисциплинарных объектов».

Языковой характер сознания: истинность, объективность и исторический нарратив

Междисциплинарность и антропологизация исторической мысли в конце XX в. взаимодействуют с ее «лингвистическим поворотом». Влияние лингвистики, литературной критики, признания роли языка имеют в историографии не только гносеологический, но и онтологический характер. Методы деконструкции, поиска скрытых смыслов в текстах любых видов сочетаются с представлением о мире как тексте в целом, о том значении, которое имеет в человеческом существовании язык, и о том, каким образом языковые системы оказывают влияние на процесс познания.

Подобные представления оказывают огромное влияние на кардинальные принципы исторического исследования, процессы познания в целом, существенно меняя и историческое сознание.

Многие современные историки в качестве главного элемента социализации выделяют язык. С одной стороны, язык — это средство коммуникации в обществе, передачи культурных ценностей, социализации человека. Подобные эпитеты по отношению к языку являются общеизвестными и даже несколько «прив-

шимися». С другой стороны, в современном понимании культуры особенно интересна новая сторона языковых отношений, когда уже сам язык обуславливает и типы, и образ мышления, и особенности культуры той или иной эпохи.

Еще в 1930-е гг. американские лингвисты выдвинули гипотезу о том, что «мысли индивидуума контролируются непреложными законами или образцами языка, которые он не осознает». Мысль эта, развитая в современном деконструктивизме, литературоведении и других проявлениях дискурса 2-й половины XX века, во многом определяет и состояние, и перспективы историографии.

Итак, с одной стороны, мы говорим об определяющем влиянии языка на культурное сознание эпохи. И все же, с другой, не можем забывать об обратной стороне медали – о воплощении в языке ключевых символов культуры той или иной эпохи. Известная фраза Р. Лэйкофф о том, что «язык использует нас в такой же степени, в какой мы используем его», является сегодня показательной для исторического сознания. Иными словами, использование языка, с одной стороны, неотъемлемо от повседневной жизни, с другой – конституирует саму нашу жизнь. При этом использование языка уже означает использование тех или иных концепций («красный», «любовь», «справедливость» и т.п.), которые мы принимаем в соответствии с нашими конвенциями о том, что они означают.

Такая точка зрения стала отправной для многих современных историков, ориентирующихся в особенности на историческую антропологию, «культурную историю» и исследующих языковое сознание той или иной эпохи, ее дискурс, в котором сходятся многие направления и уровни истории.

Нельзя не отметить, что таких историков зачастую обвиняют в смещении понятий «история» и «культура», в том, что они изучают «культуру человечества», подводя под нее все проявления человеческой деятельности. Однако подобные обвинения не совсем оправданны. История не может быть «прошлым» сама по себе. Она есть продукт осмысления сегодняшним историческим сознанием людей исторического опыта прошлого. Культура же является нам «вторую реальность», т.е. ментальные представления, стереотипы поведения и восприятия, модели мышления, символические системы, обычаи, ценности, в которых воспринималась и передавалась людьми прошлого современная им жизнь.

Что первично в историческом исследовании? Ответ на этот вопрос сопряжен с решением еще одной проблемы, являющейся ядром дискуссий постмодернистского исторического дискурса.

Они связаны с классическим противопоставлением «сущность»/«ее проявление». Что реальнее для историка: понять «проявления сущности», взятые в культуре, или попытаться проникнуть в «само прошлое»?

Пожалуй, краеугольным пунктом, вокруг которого складываются сегодня споры о том, что такое «история», является проведение границы между собственно «историей» и «прошлым». Идея о том, что история — это разнообразные взгляды, теории и конструкции, созданные историками, сама по себе не нова. Дискуссии позитивистов и неоидеалистов, связанные со смыслом творчества историка или степенью его «научности», заложили основы этой идеи еще в XIX в. Но только в период постмодернистского влияния эта идея приобретает характер водораздела, ограничивающего основные концепции современности об истории.

Так, в историческом сознании все более укореняется идея о том, что каждое исследование источников, этого, казалось бы, верного залога «истинности» и «объективности» исторических интерпретаций, является своего рода расшифровкой скрытых в них значений. Но каждое раскодирование есть новое закодирование. Помимо того, что наши интерпретационные решения основываются на наших же собственных установках, мировоззрении, даже на эмоционально-психическом состоянии, они пропитаны духом и кодами того дискурса, в котором жили люди — составители источника, его редакторы, его последующие комментаторы и, наконец, мы сами, воспроизводящие устоявшиеся, впитанные в процессе социализации, а потому не замечаемые, скрытые смыслы.

С этой точки зрения история (как историография, как взаимодействующая совокупность исследований) представляется в виде особой конструкции, содержащей эти и многие другие элементы «проекции» и «скрытых смыслов». Из этого рассуждения так и проступает образ истории в виде субъективного нарратива, сконструированного историками.

Идея о разграничении между собственно «бытием» в истории и тем, как оно представлено в историческом сознании, уже давно тревожит умы философов, историков, литературоведов. Опасно, как писал Ж.Лакан, предполагать, что поверхность и есть реальность. Это противопоставление «being versus appearance» представляется сегодня одним из самых, так сказать, «угнетающих» историков моментов исторического творчества. Исключительность, специфичность «поверхности-представления» в истории приходится интерпретировать с пониманием, что хотя она всегда и имеет корни в собственно «бытии» — истории, но никогда не совпадает.

Все это вновь возвращает нас к вопросу о различии между «историей — конструкцией» и «прошлым — реальностью». В «пост-современном» историческом сознании этому разграничению придается особое значение. Наше прошлое представляет собой не-систематизированный хаос до тех пор, пока его не коснулась рука историка. Сам процесс написания истории требует осмысления исторических событий, поступков, личностей в контексте некоего теоретического порядка, некоего заранее имеющегося у историка намерения (отсюда так часто и негативно обсуждаемая «интенциональность» истории как вида творчества). Это намерение или теория неминуемо связаны со временем, в котором живет историк. Таким образом, история видится нам лишь под углом зрения сегодняшнего дня: не все прошлое есть история, а только то, что по меркам нашего времени проявляется как исторически значимое.

Так, для английского историографа Кейта Дженкинса история — это и есть, по сути, историография (исследования, тексты, отличные от «прошлого»); прошлое существует, по его определению, только в модальности текущих историографических репрезентаций. Это, в свою очередь, означает, что проблемы, поставленные в «традиционных» исторических исследованиях, могут быть переосмыслены в манере, позволяющей порвать со старыми подходами, при помощи которых они были поставлены, являясь частью общей эпистемологической проблемы о природе нашего доступа к прошлому вообще.

Именно такие рассуждения дают основания некоторым историкам в конце XX в. обратиться к теме создания «истории идей», традиционной для прошлого столетия, но уже на новом теоретическом уровне. Если бы мы смогли написать историю, полностью отдающую себе отчет в том, что история — это не прошлое вообще, а история исторических дискурсов, то в результате таких трудов получилась бы «интеллектуальная история», или «история идей».

Однако даже не это, отмечает Т. Беннетт, является краеугольным камнем споров вокруг исторического исследования. Традиционно ставящиеся вопросы о том, «насколько точно и правдиво историки познают прошлое»; «всегда ли историк ищет лишь то, что он хочет найти»; «если историк не может коснуться и проверить “реальное прошлое”, то как он может вообще проверить свою правоту» и т.п., не являются центральными. На самом деле настоящей проблемой историографии, из которой вытекают все остальные вопросы, является то, «что может быть извлечено и сконструировано из *историзированной* записи или архива»²⁸.

Именно то, что источники (архивные или другие) являются по своей *природе историзированными*, стало сегодня главным для обсуждения вопроса о том, что такое история. Поскольку такие источники, как объясняет Беннетт, являются непостоянными, молчаливыми продуктами сложных исторических процессов, связанных и с трудом организационным (библиотекарей, архивистов, археологов и др.), их потенциальное содержание связано с различного рода влияниями (например, феминистским, экологическим и т.п.).

Поэтому многие постмодернистски чувствующие историки видят историю как дисциплину, в которой историки, работающие на уровне так называемой «публичной исторической сферы» (оплачиваемая работа в сфере высшего образования), приходят в соприкосновение с историзированными архивами, существующими специально для того, чтобы ими пользовались в целях интерпретации.

В этой постмодернистской парадигме историография считается «специфическим дискурсивным режимом, управляемым при помощи особых процедур, через которые регулируется переделка или удержание прошлого как набора существующих реальностей».

Другой момент проблемы, связанной с признанием того, что мы видим лишь то, что можем видеть, раскрывает особенности нашего видения. Иными словами, когда мы соприкасаемся с прошлым, то конструируем его в меру своего понимания мира.

Логичным представляется утверждение о том, что, чем дальше, казалось бы, от нас то историческое время, с которым мы работаем, тем труднее нам вообразить, что происходило там на самом деле, тем труднее составить «каркас», «подогнать», найти подходящие формы в современной реальности, чтобы вообразить «реальность прошлую». Однако это лишь кажущаяся логичность.

Так, Ж. Дюби свидетельствует об обратном: «Позиция медиевистов является гораздо менее безопасной, чем у этнологов, анализирующих экзотические общества, или даже чем у писателей античной истории, поскольку культура, которую они изучают, это в большой степени их собственная культура; для них трудно достаточно дистанцировать себя; несмотря на самих себя, они остаются узниками ритуалов и системы ценностей, которые не сильно отличаются от тех, что они изучают и хотели бы демифологизировать; они могут легко распознавать только их внешние, публичные, формальные проявления»²⁹.

Более того, они видят только эту поверхность и трактуют ее тоже поверхностно, сообразуясь с тем, как они видят ее сегодня.

Актуальность дилеммы «being versus appearance», которая вошла в историографию вместе со влиянием структурализма, с такими именами, как Ж. Лакан, М. Фуко, подтверждает недоверие, которое питает постмодерн к историческим интерпретациям и исторической реальности в целом. Поверхность — это еще не реальность, а лишь ее внешнее проявление, данное нам в том виде, в каком мы способны видеть. На таком тезисе основываются рассуждения многих современных историко-философских исследований.

История, прошлое и другие проблемы исторического нарратива

В целом для постмодернистского мышления характерно возвращение глобального сомнения по поводу исторического прошлого. Если суммировать, то «прошлое, устроенное сообразно своим существующим следам, всегда постигается текстуально через осалочные слои предыдущих интерпретаций, через привычки/модели чтения и категории, разработанные предыдущими/текущими методологическими практиками»³⁰.

Таким образом, исторические знания, как утверждает К. Дженкинс, сам приверженец постмодернистских толкований, основываются не на истинности или точности соответствия с прошлым *per se*, а на различных историзациях прошлого, поэтому только срединные позиции влияют на историографию.

Хайден Уайт, которого называют одним из самых ярких постмодернистских историков, рассматривает работу историка как «вербальный артефакт, нарративный прозаический дискурс, содержание которого настолько же изобретено или выдуманно, насколько обнаружено или открыто»³¹.

В самом общем виде такая концепция исторического творчества предполагает несколько логических установок, о которых уже говорилось выше. Чтобы придать смысл и понять события или набор событий прошлого, мы должны соотнести их с общим контекстом, с какого-либо рода концепцией, «целостностью». В то же время если с фактами (вернее, с их следами, отпечатками, остатками) мы имеем дело в реальности, то «концепция» всегда по сути своей является надуманной. Поэтому в отличие от фактов контекст никогда не может быть определенно найден.

Как объясняет К. Дженкинс, для того чтобы приобрести смысл, все исторические расследования должны вовлекать отношения «части и целого». В результате все интерпретации прошлого действительно настолько же придуманы (контекст), насколько открыты

или найдены (факты). Из-за этого выдуманного элемента любые истории не могут быть «фактологическими», или «истинными». Из-за неизбежного соотношения части и целого, целого и части все исторические исследования являются метафорическими и метаисторическими.

Вновь возвращаясь к Х. Уайту и его позиции, отражающей отношения многих исследователей, принявших постмодернистскую парадигму (отношение, надо признать, откровенно амбивалентное — двойственное), нельзя не отметить его недавнюю работу «Содержание формы», в которой он признается: «Как иначе может рассматриваться любое прошлое, которое по определению включает события, процессы, структуры и так далее, как не воображенное»³².

И, наконец, говоря о постмодернистском понимании природы истории, следует еще раз уточнить акцент на понимании истории как историографии. История — это то, что мы представляем себе о том, что случилось в прошлом, а также то, что написали наши предшественники, руководствовавшиеся своими способами представления. Те историки, которые высказывают более умеренную точку зрения, указывая на текстуальность интерпретаций и сами тексты источников как опору для исторических интерпретаций (Р. Самуэль, П. Томпсон), встречают отпор со стороны более «радикальных» историков и теоретиков истории (Т. Беннет, Ж. Деррида, Х. Уайт), обращающих внимание на все звенья исторического творчества как рожденные человеком, его воображением, мыслительными операциями, выполненными в соответствии с его временем.

Быть может, читатель назовет эти постмодернистские размышления идеалистическими, точнее, субъективно-идеалистическими. Однако никто из постмодернистски чувствующих историков или теоретиков истории не отрицал материальное существование прошлого или настоящего. Более того, они постоянно указывают на влияние нашего настоящего на будущие интерпретации, поскольку они также в состоянии изменить историческое понимание. Поэтому лейтмотивом творчества многих историков в ситуации постмодерна становится не скепсис по отношению к истории вообще, а осторожность и релятивизм.

Вообще, в силу взаимозависимости сторон жизни современного мира, так сказать, всех элементов «гобелена» — истории, те тенденции или открытия, которые происходят в одной дисциплине, существенно влияют на состояние других наук и общественного сознания. Так мы говорим о «фрактализации» исторической реальности или о действии принципа неопределенности В. Гейзенберга.

Например, при определении координаты какой-либо точки в пространстве и во времени выявляется закономерность: чем точнее мы добьемся определения пространственных ориентиров, тем менее точно мы будем знать временные ориентиры, и наоборот. Это совершенно логично вписывается в постструктуралистские и деконструктивистские парадигмы, точно так же, как и другой принцип квантовой физики — уравнение Э. Шредингера, позволяющее, при признании принципа неопределенности, установить с наибольшей вероятностью пространственно-временные координаты. Не правда ли, все это напоминает попытки разрешения дилеммы «бытие — его проявление»?

Каждое новое поколение нуждается в «своей» истории, которую и должны дать историки. Мы не случайно ставим «посмодернистскую» историографию, а точнее историографию в период постмодерна, в общий контекст тех идей, которыми он сам характерен. Постмодерн сказывается на всех сторонах жизни в конце XX — начале XXI вв., и историческое сознание, словно губка, впитывает его проявления, насыщается новой проблематикой. Историческая наука претерпевает большие изменения, и они во многом связаны с эволюцией самого образа мышления историка и таких коренных понятий, как историзм, нарративизм, интерпретация.

Историзм: прошлое и трансформация

Историзм как движение исторической мысли появляется в XX в., хотя идеи, составившие многие из его элементов, возникли среди историков на протяжении тысячелетия. В нашу задачу не входит рассмотрение того сложного пути, который прошел историзм на пути своего формирования. Гораздо важнее (с точки зрения понимания современного состояния исторической науки) проследить его эволюцию в XIX—XX вв. В настоящее время под «новым историзмом» в самом общем виде понимается «критическое движение, настаивающее на первостепенной важности исторического контекста в интерпретации всех видов текстов».³³

Попробуем обозначить основные вехи эволюции историзма, отталкиваясь от анализа, проведенного авторитетами в этой области — П. Гамильтоном и Дж. Иггерсом. Пожалуй, самым значительным вкладом в развитие историзма XIX в. оказались идеи И. Канта, Г. Гердера, Г. В. Гегеля и представителей «романтического направления». Именно они в отличие от более ранних авторов отошли от идеи «тотальной истории», сделав акцент на разнообразии, свособразии историй и эпох. После смерти Гегеля идеи

историзма в немецкой исторической мысли на некоторое время перестали быть в центре внимания, однако после недолгого «молчания» немецкий историзм заговорил о себе в полный голос.

Теоретические основания историзма, подкрепленные блестящими работами Л. Ранке, Т. Дройзена, опирались на традиции гегелевской философии, романтизма, исторической школы права, но в то же время несли в себе и черты, выработанные под влиянием позитивизма. Они отрицали главным образом субъективные конструкции истории, идеи универсальной истории, делали акцент на факторе «своеобразия» в историческом исследовании. Их тщательность в подходах к историческому материалу предполагала «свободное» от оценок исследований «индивидуальных исторических фактов без навязывания априори рациональных схем»³⁴. Этот идеал исторической «науки» вошел в историографию в формулировке Л. фон Ранке о том, что нужно лишь описывать события так, «как они произошли».

Может показаться парадоксальным, но первоначально доктрина позитивизма не противоречила историзму в его «немецком варианте». Лишь во времена В. Дильтея окончательно обострилось противоречие между позитивистскими взглядами на необходимость иметь дело с эмпирическими данными, проверяемыми путем наблюдений или экспериментов, и метафизическими теориями и философско-историческими обобщениями. В результате вся философия В. Дильтея была направлена на установление нового статуса исторической науки как принадлежащей к «наукам о духе».

И это не случайно. Историзм как философская доктрина появляется в результате антипросветительских настроений, недоверия к попыткам просветителей выводить законы общественного развития, в сущности своей механистические. Кант, Гегель и другие историцисты, напротив, утверждали идеи о человеческом и культурном разнообразии, о том, что человеческая природа слишком сильно варьируется, чтобы применять к ней «универсальные» законы. Вместо этого они пытались создать такую модель, которая бы, признавая наличие некоего стержня в историческом развитии, допускала при этом многочисленные вариации и разнообразия.

Значительный вклад в развитие историзма внес романтизм, направлявший фокус на индивидуальности и разнообразие в истории.

С началом герменевтической традиции и деятельностью В. Дильтея связана новая волна в понимании историзма. Выступая, с одной стороны, против позитивистских попыток низвести историю до

уровня «служанки социологии», герменевтическая традиция боролась также и за переоценку романтического наследия, чтобы показать, что история, «правильно понятая, демонстрирует, что мы можем иметь знания, дополняющие естественные науки, и что то, что не подпадает под юрисдикцию естественных наук, не надо пытаться объяснять не когнитивными явлениями»³⁵.

Историзм приобретает законченность именно в XIX в., сохранившись вплоть до настоящего времени, хотя и в весьма трансформированном виде. Основными чертами историзма в общем виде становятся идея о развитии и связанные с нею попытки создания «универсальных» законов, индивидуализация исторического исследования, примат нарратива, интуитивизм.

Наиболее убедительно эти черты воплотились в немецкой историографии³⁶, развитые в трудах Л. Ранке, Й. Дройзена, Ф. Майнеке и других.

В. Дильтей, будучи учеником Л. Ранке, пытался реанимировать историзм, отразить атаку позитивизма. Однако то, что ни он, ни его последователи — Г. Зиммель и Ф. Майнеке — не смогли решить дилемму, которую собственно сами и сформулировали, открыло дорогу релятивистским настроениям, уже в XX в. окончательно разрушившим историзм в его классической форме.

«Центральные проблемы исторической методологии или эпистемологии проистекают из того факта, что объективное знание прошлого может быть получено через субъективный опыт исследователя»³⁷. Таким образом, хотя герменевтически настроенные «историцисты», подобно Дильтею, намеревались укрепить историю как науку, разграничивая предмет, задачи, методологию, результаты исследования в «науках о духе» и «науках о природе», результатом оказался подрыв основ историцизма.

Дж. Барраклау, говоря о ситуации, сложившейся в начале XX в., констатирует:

- интуитивизм историзма открыл дорогу релятивизму и субъективизму;
- проблемы историзма усилили крен в сторону особого и индивидуального в истории, в ущерб обобщениям и поиску схожих элементов в прошлом;
- историзм предположил дотошную детализацию;
- историзм вел к изучению прошлого «ради самого прошлого» или к точке зрения, предполагавшей, что единственной целью историка является понимание прошлого опыта человека;
- под влиянием историзма распространилась вера в то, что сущность истории заключается в описании и соотнесении событий.

Основным противоречием историзма, приведшим его к кризису в межвоенный период, Барраклау называет попытку «построить позитивную веру в значимость исторического существования на историческом релятивизме».

С середины XX в. историзм обновляется, называя себя «новым». Сущность этой трансформации представляется весьма важной, так как она даст представление об основных темах дискуссий в современной историографии.

Трансформация связана с революционными событиями в историографии, происходящими уже во 2-й половине XX в. Речь идет о том влиянии, которое приобретают направления исследований и методы, взятые на вооружение французской школой «Анналов», исторической антропологией, об общей тенденции перехода исторических исследований на микроуровень и, наконец, о так называемом «лингвистическом повороте».

Все эти проявления ситуации постмодерна отразились и на состоянии историзма, который, по мнению многих историков, начал подъем, но уже с иным обоснованием.

Историзм действительно претерпел большие изменения. И в социально ориентированной истории (причем в ее разнообразных вариантах — от марксистской историографии и школы «Анналов» до американской квантитативной истории), и в направлениях, связанных с деконструктивистским дискурсом, проявляются различные аспекты того, что было характерно для «классического историзма».

Так, несмотря на широкие расхождения социально ориентированной истории (под этим понятием мы весьма условно объединяем разнообразные направления, появившиеся во 2-й половине XX в. во Франции, Германии, США, Англии, СССР) и историографии «классического» периода, их объединяет глубокая преемственность. Историки, концентрировавшие свое внимание на социальных процессах и структурах как главных составляющих и движущих силах истории, тем не менее разделяли некоторые кардинальные положения «классического» историзма.

В числе таких «символов веры» была убежденность в том, что объект и результат исследования историка совпадают, а историческая действительность и есть то, что описывает историк. Конечно, на это утверждение не могли не оказать влияния те размышления историков, которые были связаны с сомнениями в субъективизме исторических исследований, с эмоциональной, психологической и политической вовлеченностью историка в исследовательском процессе.

И все же они не играли существенной роли для историков этих направлений, поскольку те заявляли о возможности и реальности избежать такие явления, как субъективность, контртрансфер, путем применения «научных» методологий. Вообще, призывы к научности объединяли историков «социальной» ориентации с представителями славного прошлого XIX в. И те, и другие выступали за понимание истории как науки, причем в разных ипостасях по-разному.

Так, «неоидеалистическое», герменевтическое направление в историографии XIX в., попытавшись расправиться с претензиями позитивистов по поводу «ненаучности» истории (по сравнению с естественными науками), дало интерпретацию истории как науки о духе, отличной от «наук о природе». До Дильтея еще Ранке верил в научный статус истории, исходя из положения об адекватности исторической реальности (факта) и ее описания историком.

С приходом постмодернистского влияния в историографии постепенно утверждаются новые подходы к историческому исследованию и новые смыслы историзма. М. Фуко, например, выступает против «тотальной» истории, которая сопряжена с ее *историцистским* пониманием. В своей ставшей уже классической работе «Археология знания» (1969) он утверждает, что глубокие эпистемологические изменения в историографии, хотя и незаконченные, разрушили долгую традицию, возникшую как результат прогресса сознания, телеологии, эволюции человеческого мышления; они поставили под вопрос все основные темы, усомнились в самой возможности создавать тотальные объяснения для чего-либо.

Как многие постструктуралисты и постмодернисты, Фуко пришел к высшей стадии отрицания самой идеи глобальной, тотальной или тотализирующей истории (универсальной концепции, ее объясняющей). Настоящее в любом случае присутствует в прошлом, точнее в том, как мы его видим. Постмодернизм не отрицает неотступного влияния современных моделей знания или власти на изучение прошлого и вследствие этого невозможность создания таких интерпретаций, которые, как желал Ранке, были бы свободны от оценок и идеологических влияний. Напротив, среди представителей постмодернизма существует стремление отбросить иллюзии презентизма и соотнести их с современностью, вскрыть его историческую случайность³⁸.

С 1970-х гг. нарастает волна высказываний, в которых акцент делается на том, что на самом деле исторический процесс не может иметь направления, являясь набором дискурсов, изменений, перерывов, остановок, взрывов и т.д. В связи с этим любые

труды, которые направлены на выработку общих универсальных концепций, будут тщетными (будь то Маркс или Гегель и независимо от того, что они берут за основу своих универсализаций истории).

М. Фуко, Х. Уайт и ряд других авторов в полном соответствии с постмодернистской парадигмой считают, что изучение истории не дает нам возможности видеть ее как постоянный или закономерный процесс; он не имеет ни начала, ни конца, ни направления, ни определенного смысла.

Это отвечает той оппозиции «универсализации» истории, которую высказывают постмодернисты. Исторический смысл, считают сегодня многие, «инновационно порождается, постоянно создается субъектами исторической жизни; историческая деятельность субъектов различных формаций не изменяет заданного или, тем более, predetermined характера и в своем смысло-производящем аспекте является во многом недетерминированной и открытой; исторический смысл просто совпадает с историческим существованием». Такая «открытая» концепция, концепция «отсутствия» концепции близка, к пониманию истории, которое предлагает нам М. Фуко. Более того, вместо «тотальной истории» он говорит об «общей истории», которой пытается охватить стороны исторической реальности. Для этого, по его мнению, необходимо определить «вертикальные и горизонтальные линии» и структуры, из которых складывается общество, их подвижность, различные временные протяженности, влияние друг на друга, — иными словами, «составить все таблицы, которые возможно составить»³⁹.

Как и у многих других современных мыслителей, неприятие Фуко универсалистских концепций истории связано с разочарованием в результатах попыток их «применения на практике». Так, он заговорил о том, что идея о «целостном обществе» имеет корни в утопическом контексте. Она возникает в западном обществе в период кульминации исторического развития капитализма. Именно этим объясняется разочарование во всех связанных с «глобализацией» объяснительных схемах, в теориях о политических движениях и борьбе.

Образы представления историками прошлого

Не случайно в историософских представлениях современных западных исследователей преобладает концепция прерывности, разнонаправленности, структурированности исторического про-

цесса. И не только история подвергается такой «фрагментализации». Пожалуй, самым драматическим явлением XX в. стала идея о дискретности, дробление всех сторон человеческой жизни. Как уже отмечалось, первыми ее почувствовали математики, художники-авангардисты, открывшие новое представление действительности, на самом деле состоящей из фрагментов. Эта стилистика проникла буквально во все жанры искусства, литературу, кино, рекламную продукцию и т.д. Более того, она приняла философскую направленность. Идеи дискретности определяют сегодня и новый взгляд на взаимоотношение дискретного и непрерывного не только в науке и искусстве, но и в обществе. Именно идея дискретности нанесла окончательный удар по историцизму как способу восприятия мира, прочно утвердившемуся в европейской историографии с XIX в.

Подобные социокультурные изменения сказываются и на образе представления прошлого в трудах историков. Что важнее для понимания истории: то, сколько было построено мануфактур во Франции в XVI в., или то, как воспринимали люди перемены, связанные с их строительством? Что мы можем считать более информативным: рапорты генералов или солдатские письма женам? В связи с подобными вопросами, которыми сегодня задаются многие историки, возникают и новые образы истории: история повседневности, микроистория, история семьи, история детства, устная история и др. При этом смешаются не только акценты внимания историков, но сами способы и стили исторического повествования.

Даже в таких «традиционных» объектах исторического исследования, как история внешней политики, дипломатическая история, социальная история, главное внимание историка направляется не столько на макроуровень, где он замечает, как происходят военные события, заключаются договоры, конфликтуют экономические и политические интересы, сколько на образ жизни людей тех времен, на так называемую «вторую реальность», которую они создавали, перерабатывая свою действительность. Поэтому вполне понятно, почему литературные и художественные произведения, фольклор, этнографические материалы, памятники повседневной жизни, быта становятся сегодня важнейшими историческими источниками.

Возврат нарратива? Да. Сегодня многие говорят о возвращении старой, «рассказывающей» истории. Истории, близкой к литературе по стилистике и по методам, связанной с главным — преобладанием описания в работе историка. Возможно, такая

оценка сегодняшней ситуации в историографии и имеет под собой основания, но в целом, видимо, имеет место «возвращение нарратива» на новом витке и с новым теоретическим обоснованием.

Ставшее на Западе уже обыденным разочарование в «структурной» истории, отказывавшейся от нарратива (под «нарративом» мы понимаем организацию исторического материала в хронологической последовательности вокруг преимущественно одного связного сюжета⁴⁰) под предлогом его ненаучности, приводит сегодня к необыкновенной популярности «описательной» истории, ориентирующейся на микроподход, изучение человека, индивидуализацию и детализацию.

Сегодняшние историки нисколько не выше интеллектом, чем историки античности. От Геродота и Плиния история проделала долгий путь, и за два с лишним тысячелетия историки научились задавать новые вопросы прошлому. От простого «как?» мы перешли к «почему?» и придумали множество абстракций и идеальных типов, чтобы на основе сходств и различий выделять то общее, что объединяет разнообразные события и образует процессы. И тем не менее на исходе XX века историки столкнулись с ситуацией, когда их объяснения прошлого и предсказания будущего не удовлетворяют читателей. Более того, за экономическими схемами истории, за действиями глобальных исторических общностей, производительных сил и производственных отношений теряется общий смысл истории. Не случайно исторические сочинения перестали пользоваться спросом среди читателей: видимо, основанные на макроподходе, они оставляют в стороне главное действующее лицо исторических процессов — человека. Придя к такому заключению, многие историки требуют возвращения историческим трудам их антропологического содержания.

«Антропологический поворот» в историографии дает возможность историкам уже на новом уровне применять описания в своей работе. Из чего складывалась жизнь человека средневековья? Как жили в монастырях? Как наказывали преступников? Что составляло рацион человека во время Столетней войны? Эти и множество других вопросов занимают сегодня историков в той же степени, что и аспекты изучения «экономических отношений», существенно расширяя область познания истории за счет привлечения этнографических, литературных, антропологических, физиологических, психологических, экологических свидетельств.

Гуманизация исторического знания, антропологическая ориентация истории, «нетрадиционные» сферы исследований, основывающиеся на новых теориях (гендерная история, устная история,

история повседневности, микроистория), — все эти проявления современной историографической ситуации сейчас, в начале XXI в., представляются как закономерные проявления постмодерна.

Кроме того, они пересекаются с тем «лингвистическим поворотом», который так характерен для деконструктивизма и постструктурализма современности. Мы говорим о «лингвистическом повороте» и в историографии в целом. Главными его составляющими становится влияние методов и подходов литературоведения и лингвистики, причем коренным отличием нашего времени от предшествующего объявляется признание литературы в качестве своеобразной модели науки вообще. Кроме того, «лингвистический поворот» предполагает признание роли языка, его смыслов, структур, стереотипов, символики как в творчестве историка, так и в целом в человеческой культуре.

Еще со времен Хайдеггера утверждается представление о герменевтике как об онтологии. Бытие проявляется в виде феноменов, которые являют себя миру через язык. Бытие вообще, «бытие, которое *может быть понято*, есть язык»:

В мире же постструктурализма сам текст приобретает онтологический статус. История представляется как текст, при этом всякая наука — это наука о тексте или форма деятельности, порождающая текст. В результате вся деятельность историка, как и представителей иных дисциплин, является постоянным поиском «смыслов», бесконечным подразумеванием, отсылкой от одного означающего к другому.

Представители постструктурализма и деконструктивизма, продолжая линию герменевтики и структурализма начала и первой половины XX в., используют в качестве отправной точки тезис о том, что «слово и мысль, слово и смысл никогда не могут быть одним и тем же» (знаменитое противопоставление «being versus appearance» работает» и здесь).

В результате мир превращается в бесконечное множество взаимодействующих и полагающих одна другую смысловых инстанций. И именно в этом тезисе следует перейти к пониманию той роли, которую играет сегодня литературоведение. Именно из этой сферы приходят и распространяются в различных дисциплинарных и предметных областях подходы и методы, связанные с деконструктивистским взглядом на мир.

С приходом в историю понятия «деконструкции» изменяется не только и не столько методология исследовательской работы, сколько сам образ мышления историка. Сама деконструкция направлена на выявление внутренней противоречивости текста, обнаружение в нем скрытых и незамечаемых не только неиску-

шенным читателем, но и самим автором «спящих» остаточных смыслов. Эти остаточные смыслы достались нам в наследие от речевых практик прошлого, закрепленных в языке неосознаваемых стереотипов, которые тоже, в свою очередь, бессознательно и независимо от автора текста трансформируются под воздействием языковых клише его эпохи.

Деконструктивистски ориентированными становятся сегодня многие предметные сферы и поля исследований историков. Более того, некоторые направления изначально возникали и переживали свое становление под прямым влиянием деконструктивизма и теории нарратива. Женская и гендерная история, а также их теоретические обоснования, феминизм и постфеминизм с самого начала своего развития шли по пути деконструкции «традиционных» мужских дискурсивных практик (Дж. Скотт, Н. З. Дэвис, Л. Хант и другие).

Не случайно для многих представителей женской истории символичным становится «деконструкция» (где скрывается игровое отношение) значения такого термина, как history. Он складывается из частей, которые переводятся буквально с английского как «его история/рассказ». Создание же истории женщин – «her story» – стало отправной точкой для феминистской теории и практики уже в середине XX в.

Действительно, язык, являясь нашей средой обитания, определяет и существующие мифологемы, которые проникают в сознание незаметно, в процессе культурной социализации. Изучая дискурсивные практики той или иной эпохи, мы приходим к пониманию того факта, что язык отражает и отношения власти, и представление человеком своего мира, и гендерные роли. «Мир может быть познан только в форме литературного дискурса», он открывается человеку «лишь в виде рассказов, нарративов о нем».

В то же время язык играет не только пассивную роль «зеркала» нашего мира, но и активно влияет на общество. Язык создает нас так же, как и мы создаем его. Усваивая языковые конструкции, мы воспринимаем и формы, и стереотипы мышления. Наш язык – это продукт определенной культурной традиции, связанной специфическими приобретенными способами речи (тропами).

Это утверждение имеет особую ценность для понимания природы исторического творчества. При написании истории язык предлагает историку уже готовые конструкции, куда тот «вписывает» исторические события. Таким образом, деятельность историка сродни литературной. Порядок, который историк приписывает событиям, и их интерпретация являются чем-то сродни литературному сюжету.

Благодаря языку фиктивный элемент присутствует и в литературе, и в истории, но их коренное отличие состоит в осознании исторической основы, элемента реальности исторического прошлого. Если литератор повествует о фактах, хоть и типичных для своего общества, но все же вымышленных, и его работа является плодом фантазии, то историк имеет дело с фактами прошлого, имеющимся в его распоряжении практическим материалом.

Мы видим, что концепции деконструктивизма, сам «лингвистический поворот» определяют как гносеологическую, так и онтологическую части современной историографии. С ними связаны «возврат нарратива», переосмысление искусства рассказа. Английский историк Л. Стоун связывает эти явления с возникновением новых исследовательских областей и направлений в историографии — истории «народной культуры», «истории ментальностей», «повседневной истории», «устной истории»⁴¹.

«Лингвистический поворот» в «новой истории» сегодня во многом обусловлен и стремлением вернуть утраченную ею в связи с увлечением квантификацией и макроуровневыми исследованиями былую популярность в общественном сознании. Исторические труды, насыщенные количественным материалом, ориентированные на изучение структур и процессов в истории, на системно-структурный анализ и выполненные в рамках так называемой «социальной истории», имели огромное значение для повышения статуса истории как науки и продолжают играть большую роль для генерализации исторического процесса, выявления перспектив истории. Однако они же оказали определенное влияние и на падение читательского интереса, и на «кризис доверия», характерного и для бывшей советской, и для западной историографии. Опасность «вписывания» исторических фактов в уже готовые универсалистские схемы объяснения истории, умалчивание иных, противоречащих этим схемам данных оказалась вполне реальной.

В результате многие историки видят в возвращении к традиционным формам написания истории, к искусству повествования на новом теоретическом уровне генеральную линию сегодняшней историографии.

Идеи постмодерна в целом повлекли за собой существенное изменение тем исторических исследований и уровней исторического анализа. Вследствие общей демократизации ситуации в обществе во 2-й половине XX в., усиления процессов, связанных как с политико-идеологической борьбой, так и с научным поиском основ самоидентификации, «поиска себя», появляется ряд совершенно новых предметных областей истории.

Это — женская, или (с недавнего времени представленная в трансформированном виде) гендерная, история. Это — и устная история, ставящая целью не только зафиксировать непосредственные свидетельства участвующих в истории, но и предоставить для истории новый дискурс. Это — и история повседневности, и микроистория, которые направлены на «описание» быта людей в истории и пытаются открыть для историографии жизнь людей, «спрятанных» от истории на протяжении всех предшествующих эпох.

Все эти области являются по сути своей новыми направлениями исторической мысли, так как имеют свою идеологию, цели и методологические основы. Одной из них, можно сказать, даже определяющей, является постмодернистское понимание мира как текста, признание его многонаправленности, дискретности, его наполненности скрытыми смыслами прошлых дискурсивных практик, определяющих и наше восприятие настоящего.

Контрольные вопросы

1. *Что такое постмодерн?*
2. *Каковы основные проявления ситуации постмодерна в исторической науке?*
3. *Определите соотношение понятий «история», «прошлое», «реальность» в контексте идей постмодернизма.*
4. *Значение «лингвистического поворота» в историографии.*

1.5. ИСТОРИЧЕСКАЯ СИНЕРГЕТИКА

Ключевые слова

Синергетика, диссипативные структуры, самоорганизация, стабильность, бифуркация, устойчивость, альтернатива, адаптационные механизмы, системный подход, проблемы исторической синергетики, история Беларуси.

Вопросы для обсуждения

1. *Понимание стабильности для анализа социальных систем.*
2. *Основные положения, выдвигаемые сторонниками синергетики.*
3. *Использование в новой парадигме досинергетических системных работок.*
4. *Возможная схема синергетического видения истории Беларуси первых десятилетий XX века.*

Теоретические основы

Новое синергетическое видение. С теоретической точки зрения синергетику в исторической науке невозможно рассматривать вне определенных парадигмальных волн, характерных для системного представления, а следовательно, и тех системных методов, которые были характерны для данных волн.

Системные методы, распространенные в 40–70-х гг. XX в., базировались на ряде положений Л. Бергаланфи, Н. Винера, У. Эшби и др.⁴² Новый подход к системности, развитие которого начинается в 70-х гг., связан с развитием идей синергетики, основанной на теории диссипативных (рассеивающихся) структур И. Пригожина и разработанной в рамках термодинамического подхода к самоорганизации, работах Г. Хакена и автоволнового направления⁴³.

В чем основные отличия новой трактовки системности от предыдущей? В рамках предшествующей волны социальная система рассматривалась без учета внешней среды и тех энергетических потоков, в которые вовлечена система. Внешняя среда представлялась как препятствие в достижении системой стабильности. При этом вопросам энергетики не уделялось «почти никакой роли», а «замкнутость или открытость системы в энергетическом отношении» не имела «никакого значения»⁴⁴.

В новом системном анализе стабильность рассматривается не только как специфический случай развития динамической системы, проходящей бесконечный ряд нестабильных состояний, но и в том смысле, что система, захватывая потоки обмена, «трансформирует, организует их, навязывает им свою собственную пространственно-временную организацию»⁴⁵. Она «нацелена в первую очередь не на производство какого бы то ни было продукта, а на свое собственное самообновление в ориентированной на процесс структуре»⁴⁶.

Возможность «возникновения диссипативных структур зависит от таких глобальных параметров... системы, как их объем и форма», а также от условий, складывающихся на границе системы и внешней среды⁴⁷. Диссипативные структуры обычно возникают лишь в системах, по своим размерам превышающих некие критические величины. Вблизи точек бифуркации, когда система изменяет направление своего движения, существенную роль играют флуктуации («малые возмущения», способные в «моменты неустойчивости разрастаться в макроструктуры»), которые и определяют, какой из ветвей кривой будет далее определяться поведение системы⁴⁸. В то же время при нахождении системы между двумя точками бифуркации система повинуетея детерминистским законам.

Отсюда следует, что необходимо руководствоваться, помимо детерминистских, и вероятностными представлениями. Нетрудно заметить, что между законами, которыми определяется поведение систем, находящихся в состоянии равновесия, и законами, от которых зависит поведение систем, находящихся вдали от равновесия, имеются существенные различия. Спустя продолжительный промежуток времени память о начальном состоянии системы полностью утрачивается, что не позволяет ориентироваться на начальные условия в предсказании будущего развития системы. «Система теперь предстает перед нами, скорее, как набор когерентных, развивающихся, интерактивных процессов, проявляющихся во времени в виде глобально устойчивых структур, не имеющих ничего общего ни с равновесием, ни с жесткостью технологических структур»⁴⁹.

Для адекватного понимания и применения синергетики в рамках этой трактовки системности необходимо руководствоваться следующими положениями:

- направленность развития системы означает лишь развитие в сторону уменьшения стабильности структур (увеличение сложности системы сопровождается уменьшением ее устойчивости и возрастанием противоречивости)⁵⁰;

- внимание переносится с пространственных структур на процессы⁵¹;

- путь развития системы после бифуркации, когда она избавляется от отживших структур и формирует новые, воспринимается по одной точки зрения как непредсказуемый; по другой — как предсказуемый, но в вариантах, один из которых реализуется⁵²;

- невозможно говорить о факторе, определяющем основные процессы развития системы⁵³;

- объект, взятый как система, не обладает неизменными качествами⁵⁴;

- наибольшее влияние на развитие системы оказывает не мощное воздействие, а «продуманное воздействие» в определенный момент и в определенном месте⁵⁵;

- малейшие различия в начальных условиях со временем затухают, а усиливаются⁵⁶;

- стабильность — это лишь специфический случай в развитии системы, проходящей бесконечный ряд нестабильных состояний; равновесие выступает эквивалентом стагнации и смерти⁵⁷;

- взаимодействие системы и среды — решающий фактор для возникновения согласованного во времени поведения элементов (подсистем) открытых систем⁵⁸;

- для социальных систем характерен спектр «внутренних целей развития», причем попытки построить в этой среде что-либо противоречащее этим целям обречены на провал, все навязанное, несоответствующее среде будет разрушено⁵⁹.

Таким образом, применительно к истории, по А.П. Назаретяну, «становятся продуктивными такие категории, как "устойчивость и неустойчивость", "бифуркация", "аттрактор". Они способствуют превращению истории из преимущественно описательной (констатирующей) в теоретическую науку»⁶⁰. В то же время было бы неверно полагать, что в проведении исследования на основе синергетических положений не может быть использован аппарат системного подхода предыдущих волн. Напротив, он может и должен быть использован, хотя в большинстве случаев мы будем преследовать несколько иные цели исследования: искать, например, альтернативы историческим событиям. А при исследовании системы между точками бифуркаций будут вполне пригодны традиционные интерпретации структурного и функционального анализа, поскольку в это время самоорганизация имеет минимальное значение.

Здесь важно сразу обозначить наши расхождения с позицией В. Н. Садовского, который в одной из недавних работ заключил, что такие системные разработки периода 40–70-х гг., как общая теория систем и системный анализ, исчерпали себя, оказались «очень общими, поверхностными и грубыми, концентрируясь только вокруг свойств равновесности и устойчивости»⁶¹. Возможно, аппарат системного анализа и общей теории систем и устарел, но новая синергетическая парадигма системности не предлагает истории ничего взамен его для анализа системы, находящейся в равновесном состоянии.

При исследовании, например, международной системы 80–90-х гг. XX в. нет особой необходимости использовать синергетическую парадигму, поскольку не приходится говорить о бифуркации международной системы в этот период. Произошло лишь полное распространение (в отличие от частичного ранее) принципов, структуры и функции западной организационной схемы на сферу влияния, ранее подчинявшуюся СССР. Однако новый подход будет уже необходим при анализе процесса распада — бифуркации СССР и образования новых государств. Без него нельзя обойтись при исследовании международной системы, взятой в больших временных рамках, например в течение XX в., когда в поле зрения исследователя попадают такие всеобъемлющие бифуркации, как две мировые войны.

Таким образом, необходимость использования новой версии системного подхода в конкретном исследовании будет зависеть главным образом от двух факторов: 1) стадии, на которой находится исследуемый объект; 2) временного периода, в рамках которого его анализируют.

Современные концепции синергетической парадигмы. Представляет интерес схема синергетического исследования, предлагаемая Н.Н. Моисеевым. Несмотря на некоторые расхождения с положениями И. Пригожина, она в целом не выходит за рамки той же методологии. Н.Н. Моисеев предлагает анализировать развивающиеся системы с точки зрения действия двух механизмов: «адаптационных» и «бифуркационных».

Адаптационные механизмы обеспечивают развивающейся системе определенную стабильность в конкретных условиях внешней среды. Исследование этих механизмов позволяет с незначительными погрешностями предсказать определенные тенденции в развитии системы, ее возможное последующее состояние, так как адаптационные механизмы не дают ни внешним возмущениям, ни внутренним пертурбациям вывести систему за пределы «обозримого канала эволюции», заготовленного природой для ее развития.

Но существуют другие механизмы – бифуркационные, которые вступают в действие, когда происходит изменение ее организации. Особенно важно, подчеркивает Моисеев, что после бифуркации существует выбор из целого множества структур, и мы не можем предсказать, какая из них будет реализована. Система почти забывает свое прошлое, поскольку эта точка является для нее как бы разветвлением путей эволюции. Смысл процесса самоорганизации состоит «не только (и не столько) в совершенствовании отдельных организаций структуры, их приспособлений к изменяющимся внешним условиям», сколько в «замещении менее стабильных более стабильными в данной конкретной обстановке»⁶².

Не ограничиваясь ссылкой на возможность применения предлагаемой им методологии для анализа процессов, протекающих в обществе, Н.Н. Моисеев приводит конкретный пример анализа причин, приведших к краху СССР⁶³. Вкратце их можно свести к следующему:

1. Введенная жесткая регламентация любой человеческой деятельности была эффективна до времени, пока отвечала представлениям и интересам части народа.
2. Ускорение научно-технического процесса тормозилось из-за чрезмерной регламентации интеллектуального потенциала.
3. Структура общества была ориентирована на обеспечение сиюминутного благополучия управляющей элиты.

Историкам будет небезынтересно обратить внимание и на взгляд Н.Н. Моисеева на историю антропогенеза как на ряд последовательных бифуркаций⁶⁴.

Великолепный образец использования новой парадигмы дает И. Валлерстайн — представитель «мировой школы экономики» (неомарксистское направление). Его исследования базируются на признании системности мира и применении основных положений системной теории И. Пригожина. Системность мира в них развивается в следующих направлениях:

- Во-первых, в политическом плане — через разделение «глобальной империи» на центральную группу наиболее развитых государств (центр) и на весь остальной контингент государств со слабым уровнем развития (мировую периферию). Основным противоречием данной системы является попытка Центра сохранить характер существующих связей в противоположность стремлениям периферии изменить их в свою пользу⁶⁵.

- Во-вторых, в историческом плане — посредством введения понятия «историческая система» как одной из форм существования социального. Исторические системы с их автономностью, пространственной и временной ограниченностью, взаимосвязями в мировом масштабе демонстрируют торжество концепции, воспринимающей мир, структуру универсума, сплошь и рядом состоящей из взаимодействующих систем⁶⁶.

- В-третьих, в историко-экономическом плане, когда современная историческая система воспринимается как продукт диалектического противоборства двух ее разновидностей, структурных вариантов — мир-империй и мир-экономик. Мир-империи по своей сути страдали слабой взаимосвязью элементов, постоянно балансировали на грани распада, решали проблемы сохранения и увеличения территории посредством использования силы. Мир-экономики также склонны к экспансии путем выброса продуктов и установления прочных торговых связей (с учетом современных реалий это помогает более быстрому выходу из экономических кризисов). Долгое время все преимущества были на стороне мир-империй: грубая сила была более эффективной, чем лучшая организация связей. Но однажды силы уравнились, и затем мир-экономики стали не только выживать, но и все более теснить мир-империи, пока не поглотили их полностью, придя к своему логическому концу — универсальной мир-системе современности.

И. Валлерстайн анализирует такую особенность капиталистической мир-экономики, как наличие конкуренции между составляющими ее системами на любом уровне. Отсюда вытекает императив

максимального увеличения капитала и наказание, следующее при неподчинении этому императиву, — разорение⁶⁷.

Миросистемная теория И. Валлерстайна весьма специфически трактует роль и место национального государства. Оно рассматривается в основном как креатура всемирной системы экономической и политической власти, обмена и конкуренции. Нация-государство — менее связанный актор (действующее лицо), играющий главным образом те роли, которые определены для него мировой экономикой, политической и военной конкуренцией. Государство, таким образом, — это лишь посредник, главной задачей которого является обеспечение доминирования класса над мировым рынком. Мощные организации и авторитетные международные акторы будут, по всей вероятности, снижать динамизм мирового общества. Роль политических процессов, протекающих в границах отдельных государств, будет зависеть только от степени их влияния на процессы, протекающие в мир-экономике⁶⁸.

В соответствии с основными положениями теории И. Пригожина И. Валлерстайн находит правомерным разделение времени существования любой исторической системы на два условных периода: нормального функционирования и «перехода» через бифуркацию (точку насыщения), ведущую к новой системе, качественное состояние которой непредсказуемо. Все дело в том, что в период нормального функционирования структур исторической системы они в состоянии ограничивать свободу социальных агентов и, более того, способны диктовать им поведение, создавая предсказуемые варианты развития будущего. Приближение же системы к асимптотическому насыщению лишает структуры такой возможности, позволяя социальным агентам определить свое будущее и будущее всей системы. Бифуркация позволяет решить среднесрочные проблемы, давая, таким образом, новые возможности для развития системы после трансформации⁶⁹.

М.А. Чешков, выбрав в качестве объекта исследования мировое сообщество, находит возможным говорить о существовании двух идеал-типов современного мира, считая, что есть достаточные основания для того, чтобы усомниться в его «системности». Первой идеальной моделью, на его взгляд, является мировая социальная система (МСС), обладающая целостностью в отличие от второй модели — несистемной общности (НСО) — конгломеративного, суммативного или мозаичного объекта. Первая модель конституирована началом социальным, вторая — личностным. Поэтому МСС несет в себе неравенство частей, иерархический способ организации, а НСО — равноположенность частей и «гармоничность». МСС выглядит близкой к НСО при предположении, что

МСС — особый вид системного объекта (полисистема), основанный на связях, а не на элементах-атомах. Связи вероятностны, их детерминация носит синхронный характер. МСС, по схеме М.А. Чешкова, вписывается в эпоху социальной истории в точке ее завершения, а НСО — в начало эпохи личностной истории. Наложение этих моделей и дает реальную картину мира⁷⁰.

Какие же аргументы приводит М.А. Чешков в обоснование своих сомнений в «системности мира»?

- Во-первых, М.А. Чешков полагает, что наиболее общие проблемы выживания человечества не привели пока к сколько-нибудь осознанной общности интересов, потребностей, ценностей и, тем более, действий. Но, на наш взгляд, в современном мире, воспринимаемом как система дискретная, корпускулярная, которая может быть описана как система взаимонезависимых и в той или иной степени взаимозаменяемых единиц, в роли таких непосредственных организаторов выступают ООН и другие международные организации, соглашения на международном уровне по тем кардинальным вопросам, которые действительно требуют совместного урегулирования (разоружение, экология, терроризм и т. д.). Это несомненная характеристика современной мировой системы.

- Во-вторых, М. А. Чешков отмечает, что «культурная и историческая разнородность мира в целом и его составных частей необычайно возросла»⁷¹. Но опять-таки это вовсе не говорит о том, что мировое сообщество — несистемный, суммативный объект. Личностное и социальное — два взаимодействующих полюса, и им несвойственны принципиально различные механизмы функционирования и самореализации (наличие принципиально отличных механизмов противоречило бы законам диалектики). Личностному началу, как и социальному, не чуждо стремление к структурированию (об этом свидетельствует наличие такой пограничной формы, как институт брака, в том или ином виде присутствующей во всех культурах). Переход к личностному началу не влечет за собой *ipso facto* отмены системности и торжества суммативности, и никакие цивилизационные различия и проблемы в развитии межконфессиональных контактов не в силах остановить лавинообразные темпы в нарастании количества связей.

Сегодняшний мир — это, опять-таки, закономерный итог дивергенции, усложнения структуры и, как сказали бы кибернетики, увеличения степени свободы основной единицы общества — человека (в связи с гуманизацией общества, ростом интеллектуального потенциала, правом на свободу мнения).

А.И. Субетто говорит о целостности как о ключевой категории свойства системности. Механизм ее формирования может быть раскрыт через категории «структура» и «взаимодействие». Исходя из этого, система предстает как единство элементов и структуры. Автор ставит вопрос о двух возможных путях дальнейшего развития человечества: первый из них — переход в неклассическую историю, понимаемую как эпоха управляемой социоприродной эволюции. При этом на смену социально-экономическому гомеостазу приходит ноосферный гомеостаз, реализующий обратные связи посредством общественного интеллекта. Второй — исчезновение человечества в результате глобальной катастрофы, вызванной столкновением двух императивов — выживаемости и биосферного⁷². Поскольку в борьбе двух систем победа обычно предпрешена для системы с наибольшим разнообразием, то исчезновение человечества неизбежно.

Фуко выходит за границы определения социального актора и социального целого, говоря, что и субъект, и социальное целое являются просто фикцией. Его социальное наполнено хаосом; на этот хаос налагаются диалектически изменяющиеся определения для анализа — дисциплина, власть, знание⁷³.

Эти понятия становятся источниками порядка, точками, в которых значения приобретают фиксированный порядок. Но приобщение к системности четвертой волны у М. Фуко относительно — доминирующими элементами, перманентно навязывающими свою волю и определение мира, возможность фиксировать и определять, становятся власть и знание. Абстракции, как и у К. Маркса, М. Вебера и Т. Парсонса, опять правят миром.

Анализируя вышеозначенные концепции, можно заключить: они приобретают все большее влияние в современной теории общественных наук. Историческая наука не может использовать их без тесной интеграции со смежными дисциплинами (социологией, политологией, этнологией, психологией, экономикой и др.), проводимой на основе системных методов исследования. Это необходимо, поскольку полноценное осознание синергетических процессов и закономерностей невозможно без использования данных целого ряда общественных наук. При этом синергетическое историческое исследование может использовать системные методы, принадлежащие к разным парадигмальным волнам для анализа объектов исторической науки, находящихся на разных этапах развития (приближенных к точке бифуркации или удаленных от нее).

Синергетическое видение истории

Проблемы исторической синергетики. Историческая наука выступает как одна из сфер применения синергетического знания. Проникаемые в историографию парадигмальные изменения позволяют уже сегодня говорить об исторической синергетике, хотя и ведутся споры о самом ее понятии. Повинуясь все тем же синергетическим эффектам – бинарности существования, приходит неклассическое восприятие социальной истории.

Мощным ядром синергетики выступает ее довольно сложный математизированный аппарат. Технологические информационные средства, а не непосредственно (невооруженный) человеческий ум, уже сегодня выступают, как отмечает В.В. Суворов, в качестве инструментов познания. Такое состояние обусловлено опорой современного этапа прогресса науки и техники на технологии не в меньшей степени, чем на теории. «Почти повсеместно приходится иметь дело с информационными объектами, которые несоизмеримо превосходят возможности непосредственного оперирования ими человеком»⁷⁴. Проводником проникновения синергетического знания в историческую область выступает одна из отраслей истории – историческая информатика.

Историческая информатика позволяет представить тот или иной исторический объект как систему, включающую теоретический и прикладной компоненты, сочетающую циклическое представление о развитии с количественным анализом и моделированием нелинейных социальных систем. Такая перспектива, реализуемая средствами исторической информатики, как раз и предполагает выявление альтернатив социального развития, определение роли различных факторов в эволюции социальных систем, ее отдельных составляющих, изучение краткосрочных процессов и т. д.

Внимание привлекает возможность моделирования исторического процесса как сложной динамической системы, в том числе обнаружение и исследование таких синергетических эффектов, как состояние хаоса в динамике исторических социальных систем.

Историческая информатика позволяет осуществлять приращение нового знания, используя собственный потенциал историко-информационных средств, среди которых, например, выделяется ряд стандартных алгоритмов, реализованных в современных статистических программах и пакетах нелинейного анализа. В данном случае синергетика выступает как кладезь, где возможно черпать и изучать неклассические объекты истори-

ческого исследования, обогащая тем самым историческое знание раскрытием и изучением механизма действия хаоса на различных этапах жизни социальных систем.

Но следует иметь в виду и ряд трудностей, о которых говорится в работах Л.И. Бородкина и др. Так, для того, например, чтобы проверить гипотезу о наличии хаотических режимов в той или иной исторической системе, нужны источники, которые дают возможность реконструировать длинные временные ряды, характеризующие существенные свойства изучаемого объекта. Само же детектирование хаоса — «это в некотором роде «ноу-хау», где получение убедительного результата зависит от умения исследователя применить целый набор средств из «инструментального ящика» теории хаоса»⁷⁵.

Широта и глубина новой парадигмы позволяют историкам открыть новые грани существования социума, по-иному взглянуть на уже изученные проблемы, а также обеспечить вклад в синергетическую науку. Этот принцип не исключает прежнего классического подхода, а аккумулирует его определенный опыт. Синергетика не отрицает «прошлого» видения Универсума, а лишь изменяет акценты, давая возможность скорее понять, чем изучить мир истории. Новая парадигма не могла появиться ниоткуда; она имеет свою довольно интересную написанную историю. Синергетика уже по сути своей является историчной.

Приход новой парадигмы в историю открывает ряд неизвестных ранее проблемных полей. Акцентируется внимание на разнообразных синергетических эффектах, на случайности в ходе исторического процесса, на роль личности в истории, нарушение структур власти, альтернативность общественного развития.

Уже можно констатировать зарождение определенных центров синергетических исследований на базе Московского государственного университета. Вместе с тем историческая синергетика сегодня скорее находится в состоянии хаоса многообразий. И такой процесс вполне закономерен.

Имеющиеся синергетические исследования в области истории показывают, что формирование представления о ней идет по частному научному пути, т. е. пути рассмотрения ее отдельных аспектов вне связи с историческим процессом в целом, действий различных авторов в отрыве друг от друга. Существует немало различных, не всегда сводимых одна к другой, методик анализа различных сторон синергетической историографии. При этом используются только прикладные характеристики новой парадигмы, отвечающие специфике конкретной научной задачи. Возможно, такое положение в условиях активизации интеграционных процессов при-

водит к несогласующемуся взаимопроникновению результатов частных научных исследований, вызывает трудности в понимании сущности синергетического подхода к истории.

Современное положение исторической науки как раз вызывает потребность в рассмотрении исторического процесса в целом, и исторических объектов в частности как сфер синергетических. А оценка этих сфер предполагает синтез результатов исследования различных дисциплин с единых научных позиций, формирование интегрального представления истории.

Нельзя не согласиться с мнением Е. Н. Княzewой, которая констатирует, что синергетика в ее нынешнем виде, конечно, еще далеко не во всех случаях способна стать основой для получения конкретных и действенных моделей выхода из кризисных ситуаций, в особенности экономических и экологических. Но с позиций синергетики открываются возможности поиска универсальных принципов новой самоорганизации сложных систем, неких аналогов законов сохранения и эволюции⁷⁶.

Отсутствие единых синергетических подходов в истории сегодня очевидно. Ретрансляция синергетического знания из гуманитарной области на историческую характеризуется скорее неясностью, нечеткостью линий и границ применения новой парадигмы в историографии. Хорошо известна попытка применить такие синергетические установки, как самоорганизация и самоструктурирование, бифуркации и др. Но пока большинство работ не несут ясного понимания смысловой насыщенности представлений о самоорганизации. Недооценивается, как правило, беспощадность механизмов самоорганизации. Открытым остается вопрос об энтропийных процессах в истории и гуманитарной области в целом. Ощущается острая потребность в понимании сущности и места этого явления в здании современной исторической науки.

Нередки попытки рассмотрения «исторических» механизмов через призму синергетики, игнорируя диссипативность социальной системы. Однако протекающие в ней процессы всегда диссипативны⁷⁷.

В качестве отдельного вопроса исторической синергетики можно выделить проблему открытых и закрытых систем. Если естественные науки трактуют закрытые системы как системы полностью изолированные от среды, но имеющие возможность обмениваться энергией со средой через теплоотдачу или совершенную работу и т. д., то как эту трактовку могут трансформировать историки на область социума? Хотя по данному вопросу имеется немало работ, но в них опять-таки отсутствует единый подход.

Недостаточное внимание уделяется выяснению роли информационных процессов в историографии. Возможно, такое положение связано с современным состоянием методологии исследования самой информации, с ее представлением. Оно характеризуется, с одной стороны, попытками перейти на уровень системных исследований информации, с другой, — разобщенностью в рассмотрении информации с конкретно-научных позиций.

Растущий круг проблем исторической синергетики ширится. Это свидетельствует о жизнеспособности нового направления в историографии. Из хаоса рождается порядок, и такой синергетический вывод вселяет большие надежды, порождает оптимизм ожидания.

«Начало и конец и вновь начало» (Л.Н. Гумилев). Изучение универсальных закономерностей самоорганизации, спонтанного строительства порядка систем разной природы предполагает представление эволюционного развития как необратимого процесса, в котором действуют две силы — порядок и хаос. Процесс упорядоченности есть синтез их существования и взаимных переходов.

В соответствии с новой парадигмой конструктивно изменяется роль хаоса в истории социальных систем. Отвергается его монофункциональность. Порядок рождается хаосом, который никогда не исчезает, ни на одном повороте истории. Вместе с разрушением он имеет способность конструировать порядок на различных этапах формирования последнего, всегда сохраняя свое присутствие. Хаос мыслится как необходимая компонента существования и развития системы, будь она естественной или гуманитарной природы.

На языке синергетики эволюция социума представляется не только как периоды стабильного существования. На смену порядку каждый раз приходит ярко очерченное время «господина» хаоса, который будоражит жизнь авантюрами коренных перемен, перестроит глобального масштаба в рамках системы-социума, рождая порядок нового уровня. В результате общего действия многочисленных подсистем на макроскопическом уровне рождается совершенно новая структура, начинают работать законы, которые диктует природа нового образования.

Социум, как и большинство структур природы, система сложная, но она только подсистема, или одна из множества структур единой большой системы — Универсума. Одной из ее особенностей является память (наследственность), а точнее — эвридитарность. Наше настоящее, как и наше будущее, зависит от нашего прошлого, но не детерминировано им. После каждого хаотичного преобразования система стремится приобрести былую форму. Вместе с тем, древние были правы: в одну и ту же реку нельзя ступить дважды.

Исторические системы, как и мир, открыты и сложно организованы. Они подвержены необратимости, диссипации, нелинейности, неустойчивости. Судьбоносная роль выбора дальнейшего следования исторического объекта принадлежит различным, часто непредсказуемым случайностям. Их сила способна нарастать в критических точках исторического времени. Мир, а вместе с ним и социум, изменчив и поливероятен, но в нем существует также упорядочение, которое является отмеченным выше синтезом взаимопереходов порядка и хаоса.

Индикаторами «здоровья» для синергетических исторических объектов выступают хаотические приметы времени, тогда как порядок свидетельствует о болезненном состоянии. Порядок равен состоянию покоя, форме застоя; хаос же осуществляет переход от времени, которое остановилось, ко времени, которое идет.

Если о жизни человечества можно говорить как о самоорганизующейся системе, то о социальной революции — как системе, в которой детерминирует закономерность рождения, устойчивого существования и распада социальных структур. Терминологически синергетика передает такой ход развития, как прерывание времени существования зоны аттрактора флуктуациями в точках бифуркации. Не по таким ли принципам происходит и жизнь социума, исторический процесс?

Есть время порядка, которое налаживается твердой рукой государственной власти через такой инструментарий, как диктатура, тоталитарность, авторитарность, контрреформы, репрессии и т. д. И время «застывает», так как нет жизни личности, а есть жизнь государства, которое, чтобы сохранить свою монополию на диктат, не воспринимает новаций, делает жизнь граждан «тюрьмой на свободе», не терпит вольнодумства. Но какой пленник не мечтает о побеге? И мечтателей становится все больше и больше. Общество все более знакомится с новыми технологиями, формами хозяйствования, идеями (запретный плод сладок). Довольно быстро реагирует рынок, где начинает доминировать свободный капитал.

Время становится очень противоречивым. Вихрь «идей свободы», строительства иного института существования втягивает все больше социальных групп. Ярко выраженным становится один из синергетических эффектов, когда осуществляется коллективное движение микроэлементов системы. В условиях равновесия существования микроэлементы однородны, но когда возникает неустойчивость, природа которой может быть довольно разнообразной и ее тяжело прогнозировать, спонтанно возникает коллективное движение. На историческую арену выходит разрушительная функция

хаоса. При таких обстоятельствах одним «молекулам» исторической системы открывается возможность подниматься, а другим опускаться.

Что построит хозяин времени — хаос, на какой путь развития направит он, например, государство как исторический феномен? Все зависит от случайности. За время флуктуаций хаос может так сильно разыграться, что в результате возникает необратимость развития. Ветреница-случайность способна породить новую структуру и, более того, порядок, связанный уже с другой стороной системы, возможно и более трагичной — с ее уничтожением. Так возникает поливероятность, альтернативность, ассоциированные с возможным выбором пути дальнейшего следования. При такой ситуации становится очевидным еще один синергетический эффект, когда маленькие случайности в начале цикла процесса могут приводить к большим переменам в его конце.

Через такие потрясения система-государство способна «отбросить» состарившиеся, уже не нужные формы существования и следовать дальше. Но, как отмечалось выше, система стремится к прошлым формам, хотя координаты времени уже совершенно иные. Стремление осуществляется, но на другом уровне.

Чтобы новые структуры, формы стали успешно действовать, нужна рука настоящего хозяина. Государственная власть, как бы оправляясь от болезни, возвращается на арену действий с новыми силами, которые и дают ей возможность занять место хозяина положения. Хаос разрушил при строительстве или строил, разрушая? Так или иначе, но на смену ему приходит порядок.

«Власть» граждан к этому времени уже подобна на легкоатлета, который успешно пробежал дистанцию, осуществил мечту о победе. Он обладает достаточным потенциалом, но, чтобы добиться новых побед, ему нужны отдых и подготовка. Поэтому вновь возникает монополия государственной власти на жизнь своих граждан.

Со временем к государственному управлению приближаются довольно сильные личности, склонные к диктаторским (тоталитарно-авторитарным) способам управления. Их время обогащает систему, но в то же время действует принцип ячеек Бенара, которые свидетельствуют о критичности температур. Цикл повторяется снова, правда, уже на другом уровне, так как существование системы есть процесс необратимый.

Синергетическая схема отечественной истории первой трети XX века. Историческая синергетика сегодня входит в новый этап развития. Все больше внимание исследователей привлекает прикладное проявление синергетических эффектов — применительно к конкретным историческим событиям. Соответственно в истории, как

и в гуманитарной области в целом, можно выделить направление, в котором «синергетически» рассматриваются отдельные объекты глобальных процессов. Поклонники этого направления концентрируют внимание на таких составляющих, как выделение синергет (элементов синергетики), прослеживание альтернатив, выявление бифуркационных механизмов и т. д.

Вызывает интерес попытка целостного синергетического представления хода истории, ее эпох и этапов. Формулируя положения, высказанные в данном подразделе («Синергетическое видение истории»), молодой исследователь В.А. Латышева предлагает, например, следующую циклическую схему истории России, в т. ч. Беларуси, первых десятилетий XX в.:

Цикл А.

I. *Усложнение структур Российского социума на рубеже XIX–XX веков*, в том числе

а) экономической структуры системы (развитие капитализма, появление монополий и др.);

б) социальной структуры системы (формирование торгово-промышленной буржуазии, профессионального рабочего класса, «буржуазной интеллигенции», дифференциация сельского населения...);

в) политической структуры системы (появление политических партий, более высокая как в количественном, так и в качественном отношении организация политических структур);

г) культурной структуры системы (активное, в сравнении с предыдущим временем, формирование национальных структур).

II. *Проявление различных форм существования социума (1905–1907 гг.)*, когда определились его возможные альтернативы – либерально-буржуазная, революционно-демократическая, монархическая.

Цикл Б.

III. *Дифференциация структурных форм социума (1908–1916 гг.)*, в том числе:

а) экономической структуры системы (усложнение империализма как формы экономической структуры с ее банками, синдикатами, трестами, картелями);

б) социальной структуры системы (дифференциация в связи с разрушением сельской общины, становление сельской интеллигенции, дальнейшее расслоение всего российского социума);

в) политической структуры системы (установление «дуалистической» монархии – государства с сохранением структуры-царя и появлением элемента парламентаризма в лице Думы как зако-

нодательного органа и выборности в законодательный орган на основе как имущественного, так и национального ценза; становление монархического конституционализма; формирование режима личной власти монарха);

г) культурной структуры системы (национальное Возрождение, формирование национального литературного языка, появление «национальной» печати...).

IV. *Утверждение новых форм развития социума (1917–1920 гг.)* в условиях таких возможных альтернатив, как переход от буржуазно-реформистской формы к развитому капитализму, или от пролетарско-революционной — к социализму, или через контрреволюционный переворот — вновь к монархии и военной диктатуре, а также от предоставления народам права выбора государственных форм — к установлению единого Российского государства.

Цикл В.

V. *Усложнение структур социума (1921–1927 гг.)*, в том числе:

а) экономической структуры системы (переход к новой экономической политике, развитие различных форм хозяйствования);

б) социальной структуры системы (социальная дифференциация, выделение советского бюрократического слоя);

в) политической структуры системы (дифференциация монополюльно правящей партии большевиков, строительство «единого» СССР...);

г) культурной структуры системы (развитие национальных культур, осуществление белоруссизации и коренизации...).

Предложенную схему можно и дальше уточнять и развивать, однако уже достаточно ясно, что синергетика выступает не только как взгляд через новую парадигму, но и как связывающее междисциплинарное звено особой функции.

Контрольные вопросы

1. *Что такое синергетика?*
2. *В чем заключается сущность нового синергетического видения.*
3. *Охарактеризуйте современные концепции синергетического видения?*
4. *Приобретения и трудности исторической синергетики.*
5. *Критически оцените предложенную в подразделе циклическую схему отечественной истории первых десятилетий XX века.*
6. *Насколько точно передается суть исторической синергетики в стихотворении выпускницы исторического факультета БГУ 2005 года Ю.А. Заболотной:*

Случайность в истории

*Случайность значит очень много
Для тех событий и времен,
Когда повышена тревога
И принцип хаоса силен,
Когда бунтующие массы
Сметают все и вся вокруг,
Когда, отбросив все прикрасы,
Врагом становится ваш друг.
Теперь уже один лишь выстрел,
Один поступок, один ход
Существенно переосмыслит
Истории круговорот.
И мир пред нами вдруг предстанет
Воспрянувшим от всех невзгод,
Гармония во всем настанет,
Стабильность обретет народ.
Этап тот будет продолжаться
До той поры и того дня,
Пока для новых бифуркаций
В тупик не заведет себя.
Затем все снова повторится
И новый совершит виток.
Синергетический же принцип
Всегда найдет всему исток.*

Глава 2

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

2.1. ПРИРОДА ИСТОРИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА: СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Ключевые слова

Субъект и объект познания, историческая реконструкция, ретроспекция, мировоззрение, идеология, историческое сочинение, историография.

Вопросы для обсуждения

1. Специфика объекта исторического изучения.
2. Реконструктивный и ретроспективный характер исторического познания.
3. Коммуникабельность культур в историческом познании.
4. Влияние мировоззрения исследователя на историческое творчество.

Специфика исторического познания

Спор о том, является ли история наукой, имеет глубокие корни. Знаменитый швейцарский ученый Я. Буркхардт полагал, что «история вообще является самой ненаучной из всех наук», а английский историк Б. Бари, напротив, утверждал, что история есть «наука, не больше и не меньше». Ныне этот спор отошел в прошлое, и история заняла свое законное место среди других научных дисциплин. Однако вопрос о специфике познания в истории не утратил своей актуальности, и многие историки убеждены, что их познавательная деятельность ничем не отличается от работы физика или биолога. В этом отношении показательна дискуссия на страницах журнала «История и компьютер» между голландским историком П. Доорном и немецким М. Таллером, в которую включились многие ученые⁷⁸. Своими корнями дискуссия уходит в XIX столетие, когда представители немецкого историзма обрушились на позитивизм за его стремление максимально сблизить историю и естествознание путем реализации в истории основных исследовательских принципов и методов наук о природе. В соот-

нетствии с данной установкой предпринимались многократные попытки «математизировать» историю, «очистить» ее построение от всяких субъективных добавок, но большого успеха они не имели.

Было бы неправомерно утверждать, что естествознание вообще не влияет на историческую науку. Напротив, такое влияние следует оценить как глубокое и плодотворное. Идеалу «естествознания об обществе», приобретенному в XIX в. программный характер, — отмечает немецкий философ Х.-Г. Гадамер, мы обязаны исследовательскими успехами во многих гуманитарных областях⁷⁹. Использование историком количественных методов исследования и ЭВМ оказывает ему громадную помощь в постижении исторического процесса, и здесь накоплен значительный положительный опыт⁸⁰. При всем том науки об обществе не могут полностью следовать образцу естествознания, на что существуют объективные причины.

Исходный момент, определяющий специфику наук об обществе, в том числе об истории, заключается в том, что в них наблюдается качественное совпадение субъекта и объекта познания. Как писал Р. Ю. Виппер, «о жуках и грибах составляют науку посторонние им люди, а не сами объекты науки, тогда как в общественной науке изучаемый объект и изучающий субъект до известной степени совпадают, и она представляет собой именно то самое, что в определенное время и в определенной среде думают о людях и о своем собственном общечеловеческом прошлом»⁸¹. Совпадение не означает полного тождества, поскольку объект познания в своем прошлом существовании вполне независим от историка.

Сознание ясного разделения субъекта и объекта познания развилось до методологической зрелости первоначально в естественных науках, а затем распространилось на историю. История стала анализироваться как продукт воздействия человека, который можно рассматривать и оценивать. Условием для этого является дистанция между историком и продуктом деятельности общества. Расстояние между настоящим и прошлым позволяет объективизировать историю до ясно очерченной величины, снабдить историческое событие контурами факта, который можно исследовать. Однако это не устраняет проблемы качественного совпадения субъекта и объекта познания, определяющей особенности концепции исторической объективности в отличие от естественнонаучной. Историк не может столь же бесстрастно судить о событиях и деятелях прошлого человечества, как это делает химик, изучая очередные результаты проведенного эксперимента.

Для осознания глубины коллизии, возникающей между объектом и субъектом познания в процессе исторического творчества, необходимо рассмотреть особенности объекта исторического

изучения и характерные моменты познавательной деятельности историка. Главной отличительной особенностью объекта исторического изучения является то, что исторический процесс представляет из себя продукт сознательной целеполагающей деятельности человека. Совокупный продукт материальной и духовной деятельности человека составляет его культуру. В этом смысле история — наука о культуре и о культурном человечестве.

Человек наделен свободной волей, его поведение не поддается жесткому программированию, ввиду чего в истории ненадежны прогнозы и бывает трудно определить мотивы поступков того или иного героя прошлого. Конечно, деятельность исторической личности — царство не только свободы, но и необходимости. Каждый из нас ограничен теми предпосылками в культурной жизни, которые были созданы предшествующими поколениями, соответствующей социальной средой, природными условиями, индивидуальными задатками и прочим. Поэтому, сколь бы гениальной ни была личность, реально осуществимыми оказываются лишь те ее цели, которые соответствуют данным условиям места и времени, либо результаты оказываются недолговечны. Таким образом, общественная жизнь выступает как сложный сплав субъективных и объективных элементов.

Из совокупной деятельности отдельных лиц в историческом процессе возникают такие образования, значение которых далеко превосходит пределы отдельной личности: государство, церковь, наука, искусство и т. д. Историческая наука, как продукт деятельности человека, также есть часть некой системы, принадлежащей истории. Сам исследователь выступает как член определенного сообщества, т. е. он историчен. В этом смысле социальное познание оказывается самопознанием, в котором общество является субъектом и объектом одновременно. Успех такого самопознания в немалой степени будет зависеть от уровня развития общества, его ценностных ориентаций.

Общество предстает перед нами как постоянно развивающийся организм. Следовательно, объект познания у историка незавершенный, что порождает свои трудности при изучении текущей истории. Поэтому долгое время в ученых кругах вообще не считалось возможным создание научной истории современности, и она исключалась из преподавания. В программах учебных заведений новейшая история прочно утверждалась лишь в XX в.

Исключительно важно учитывать, что объект исторического изучения представляет собой прошлое, т. е. то, что однажды было и уже не существует. Каждый миг настоящее переходит в прошедшее, которое не вернуть и не повторить, как нельзя дважды

войти в одну и ту же реку. Это безвозвратно ушедшее прошлое недоступно прямому наблюдению исследователя, в связи с чем встает болезненный для историка вопрос о реальности его объекта познания. Может ли история, рассматривая столь специфичный объект, претендовать на достоверный характер своих исследований? Постоянно находились гиперкритически настроенные теоретики, ставившие под сомнение реальность исторического прошлого и объективность исторического познания. Едва ли не самыми радикальными среди них являются некоторые советские математики, последователи народовольца Н.А. Морозова, объявившие всю древность и раннее средневековье «творением эпохи Возрождения» и «укоротившие» мировую историю на несколько тысячелетий⁸². Подобная «перестройка» исторической хронологии не только искажает прошлое, но и вносит дезориентацию в историческое сознание общества.

Реальность прошлого, в первую очередь, удостоверяется нами через переживание настоящего. Субъективный опыт убеждает нас в реальности окружающего мира, который находится в постоянном движении к будущему. Обладая собственным выстраданным прошлым, мы имеем все основания признать его существование и у других людей, в том числе живших много раньше нас. Но дело не исчерпывается только субъективными переживаниями. Прошлое не уходит бесследно, оно в виде определенных результатов существует в настоящем. Современная европейская культура содержит целые пласты наследия античности или Возрождения, индийская или китайская — продолжают базироваться на основаниях, заложенных еще в III—I тысячелетиях до н. э. и т.д. Даже конкретные исторические события нередко восходят своими корнями в далекое прошлое, например Ближневосточный кризис.

Непосредственным звеном, связующим нас с прошлым, являются исторические источники, представляющие из себя реликты прошлого. Но это отдельный вопрос.

Со спецификой объекта исторического изучения связаны и особенности познавательной деятельности в нашей науке. Всякое познание представляет собой живое созерцание. Поскольку объект истории — прошлое и непосредственное чувственное его восприятие невозможно, то познание в исторической науке носит реконструктивный характер. Реконструктивное познание имеет место и в науках о природе, например в геологии, биологии или ботанике. Голландский историк П. Доорн вслед за палеонтологом С.Д. Гулдом отмечает, что не только история, но и естественные науки не стоят на позиции чистого наблюдения: вы не увидите электроны, тяготение или черные дыры. Первостепенная потребность любой

науки — не прямое наблюдение, а возможность выявления фальсификаций⁸³, хотя историческая реконструкция, конечно, отличается от естественнонаучной. Главная ее специфика заключается в том, что она субъективизирована не только на исследовательском уровне — ученым, но и на уровне источников — их творцами. Источники отнюдь не прямо и не адекватно отражают прошлое. Поэтому настоящей является верификация итогов исследования.

Естествоиспытатель для проверки своих заключений всегда может поставить эксперимент заново. Для историка такая возможность практически отсутствует, хотя наша наука и обладает некоторыми блестящими примерами в данной области. Среди таких экспериментов мы можем назвать плавание известного норвежского ученого Тура Хейердала на тростниковой лодке «Тигрис» по Персидскому заливу и Индийскому океану (до берегов Африки) с целью доказательства возможности торговых и культурных связей между древним Шумером и некоторыми районами Азии и Африки. Сюда же относится путешествие Хейердала на плоту «Кон-Тики» из Южной Америки на острова Тихого океана с целью доказать, что обитатели Полинезии и их культура происходят из древнего Перу, а также его плавание на папирусных лодках «Ра-1» и «Ра-2». Интересный эксперимент, получивший название «Наска», поставил Д. Вудмэн. Стремясь доказать, что древние индейцы умели строить летательные аппараты, он «воссоздал» древнеперуанский воздушный корабль — воздушный шар, на котором поднялся над пустыней Наска⁸⁴. Но, говоря словами американского профессора С. Хьюза, все это — драматические исключения из правила, число которых следовало бы увеличить, и «историки должны напрячь свое воображение, чтобы найти новые пути приближения к первичной материи исторического опыта»⁸⁵.

Не обладая возможностью с помощью эксперимента контролировать свой материал и подтвердить результаты своих исследований, историк вынужден апеллировать к более гипотетическим критериям проверки достоверности познания: к социальной практике вообще, либо к совокупной практике исторических исследований, либо, наконец, к исходному источниковому знанию. Все эти проверки имеют смысл, однако никогда не приводят к определенности. С их помощью невозможно окончательно подтвердить либо опровергнуть те или иные результаты исследования, но их вполне достаточно для создания системы непротиворечивых знаний, имея в виду согласованность исторических знаний между собой с общенаучной картиной мира и с современной социальной практикой.

Другой важнейшей особенностью исторического познания является его ретроспективный характер. На эту специфику обратил внимание еще И.Х.Ф. Шиллер. «Всеобщая история, — говорил он, — исходит... из принципа, прямо противоположного фактической последовательности событий. Фактический ход событий есть переход от начала вещи к ее теперешнему состоянию. Наоборот, историк отправляется от теперешнего положения вещей и идет назад, к их генезису»⁸⁶. Ретроспективные выводы имеют свои преимущества. Так, рассматривая завершённые процессы, исследователь может более уверенно судить об их генезисе и итогах. Всякое явление он способен представить как в ретроспективе, так и в перспективе. Историк в принципе доступно более глубокое понимание смысла событий, чем их современникам; ему не надо гадать: кто одержит верх в кровавой битве под Верденом, чем завершится поход Непобедимой Армады, направленной на завоевание Англии, или переход Цезарем с войсками реки Рубикон. Он знает результат, и это знание накладывает неизгладимый отпечаток на всю работу ученого.

Но дело не только в этом. Историка разделяет с деятелями прошлого мировосприятие. Как справедливо предупреждал С.Л. Утченко, «мы должны все же отчетливо сознавать, что речь идет о нашем восприятии и наших оценках, тогда как восприятие тех же самых событий современниками было совсем иным, да и сами-то события выглядели для них вовсе не так, как для нас»⁸⁷. При этом вовсе нет гарантий, что взгляд специалиста предпочтительнее. Выделяя отдельные события, потомки, по словам А.Г. Кузьмина, подправляют сведения о деяниях прошлого, «они подтягивают их под собственные представления и желания. Борьба за наследство редко обходится без искажения истины, даже если искажение и не осознается»⁸⁸.

Каждая эпоха имеет центр тяжести в самой себе, «каждая жизнь есть, — по словам Х. Ортеги-и-Гассета, — точка зрения на вселенную. Каждая видит то, что видит она и не может увидеть другая»⁸⁹. Современная культура как «система живых идей» не представляет исключения и ограничена собственными рамками. И вот здесь-то и заключена целая проблема: может ли историк, являясь продуктом своего времени и своей культуры, адекватно понять прошлое?

В теории исторического познания стоит вопрос о коммуни-кабельности различных культур, т. е. насколько представители одной эпохи или культуры способны вообще к диалогу с представителями другого исторического мира. Для исследователя нового и новейшего времени он менее болезненный, чем для

историка древности и средневековья, хотя и здесь сложности возникают на каждом шагу. Достаточно вспомнить о трудностях в понимании европейцами основополагающих элементов современной политики и культуры афро-азиатских стран. Известный английский этнограф-африканист Б. Дэвидсон свидетельствует: «Мы можем подойти к пониманию искусства Африки только путем упорного изучения характера этой цивилизации. Это очень трудно, ибо наша культура городского индустриализма увела нас далеко в другую сторону. Отделив науку от религии, мы теперь почти не способны понять те общественные явления, которые все еще отражают целостный характер поведения людей, принадлежащих к другой эпохе»⁹⁰. Что же говорить о достоверной интерпретации явлений далекого минувшего? Разный жизненный опыт порождает у людей неодинаковые представления об окружающем мире, о границах реального.

Например, духовную жизнь средневекового человека невозможно представить без веры в дьявола, демонические существа, оборотней, колдунов и ведьм. Продажа души дьяволу, договоры с ним являлись для средневекового человека не воображаемой, а «подлинной» реальностью. До нас дошли образцы таких договоров, представленных на инквизиционных процессах. Но самое удивительное в том, что действия «одержимых» во время изгнания дьявола, сопутствующие этому процессу явления, засвидетельствованные многочисленными авторитетными очевидцами, выходят за границы реального с нашей точки зрения⁹¹. Отказываться в доверии этим свидетельствам мы не имеем права, поскольку тогда единственным критерием достоверного мы будем вынуждены признать наш собственный опыт, порожденный современностью. Как указывал Н.К. Никольский, «едва ли совместимо с исторической критикой объявлять бессмыслицей показания источников потому только, что они не поддаются нашему пониманию за утрату объясняющих их материалов, или потому, что разрушают предвзятые теории»⁹². Во всяком случае все подобные «чудеса» являлись действенным фактом общественного сознания средневекового общества и реально определяли его жизнь.

Знаменитый французский этнограф и философ К. Леви-Строс, изучая шаманство у американских индейцев, пришел к выводу, что «колдуны, по крайней мере самые искренние из них, верят в свою миссию и что это убеждение основано на реально переживаемых ими специфических состояниях»⁹³. В итоге не вызывает сомнений сила воздействия некоторых магических обрядов. Хотя очевидно, что действенность магии зависит от веры в нее: веры колдуна в действенность своих приемов, веры больного, которого

колдун лечит, или жертвы, им преследуемой, и доверия общества к его требованиям⁹⁴. Все это свидетельствует о том, что подлинное понимание иных культур требует не простого рационалистического анализа составляющих их явлений, а расширения наших собственных представлений о реальном.

История и современность

Современная историческая наука своими корнями уходит в XVII в. Она базируется на скептическом рационализме, разрушившем основы традиционного общества. Она стремится к поиску истины, понимая под ней очевидное, поддающееся рациональному объяснению. Мы не так уж далеко ушли от Гекатея Милетского, который, формулируя свое методологическое кредо, заявлял: «Это я пишу, что считаю истинным. Ибо рассказы эллинов, как мне кажется, необозримы и смешны». Соответствующим «рациональным» образом Гекатей и интерпретировал все, что ему казалось «смешным». Для становления истории как науки метод древнегреческого ученого имел первостепенное значение, но вряд ли его можно рассматривать как универсальный и достаточный сегодня. К сожалению, до сих пор все, что не умещается в умственный кругозор исследователя, им зачастую игнорируется либо «объясняется» с точки зрения очевидного. Однако «очевидное» для каждой эпохи свое, и наши претензии на единственно верное понимание исторических событий сомнительны. Рациональный метод оказывается недостаточно эффективным при объяснении поступков людей, чьи действия определялись стихией иррационального.

Фактически в нашей реконструкции прошлого речь идет о другой истории, отличной от той, какой она виделась современникам событий. Само современное общество переживает кризис рационализма. Доминанта духовного в постиндустриальной цивилизации порождает иную ментальность, допускающую значительную роль иррационального начала в жизни общества. Разочаровавшись в аксиомах теории прогресса, благах индустриализма и постулатах рационализма, общество ищет нового диалога с прошлым. Оно ставит вопрос, правильно ли мы его трактовали и использовали ли накопленный поколениями опыт? Все это не только выдвигает перед исторической наукой новые исследовательские задачи, но и делает реальным вариант «непредсказуемого прошлого».

Следовательно, историк, претендующий на аутентичное истолкование прошлого, должен прежде всего признать исторически относительный характер своего собственного мировосприятия,

являющегося, по словам О. Шпенглера, «выражением только одного определенного существования». Ему необходимо уяснить, что иные культуры с такой же убежденностью отстаивали другие истины⁹⁵. Так, в частности, обстоит дело с «чувством» истории.

Наша культура в своей основе исторична. Для нас историческое сознание настолько очевидно, что трудно себе представить, что оно могло отсутствовать у кого бы то ни было. И тем не менее ни шумеро-вавилонская, ни древнеиндийская, ни древнеегипетская культуры им не обладали, они не выработали ничего приближающегося к историческим сочинениям. В лучшем случае они создавали полумифистические хроники, посвященные богам. Даже греческая общественная мысль имела доминирующую тенденцию, основывающуюся на резко антиисторической метафизике⁹⁶. Для традиционного общества, по словам М. Элиаде, вообще характерны тенденция сопротивляться конкретному историческому времени и стремление периодически возвращаться к мифологическому первоначалу, к «Великому времени». В этом пренебрежении историей, т. е. событиями, не имеющими доисторического прообраза, и в этом отказе от профанного непрерывного времени румынский ученый усматривает определенную метафизическую оценку человеческого существования⁹⁷. Поэтому историк древних культур оперирует с материалами, в которых миф и реальность органически переплетались и протекают нередко в псевдоистории. Современной научной рациональной историографии нелегко освоить подобный материал и сделать достоверные выводы о действительно имевших место событиях.

Исследователи конца XIX – начала XX вв. обратили внимание на тот факт, что разные исторические эпохи в неодинаковой степени благоприятны для раскрытия смысла истории. А. Тойнби отмечал, «что живость исторических впечатлений пропорциональна их силе и болезненности». Например, «француз, взрослевший в период франко-прусской войны и Парижской коммуны, переживший все взлеты и падения 1870–1871 гг., оказался наделенным куда более острым историческим сознанием, чем любой из его современников в Швейцарии, Бельгии или Англии»⁹⁸. Н.А. Бердяев был убежден, что целостные эпохи не способствуют историческому познанию, сама историческая наука возникает в критическую эпоху⁹⁹. Действительно, историческая наука родилась в переломный период греческой истории, когда последняя вышла за рамки отдельных полисов. «Отец истории» Геродот опирался на опыт своих предшественников-логографов, но его труд резко выделяется на их фоне. «История» Геродота была вызвана к жизни

событием, всколыхнувшим почти весь тогдашний исторический мир, — греко-персидскими войнами, которые помогли ему возвыситься над местной историей.

Разные исторические эпохи порождают и различные по характеру исторические сочинения. Исследователь античной историографии В.П. Бузескул в этой связи отмечал, что произведения греческих авторов, претендующие на универсальную точку зрения на историю, могли появиться только в соответствующее им время, когда сами события приобрели более или менее всеохватывающий характер: Геродот — современник греко-персидских войн, Эфор — возвышения Македонии при Филиппе и Александре, Полибий — римских завоеваний в Средиземноморье, слияния Востока и Запада в одной Империи¹⁰⁰.

Современность не только определяет исторический кругозор, но и делает для нас более близкими и понятными одни эпохи и отдаляет другие. Так, историки начала XX в. много писали о близости процессов, протекавших в античной и современной им европейской истории, сопоставляя последнюю то с переходом от эллинизма к Римской эпохе, то с Гражданскими войнами в Римской республике I в. до н.э. Ими было глубоко подмечено, что многие явления экономической жизни греко-римской цивилизации стали доступны для научного понимания только недавно, когда ново-европейская культура достигла соответствующей стадии развития — капиталистической.

Интересный пример на тему понимания в истории приводит Н.И. Кареев. Ученый признается, что в годы гражданской войны он лучше стал понимать некоторые явления эпохи Французской революции: «Мне всегда казалось маловероятным, и я даже как бы не верил, что во время Французской революции за чашку кофе приходилось платить сотни или тысячи ливров. Я готов был видеть в этом одно из бывающих нередко преувеличений какого-либо редкого, исключительного, но чрезвычайно обобщенного факта. И, лучше сказать, я не верил, хотя на этот счет говорила масса достоверных источников, а скорее, просто не понимал, как могла существовать такая невероятная дороговизна и как с нею справлялось население. Здесь была для меня некоторая невразумительная историческая проблема, которую разрешил для меня наш собственный исторический опыт»¹⁰¹. Это свидетельствует о большом гносеологическом значении опыта современности для понимания прошлого.

Таким образом, мы видим, что познавательные возможности историка определяются не только его личностными качествами, профессионализмом, но и в решающей степени современной ему

действительностью, уровнем развития общества, членом которого исследователь является. Импульс, получаемый ученым от современности, является системообразующим в исторической науке. В своей деятельности историк исходит из задач, диктуемых ему общественной жизнью, поэтому трудно найти значимое историческое сочинение, в котором бы так или иначе не рассматривались волнующие современность вопросы. Как справедливо подчеркивал Н.И. Кареев, историческая книга — «не простое зеркало, в котором отражается внешняя сторона прошлого, не самопишущий аппарат, отмечающий общественные явления и создающий нечто вроде протокола, это — продукт мысли, перерабатывающий в своем горниле данные опыта, продукт... творческого духа, практической мысли в одной из ее форм»¹⁰². Великий исторический труд мыслится только в определенном обществе и как результат деятельности конкретного автора.

Переживаемая эпоха задает историку определенную систему представлений, в рамках которых движется его научная работа. Независимо от принадлежности исследователя к тому или иному общественному лагерю, политической партии или научной школе, в его построениях будет многое, что свойственно самой эпохе. Так западные и российские историки первой трети XX в. и различных политических ориентаций в равной мере исходили из идеи грандиозного перелома в истории Европы, вызванного I-й мировой войной. Как писал Р.Ю. Виппер, жизненный опыт поколения, пережившего войну, «необычайно обогатился», и теперь уже не история учит понимать и строить жизнь, а жизнь учит толковать историю¹⁰³. Была выдвинута концепция конца индустриальной системы в целом, заката европейской культуры и наступления нового средневековья (Н.А. Бердяев, Р.Ю. Виппер, О. Шпенглер). Хотя столь пессимистические настроения разделяли не все, но общую атмосферу создавала убежденность в том, что лучшие времена нашей культуры уже позади. В этих «похоронах» активно участвовали и большевистские авторы, провозглашавшие приход социалистической культуры на смену буржуазной.

При всем желании историк не может выйти за границы своего времени или отстраниться от волнующих общество проблем. Современность — это не просто эмбриональная среда, в которой развивается историческая мысль, но и своеобразный инструмент, направляющий проблематику исследований, воздействующий на их основные выводы и оценки. Перемены в общественном строе, государственной или национальной политике так или иначе сказываются и на историографии. Они побуждают исследователей пересмотреть свои воззрения на историю в соответствии с из-

менившимися условиями. Такой пересмотр затрагивает не только ближайшее к нам прошлое, но и самые отдаленные периоды, если речь идет о концептуальном переосмыслении. Прошлое как бы открывается перед нами новыми сторонами, высвечивается с новых, неожиданных позиций. Наиболее радикальные перемены наблюдались в историографии второй половины XIX в., когда на смену политической истории пришла социальная, вызванная к жизни обострением социально-экономических вопросов капиталистического общества¹⁰⁴.

Однако речь вовсе не идет о простом «переписывании» истории с постоянно меняющихся точек зрения. Мы не должны оказываться в западне исторического релятивизма, утверждающего, что каждое поколение, каждая социальная группа препарировует для себя всю традицию о прошлом, творит для себя идеальное прошлое в угоду своим интересам¹⁰⁵. Прагматический подход к прошлому имеет место, но он не исчерпывает собой взаимосвязи истории и современности. Следует согласиться с Н.А. Ерофеевым, что «постоянное возвращение к сделанному, пересмотр его отражают поступательное движение науки, ее неуклонное стремление к полному знанию»¹⁰⁶. Как и всякая наука, история не только отражает в своем развитии влияние современности, но развивается по своим внутренним законам и собственной логике.

Другое дело, что исторический образ прошлого по своей природе никогда не является завершенным, т. е. окончательным. Прошлое столетие принесло невиданное расширение наших представлений о «начале» истории, были открыты шумерская и индская культуры. Говоря словами К.Ясперса, «перед нами разверзлась пропасть прошлого и будущего». Историю поэтому «нельзя ограничить ни с той, ни с другой стороны, чтобы обрести тем самым замкнутую картину, полный самодовлеющий ее образ»¹⁰⁷. Этот образ не завершен и в том отношении, что каждая эпоха добавляет к нему нечто свое, и, пока продолжается человеческая история, в него будут вноситься свои коррективы.

Роль мировоззрения исследователя

Влияние современности на историческое творчество реализуется через мировоззрение исследователя. Корни исторической теории, которой руководствуется ученый, обнаруживаются в его мировоззрении. В этом отношении оно задает исследователю соответствующий угол зрения на материал, влияет на его категориаль-

ное формирование, на компоновку фактов и их оценку. Такая связь научной позиции историка с его мировоззрением объективна и не зависит от его сознания.

Учитывая роль мировоззрения в научном познании, невольно обращаешься к вопросу о природе мировоззрения. В. Дильтей утверждал, что оно формируется в повседневности, вне науки. «Мировоззрения, — писал он, — не являются созданием мышления. Они не являются в результате одной лишь воли познания... Они являются в результате занятой в жизни позиции, жизненного опыта, всей структуры нашего психологического целого»¹⁰⁸. Каждое мировоззрение, подчеркивал немецкий философ, «обусловлено исторически и потому ограничено и релятивно». Каждое выражает только одну точку зрения на мир и потому не может претендовать на универсальность¹⁰⁹.

Действительно, на формирование взглядов ученого немалое влияние оказывает та социальная среда, в которой он воспитывался, с которой он связан своими жизненными интересами. Отсюда проистекают его классовые, партийные, национальные, конфессиональные, расовые, половые пристрастия. Биосоциальные характеристики историка тем или иным образом воздействуют на его научную деятельность. В разные времена и в разных культурных образованиях одни из этих характеристик выдвигаются на авансцену, другие отходят на задний план. В прошлом, в начале XX в., особенно подчеркивалась классовая и национальная принадлежность исследователя. Именно тогда возникла проблема партийности в науке. Но если мы обратимся, например, к античности, то узнаем, что там главной характеристикой историка была не его классовая позиция или национальность, а принадлежность к определенному полису и сословию. В период же Реформации важнейшим моментом, определяющим направленность исторических исследований, было отношение ученого к католической церкви, т. е. его конфессиональные воззрения.

Признавая наличие в историографии всех указанных оценочных суждений, связанных с мировоззрением исследователя, мы не можем сводить к ним научное познание. Воззрения человека формируются не только в повседневной жизни; как ученый он складывается в результате научных занятий, и этот момент является определяющим. Занятие наукой вырабатывает у историка критическое мышление, позволяющее контролировать свою деятельность, а также накладывает на него определенные моральные и профессиональные обязательства, которым он должен следовать.

С мировоззрением историка в немалой степени связан его научный язык. Категориальный аппарат, которым пользуется исследователь, он получил от предшествующих поколений; его понятия отстают от происходящего в науке движения. «Вначале символы живых комбинаций мысли, — писал Р.Ю. Виппер о категориях, — они надолго переживают общее воззрение, которое их вызвало»¹¹⁰. Понятия не способны охватить исторические события в их целостности. Укрепившись в науке, термины нередко превращаются в неоспоримые общие факты, под которые подгоняется живой материал. Поэтому в науке настоятельно необходимым является процесс регулярного пересмотра, «очищения» понятий от пережитков устаревшего мировоззрения.

В любом случае наш научный язык является выражением современных отношений и представлений об обществе и об окружающем мире в целом. «Понятия, связанные с объектом нашего интереса, которые мы привносим в эти (изучаемые. — А.Н.) события, — заметил уже Г.В.Ф. Гегель, — мы находим не в далеких эпохах, даже не в высокой цивилизации Греции и Рима; они свойственны нашему времени»¹¹¹. Отсюда очевидной становится опасность неадекватного перевода языка документов на современный, искажения смысла явлений прошлого при передаче его в наших научных категориях. Эта опасность двоякого рода: она приводит как к модернизации, так и к архаизации прошлого, а нередко и просто к подмене понятий.

Трудности перевода языка одной культуры на язык другой связаны, в первую очередь, с разным жизненным опытом, выработанным ими. Например, исследователь национальной религии Японии «синто» С.Е. Светлов обращает внимание на тот факт, что понятие «синто» различно трактуется в научной литературе. Одни определяют его как «комплекс социальных и политических идей», другие — как «набор поверий, обычаев, примет и обрядов», третьи — как «культуру и обычаи», а то и как «обожествление природы, рожденное восхищением ею»¹¹², хотя в данном случае речь идет о живом явлении в истории японской культуры. Что же тогда говорить об идентификации давно исчезнувших явлений, о которых сохранились нередко только косвенные свидетельства? Они никогда не смогут получить однозначного выражения в нашем языке. Дискуссионными были и остаются понятия, отражающие различные категории зависимого населения древности: «мушкенум», «гуруш», «джет», «мерет», или различные понятия, связанные с передачей религиозного опыта наших пред-

ков. Извлеченное из источников понятие должно быть подвергнуто тщательному анализу и дефиниции и только после этого применено в работе. Близость к источнику не гарантирует преимуществ употребления понятия, поскольку источник редко раскрывает его содержание.

Очевидно, чтобы дать не только внешнюю канву событий прошлого, но и уяснить их смысл, исследователь должен понять прошлое изнутри, попытаться оценить его в тех категориях, которыми оперировали современники событий. «Нет никаких оснований для идеализации прошлого, — пишет Б. Дэвидсон. — Но есть немало оснований для того, чтобы понять его. Если мы согласимся с этим подходом, то начнем постепенно разбираться в том, что в действительности делали и думали люди и почему»¹¹³. В этих целях в немецкой историографии был разработан метод «вживания» (И.Г. Дройзен, В. Дильтей), базирующийся на принципах герменевтики.

В наиболее общем виде он заключается в следующем. Поскольку историк имеет, прежде всего, дело с текстами (письменными источниками), то он должен обратить внимание не только на содержание источника, но и процесс его передачи, на связанные с передачей намерения. Мы должны понять и истолковать мотивы, определяющие поступки исторического деятеля, его намерения, исходя из жизненных обстоятельств и всей личности героя. Понимание должно быть ориентировано не только на действующее лицо, но и на то, что было очевидным для его времени. Л. Ранке при этом требовал от исследователя погасить свое «я», чтобы не смешивать личное с чужим. Хотя, с другой стороны, понимание может основываться только на подобии, способности одного человека понять другого¹¹⁴. Поэтому психоисторики, напротив, настаивают на необходимости широкого использования собственных чувств как инструмента исследования. Так, Л. де Моз заявляет: «Психоистория, как и психоанализ, — наука, в которой личные чувства исследователя не менее, а, может, даже более важны, чем его глаза и руки. Как и глаза, чувства страдают погрешностями, они не всегда дают точную картину. Но ведь психоистория имеет дело с мотивами людей, поэтому оценка мотивов во всей их сложности только выиграет, если психоисторик начнет идентифицировать себя с действующими лицами истории вместо того, чтобы подавлять чувства, как проповедуется и практикуется в большинстве «наук»¹¹⁵.

Базируясь на принципах понимания, французский писатель и историк П. Декс, автор биографии царицы Клеопатры, следующим образом формулирует свой исторический метод: «Чтобы

понять происходящее, нужно проникнуться опасениями той эпохи, предвещающей христианскую эру, по меньшей мере, на одно поколение, нужно жить ее тревогами, ощутить гигантскую приливную волну, швырнувшую сменяющих друг друга полководцев в горнило битвы, услышать, наконец, грохот падения этого дуба — Помпеи. Попытаться стать таким же, как люди того времени, жертвами слухов, поддающихся проверке лишь через недели, а то и через месяцы, представить себе этот сумбур, превращающий политический расчет в сложнейшую дилемму и погрузиться в пучину неизвестности, когда пользы от средств связи было столько же, сколько от нынешней телепатии»¹¹⁶.

Однако добиться должного результата крайне сложно, учитывая ретроспективный характер исторического познания. Историк знает итог изучаемых процессов, будущее прошедших эпох, которые мы пытаемся понять и мы не можем абстрагироваться от этого знания. Это знание отчуждает от нас прошлое. Поэтому по-своему прав американский ученый С. Хьюз, утверждая, что историк «не может рядиться, как это он иногда пытается делать, современником описываемых событий. Его действительное положение значительно более рискованно»¹¹⁷. Конечно, исследователь не может отделаться от своего «привилегированного» положения по отношению к прошлому, но он не вправе и отказаться от максимально возможного приближения к нему, используя все средства из арсенала научного и художественного познания, тем более что он, при всей важности метода понимания, не является единственным путем постижения прошлого.

Понимание всегда идет рука об руку с объяснением. Социальные, политические и ментальные структуры, кризисы, каузальные связи и прочее не могут быть изучены с точки зрения отдельных индивидов. Для этого необходимо выяснение социально-экономического строя данного общества. Проникновение исследователя в дух эпохи, изучение ценностных установок, господствующих в рассматриваемый период, будет эффективным лишь параллельно с социальным анализом, позволяющим, не сводя личность к набору классовых признаков, определить объективные общественные рамки ее деятельности. Необходим системный подход к прошлому, в основе которого лежит признание единства в общественно-историческом развитии единичного, особенного и общего, их каузальной и функциональной связи. Современный подход к историческому исследованию предполагает, таким образом, соединение в едином методе познания «объяснения» и «понимания», раз-

единенных учеными в конце XIX в. Поскольку история по своей природе является рефлексивной наукой, то она равным образом может опираться на объяснение и понимание как средство познания нашей рефлексии.

Серьезная опасность модернизации истории возникает в том случае, когда исследователь прибегает к прямым сравнениям и сопоставлениям процессов и явлений прошлого и современности. Так, например, в науке конца XIX – начала XX вв. проводились аналогии между развитием обществ Древнего мира и Нового времени, выражающие стремление «приблизить» к нам минувшее, «освободить» его от «условных» и «маскирующих» форм, в которых оно выражено, перевести их на привычный современности язык. Историки исходили из убеждения в повторяемости исторических моментов, сходстве старинных и современных жизненных условий¹¹⁸. Многие авторы заходили столь далеко, что обнаруживали в древности капиталистические фабрики, банковскую систему, аналогичную современной, политические партии и прочее. При этом игнорировалось то обстоятельство, что одинаковые формы в разные времена наполняются различным сущностным содержанием. Афинская республика отличается от республики, установленной во Франции в ходе Великой революции, или республиканского строя США. Общественные классы периода индустриального и постиндустриального общества – это не одно и то же. Исторические понятия требуют перемены значений. Игнорирование исторического характера понятий чревато навязыванием прошлому несвойственных ему черт и отношений. Отсюда следует, что сравнения правомерны лишь тогда, когда наблюдается действительная общность в строении культурных систем различных эпох.

Соблюдению принципа историзма может способствовать различение исторических и социологических понятий. В одном случае, указывал в этой связи Д.М. Петрушевский, речь идет о поиске черт, типичных для социально-экономического строя определенного места и времени, в другом – о категории вневременной и внепространственной и в то же время применимой к любому случаю, где только наблюдаются явления определенного порядка. В последнем смысле «капитализм» или «феодализм» есть веберовские «идеально-типические» социологические понятия¹¹⁹. Назначение «идеального типа» – определить, в какой степени предмет исследования соответствует ему или от него отклоняется. В сравнении с «идеальным типом» явление познается в его индивидуальности и неповторимости. Чтобы избежать ненужного осовременивания

минувшего, историку следует помнить о том, что каждая эпоха самоценна и не служит «ступенью» для последующей, более «высокой» стадии развития культуры.

Таким образом, органическая связь исторической науки и современности неоднозначно влияет на решение исторической наукой своей главной задачи – объективного изучения прошлого; воздействие современности на историю может иметь как плодотворный, так и негативный характер. Предлагать же конкретные рецепты для того, чтобы выделить позитивные импульсы современности представляется делом ненадежным. В наиболее общем виде можно заметить, что наука должна исходить из ориентации на фундаментальные потребности современности и внимательно анализировать современный опыт для углубленного осмысления минувшего. Мы должны в разумных пределах ограничить зависимость исторических изысканий от сиюминутных потребностей общественной жизни, поставить пределы историческому релятивизму в науке. Этому способствует совершенствование методологии исторического исследования, повышение профессионального мастерства историка. Но, призывая к научному объективизму, мы не вправе требовать элиминации истории из современности, будь это даже возможно. Последнее приведет лишь к застою в науке, потере к ней общественного интереса.

Наконец, неверно ставить вопрос о зависимости от современности одной историографии; в большей или меньшей степени это удел всех наук. Как отмечает американский методолог А. Стерн, всякая теория – естественнонаучная или историческая – носит печать своей эпохи: «Категории картезианской механики существовали не дольше категорий схоластической физики Аристотеля. Ньютон недолго использовал категории Декарта, и категории физики Эйнштейна и квантовой механики отличаются от ньютоновских. Подобным образом категории эволюционной и генетической ботаники ненадолго пережили категории статической ботаники Линнея»¹²⁰. Конечно, характер связи естественных наук и истории с жизнью современного общества качественно иной, но сама связь существует объективно и влияет на познавательные операции в науках о природе. Поэтому всякое научное познание не знает границ, и каждое поколение добавляет в него свои главы, отражая прогресс науки на пути постижения объективной действительности. Как отметил Б. Боммелье, история – «медленная наука». Прогресс исторических знаний не столь заметен, как в естествознании и технике, но он несомненен. Мы знаем гораздо больше и точнее, чем ученые прошлых поколений.

Воздействие современности на историческую науку — только одна сторона взаимодействия историографии и общественной жизни. Другая связана со значением исторического опыта, накопленного наукой для современности. Последнее определяется тем обстоятельством, что историческое сознание составляет существенную часть сознания общества в целом и самосознания отдельных социальных групп и национальных образований. Всякая социальная индивидуальность осознает себя лишь на базе выяснения особенностей, определения своего места среди других индивидуальностей и в рамках общего пути, пройденного культурным человечеством. Без знания истории сделать это невозможно. Но историческое сознание не является величиной неизменной по своему содержанию, оно само исторично и эволюционирует вместе со сдвигами, происходящими в обществе¹²¹. Следствием этого является постоянная потребность общественного сознания в переосмыслении исторического опыта.

В общественном историческом сознании переплетаются знания, выработанные собственно исторической наукой, представленные читающей публике публицистикой и художественной литературой, а также полученные в обыденной жизни через рассказы ветеранов, очевидцев каких-то событий, посещение музеев и прочее. Большая роль здесь принадлежит занятиям истории в школе. Разные источники формирования исторического сознания общества приводят к тому, что в нем функционирует немало мифов, тешащих национальное чувство, представляющих в иллюзорном свете те или иные важные для современности события прошлого. Задача заключается в формировании научного исторического сознания общества. Особенно актуальна она для молодых национальных государств, ставших на путь самостоятельного развития.

Обнаруживаются определенные взаимосвязи историй и идеологии. Всякая идеология включает в себя исторический элемент, пытается обосновать свои претензии на правоту в социальной борьбе, опираясь на исторические данные. В свою очередь общество предъявляет к исторической науке свои требования идеологического характера. Главные из них сводятся к охране и укреплению государства посредством определенной направленности исторических работ. Поэтому исследователь, являясь носителем конкретного мировоззрения, не может, как правило, избежать идеологической направленности своих работ. Однако история ни в коем случае не есть придаток идеологии. Как наука она выполняет в обществе свои социальные функции, далеко выходящие за рамки требований идеологии.

Так же обстоит дело со связью истории и политики. Без строго научных знаний в области истории не может быть и речи о правильной государственной политике, особенно внешней, базирующейся на изучении исторических корней современных политических процессов. Ни одна важная государственная реформа не может быть успешной без учета опыта прошлого. Но к обслуживанию политики историография свои задачи не сводит. Более того, наука может многое потерять, если будет стремиться подчинить свои поиски меняющейся политической ситуации, подгонять свои выводы в угоду политической конъюнктуре. Для историка актуальным является не только то, что сегодня значимо для современности. Исходя из общих задач научного познания, актуальными могут оказаться исследования самого отдаленного прошлого, явления малозначимые в координатах государственной политики, но важные с точки зрения выявления всех звеньев в цепочке культурного развития. Подлинные услуги обществу история может оказать, следуя не в кильватере идеологии или политики, а на пути свободного развития, представляя в распоряжение современности научно интерпретированный опыт прошлого.

Таким образом, история как наука обладает своей спецификой, связанной с социальной природой, реконструктивным и ретроспективным характером исторического познания. Эта специфика не позволяет историографии копировать интеллектуальную модель, заимствованную из естествознания. Тем не менее история вполне обоснованно претендует на научный характер результатов своих исследований. Следует согласиться с выдающимся французским историком М. Блоком: «Мы еще не слишком хорошо знаем, чем станут в будущем науки о человеке. Но мы знаем: для того чтобы существовать, продолжая, конечно, подчиняться основным законам разума, им не придется отказываться от своей оригинальности или ее стыдиться»¹²².

Контрольные вопросы

- 1. В чем состоит смысл исторического процесса как научной категории?*
- 2. В чем заключается отличие исторического познания от естественнонаучного и художественного?*
- 3. Что означают субъектно-объектные отношения в историческом познании?*
- 4. Дайте развернутый ответ на вопрос: каковы отличительные особенности познавательной деятельности историка?*

2.2. СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Ключевые слова

Социальная функция, социальная полезность, социальная память, исторический закон, социальное прогнозирование, мировоззрение, политика, идеология.

Вопросы для обсуждения

1. Роль исторической науки в современном обществе.
2. Прогностические возможности исторической науки.
3. Историческое знание и общественное сознание.
4. Насколько совместима объективность истории с ее общественно-политической функцией.

«Если и имеется какое-либо из благ, приносящих пользу в жизни, то во всяком случае не меньше, а больше всего оказывает нам услуги, является необходимой и полезной история», — писал крупнейший византийский историк X в. Лев Диакон¹²³.

С момента своего возникновения история так или иначе была связана с удовлетворением определенных общественных потребностей, помогала обществу в решении стоящих перед ним задач. Запросы к истории со стороны современности определяют ее социальные функции. Последние, по определению Б.Г. Могильницкого, выступают как «роли, которые историческая наука выполняет в жизни общества и которые в своей совокупности определяют ее социальную ценность»¹²⁴.

Социально значимым является всякое научное познание, но особая природа истории определяет ее специфические функции в обществе. Соответственно и авторитет истории прямо связан со степенью ее влияния на общественную жизнь. Наиболее высокий социальный престиж исторической науки наблюдался в XIX в., называемом «золотым веком» истории. Работы того времени дышат социальным пафосом; их авторы были убеждены в высокой общественной значимости своих трудов. Они призывали сделать политику прикладной историей и не без основания утверждали, что пренебрежение историческими знаниями чревато социальными катастрофами¹²⁵. Истоки многих социальных ошибок ученые склонны были видеть в том, что «мы не прибегаем к историческому методу или слишком поздно начали им пользоваться»¹²⁶.

Глубокая тревога в связи с прогрессирующей потерей доверия к истории у современного общества звучит сегодня в словах многих ученых. В крайних формах вопрос ставится о том, имеет ли еще история в наше время социальные функции¹²⁷.

Социальную полезность истории не следует понимать упрощенно, сводя дело к социальным заказам. История значима уже потому, что удовлетворяет тягу человека к знаниям. Как отмечал английский просветитель лорд Г.С.-Д. Боллингброк, любовь к истории кажется неотделимой от человеческой природы¹²⁸. А.Дж. Тойнби признавался, что его занятия историей были связаны с постижением Бога через изучение действительности¹²⁸. Можно согласиться и с М. Блоком, что если даже считать историю ни на что иное непригодной, то «следовало бы все же сказать в ее защиту, что она увлекательна»¹³⁰.

Страсть к знанию является характерной чертой «человека разумного». Без учета элемента любознательности невозможно понять движущие силы развития истории как науки, объяснить появление тех или иных исторических школ. Другое дело, что сама любознательность человека оказывается социально мотивированной. Всегда можно поставить вопрос: почему именно эта, а не иная сторона прошлого привлекла интерес ученого. Ответ будет лежать в сфере современных общественных отношений.

Следовательно, историография призвана удовлетворить широкий спектр социальных и индивидуальных потребностей. Каковы же социальные функции исторической науки в современном обществе и какую эволюцию они претерпели на пути к нынешнему состоянию?

Функция социальной памяти

Это важнейшая функция истории, в наибольшей степени отражающая ее природу и назначение в обществе. Ее содержание сформулировал «отец истории» Геродот, когда писал: «Геродот из Галикарнаса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом»¹³¹. Собранные историком сведения имеют поистине уникальный характер, благодаря чему его работа сохраняет свое научное значение по сей день.

В античной историографии акцент был сделан на истории как памяти о событиях современности. Так, римский историк, иудей по вероисповеданию, Иосиф Флавий укорял эллинских писателей за то, что они высказывают свои суждения о событиях, которые были уже описаны в работах древних авторов. По мнению Флавия, это — бессмысленное занятие, так как очевидцы событий

способны изложить их более глубоко и достоверно. «Спасти от забвения то, что еще никем не рассказано, и сделать достоянием потомства события собственных времен — вот что похвально и достославно», — отмечал ученый. Истинный труженик тот, кто, «воспроизводя новое, дотоле неизвестное, самостоятельно воздвигает памятник исторический»¹³². Предметом изучения самого Флавия была война Рима с Иудеей в I в. н.э., в которой он участвовал.

О современных им событиях писали Фукидид, Гай Саллюстий Крисп, Тацит, Прокопий Кесарийский и иные античные авторы. Линия эта была продолжена и в средневековой историографии в творчестве Льва Диакона, Михаила Пселла, Филиппа де Коммина и др.

Современная историческая наука трактует функцию социальной памяти более широко. Назначение истории видится в *накоплении и сохранении в памяти человечества опыта поколений*, включая достижения мировой культуры, сведения о значимых событиях прошлого и т.д. Невозможно представить цивилизованное общество, невежественное в вопросах о своем прошлом. Без знания истории народы были бы вынуждены каждый раз заново создавать культурный фундамент своего существования. Если излишнее отягощение традицией замедляет историческое движение народов, то забвение прошлого ведет к деградации. История играет роль своеобразной посредницы между цивилизациями и поколениями. По словам Г.С. Коммеджера, как «трудно представить историю без цивилизации, так и трудно представить цивилизацию без истории»¹³³.

Однако между историографией как социальной памятью и памятью отдельного индивида существует большая разница. С одной стороны, как заметил П.М. Бицилли, история — суррогат памяти, которым обладает субъект. В акте воспоминания человек способен воскресить любой пережитый им момент прошлого. Историк же может «перемещаться» лишь поочередно в отдельные моменты прошлого¹³⁴. С другой стороны, индивидуальная память склонна к фантазии. Историческая же реконструкция выступает как *организованная и достоверная память*. В критической оценке сведений о коллективном прошлом человечества и их систематизации и заключена одна из важных задач исторической науки.

Социальная память неизбежно *ограниченна и фрагментарна* в отдельных своих частях. Это происходит из-за недостатков письменных документов, без которых событийная история не поддается реконструкции. Многие из них погибли в огне военных действий,

религиозных конфликтов либо иным путем. До нас дошли свидетельства о прошлом большей частью победителей, а не побежденных, господ, а не рабов. «Одна из наименее любезных черт победителя, — пишет Г.С. Коммеджер, — это намеренное разрушение вражеских достижений и замалчивание — часто через смерть — вражеских историков»¹³⁵. Что же касается истории народов древности, не знавших письменности и о которых не дошли известия авторов современных им «письменных» культур, то возможность ее реконструкции вообще проблематична.

Возможности всестороннего познания прошлого ограничены также наличными ресурсами историков. Многих архивных документов, возможно, чрезвычайно важных, так никогда и не коснется рука исследователя. Во многом здесь дело случая. Однако свой поиск историки ведут вовсе не хаотично. Их путеводной звездой выступают запросы современности.

Как организованная память история всегда социально ориентирована. Важнейшая из ее задач заключается в *придании современному обществу устойчивости, уверенности в будущем*. Не случайно народы и государства стремятся к увековечиванию памяти о прошлом. Показателен тот факт, что наибольшее количество памятников, посвященных выдающимся деятелям и событиям прошлого, возведено в одной из самых молодых среди развитых стран мира — США.

Важнейшей задачей, вставшей перед нашей наукой на рубеже XX—XXI вв. стала задача помочь человечеству приспособиться к постоянно меняющемуся миру, что нельзя сделать без перемен в общественном сознании. Концептуально осмыслить новый мир в его существенных характеристиках и тенденциях невозможно без исторического измерения. Поэтому справедливо ставится вопрос: «Не заключается ли сверхзадача нашей дисциплины в том, чтобы укрепить в человеке чувство истории, позволяющее ему ориентироваться в бесконечном потоке времени и благодаря этому лучше познать себя?»¹³⁶.

Социальная ориентированность истории как памяти выражается в ее *избирательности*. Критерий отбора явлений, достойных изучения, дает господствующая в том или ином обществе система ценностей. В соответствии с ней историки, например, Византии и императорского Рима, главное внимание обращали на деяния и индивидуальные характеристики императоров. Так, Гай Светоний Транквилл написал книгу «Жизнь двенадцати цезарей», ту же задачу решал Прокопий Кессарийский в своей «Тайной истории»¹³⁷. Средневекового хрониста Жана Фруассара в истории интересовала, в первую очередь, жизнь феодального рыцарства во всех ее деталях. В проти-

воположность этому подходу советский историк М.Н. Покровский декларировал, что «дело исторической науки изучать жизнь масс, а не высокопоставленных чудаков»¹³⁸.

Потребности современного общества ориентируют историографию на систематическое и всестороннее изучение явлений прошлого. Изучением постепенно охватываются все слои и все стороны человеческого общества: экономика, политика, культура, социальные отношения, религия, церковь и т.д. Такой подход позволяет дать системное представление об истории как органическом, внутренне обусловленном процессе развития человеческих обществ.

В функцию истории как социальной памяти входит не только накопление и сохранение опыта поколений, но и *оценка отдельных исторических явлений*. Оценка историка имеет мировоззренческий характер. Общество не может индифферентно относиться к своему прошлому, взирая на него «без гнева и пристрастия». Слишком многое из того, что имело место, затрагивает интересы современности. Однако не пойдет на пользу современным народам и государствам раздувание старых исторических конфликтов, акцентирование внимания на прошлых междоусобных и национальных столкновениях, поиск «исконных границ», призывы к мщению за допущенные когда-то несправедливости. Все это может привести только к новым трагедиям и общечеловеческой катастрофе. Примеров тому накопилось немало. Поэтому задача исторической науки состоит в том, чтобы стать *«примиряющей памятью»*.

В то же время историческая наука может восстановить справедливость в оценке действительного вклада того или иного народа в сокровищницу мировой культуры, реабилитировать отдельных исторических деятелей или целые народы, чья подлинная роль в прошлом была извращена, сорвать маску героя с ничтожного человека и т.д. «Исправляя ошибки перспективы, порождаемые у современников близостью расстояния, история, — по словам А.Стерна, — оказывается как бы своеобразным мировым трибуналом»¹³⁹. В этом своем качестве она дает надежду несправедливо осужденным сегодня на торжество справедливости в будущем.

Научно-познавательная функция

Обязательным атрибутом всякой науки является научно-познавательная, или эвристическая, функция. Центральной задачей, стоящей перед историографией в выполнении данной функции, является *предоставление обществу необходимых знаний для правильного решения стоящих перед ним проблем*.

В прошлом эта задача понималась упрощенно — как собрание прецедентов на все случаи жизни. Так лорд Боллингброк, вслед за древнегреческим историком Дионисием Галикарнасским, видел истинную пользу истории в том, что «история — это философия, которая учит нас с помощью примеров»¹⁴⁰. Одним из первых попытку подняться над таким пониманием задач исторической науки предпринял немецкий мыслитель И.Г. Гердер, решивший создать глобальную философию истории человечества, в которой органически соединялись бы мир природы и мир человека. Он посвятил свое творчество выявлению смысла мировой истории. «Пространства, — писал Гердер, — полны мудрости, а времена полны мнимого хаоса, и, однако, человек сотворен, очевидно, чтобы искать порядок, чтобы внести ясность в свой малый промежуток времени, чтобы грядущее строить на прошедшем — иначе зачем человеку память, зачем воспоминания?»¹⁴¹.

Поиск смысла истории привел науку второй половины XIX в. к задаче обнаружения законов исторического развития человечества. Эта задача стала главной для позитивистской, а позднее марксистской историографии. Из позитивного тезиса, что открытие законов общественного развития возможно только на материале истории, советские ученые сделали вывод, что важнейшей социальной функцией марксистской исторической науки является выяснение закономерностей общественного развития, составляющее необходимую предпосылку научного руководства обществом. Открытие этих законов было объявлено осуществленным в работах основоположников марксизма.

Трудно согласиться со столь широкой трактовкой научно-познавательной функции истории, но следует признать огромное значение исторических знаний для всестороннего самопознания общества, в том числе для изучения законов его функционирования. Историография предоставляет свои данные обобщающим социальным наукам, в то же время путем сравнения исторических рядов, отдельных культур, типологизации исторических явлений она вносит собственный вклад в теоретическое осмысление прошлого и выявление тенденций современного развития. Однако сегодня даже такой подход к познавательным возможностям истории оспаривается. В общественном сознании распространяется убеждение в неадекватности исторической методологии, для понимания современного мира, ставшего слишком непохожим на мир прошлого, чтобы быть предметом эффективного исторического анализа. Под вопрос поставлен сам смысл изучения прошлого. Б.Г. Могильниц-

кий констатирует факт, что историографическая революция последних десятилетий XX в. не привела к социальному ренессансу истории¹⁴².

Вместе с тем оценка познавательной дееспособности истории не может ограничиться учетом ее вклада в раскрытие социальных законов. Как справедливо писал И.Д. Ковальченко, само конкретное научное изучение хода общественного развития с древнейших времен до современности имеет фундаментальное научное значение¹⁴³. Глубокий исторический анализ тенденций социального развития выступает как необходимая предпосылка научного руководства обществом и проведения обоснованной государственной политики. Скольких ошибок в общественном реформировании удалось бы избежать, если бы ему предшествовали исторический анализ сложившейся общественно-политической ситуации, изучение опыта прежних реформ, постоянный учет силы воздействия исторической традиции.

Глубокие исторические исследования могут стать основой для социального прогнозирования. Игнорирование исторического опыта, простая экстраполяция в будущее показателей современного развития неоднократно приводила к краху попытки предсказать будущее. Наиболее известным в этом отношении был крах прогноза о построении в СССР к 80-м гг. XX в. коммунистического общества. Но несостоятельными оказались и многие построения западной футурологии. Прогнозирование — дело сложное, поскольку в общественной жизни действует слишком большое число факторов, связанных с деятельностью отдельных субъектов. Поэтому любой социальный прогноз носит вероятностный характер. Отдельные социальные и экономические процессы легче поддаются учету и анализу, и прогнозирование их развития имеет широкое применение. Этим занимаются, в основном, социологи, психологи, экономисты.

Закономерно встает вопрос: входит ли прогнозирование в социальные функции исторической науки? Такая функция признавалась в позитивистской историографии XIX столетия. Однако уже в конце XIX — начале XX вв. она была поставлена под сомнение¹⁴⁴.

В марксистской методологии истории прогнозирующая функция истории выделялась как важнейшая. При этом делалась существенная оговорка, что речь идет о предвидении на уровне событий всемирно-исторического масштаба либо о «вероятностном знании устойчивых типов»¹⁴⁵.

Что же касается конкретных примеров прогнозирования средствами исторической науки, привести их фактически ни один автор не мог. Со страниц одной работы в другую переходил один

и тот же пример о предвидении Ф. Энгельсом первой мировой войны. Но если даже признать данный прогноз за собственно исторический, а не социологический, то, во-первых, между его появлением и войной прошло 27 лет, что лишило прогноз практического значения; во-вторых, в 80-е гг. XIX в. общественная атмосфера была насыщена ожиданием скорой войны между Германией и Францией и предполагалось, что в нее будут втянуты ведущие страны Европы¹⁴⁶. Поэтому данный прогноз отражал общее умонастроение европейцев своего времени, да и последствия первой мировой войны были далеки от предсказанных Энгельсом¹⁴⁷.

Случаи удачного предвидения тех или иных черт будущего носят не более чем вероятностный характер и потому оказываются мало пригодными для практики. Если сегодня мы можем подтвердить правоту опасений Я. Буркхарта или Дж.Э. Актона о развитии европейской цивилизации в XX в., то их современники стояли перед выбором: кому верить? Им или немецкому историку Л. Ранке и сторонникам теории прогресса? Авторитет последних был более высок, а они обещали в XX в. всеобщее процветание и разрешение мирным путем основных проблем капиталистического общества. Поэтому историк, допуская необходимость серьезных исследований в области социального прогнозирования, не может не признать, что социальный прогноз отличен от предвидения ученого-естествоиспытателя. Историографии противопоказано оперировать с предположительными величинами. Как указывает А.Стерн, «исследовать можно только то, что стало реальным, а именно так и обстоит дело с прошлым. История будущего невозможна; она была бы всего лишь продуктом воображения: басней, романом»¹⁴⁸.

Предвидения не входят в компетенцию истории, даже если ее исследования в отдельных случаях способствуют успеху социального прогнозирования.

Воспитательная функция

Уже античные и средневековые историки видели важнейшую свою задачу в выработке у сограждан высоких нравственных и гражданских качеств. Все древние историки в той или иной мере являлись моралистами. Сравнительные жизнеописания Плутарха были призваны служить примером и образцом для подражания лучшим людям и для исправления дурных нравов¹⁴⁹. Цель его биографий — воспитание, назидание, а история в них — лишь необходи-

мый фон для выведения соответствующей морали. Воспитательные задачи своих трудов формулировали Саллюстий, Прокопий Кесарийский¹⁵⁰ и другие авторы.

О воспитательном назначении истории говорила и просветительская философия. Дидро и Д'Аламбер в своей «Энциклопедии» указывали, что предназначение истории «состоит в сравнении законов и нравов чужих стран с собственными.., это (сравнение) побуждает современные нации соревноваться друг с другом в искусствах, торговле, земледелии. Крупные ошибки в прошлом очень полезны во всех отношениях. Нельзя не напоминать вновь и вновь о преступлениях и несчастьях, причиненных бессмысленными распрями. Бесспорно, что напоминание о них мешает их повторению»¹⁵¹. Особое внимание просветители уделяли историческому образованию государя или иного государственного мужа¹⁵². При этом надежды возлагались на то, что просвещенный правитель способен обеспечить разумное государственное устройство и проводить правильную политику.

Безусловно, историки прошлого были правы в том, что исторические работы, независимо от намерений их авторов, оказывают воспитательное воздействие на читателей. Воспитательный заряд содержат в себе сами факты истории. Как писал А.Дж. Тойнби, «история воздействует на восприимчивые души своими памятниками и мемориалами, названиями улиц и площадей, архитектурой, изменениями в моде, политическими событиями, традиционными праздниками, церемониями и парадами, литургиями»¹⁵³. Образованный человек не может равнодушно воспринимать героические деяния своих предков, относиться безразлично к борьбе порабожденных народов за свою свободу, к жертвам во имя мира, добра, справедливости, прогресса. Он не может не осуждать преступления, политику террора и насилия, предательство. Эмоциональное переживание подобных исторических фактов воздействует на формирование нравственных качеств читателя, способствует выработке у него определенных ценностных ориентаций.

Без знания прошлого своего народа и человечества в целом нельзя представить себе *культурного человека*. Чем шире исторический кругозор, тем легче гражданину ориентироваться в окружающем мире. Изучение истории способствует глубокому уяснению эволюционного характера общественного развития и четкому определению своего места в этом процессе. Понимание истории позволяет осознать свой долг перед прошлыми и будущими поколениями, ценить накопленные культурные блага, с уважением относиться к иным культурным системам.

Исторические знания имеют особое значение для *формирования мировоззрения* подрастающего поколения. Не случайно в XIX в. история была введена в программу школьного обучения. Попытки перевести ее из числа обязательных дисциплин в факультативные, имевшие место как на Западе, так и у нас, окончились провалом. Опыт показал, что, при всех имеющихся недостатках в преподавании истории, без знания ее основ нельзя вести речь о получении полноценного образования. Однако преподавание истории в средней школе нуждается в постоянном совершенствовании. Оно должно учитывать, в первую очередь, возрастные и эмоциональные особенности школьников, а это значит, что сложные проблемы исторического развития должны подаваться облеченными в форму увлекательного рассказа о событиях, людях и процессах. На практике же, как справедливо подчеркивает Б. Г. Могильницкий, сциентизация в преподавании истории обернулась отказом от систематического изучения событийной истории, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями¹⁵⁴. Школьники нередко не знают элементарных фактов даже отечественной истории.

Ярким примером возможностей историографии в деле формирования национального самосознания является деятельность немецких историков XIX в. В это столетие Германия вступила политически раздробленной и экономически отсталой. Достижение политического единства и выход страны в разряд передовых европейских государств были возможны только через развитие самосознания немецкой нации. Громадный вклад в решение этой задачи внесла германская историческая наука. Реорганизация изучения и преподавания истории в немецких университетах способствовала тому, что германская историческая наука к середине столетия стала ведущей в Европе.

Вклад германских историков в дело политического объединения Германии под эгидой Пруссии неоспорим. Однако опыт развития германской исторической науки предупреждает нас и об опасности попадания в сеть воинствующего национализма. Распространяя откровенно националистические и милитаристские воззрения, историография оказалась ответственной за трагические судьбы немецкого народа в XX в.

Пример германской историографии свидетельствует о том, что патриотическое воспитание масс не может основываться исключительно на пропаганде национальных идей. В его основе должно лежать безусловное признание общечеловеческих ценностей, идеалов свободы, демократии и уважения прав человеческой личности.

Эффективность выполнения исторической наукой ее воспитательной функции во многом зависит от степени ее влияния на читательскую аудиторию. Это предполагает не только *издание популярных исторических работ*, но и *доступность изложения в специальных исследованиях*, способных заинтересовать широкую аудиторию. В немалой степени популярность того или иного издания определяется литературным мастерством его автора. Поэтому историк по необходимости должен сочетать в себе мастерство исследователя и литератора.

Политико-идеологическая функция

Спорным остается вопрос о политико-идеологической функции историографии. Проблема заключается в том, что втягивание истории в политическую борьбу неизбежно сказывается на ее объективности. Политизация исторических исследований чревата опасностью превращения науки в служанку идеологии. Однако социальная природа историографии неизбежно заставляет ее откликаться на те или иные вопросы жизни современного общества, причем дело не ограничивается исследованиями в области новой и новейшей истории. Нередко политически актуальными становятся проблемы древней и средневековой истории, по ним возникают дискуссии, в которые втягиваются различные социальные слои.

Так, различные противоборствующие политические силы Беларуси на современном этапе развития государственности остро ставят вопросы, связанные с историей Великого княжества Литовского и места в нем белорусского элемента и т. д. Научные и политические аргументы настолько тесно переплелись, что их трудно развести. Таким образом, независимо от пожеланий ученых, историческая наука фактически выполняет определенную политико-идеологическую функцию. Она прослеживается на всех этапах развития исторической науки.

Прагматический подход к истории определился еще в античную эпоху. Фукидид, например, указывал, что он стремится извлечь из прошлого определенные уроки, которые могут оказаться полезными в будущем при повторении событий в том же или сходном виде¹⁵⁵. В средневековом обществе перед историей ставились задачи по обоснованию догматов церкви и защите имущественных прав и привилегий духовных и светских князей. Догматы Библии рассматривались как непререкаемые и история исполняла роль «служанки» богословия и церкви. Как подчеркивал хронист Ордрик Виталий, «в историческом труде все должно быть изложено во славу творца и подлинного руководителя всех вещей. Ибо предвечный

создатель и поныне непосредственно направляет всю историю чудесным образом»¹⁵⁶. Такая ориентация историографии привела к созданию многочисленных церковных историй, житий монахов и князей, авторы которых стремились не столько к научному исследованию фактов прошлого, сколько к теологии, основанной на двойном фундаменте — веры и разума.

В гуманистической историографии произошла секуляризация истории. Одновременно исторические исследования стали более политизированными. В различных городах Италии появилось множество местных историй, нередко написанных на заказ и ставивших целью прославить свой город или государство. Их авторы стремились обосновать политические и территориальные притязания своего государства, содействовать упрочению власти правящей династии или даже узурпаторов. Например, знаменитый гуманист Лоренцо Валла, будучи секретарем неаполитанского короля Альфонса, создал по его заказу «Историю Фердинанда, короля Арагонии, в 3 книгах», прославлявшую короля. А в «Трактате о подложности Константинова дара» он доказывал беспочвенность притязаний папства на светскую власть¹⁵⁷.

Просветители использовали факты истории как аргументы для обоснования рационалистического мировоззрения. По мнению Дидро и Д'Аламбера, история — это политическая наука, поскольку она осмысливает опыт предшествующих поколений. Ее данные представляют большую ценность для законодательства и политики, которую вершат государи¹⁵⁸. Статьи Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера, посвященные истории церкви, насыщены критическим историческим материалом, разоблачающим деятельность средневековых римских пап и духовенства.

С конца XVIII в. историография превращается в орудие борьбы различных государств и политических партий между собой. Наиболее концентрированное выражение политические функции истории получили в малогерманской историографии, названной так за активное участие в политической борьбе вокруг объединения Германии под эгидой Пруссии. Ее представители не просто принимали непосредственное участие в политической борьбе, но старательно прославляли милитаристский курс Пруссии в качестве единственно возможной «реальной политики». С этих позиций были написаны «История прусской политики» в 14 томах И.Г. Дройзена, «Основание Германской империи Вильгельмом I» в 7 томах Г. Зибеля, «Немецкая история XIX века» в 5 томах Г. Трейчке и др.

Активное участие в политической жизни принимали французские историки периода Реставрации. В 20-е гг. XIX в. в статьях О. Тьерри было поднято «знамя исторической реформы» с откоро-

венной антидворянской направленностью. Автор признавался: «В 1817 году, обуреваемый горячим желанием способствовать со своей стороны победе конституционных воззрений, я принялся разыскивать в книгах по истории основания и аргументы для своих политических убеждений»¹⁵⁹.

Историография была открыто привязана к обслуживанию политических и идеологических потребностей господствовавшей политической партии в советском обществе. В эпоху сталинизма «Краткий курс истории ВКП(б)» был объявлен «могучим идейным оружием большевизма, настоящей энциклопедией марксизма-ленинизма»¹⁶⁰ и надолго определил направление развития советской исторической науки. Принцип партийности в науке сохранялся в качестве средства контроля за лояльностью и идеологической «зрелостью» авторов исторических исследований и в последующий период.

Противостояние социальных систем сказалось на состоянии исторической науки по обе стороны «железного занавеса». В годы «холодной войны» политизированной оказалась и американская историография. Ее презентистское направление прямо связывало научные и политические задачи. Так, в 1949 г. президент Американской исторической ассоциации К. Рид в своем обращении «Социальная ответственность историка» заявлял: «Тотальная война, горячая или холодная, мобилизует всех и требует, чтобы каждый выполнял свою роль. Историк должен выполнять это обязательство не в меньшей мере, чем физик»¹⁶¹.

В последние десятилетия крайности подобного подхода к истории, в основном, преодолены. Большинство ученых убедились, что «хотя история имеет дело с политикой, она не может становиться на сторону какой-либо политики» и должна состоять исключительно в «партии истины»¹⁶². Историки не должны подвергаться принуждению со стороны государства, партии или какой-либо группировки. Этот призыв был одним из лейтмотивов XVIII-го Международного конгресса исторических наук (Монреаль, август – сентябрь 1995 г.), обсуждавшего, наряду с другими, и вопрос о свободе творчества историка¹⁶³.

Вопрос о политико-идеологических функциях истории оказался весьма актуальным для молодых посткоммунистических государств, стремящихся определить свое место в системе сложившихся международных отношений. Доказывая свои права на существование, они активно обращаются к прошлому. В этих обстоятельствах историческая наука получает важный социальный заказ, стимулирующий ее собственное развитие. Важно, однако,

иметь в виду, что выполнять этот заказ наука должна самостоятельно, ориентируясь на поиск истины, а не политическую конъюнктуру. В противном случае история утратит научный характер и подорвет свой социальный престиж. Объективные выводы и рекомендации общество может получить только от независимой науки.

Контрольные вопросы

1. Чем определяется социальный престиж исторической науки?
2. Каково отличие социальной и индивидуальной памяти?
3. Входит ли в задачу исторической науки открытие законов общественного развития?
4. Роль исторической науки в формировании мировоззрения.
5. Как изменялось содержание политико-идеологической функции истории с развитием общества?

2.3. ПРОБЛЕМА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Ключевые слова

Междисциплинарность, полидисциплинарность, интеграция наук, синтез, микро- и макроуровень в исторических исследованиях, исторический дискурс, язык историка, «плотные описания», синтез истории и социальных наук.

Вопросы для обсуждения

1. Проявление междисциплинарности в исторических исследованиях.
2. Междисциплинарность как онтологическое явление.
3. Моделирование междисциплинарных исследований.
4. Связи истории и социальных наук.

Тенденция к междисциплинарности

На протяжении последних десятилетий происходят радикальные изменения во всех сферах исторической науки. Среди наиболее характерных черт этого процесса обращают внимание усилившиеся тенденции к интеграции истории с другими науками, к чему в свое время призывал известный французский историк-анналист Л. Февр: «Историки, будьте географами! Будьте правоведами, социологами, психологами...!»¹⁶⁴. На смену анклавному состоянию истории пришел ее новый этап развития, который привел к активным контактам с другими дисциплинами, взаимообогащению методами и т.д.

Тенденция к междисциплинарности является одним из важнейших следствий коренного изменения социальных функций истории в решении проблем, стоящих перед цивилизацией. Именно в ходе междисциплинарного сотрудничества ученые убеждаются в зыбкости принципов, выступающих как единственно научные, привыкают к широкому взгляду на деятельность историка-исследователя. Так, все попытки представить историю в достаточно строгой форме, с расположением «ниш», отводимых каждой отрасли исторического знания, не имели успеха.

Такой поворот был обусловлен рядом обстоятельств. Немаловажным из них является, например, то, что в силу относительно низкого приоритета исторических исследований с точки зрения потребности общества в целом историческая наука и соответствующее ей научное сообщество не располагает адекватными ресурсами для того, чтобы справиться с анализом прошлых обществ на столь же высоком теоретическом и эмпирическом уровнях, на каких работают представители социальных наук, сосредоточенные на познании современности. История в меньшей степени занимается выработкой собственной теории, а в основном использует теоретический аппарат (понятия, концепции, способы объяснения) других наук.

Междисциплинарность выступает, таким образом, как фактор самовоспроизведения истории, ее развития вширь и вглубь. Составными звеньями междисциплинарности стали гуманитарные, социальные, естественно-научные и другие дисциплины. Ее можно охарактеризовать как сочетание этих дисциплин, наличие между ними определенных связей. При этом полидисциплинарность как способ преодоления относительно устойчивого разрыва между реальной научной практикой и самосознанием ученых, до этого ощущавших себя узкими специалистами, следует отличать от монодисциплинарности, т.е. исследований в области одной научной дисциплины.

Методологическая роль междисциплинарности, основу которой должна составлять единая группировка универсальных концепций различных дисциплин, в чьих рамках могут и должны быть проинтерпретированы те или иные исторические события и явления, ее воздействие на конечный результат исследования — одна из наиболее актуальных проблем. Оценка этой роли имела самый широкий спектр: от однозначно положительной до полного игнорирования. Последнее было характерно для советской исторической науки, где абсолютизация формационного подхода отрицала важнейшие аспекты функционирования того или иного общества (образ жизни, ментальность, нормы поведения и т.д.).

В настоящее время требуется переосмысление сути происходящих процессов в мировой исторической науке, характера и направленности эволюции государств, обществ. Эти процессы в западной историографии также зачастую понимались довольно упрощенно, что выразилось в господстве так называемой теории модернизации, т.е. прогрессивного развития общества через государственные или социальные структуры. «Простой человек» со свойственными ему картиной мира, стереотипами восприятия и повседневной жизнедеятельностью, обусловленной его ментальностью, при таком подходе лишался исторической инициативы и присутствовал лишь в качестве пассивного объекта целенаправленной преобразовательной деятельности общества.

Накопленный исторической наукой огромный фактический материал о повседневной жизни людей показывает ограниченность такого подхода. Исторические реалии последних десятилетий (развал СССР, крах социалистической системы, кровавые конфликты на Балканах и т.п.) отразили своего рода неадекватные реакции людей на политические и общественные инновации. Как отмечает современный германский историк А. Людтке, «продуктивной могла бы стать попытка понять историю как многослойный процесс, который воспроизводится и, в первую очередь, трансформируется теми, кто является одновременно и объектами истории и ее субъектами»¹⁶⁵. При этом со всей очевидностью вырисовывается необходимость понять историю не как сам факт или самодовлеющее явление, а как отражение событий в психике человека¹⁶⁶.

Эта задача заставила историков, в том числе отечественных, обратиться к поиску новых исследовательских подходов. Развернулись дебаты по теоретико-методологическим проблемам, что постепенно сделало реальным взаимное обогащение методов, казалось бы, совершенно различных дисциплин. В этом ракурсе междисциплинарные связи предстают как способ активного межнаучного диалога, взаимодействие активных дисциплин, которые прошли длительный путь самостоятельного развития со свойственными им динамичностью и особенностями, как беспрецедентный по своей активности способ воздействия на объект исследования.

В современной исторической литературе термин «междисциплинарность» употребляется не только для обозначения простого заимствования методов из других дисциплин (социологии, демографии, антропологии, лингвистики и т.п.), но и в интеграции на уровне конструирования междисциплинарных объектов, которые можно определить как нечто онтологически самостоятельное, как некоторую существующую реальность, независимую от исследования.

Таким образом, историческое знание определяется не одним научным направлением, а системой или совокупностью социальных наук, объектом которых является прошлая реальность. В силу своего полидисциплинарного характера история естественным образом использует достижения иных дисциплин и обращается к их теоретическим схемам, моделям, категориям, понятиям. Современная эпоха постмодерна нанесла сокрушительный удар по замкнутости и самодостаточности отдельных наук, сделала междисциплинарность действительно реальной.

Однако всякий раз, когда история использует достижения других наук, щелкает своеобразный «переключатель времени»: во-первых, история заимствует методы и приемы извне с целью изучения прошлого, а не настоящего. Поэтому она не может механически применять аппарат социальных наук, но должна развивать и видоизменять его применительно к отсутствующим социальным объектам. В идеале историки вынуждены не только овладевать теориями других наук, но и, отталкиваясь от них, создавать новые или, по крайней мере, модифицировать теории, ориентированные на анализ настоящего¹⁶⁷.

Следовательно, можно предположить, что междисциплинарные контакты никогда не носили и не будут носить однонаправленный характер с заранее предсказуемыми результатами. Процесс междисциплинарного воздействия слишком сложен и характеризуется высокой степенью вариативности, зависящей от целого комплекса факторов (не только степени разработанности темы/проблемы, уровня методологии, достаточности источниковой базы и др.). Необходимо учитывать комплекс этих факторов, чтобы повысить научную ценность получаемых результатов.

Междисциплинарность привела к соприкосновению различных дисциплин: идут интеграционные процессы, растет взаимодействие и взаимообогащение методов. Особенно это актуально в кризисных ситуациях, когда междисциплинарные связи служат условием успешного решения ряда проблем. Примером может служить коренное изменение нашего знания о роли человека. Суть знания состоит в том, что представления обычного человека о жизни, как и поступки, в значительно большей степени, чем это было принято полагать, зависят от повседневного личного опыта индивида. Такие общественные категории, как экономика, политика, идеология, законодательство, существовали и действовали лишь опосредованно, «просеиваясь» сквозь призму жизненного опыта людей, вызывая определенные ответные реакции и действия¹⁶⁸.

Подобного рода исследования проходят красной нитью в так называемом антропологическом повороте в историографии 1970—1980-х гг. Поменялись не только предметные области мировой исторической науки, но и подходы, и методы исследования несмотря на то, что в научных трудах сохранились узловые моменты бытующих ранее парадигм. В ученой среде постепенно нарастает осознание сложности происходивших внутри исторической науки процессов, понимание того, что замыкание лишь на одних методах в научном плане бесплодно, что без обращения к методам и категориям иных дисциплин научные поиски заходят в тупик.

Заметно расширяется категориальный аппарат исследований. Если ранее, как отмечал известный американский историк Р. Коллинвуд, исследователь должен был прежде всего раскрыть значения таких терминов, как «событие», «прогресс», «цивилизация»¹⁶⁹, то под влиянием антропологического поворота в исторических трудах все чаще звучали термины «деконструкция», «гендер», «повседневность» и др.

Исторические исследования, проведенные в плане междисциплинарности, характеризуются отчетливо выраженным аналитическим (в противовес описательному) подходом. В обработке источников историки произвели настоящий переворот, широко используя, например, количественные методы, что позволило освоить огромные массивы статистики, недоступные им до этого. Впервые в научный оборот были введены такие источники, как личные дела, личные счета работников предприятий, материалы переписей населения, листы домашних хозяйств и т.п.¹⁷⁰

В силу многомерности междисциплинарности как феномена можно предположить ее изучение в нескольких измерениях, которые условно можно разделить на макро- и микроуровень. В первом случае необходимо отметить, что потребность в междисциплинарности стала реальностью, а не декларацией. Обращение к различным дисциплинам вовсе не является препятствием. Необходимо только акцентировать внимание на изучении истоков, характера взаимодействия истории с другими дисциплинами. Характерно, что в 60—70-е гг. наши историки брали на вооружение преимущественно макротеоретические подходы (экономические циклы, теорию конфликта, проблему власти и др.). Значит, постоянные и последовательные контакты истории с социальными и гуманитарными дисциплинами (а также литературой и различными видами искусства) модифицируют облик истории, дают ей возможность проникать в ранее закрытые для нее зоны знания, использовать новые методы, экспериментировать с историческим материалом. Благодаря такому синтезу история соответствует своему времени¹⁷¹.

Микроуровневый характер феномена междисциплинарности подразумевает анализ вариантов полидисциплинарного взаимодействия, их характерных черт и особенностей с перспективой дальнейшего сравнительного изучения. Ключевыми моментами здесь могут быть следующие: выявление специфики «почвы», на которой происходит контакт; ее предрасположенность к междисциплинарным воздействиям; сопоставление и изучение уровней организации объектов контакта, определение глубины и, естественно, ограничений возможных заимствований; анализ итогов данного междисциплинарного взаимодействия. Совокупность этих и подобных аспектов помогает составить более конкретное представление о характере и специфике протекания междисциплинарных процессов, позволяет тем самым расширить методологическую базу и в конечном счете сделать более адекватное историческим реалиям обобщение о том или ином явлении.

В общем виде модель междисциплинарных исследований выглядит следующим образом: установка исследователей на междисциплинарность («Такая установка привела, — как отмечает исследователь М. Хоувелл, — в группу историков, признающих повседневную жизнь, экономические процессы, социальные структуры как неотъемлемые составляющие истории, таких наиболее видных историков двух последних десятилетий, как Лоуренс Стоун, Эммануил Ле Рой Ладюри, Филипп Ариес, Кристофер Хилл, что говорит о триумфе категории «класс, раса, гендер»¹⁷²); формирование междисциплинарного исследовательского коллектива, т. е. кооперации; поиск и оценка междисциплинарных проблем; разработка общего метаязыка; содержательная интерпретация результатов.

Можно определить условия, при которых возможны полидисциплинарные исследования. Это:

1) определение объекта исторического исследования и его исходного состояния (сбор, обработка информации, выявление проблематичных сторон объекта и др.);

2) сохранение специфических свойств и характеристик объекта на всех уровнях теоретического абстрагирования;

3) разработка методической схемы анализа, в которой сумма отдельных исследований была бы необходима и достаточна для решения проблемы в целом.

Соблюдение этих условий позволяет реализовывать интегративную функцию исторической науки, связанную с использованием знаний из социологии, философии, психологии и др. В свою очередь методы и концепции этих дисциплин послужат одним из средств категориального синтеза в ходе исследования.

Систематизация и интеграция всей совокупности знаний, полученных в ходе междисциплинарного исследования, должны происходить в рамках теории, через которую они преломляются. Поэтому в зависимости от научного и методологического уровня сформированной теории можно судить об истории как научном направлении, о возможности применения междисциплинарных связей. Полученный результат должен быть обоснован. Результаты междисциплинарных исследований должны быть представлены в такой форме, чтобы их можно было эффективно использовать и в научной, и в практической деятельности. Междисциплинарные исследования в истории дают возможность проведения эксперимента с целью констатации истинности, адекватности результата, что, безусловно, более приемлемо, чем простая теоретическая аргументация. На основе содержательного обобщения результатов диагностики можно сделать прогноз развития сконструированного междисциплинарного объекта. При этом важно указать вид полученных знаний (концепцию, методику), содержательно раскрыть каждый из них.

Активное проникновение в область исторических исследований совершенно иного оценочного инструментария — объективный процесс. Подобное проникновение нельзя считать односторонним процессом. Специалисты самых разных направлений приходят к близким суждениям о том, что миф об исключительности монодисциплинарной истории должен быть преодолен. Историческая наука должна стать своего рода «децентрализованной», в ней должно находиться место для применения самых различных методов и концепций.

Феномен междисциплинарности представляет широкий простор для исторической мысли, постоянно ищущей ответы на сложные вопросы современности. Один из важных вопросов касается судьбы самой исторической науки. Куда направлен вектор современного процесса междисциплинарности? Какой станет историческая наука в ближайшие десятилетия? Ответы, предположения — самые различные. Апологет социальной немецкой истории Г.-У. Велер придерживается идеи о монизме исторической науки¹⁷³. Американский историк Дж.Иггерс, напротив, убежден, что уже в настоящее время исторической науки как единого организма нет, так как имеет место высокая степень ее дифференциации¹⁷⁴.

Причин такой противоречивости в мнениях о, казалось бы, вполне понятных процессах междисциплинарности много. Главная из них — многомерность и сложность самих объектов исследования. Между тем проблематика междисциплинарного взаимодействия (систематизация данных о полидисциплинарных

контактах, изучение характера и особенностей различных вариантов взаимодействия, возможность тотального переноса основ одной дисциплины на другую почву, поведение инородного элемента в системе дисциплины, степень его позитивного/деструктивного влияния на систему целостности и др.) еще не достаточно изучена в историографии, особенно в отечественной. Требуется преимущественное внимание к проблемам полидисциплинарности. Очевидно, что по мере усиления тенденций к интеграции и взаимодействию наук все большее значение будут приобретать вес и учет в конкретной деятельности их характеристик и особенностей, а накопленный опыт междисциплинарных контактов поможет сыграть ценную роль как в понимании перспектив многих процессов, так и в выработке оптимальных моделей развития. Появляется возможность накопить огромный эмпирический материал, далеко выходящий за рамки одной дисциплины. Это, в свою очередь, позволяет уяснить, что в той или иной науке является специфическим, а что общим, генерализирующим признаком.

Таким образом, междисциплинарные исследования в исторической науке:

- позволяют решить новые научные проблемы;
- дают возможность объяснить и предсказать возникновение событий и явлений, которые с прежних позиций было невозможно предвидеть и объяснить;
- открывают пути для разработки новых методов и подходов, определения приоритетных исследовательских задач.

В настоящее время отсутствие конкретных работ по теме междисциплинарности в исторических исследованиях требует от исследователя (особенно отечественного) осторожности и меньшей категоричности. Очевидно, что для любого исследователя-историка судьба исторической науки небезразлична. При этом изучение методов, опыта другой дисциплины позволит найти наиболее оптимальное решение проблемы. В этой связи возникает другая, не менее важная проблема, — заимствование чужого опыта.

Эта проблема приобретает особый смысл, если учесть, что в процессе междисциплинарных контактов непременно возникает вопрос о границах и тенденциях, противоречащих процессу полидисциплинарности. Ведь в реальной исследовательской практике есть допустимый предел тех или иных заимствований — предел, обусловленный конкретными историческими и социальными условиями, в которых данная дисциплина развивалась. В связи с этим российский философ А. Ракилов пишет: «Приходится с сожалением констатировать, что попытки модифицировать истори-

ческую науку с тем, чтобы довести ее до уровня “гвардейских” дисциплин века (физика, кибернетика, теория информации и др.), сводятся к простым вербальным заимствованиям концептуальных схем и понятий из этих дисциплин без должного учета реальных проблем и специфики исторического познания»¹⁷⁵. Для таких заимствований характерны декларативность, схематичность; они не оказывают организующего влияния на практику исследования.

Выступая в свое время за тесные междисциплинарные отношения истории и социальных дисциплин, Г.-У. Велер ввел понятие «исторической социальной науки» (*Historische Sozialwissenschaft*), под которой подразумевал высокую степень взаимного проникновения наук. Он заявлял, что социология должна добавить теории в историю, а история — фактов в социологию; и тогда история и социология будут представлять новую «историко-критическую социальную науку»¹⁷⁶.

Теперь же Г.У. Велер заговорил о невозможности исследований, основанных на таком подходе. Ему вторит немецкий историк В. Моммзен, который убежден, что общественные науки, от которых история заимствует методы, сами по своей сути противоречивы и заимствования из них «непродуктивны»¹⁷⁷.

Значит, возможности конструирования междисциплинарных объектов нуждаются в серьезном научном изучении на фоне тех условий, в которых развивалась та или иная дисциплина, и тех проблем, на которые эти объекты должны быть рассчитаны, прежде чем можно будет принять решение относительно имплантации заимствований в поле «чужой» науки.

Профит междисциплинарных контактов

Несмотря на недостатки и изъяны междисциплинарности (экслектичность, отсутствие целостного подхода к историческим явлениям, нарушение системы изложения, неопределенность предмета изучения и др.), вклад в такого рода исследования состоит не только в подведении различных методов и концепций под единый знаменатель, но и в выработке современных теоретических объясняющих моделей для анализа прошлых обществ.

Наиболее четко это прослеживается на междисциплинарном взаимодействии истории и лингвистики. Контакты между двумя этими дисциплинами имеют глубокие корни. Достаточно вспомнить дискуссии о том, являются ли художественные произведения историческими источниками и какую именно информацию несут они, будучи исследованными в этом качестве¹⁷⁸. Прежнее

обособление дисциплин лингвистического цикла было связано с выделением их объекта (языка) в качестве некоторой самостоятельной целостности, которую можно изобразить и изучить относительно независимо от всех остальных объектов. Теперь же в западной исторической науке ведущим становится лозунг историка: «Нет действительности вне языка»¹⁷⁹.

Главной задачей историка стал анализ так называемого «дискурса», т.е. правил и функций образа мышления и его взаимосвязь с устной и письменной формами репрезентативности. В частности, такой позиции придерживался известный французский постструктуралист М. Фуко.

Понятие и роль языка стали шире использоваться в исторических исследованиях. Историк Л. Хунт, например, видит в языке средство для понимания политических событий, в том числе возникновения и развития социалистического движения во Франции во второй половине XIX в. В своей работе «Символы власти. Власть символов» он ставит своей целью не описание революционных событий, а анализ закономерностей политического мышления как основы политической культуры¹⁸⁰.

Язык понимается как нечто, посредством которого люди воспринимают и переживают экономические и политические процессы¹⁸¹. Такой позиции придерживаются и современные германские ученые А. Людтке и Х. Шлоссер, которые при помощи лингвистического языкового анализа исследовали общественную и повседневную жизнь немцев в период ГДР. Ученые пришли к выводу о существовании двух совершенно противоположных языковых сфер: официальной (партийной) и повседневной. По мнению Д. Шлоссера, не только не приходится говорить о взаимном сосуществовании этих сфер, но и следует признать факт их «тотального противостояния»¹⁸².

Американский исследователь Т. Чилдерс исследовал роль языка в избирательной кампании в Веймарской республике. Причину успеха пропаганды национал-социализма он видит в национальной риторике, которая по духу оказалась ближе большинству немецкого населения¹⁸³.

Важнейшие изменения в исторической науке произошли в результате ее контактов с этнографией, исторической и культурной антропологией. Этнокультурные исследования способствуют пониманию образа повседневной жизни людей определенного географического ареала, выявлению основных универсалий культуры, куда вошли не только знания и духовные достижения, но и казавшиеся ранее экзотическими традиции, стереотипы, верова-

ния и ритуалы. Возникает качественно новое, междисциплинарное по своей сути, научное направление, которое можно дефинировать как микроисторию (Mikrogeschichte).

Однако это не означает, что история становится «закрытой» общественной системой. Напротив, локальные исторические рамки выбраны для того, чтобы с помощью концентрации на ограниченном, периферийном ареале определить объяснительный потенциал макроскопического познавательного процесса. Известный американский историк, представитель культурной антропологии К. Гиртц провозгласил тезис о том, что место исследования не является предметом исследования; историки исследуют не деревни, они исследуют в деревнях¹⁸⁴. Это способствует пониманию значимости норм и образцов межличностного поведения в определенных регионах, где помимо писаных прав и законов оказалось немало ограничений и правил, кажущихся естественными и общепринятыми и составляющих основу рациональных описаний. Историки и этнологи вскрыли пласты повседневности, веками культивируемой народом, передаваемой от поколения к поколению. Эти традиции закреплялись в языке, мимике, жестах, манерах и т.д. и создавали своеобразный духовный климат общества.

Изучение этих аспектов стало возможным благодаря так называемым «плотным описаниям» (*dichte Beschreibung*), включающим, казалось бы, незаметные, но очень важные для существования общества формы повседневного порядка. Современный германский исследователь Х. Медик отмечает: «Этнологические исследования являются удачным примером для иллюстрации неразделимой связи между историей повседневности и мировой историей»¹⁸⁵. Показательны в этом отношении исследование французского анналиста Э. Ле Роя Ладюри, проведенное на материалах по истории пиренейской деревушки XIV в.¹⁸⁶, и работа самого Х. Медика. Последний, опираясь на опыт французской «тотальной истории», изучил феномен повседневной жизни людей немецкого местечка Лайхинген в период с 1650 по 1900 г. На основе различных источников (тестаментов, завещаний, инвентарей, судебных актов и др.) он реконструировал повседневную жизнь жителей Лайхингена¹⁸⁷.

Обращает внимание то различие, которое делает Х. Медик между «своей» локальной историей и ее традиционным пониманием, когда региональный материал должен лишь подтвердить концепции всеобщей истории. Х. Медик исходит из того, что анализ развития локальной общности дает возможность охватить характерные черты явления на ограниченном объекте, например повседневной жизни деревни или общины. При этом, считает он,

полученные результаты исследований с точки зрения социальной истории нередко могут показаться «парадоксальными и непрезентативными»¹⁸⁸. Так, швабскую деревушку Лайхинген можно назвать «протоиндустриальным» обществом, поскольку зачатки капиталистических отношений в ней появились только в начале XX в., в то время как бурное промышленное развитие Германии имело место уже в XIX в.¹⁸⁹

Дело в том, что исследование Г. Медика базировалось главным образом на изучении религиозных представлений, которые нашли свое выражение в ответвлении протестантизма — «лютеранском пиетизме» отдельных лиц и групп этого местечка, на выявлении влияния этих установок на повседневный труд, материальную культуру и отношения собственности. Жители Лайхингена не стремились, например, к обогащению, а считали, что достичь его можно только через обращение к Богу, стойкое терпение и преодоление всех невзгод жизни; они проявляли равнодушие к факту высокой у них детской смертности, следуя принципу «Бог дал — Бог взял». На формирование местечковых религиозных установок влияла господствующая книжная культура, когда из всех наличных книг, читаемых жителями Лайхингена независимо от их социального статуса, лишь 1,5 % были книгами нерелигиозного содержания¹⁹⁰.

Х. Медик показал, что сложная структура социальной реальности имеет различные компоненты, для адекватного описания которых требуется не только макроподход, но и микроанализ. А еще лучше — их сопряжение. В современных условиях любое микроисторическое исследование должно быть комплексным, отражать взаимодействие различных факторов, детерминирующих природу исследуемых объектов. В этом случае микроанализ выступает определенным проявлением общеметодологического требования системного подхода к изучению этих объектов.

В этой связи обращает внимание подготовленная к изданию книга белорусского исследователя В.Л. Носевича «Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе» (Мн.: Технология, 2004). Возможно, она и открывает новый жанр в белорусской историографии, в котором переплетается историческое научное исследование, отвечающее требованиям современной мировой науки, новым традициям французской и немецкой исторических школ, с литературным описанием, включающим личные переживания, неизбежно возникающим при прикосновении к собственным предкам. В исследовании четко обозначен объект

микроистории, который с применением как традиционных, так и инновационных методов исследован достаточно всесторонне и системно, что позволило автору выйти на макроисторический уровень. Убедительно показано значение небольшой популяции («маленького» человека) в историческом процессе, дан ответ на вопрос, поставленный во вводной части работы, о значении нашего «обыденного» знания о прошлом. Представлен факт реализации социального предназначения исторической науки, особенно ее воспитательной функции.

Не менее плодотворным может быть синтез истории и социальных наук. Если философия помогает истории в определении ее мировоззренческих, методологических и теоретических аспектов, то социология вместе с экономикой дает возможность ориентироваться в закономерностях развития общества и изменениях роли человека в социальных и экономических процессах, а политология выводит ее на современность в анализе политических объектов, например демократии. В этих науках к настоящему времени образовалось немало направлений и школ, использующих самые различные методы, часть которых являются общими (исторический, сравнительный, системный, математический и др.), а часть — заимствованными историками.

Таким образом, реконструкция исторического прошлого должна учитывать и применять междисциплинарные связи, которые не нивелируют и поглощают, а дополняют одна другую. Изолированность исторической науки, воплощенная в консерватизме ученых, методологических и тематических барьерах и границах, неизбежно вызывает неполноту или отрывочность полученных результатов. Понимание и внедрение практики междисциплинарности в исторических исследованиях основано на преодолении границ традиционно сложившейся техники исторической реконструкции, на поиске дополнительных по отношению к истории практик исследования.

Междисциплинарность как феномен не является чем-то гомогенным, а обладает своеобразными особенностями, которые отражаются в сетях методологических и категориальных различий. Дифференциация ранее «однородной» истории вызывает вполне понятные опасения у историков об утрате ее социальной идентичности. Но, с другой стороны, это исключает возможность господства одной универсальной концепции или идеологии. В настоящее время историческая наука все более опирается не на идеологическое единство, а на взаимосвязь, взаимопереплетение методов и категорий.

Контрольные вопросы

1. В чем состоит проблема междисциплинарности в историческом исследовании?
2. Постройте модель своего междисциплинарного исследования и осуществите ее анализ.
3. Каково значение социальных наук для исторического познания?

Поиск ответа на 1-й вопрос может быть построен как форум по следующему сценарию:

I этап. Определение концепции междисциплинарности как объекта исторического исследования. Здесь возможны такие критерии (признаки), как:

1. С чем связана постановка этой научной проблемы?
2. Макро- и микроуровень в изучении междисциплинарности.
3. Возможная модель междисциплинарных исследований.
4. Условия, при которых возможны такие исследования.
5. Практические выгоды междисциплинарных изысканий.
6. Границы и тенденции междисциплинарных контактов.

Критически оценивая указанные критерии, просим продолжить их перечень, чтобы как можно полнее определить поставленную проблему.

II этап. Оценка критериев концепции. Попробуем оценить каждый из названных признаков, уточняя и пополняя их интерпретацию, приведенную ниже:

по 1-му признаку – неостребованность истории, интеграция наук, противовес былому идеологическому единству, способ активного межнаучного диалога;

по 2-му – на макроуровне потребность в междисциплинарности уже стала реальностью (появились различные направления в мировой исторической науке, от психоистории до исторической информатики), на микроуровне – нет, мы не имеем вариантов взаимодействия, анализа основы междисциплинарности, представлений о ее глубине и границах возможных заимствований, оценки итогов междисциплинарного воздействия;

по 3-му – установка исследователей, формирование коллектива, поиск и оценка проблем, разработка метаязыка, проведение исследований, интерпретация результатов;

по 4-му – выявление объекта исследования, сохранение его свойств, разработка методической схемы анализа объекта;

по 5-му – расширение методологической базы исследования, развитие теории, возможность проведения эксперимента с целью подтверждения истинности результата, его адекватности реальности, прогноз развития сконструированного междисциплинарного объекта, эффективное использование результатов в научной и практической деятельности;

по 6-му – предел имплантации «чужой» науки, устанавливаемый конкретными историческими и социальными условиями и обусловленные задачи, решаемые ею...

2.4. ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ И ИСТОРИЧЕСКОЕ СУЖДЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ВЕРИФИКАЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Ключевые слова

Исторический источник, исторический факт, историческое суждение, верификация, интерпретация, модель, научная проблема, гипотеза, вывод.

Вопросы для обсуждения

1. Элементы в схеме исторического исследования.
2. Исторический факт как научная категория.
3. Эмпирический и теоретический уровни исторического исследования.

Понятие исторического факта

Слово «факт» – одно из наиболее употребляемых в языке историка. Но что это такое? Все согласны, что исторический факт является фундаментальной категорией исторического знания. Факты составляют основу всякой научной теории и определяют субстанциональную природу истории. От того или иного понимания данной категории в огромной мере зависит суждение о познавательных возможностях историографии, достоверности созданной исследователями картины прошлого. Поэтому проблеме исторического факта уделяется большое место во всех трудах по методологии истории, независимо от того, к какому направлению принадлежит автор.

Для исторической науки проблема факта является относительно новой. Как определенная научная категория факт был осмыслен только в начале XX в. Перед историографией XIX в. такая проблема в полной мере не стояла. Понятием «факт» историки XIX века обозначали определенное, твердо установленное знание, извлекаемое из исторических источников. С того времени в обыденном сознании утвердились такие формулы: «факты – упрямая вещь», «факты говорят за себя» и др. Эти «аксиомы» основываются на представлении о том, что источниковое знание достаточно достоверно и позволяет точно воссоздать на страницах исторических работ прошлую реальность. Позитивистская наука возвысила факт до основного предмета познания исторической науки, а также ее основы. Факт превратился в фетиш для ученых.

Руководствуясь такой установкой, знаменитый французский историк Фюстель де Куланж требовал от исследователей для получения истинного знания не выходить за рамки текста источника

и не увлекаться синтезом. Главную задачу историка он видел в том, чтобы «изучать исключительно и непосредственно тексты в самых мельчайших подробностях, верить лишь тому, что они показывают, и решительным образом удалять из истории прошлого современные идеи, занесенные ложной моралью»¹⁹¹. Подобные наставления послужили другому великому французу – писателю Анатолью Франсу – поводом для создания в романе «Остров пингвинов» пародийного образа историка-эмпирика. Рассуждая о сложностях творения исторического полотна, этот герой заявлял: «Да разве мы, историки, пишем историю? Разве мы стремимся извлечь из текста, из документа хотя бы крупицу жизни или правды? Мы попросту, без мудрствований, издаем тексты. Мы во всем придерживаемся буквы. Только буква обладает достоверностью и определенностью. Духу эти качества недоступны: мыслить – значит фантазировать. Писать же историю могут только пустые люди: тут нужна фантазия»¹⁹². Конечно, не такого рода эмпирики определяли лицо позитивистской историографии, и тот же Фюстель де Куланж далеко не всегда следовал собственным правилам¹⁹³.

Категория «факт» постепенно раскрывалась перед исследователями. На особенности социальной природы исторических фактов обратили внимание В. Дильтей и Н.И. Кареев. Русский историк писал, что факты прошлого органически включают в себя субъективный элемент, поскольку «прежде всего это – внутренний мир человеческих личностей, совокупность которых создает общественную жизнь и двигает историю...»¹⁹⁴. Поэтому если историк желает действительно понять свой предмет, а не ограничиться его внешним описанием, то он не может не допустить субъективного элемента в науку¹⁹⁵. Исходя из аналогичных посылок, Дильтей сформулировал свой метод «вживания» как основное средство постижения исторических фактов¹⁹⁶.

Развитие социально-экономического направления в позитивистской историографии не могло не привести к усложнению понятия «факт». Уже В.О. Ключевский констатировал, что «историк не становится перед историческим фактом прямо, как только возьмет в руки памятник старины или взглянет на него». Необходимо предварительное изучение и истолкование источника¹⁹⁷.

Широкое развитие эта идея получила во «Введении в изучение истории» Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса. Особенностью исторических фактов французские исследователи признали то, что они познаются не прямым наблюдением, а косвенным путем¹⁹⁸ и воспроизводятся при помощи воображения¹⁹⁹. При этом подчеркивалось, что исторические факты представляют из себя определенный образ, пони-

мание реальности и поэтому по своей природе субъективны²⁰⁰. Руководящим принципом отбора фактов Ланглуа и Сеньобос признали их роль в эволюции человечества²⁰¹. Это был первый серьезный шаг в деле осмысления проблемы исторического факта.

Приоритет в постановке проблемы факта в исторической науке как определенной эвристической конструкции принадлежит российскому историку Р. Ю. Випперу и американскому К. Беккеру²⁰². С их именами связана релятивистская трактовка исторического факта, до сих пор определяющая основные контуры рассматриваемой проблемы. Методологи-релятивисты справедливо указывали, что предшествующая им эпоха в научной мысли слишком настаивала на объективном характере фактов²⁰³.

Поэтому эти авторы призывали оставить наивную точку зрения на объективность историка, будто факты прошлого говорят сами за себя и ученый только должен выслушивать и записывать их голоса²⁰⁴. В их методологии истории акцент был сделан на субъективном характере категории «факт», зависимости факта от общей концептуальной системы, в которую он включен.

Р.Ю. Виппер считал, что в нашей науке нет прямого отражения действительности: «Группы, которые мы называем фактами, не составляют чего-либо нам данного, что пассивно нами усваивается или просто открывается»²⁰⁵. Научный факт, по его убеждению, существует лишь в качестве эвристической конструкции, он является результатом «нашей привычки воспринимать впечатления в известной группировке, в известном сцеплении, связи. Представления наши о фактах зависят от тех рамок, в которые мы вводим данные традиций и остатков прошлого»²⁰⁶. Беккер по этому поводу высказывался не менее определенно, утверждая, что «исторический факт находится в чем-либо сознании или не существует совсем»²⁰⁷. Для доказательства этого положения американский исследователь ссылался на сложность понятия *факт*, неисчерпаемость, казалось бы, самых известных и «элементарных» фактов прошлого. Например, он берет факт перехода Цезарем Рубикона в 49 г. до н. э., открывающий очередной этап гражданских войн в Римской республике. Беккер указывает, что этот факт включает в себя множество составляющих, о которых мы ничего не знаем (сколько людей было с Цезарем, что они думали и говорили и т.д.). Мы имеем дело с обобщением множества более мелких, неизвестных нам фактов. Кроме того, данный факт включает в себя приписываемое ему значение, так как Рубикон переходили многие люди и сам Цезарь делал это неоднократно, однако историческим фактом стал лишь его переход в 49 г. до н. э. «Значение» факта есть результат теоретической работы ученого, а не свойство самой исторической

реальности. Поэтому исторический факт был объявлен Беккером символом, простой формулировкой тысячи и одного простейшего факта²⁰⁸. Этот символ был противопоставлен реальному событию, которое нельзя вновь повторить или засвидетельствовать в нашем опыте. «Исчезнувшие реальности, — писал ученый, — уступили место тусклым отражениям, неосязаемым образам или идеям о себе», и последние «есть все, что осталось от действительного события»²⁰⁹. Свою жизнь факты получают только через творческую работу историка, а потому они являются частью настоящего²¹⁰.

Таким образом, под пером исследователей начала XX в. факт предстал как известная теоретическая конструкция, причем эластичная по своему характеру. Р. Ю. Виппер доказывал, что одни и те же факты появляются и исчезают в различных исторических представлениях и картинах: «Факты существуют для одного глаза и отсутствуют для другого»²¹¹. Это не значит, что ученый их выдумывает. Он, по мнению Виппера, обращает внимание лишь на определенные элементы реальных остатков прошлого (источников), и здесь он связан. Свобода же его творчества проявляется в конструировании элементов источникового знания, заполнении пробелов на базе теории и в соответствии с выбранным углом зрения. Конечный вывод методолога, объявившего исторический факт одним из видов «мысленных разрезов» действительности, производимых по личному произволу исследователя²¹², страдал явной односторонностью. Подходы Беккера и Виппера к категории оказались весьма симптоматичны для методологических поисков историков первой половины XX в.

Для советской же историографии характерна объективистская трактовка категории «факт». Советские исследователи стремились если не отождествить, то максимально сблизить понятия «научный факт» и «событие». Так, А. В. Гулыга писал, что отражение исторической действительности есть ее воспроизведение, и задача историка состоит в том, чтобы «дать максимально верный слепок с реальности...»²¹³. Академик Е. М. Жуков полагал, что неправильно противопоставлять реальное событие научному факту, так как всякая объективная реальность, по его мнению, есть исторический факт. Историк только «воспроизводит минувшую действительность на основе исторических фактов». Отсюда его неприятие понятия «реконструкция» применительно к историческому творчеству²¹⁴.

В работах 90-х гг., напротив, подчеркивается реконструктивный характер исторического познания. Так, К. В. Хвостова и В. К. Финн указывают, что изучение исторического прошлого, как и современного состояния общества, означает реконструкцию событий, процессов, отношений, ценностных установок, институтов и оценку

этих явлений с точки зрения современного знания. Соответственно в историческом познании указанные авторы выделяют имманентный и оценочный уровни изучения. Первый связывается ими с реконструкцией изучаемых явлений прошлого путем восхождения исследователя в знаковую ситуацию изучаемой эпохи. Второй же — с выявлением исторической роли изучаемых феноменов, их места в системе других явлений с учетом исторической перспективы, неизвестной современникам, но определяющей их оценку с точки зрения последующей истории²¹⁵.

Для советских методологов характерной являлась также тенденция сблизить социальные и естественные факты, «ибо их развитие представляет собой естественно-исторический, внутренне обусловленный и закономерный процесс, в котором имеет место повторяемость»²¹⁶. На этой почве соответственно тесно сблизались познавательные задачи истории и естественных наук: раскрытие закономерностей объективного хода общественно-исторического процесса²¹⁷. В целом в советской историографии делался акцент на приоритете именно марксистских исследований в разработке объективных научных фактов и основанных на них научных концепций исторического прошлого.

В западной науке прочно утвердилось мнение, что научный факт не является независимой от исследователя субстанцией: «Это, — по словам итальянского историка Э. Сестана, — продукт нашего мозга, в котором факт (действительности) получает зрительную форму и непосредственное или косвенное понятие (которое хранит память)»²¹⁸. Вера в твердые, незыблемые факты науки представляется сегодня нелепой ошибкой, поскольку интерпретация входит в любой факт. «Нельзя представлять себе исторический факт, — повторяет за Б. Боммелье П. Доорн, — как вечную истину: это всего лишь предварительно принятые результаты аргументации»²¹⁹. Как подчеркивают австрийские исследователи Г.Л. Миколецкий, Г. Лютц и Ф. Энгельс-Яноши, «нет такой единой точки зрения..., которая давала бы возможность гармонически рассмотреть все историческое целое»²²⁰. Ни одна историческая перспектива не исчерпывает до конца исторической реальности и каждая не исключают одна другую. Что же касается интегральной системы субъективных исторических перспектив на событие прошлого, то она, как отмечает А. Стерн, «будет лишь одной из сверхиндивидуальных реальностей, но не абсолютной реальностью»²²¹.

Наличие множества интерпретаций не означает, что все они равноценны, хотя и правомерны. Проверка достоверности того или иного факта осуществляется их комплексным использованием, углубленной работой с источниками как реальными остат-

ками прошлого, на которые может опереться историк²²². Такой подход к историческому факту предполагает, что конструктивизация прошлого не всегда верифицируется источниками. В итоге в современной западной историографии (Дж. Клоппенберг, Т. Хаскел и др.) истина трактуется как многовариантная, изменчивая; это — истина-версия, претендующая на правдоподобное воспроизведение прошлого, которая включает в себя не только реконструкцию прошлого, но и его конструирование²²³.

К каким же основным выводам мы можем прийти, рассматривая категорию «исторический факт»? Прежде всего, это понятие неоднозначно. Можно выделить три основных значения этого понятия в науке:

1) факт как событие или явление исторической действительности, что предполагает наличие у объекта каких-то развивающихся свойств или наличие временных отношений между объектами, множество некоторым образом выделяемых взаимосвязанных событий исторической ситуации;

2) факт как сообщение источника, т. е. определенная информация о событии, свидетельство отражения фактов действительности в сознании автора источника;

3) научно-исторический факт как элемент логической структуры исторической науки.

Научно-исторический факт

Научный факт в отличие от факта прошлого является вычлениением объекта с определенными свойствами в рамках исследовательской ситуации, реконструкцией явления действительности в нашем сознании. Он возникает на стыке субъекта и объекта познания и обязательно включен в систему научного знания.

Каждая из трех названных категорий фактов обладает своими особенностями. Факты исторической действительности социальны по своей природе. Эти самые сложные и многообразные факты неизбежно вызывают к себе оценочное отношение. Являясь элементом прошлого, они непосредственно не наблюдаемы (известное исключение составляют события современности) и не воспроизводимы в эксперименте. Факты действительности, подчеркивает И.Д. Ковальченко, объективны и по отношению к творцам исторических источников, и по отношению к историку. Как явления прошлого, они инвариантны и неизменны в своей пространственно-временной и сущностной завершенности²²⁴. Исторические факты приобретают смысл, — отмечает французский исследователь

Ф. Инар, — только при тройной ссылке: на то, что им предшествует и иногда подготавливает их; на то, что их окружает и является их сутью; и, наконец, на другие факты, которые следуют за ними, даже если они и не обязательно являются их следствием²²⁵.

Факты исторического источника, будучи отражением событий прошлого авторами источников, субъективны по своей природе, однако они однозначны в своем конкретном выражении и существуют объективно по отношению к исследователю. Потенциально любой источник может содержать в себе значительно больше информации, чем мы научились извлекать из него. Поэтому из известных источников истории нередко начинают извлекать новые факты.

Научно-исторические факты представляют собой дважды субъективизированную реконструкцию прошлого — на уровне источника и на уровне исследователя — и представляют собой продукт исторического творчества. Информация источников, сохраненная и транслированная его составителями в научном факте, отмечают К.В. Хвостова и В.К. Финн, усваивается современным исследователем, работающим в рамках организованной им исследовательской ситуации, под влиянием исследовательской теории и других компонентов предпосылочного знания с учетом сформулированной цели, поставленных задач и проблем, выдвинутых гипотез, с использованием соответствующих логических приемов²²⁶. «Установить» определенный научный факт означает доказать его реальность на материалах исторических источников. Какое-то явление прошлого может стать научным фактом лишь попав в кругозор исследователя, а для этого оно обязательно должно быть отраженным в источнике. Так, например, сегодня не вызывает сомнения существование во 2-й половине III — 1-й половине II тыс. до н. э. на территории Сирии важнейшего торгового и культурного центра древности — города Эблы. Однако данный факт появился в науке лишь на рубеже 60–70-х гг. прошлого столетия в результате успешных раскопок итальянской археологической экспедиции под руководством Паоло Маттие. До этого научного факта «города-государства Эбла» не существовало, хотя упоминания о нем ученые встречали в шумеро-аккадских документах.

Наличие источниковой информации само по себе не гарантирует объективной реконструкции прошлого. Для этого необходимо правильное прочтение и истолкование источников. Здесь на помощь историку приходят такие дисциплины, как источниковедение, герменевтика, палеография и другие.

Между информацией, содержащейся в источнике, и научным фактом лежит большая дистанция. Факты информации выступают по отношению к историку только как историческое сырье, на базе которого он должен реконструировать научный факт. В источниках редко встречаются факты в позитивном смысле. На помощь исследователю приходит теория, которой он руководствуется, весь комплекс накопленных им знаний и критические методы работы с источником. А.Г. Кузьмин не без оснований отмечает, что успех исторической критики, адекватного понимания источниковой информации зависит от методологии исследования: «Принципиальное значение при этом имеет исходная точка поиска: идти ли от источника или же от проблемы; следуя за источником, легко как бы стать на его точку зрения и просмотреть действительно важное. Постановка же проблемы обязывает шире смотреть на сам источник, учитывать условия его происхождения, полнее использовать уже открытые законы развития общества»²²⁷. Историк не может полностью доверять свидетельствам современников и даже прямых участников событий. Эти свидетельства очень ценны своей свежестью и непосредственностью, однако их авторам редко удалось разобраться в сущности протекавших процессов. Оценки современников исторических деятелей и явлений оказываются весьма спорными. Еще более ненадежным источником в этом отношении являются мемуары, если при их создании не привлекались документальные материалы.

О многих событиях прошлого известные источники не содержат сведений, и перед исследователями стоит постоянная задача расширения круга источников. В то же время упоминание в источнике о каких-то событиях или героях вовсе не обязательно означает, что они имели место. Например, историки считают мифологическими персонажами «допотопных» и первых 20 царей I династии Киша, о которых рассказывает «Шумерский царский список», относящийся к эпохе III династии Ура.

Иными словами, источник не дает прямого и непосредственного отражения прошлого (за исключением остатков материальной культуры). Поэтому в исторической науке идет речь не только о реконструкции прошлого с опорой на информацию источника, но и его конструировании. Подобная реконструкция минувшего во всех его красках и деталях непосильна для исследователя. Пробелы в источниках в этом плане может восполнить лишь воображение. Однако историк и не ставит перед собой задачу «оживить» их. Научный исторический факт, который он создает, представляет собой не слепок с исторического явления, а только его модель.

При известной доле творческого воображения данная модель может превратиться в образ прошлого, который, конечно, не должен быть оторван от реальной почвы. Подлинными мастерами исторических образов являлись Леопольд фон Ранке, Т. Моммзен, Н.И. Костомаров и другие выдающиеся историки.

У научного исторического факта всегда имеется объективная основа — это источниковая информация. Реконструкция исторического факта представляет собой своеобразный ретроспективный процесс возвращения к исторической реальности через источник. Поэтому научный факт неправомерно сводить к интерпретации, безусловно входящей во всякий исторический факт, поскольку исходная позиция исследователя в познании минувшего — современность. Последняя реализуется через мировоззрение историка, его язык и научную концепцию. Интерпретация придает всякому научному факту значение, без которого немислим ни отбор фактов, ни их понимание. Простая идентификация событий еще не есть история, в лучшем случае мы можем признать ее, вслед за Б. Кроче, хроникой. В этом смысле научно интерпретированные факты прошлого всегда принадлежат современности.

Не фактичность чистая делает факт «историческим», а его значимость, которая проявляет себя постепенно, в течение времени и придает ему особое качество. Поэтому факты по своей природе динамичны, находятся в постоянном развитии, по мере, с одной стороны, общественной эволюции, а с другой — совершенствования теории и методов получения и обработки информации источников. В содержательном отношении, указывает И.Д. Ковальченко, научные факты незавершены и способны к обогащению в процессе исторического познания²²⁸. Нередко «обогащение» тех или иных исторических фактов на базе традиционных источников оборачивается попыткой пересмотра сложившейся картины прошлого или отдельных ее фрагментов. В этом отношении показательна работа Ф. Инара, посвященная знаковой фигуре римской истории — Луцию Корнелию Сулле. Ф. Инар не только реабилитирует этого выдающегося политического деятеля, но и пытается доказать благотворность даже таких его мероприятий, как введение проскрипций, объявленных средством для ограничения жертв в гражданской войне²²⁹. Негативные характеристики Суллы в научной литературе и свидетельства против него современников автор просто отбрасывает как измышления против гениального реформатора и полководца, стремившегося сохранить сенатскую республику.

Научные факты достаточно эластичны: они изменяются, появляются и исчезают в зависимости от угла зрения, принятых масштабов исследования, исследовательского интереса, концептуальной системы. Как нет факта вне источника, так его нет вне его творца — историка. В целом научные исторические факты представляют собой более или менее адекватную реконструкцию прошлого и выступают как надежное основание исторического знания.

Важной проблемой для ученого является отбор исторических фактов. Постановка в один ряд исторических событий, когда одно явление накладывается на другое, далеко не есть история. Задача науки — приведение в порядок исторического наследия, а для этого она должна иметь свою теорию, на базе которой осознается избирательный подход к материалу прошлого. Чем, собственно, должен руководствоваться историк, отдавая предпочтение тому, а не иному факту, есть ли универсальный критерий такого отбора? Подробно этот вопрос будет рассмотрен ниже в связи с ценностным подходом в истории. Сейчас отметим только, что отбор исторических фактов тесно связан с ценностными установками исследователя и его научной концепцией. При этом ученый не может, конечно, игнорировать реальное влияние отдельных исторических явлений на последующий ход событий, что выявляется в ходе ретроспективного исследования. В историографической практике сочетаются ценностный и научный отборы фактов.

Оперируя историческими фактами, ученый обладает известной творческой свободой. От него зависит отбор фактов и построение их в известную систему, а также итоговая оценка событий и героев минувшего. Вместе с тем свобода не означает произвола. Историк обязан бережно относиться к фактам, составляющим основу всякой научной работы; без них его теоретические рассуждения бесплодны.

В реальном историческом процессе протекают относительно как простые, так и сложные события. Всякий факт прошлого, — отмечает французский исследователь А. Дюпрон, — это не отдельная неразделимая реальность, существующая в самой себе, а взаимосвязь²³⁰. Тем более это относится к «сложным» фактам, для отображения которых в научной работе необходимо введение пространственно-временных, а нередко и смысловых границ (в том случае, когда историк не ставит себе задачей освещение всех аспектов рассматриваемых явлений). Подобные границы всегда относительны и разрывают живую ткань истории. Поэтому между историками возникают споры о том, что считать началом определенных событий, например гражданской войны в России: Октябрьскую

революцию, разгон Учредительного собрания или интервенцию со стороны стран Антанты? Подобные вопросы никогда не могут получить однозначного ответа, поскольку речь идет о противоречивых динамических процессах, допускающих вариативные подходы.

Таким образом, всякий научный исторический факт представляет собой сложную познавательную конструкцию, в которой органически соединяются объективные (информация источника) и субъективные элементы. Наличие последних, как и возможность появления новой информации о прошлом, никогда не позволяет прийти к абсолютному суждению о прошлом. В итоге история — это, по словам английского методолога Э. Карра, непрерывный процесс взаимодействия между историком и его фактами, бесконечный диалог между настоящим и прошлым²³¹. В историческом исследовании невозможен эксперимент, поэтому верификация нашего «знания жизни» всегда носит ограниченный характер. Проверку достоверности познания в истории ученый может осуществить только путем углубленной работы с источниками и комплексным использованием научных исторических фактов. Этого достаточно, чтобы рассматривать научный исторический факт как более или менее адекватную реконструкцию явлений прошлого и надежное основание исторического исследования.

Каково же место факта в общей структуре исторического исследования? Написание исторической работы является кульминационным пунктом деятельности ученого, включающим три взаимосвязанных операции: 1) *сбор фактов*, 2) *построение модели*, 3) *интерпретацию*. Тем самым, говоря словами Г. Ренира, ученый «осуществляет свою социальную задачу, увековечивает для будущих исследований некоторый коллективный опыт прошлого человеческого общества»²³². Конкретизируя схему исторического исследования, В.К. Финн и К.В. Хвостова выделяют в нем предпосылочное знание и конкретную исследовательскую ситуацию²³³.

В реальной историографической практике все эти операции тесно переплетены и их последовательность относительна: задолго до научного синтеза у ученого складывается некое предварительное мнение, которое оказывает воздействие на всю процедуру исследования. Окончательная формулировка этого мнения представляет собой *историческую теорию*. В связи с этим небезынтересно рассмотреть вопрос о соотношении эмпирического и теоретического знания в историческом исследовании.

Эмпирическое и теоретическое знания в историческом исследовании

Исторический процесс представляет собой бесконечный поток лиц и событий, который не может быть сколько-нибудь полно отражен в научном труде. Поэтому историческая работа является, по сути, сведением в одну плоскость разнородных черт и характеристик из массы элементов, разбросанных во времени и пространстве. Для своих познавательных целей ученый вынужден упрощать, схематизировать содержание действительности, т. е. заниматься ее «построением». По своему содержанию историческое знание нельзя отнести к чисто эмпирическому либо к теоретическому. Вряд ли можно согласиться с ведущим теоретиком психоистории Л. де Мозом, заявляющим, что исключительной задачей истории является «говорить что произошло, а не почему»²³⁴.

В действительности историческое исследование направлено как на конкретные факты прошлого, так и на выяснение их каузальных связей, установление причинно-следственных рядов, научное объяснение и создание концепции исторической эволюции человечества. К.В. Хвостова и В.К. Финн в этом плане справедливо подчеркивают необходимость комплексного понимания истории, в качестве науки предполагающей внимание как к индивидуальному и неповторимому в прошлом, т.е. к так называемой событийной истории, так и к явлениям социального порядка, социальным структурам и тенденциям²³⁵.

Эмпирический уровень непосредственно связан с источниковым знанием и в этом отношении более верифицируем. Теоретический уровень представляет собой идеальный разрез материала под определенным углом зрения, заданным мировоззрением исследователя, его принадлежностью к определенному научному направлению, школе и т.д. Связь теории с источниковым знанием носит более опосредованный характер, отсюда поэтому всякое историческое объяснение или концепция всегда имеет определенную авторскую заданность.

Эмпирический и теоретический уровни обладают определенной автономией, однако их невозможно оторвать друг от друга, они опосредованы практикой исторического исследования. Сама постановка научной проблемы, отбор источников, их критика, реконструкция исторических фактов непосредственно связаны с теоретической работой. Все эти научные операции так или иначе выходят на современный уровень развития общества²³⁶.

Всякое историческое исследование начинается с постановки научной проблемы. Проблема придает смысл и направление исторической работе. Она выступает в качестве вопроса или комплекса вопросов, имеющих практическое или научно-познавательное значение. Выделяется неизвестное в объекте и обозначаются конкретные исследовательские задачи, раскрывающие круг подлежащих изучению явлений и определяющие конкретные аспекты и цели изучения. По мнению ряда методологов (О. Фосслер, Г.-И. Марроу, А. Хойс и других) историческая наука вообще не имеет своего специального предмета, а только проблемы, если под предметом понимать факт, который дан за пределами сознания и противостоит нам. Через проблемы историк приходит не только к новым фактам и открывает для себя возможности более достоверного их изучения, но и к новым проблемам, требующим решения.

Проблемы и задачи должны быть актуальными для развития исторической науки, иметь общественный интерес²³⁷. Научно-историческая работа исходит из проблем, которые возникают в настоящем. Так, для отечественной историографии в настоящее время актуальной признается разработка концепции, которая бы органично сочетала черты формационного и цивилизационного подходов²³⁸. Нуждаются в детальном изучении проблемы истории культуры, отдельных общественных классов и сословий и прочее.

Степень изученности той или иной проблемы позволяет определить предварительный историографический анализ, учитывающий основные достижения в данной области, имеющуюся источниковую базу, апробированные методы и методологические подходы. Добросовестный, объективный историографический анализ позволит ученому опереться на достигнутые результаты в изучении данной проблемы, более четко сформулировать исследовательские задачи.

Для получения существенно новых результатов, справедливо замечает И.Д. Ковальченко, исследовательская задача должна ориентироваться на привлечение новых источников или извлечения из известных источников новой информации и использование иных подходов и методов изучения рассматриваемого объекта²³⁹. Каждая исследовательская задача требует применения своего комплекса методов исследования, учитывающего содержательную природу объекта изучения и наличную источниковую базу.

Эмпирическое познание в истории неправомерно трактовать как чисто описательное, хотя описание в исторической работе само по себе дело немаловажное. Проблема заключается в том, что эмпирическое познание невозможно без элементов объяснения.

Интерпретация присутствует на всех этапах исследовательской деятельности с момента определения научной проблемы, реконструкции исторических фактов и кончая созданием модели и оценкой. «Невозможно собрать факты в одно место, — пишет в этой связи Г.С. Комеджер, — без некоторой теории родства среди них, в конце концов, что вы ищете? Невозможно организовать их в модель без некоторой теории, диктующей эту модель. И невозможно интерпретировать их только на базе материала, который вы собрали, и модели, которую построили»²⁴⁰. Теоретическое объяснение отличается от эмпирического тем, что оно производится на более высоком уровне, однако в том и другом случае речь идет о категориальном синтезе материала. На эмпирическом уровне проводится синтез информации источников, на теоретическом — исторических фактов, которые представляются как определенная целостность в их взаимосвязи с оценочной характеристикой.

Исторический синтез невозможен без использования не только логических методов познания, но и интуиции и воображения. Последние играют значительную роль в заполнении пробелов при реконструкции конкретных исторических фактов и еще большую в процессе установления взаимосвязей между отдельными фактами и построении последовательного рассказа о событиях прошлого. В этом смысле Р.Дж. Коллингвуд подчеркивал, что историческое воображение осуществляет в исследовании «конструктивную работу», и продолжал: «Тем самым картина предмета исследования, создаваемая историком..., представляет собой некую сеть, сконструированную в воображении, сеть, натянутую между определенными зафиксированными точками, представленными в его распоряжение свидетельствами источников; и если этих точек достаточно много, а нити, связывающие их, протянуты с должной осторожностью..., то вся эта картина будет постоянно подтверждаться имеющимися данными, а риск потери контакта с реальностью, которую она отражает, будет очень мал»²⁴¹. Без подобной конструктивной работы, без научного творчества историческое исследование нерезультативно.

Прошлое инвариантно, оно не может быть изменено, но его освещение в трудах различных авторов может значительно отличаться, поскольку нет единой точки зрения на историю. «Необходимо всегда помнить, — пишет известный американский этнограф М.Мид, — что некоторая целостная конфигурация, усматриваемая исследователем в какой-нибудь культуре, является только одной из возможных, что другие подходы к той же самой человеческой ситуации могут привести к иным результатам»²⁴². Противоборствующие научные концепции диктуют неодинаковый отбор

фактов в работах ученых разных направлений, способствуют созданию отличающихся, часто весьма существенно, моделей исторического процесса. Конечно, не все реконструкции прошлого имеют равное познавательное значение, но в своей совокупности они ведут к все более глубокому и всестороннему освещению и осмыслению событий минувшего. Этот процесс постижения прошлого не знает границ, и абсолютное знание для историка невозможно.

Первостепенное влияние на развитие исторической науки оказывают такие фундаментальные исторические конструкции, как теория формаций или локальных цивилизаций. Они надолго определяют характер поисков исследователей, их научный кругозор. Как писал Р.Ю. Виппер, в сущности эти теории являются «большими идеальными построениями материала. Поколения, которые над ними работают, до тех пор не находят себе успокоения, пока не проверят такого построения, т.е. пока не разместят всего запаса известных данных по наметившемуся идеальному чертежу»²⁴³. Смена подобных теорий происходит под давлением накопленного обширного нового материала, вызывая кризисные явления в историографии. Однако появление новых теорий оказывается результатом не только внутреннего развития самой науки, но и общества в целом. Новый угол зрения на прошлое задает в конечном счете современность. При этом отказ от старых, фундаментальных теорий не означает их полного отвержения, речь идет, скорее, о своеобразном синтезе качественно новых идей и устоявшихся воззрений, включающих в себя научно обоснованное знание.

Теоретическое осмысление итогов проведенного исследования есть наиболее индивидуальная часть работы историка, и поэтому она предъявляет к ученому самые высокие требования. Все великие историки были интерпретаторами, т.е. стремились понять глубинный смысл минувшего и выработать некоторую философию истории. Таковы были Полибий и Тит Ливий, Э. Гиббон и Ю. Мезер, Л. Ранке и Ф. Гизо, Эд. Мейер и А. Тойнби, В.О. Ключевский и М.И. Ростовцев и т.д.

Нередко широкие обобщения возникают из наблюдения одного ряда фактов²⁴⁴. Так, греко-римский образец стал своеобразной моделью исторического развития для Мейера и Тойнби, новая история Англии послужила основой для формирования Марксовой концепции капитализма. Подобные обобщения обладают определенными ограничениями, однако они могут оказаться вполне пригодными и для иных случаев, если будут уточнены и дополнены другим материалом. Нередко историков, склонных к философскому мышлению, упрекают в субъективизме, однако именно они определяли и определяют развитие науки.

Если система научных фактов, полученная на эмпирическом уровне исторического исследования, представляет собой научное описание прошлого в рамках поставленной исследовательской задачи, то теоретическое осмысление данной системы выступает как научное объяснение. По определению И.Д. Ковальченко, «объяснение дает синтезированное представление о познаваемой реальности, в нем раскрывается понимание познающим субъектом этой реальности, которое состоит в уяснении внутренней природы изучаемой реальности, причин и тенденций развития и т. д.»²⁴⁵. В науке различаются такие виды объяснений, как объяснение через закон, причинное (каузальное), генетическое, структурное и функциональное. Это разделение имеет условный характер, поскольку в практике исследования приходится прибегать, как правило, к использованию различных видов объяснения.

Для марксистской историографии ведущим видом объяснения было объяснение через закон. Поиск законов общественно-исторического развития ставился в качестве главной задачи всех социальных наук, включая историю. Данное объяснение может быть сохранено для изучения массовых явлений и процессов в границах конкретных исторических образований.

Для определения и выяснения особенностей функционирования конкретных причинно-следственных рядов, что составляет важнейшую задачу исторической науки, фундаментальное значение имеют причинно-следственные объяснения. Они направлены на поиск причин и результатов исторических событий, предполагают раскрытие активной роли личности в историческом процессе и др.

Генетическое объяснение применяется для осмысления происхождения и сути исторических явлений в определенных пространственно-временных рамках. Оно тесно переплетается с каузальным. Например, понимание сущности государственного устройства в Риме эпохи принципата невозможно без учета особенностей предшествующего республиканского строя, традиций и психологии римлян, наложивших свой отпечаток на учреждения и всю структуру власти при первых императорах.

Структурные объяснения используются для выявления основных системообразующих признаков, свойственных элементам изучаемых общественно-исторических систем, и установления характера их взаимосвязи. Функциональные объяснения выступают как разновидность структурных и направлены на выяснение взаимосвязей исторической системы с той средой, в которой она находится, с тем чтобы определить тенденции и особенности

функционирования системы. Так, для понимания развития российской историографии в конце XIX — начале XX вв. необходимо, с одной стороны, разобраться в основных направлениях и школах, сложившихся в этот период, структуре исторического образования, воздействия на историографию политической обстановки в стране, а с другой, — учесть влияние на российских исследователей исторической науки ведущих европейских стран и общей интеллектуальной атмосферы, присущей данной эпохе.

В творческой лаборатории историка все названные виды объяснений применяются комплексно, взаимно дополняя друг друга. Все они имеют своей целью глубокое постижение исторической реальности²⁴⁶.

Весьма сложным является процесс движения от эмпирического знания к теоретическому. Нередко даже ставится вопрос о том, что первично: общая идея, составляющая ядро теоретического знания или эмпирические факты? Является ли идея (теория) итогом познавательной деятельности ученого или она имеет место изначально, в качестве предварительного мнения, возвращающегося в конце исследования как ответ на поставленный вопрос?

Историки XIX в. исходили из приоритета фактологического знания над теоретическим. Известный российский антиковед В.П. Бузескул уже в начале XX в. убежденно заявлял, что в «истории, как и во всякой другой науке, анализ должен предшествовать синтезу»²⁴⁷. На самом деле все обстоит не так просто. В историческом опыте крайне сложно разделить абстрактный и конкретный методы, поскольку наблюдение, поиск нового материала, реконструкция исторических фактов и их построение в определенные схемы в реальном исследовании сливаются в одно целое. Как справедливо указывал критик позитивистской парадигмы истории Р.Ю. Виппер, в исторической науке «нет чистой индукции, нет описаний, которые бы предшествовали выводам». В свою очередь «общий принцип никогда не стоит вне опыта»²⁴⁸. Научные факты в этом смысле — порождение теории, которая, в свою очередь, возникла на базе обобщения конкретного материала.

Внеисточниковое знание имеет место на всех этапах исторического исследования. Однако общая идея, которая руководит ученым, представляет собой не итоговое заключение, стоящее в конце длинного ряда аналитических суждений, а предварительную гипотезу. Гипотезы сами по себе не доказательны, они являются результатом всестороннего исследования, а вытекают из общих соображений, отдельных наблюдений, интуитивных соображений. Обоснование научных гипотез осуществляется наличным материалом.

Историк доказывает свою интеллектуальную честность путем добросовестной и беспристрастной проверки гипотез фактами. Как писал знаменитый английский ученый Д.Д. Фрэзер: «Истина выявляется только путем последовательной проверки гипотез и отсеивания тех из них, которые оказываются ложными. Истинной мы в конце концов называем гипотезу, которая нашла в опыте наилучшее подтверждение»²⁴⁹.

Обосновать гипотезу не означает перечислить все факты прошлого. Надо дойти до сути исторических событий. А этого историк не может достигнуть без предварительных рассуждений и общих представлений.

Устранить гипотезы из научного исследования невозможно. Это означало бы отказаться от самого изучения. Гипотезы особенно значимы для истории, где невозможно применение экспериментальных методов исследования, и ученый постоянно сталкивается с пробелами в источниках. Речь может идти лишь об ужесточении методологических требований к верификации результатов работы. М.И. Ростовцев по этому поводу свидетельствовал, что при изучении государственного откупа в Римской империи (труд, принесший ему всемирную известность) ему «приходилось не раз прибегать к гипотезам, чтобы получить хотя бы контуры развития. Создавая гипотезы, мы, однако, старались никогда не сходить с почвы фактов и не терять основание под ногами»²⁵⁰. Подобным образом историк древности М. Финли утверждает: «Без гипотез не может быть объяснения: может быть только репортаж и голая таксономия, собирательство в его самом узком смысле»²⁵¹.

Во взаимной проверке общих идей и фактов, теории и исторического знания, очевидно и заключается нормальный путь исторического творчества. Теории проверяют факты, и факты проверяют теории. Настоящий ученый, подчеркивает английский методолог Г.Ренир, вообще откажется от излюбленной теории, если она окажется несовместима с надежно установленными фактами²⁵². Мы можем согласиться с П. Доорном, утверждающим: «Как и у других наук, у истории нет твердой почвы, нет жестких и вечных истин. Мы никогда не узнаем, «как это было на самом деле», но мы можем подобраться поближе к этому идеалу путем нескончаемого спора между различными теориями об исторических источниках. Логика даст нам правила игры не для того чтобы доказывать что-то, а как систему, с помощью которой можно отвергнуть необоснованные гипотезы. Теория дискуссии предлагает набор формальных процедур, чтобы вести соревнование научных утверждений»²⁵³.

Итогом теоретической деятельности историка является создание конкретно-научных теорий, отражающих познание отдельных событий, процессов и сторон общественно-исторической эволюции. Что же касается создания общей теории исторического развития человечества, то это – задача социологии.

Контрольные вопросы

1. *Что такое историографический факт?*
2. *Каковы требования к отбору исторических фактов?*
3. *Как соотносятся эмпирический и теоретический уровни исторического познания?*

2.5. ВВЕДЕНИЕ НОВЫХ КАТЕГОРИЙ

Ключевые слова

Исторические категории, ментальность, повседневность, историческая антропология, «женская» история, гендер, «устная» история.

Вопросы для обсуждения

1. *Понятие категории в исторической науке.*
2. *Механизм формирования новых категорий.*
3. *Новые категории в современной белорусской исторической науке.*

В самых различных аспектах сегодня интенсивно обсуждаются проблемы категорий методологического аппарата исторической науки. Их постановка и решение определяются как дисциплинарными рамками и методологическими программами, так и аксиологическим фактором – различными мировоззренческими и ценностными установками. Это выражается в том, что одни исследователи базисными категориями исторического исследования считают государство, структуру, класс и др. Им возражают представители антропологически ориентированной истории, считающие, что в исторических исследованиях необходимо активнее оперировать такими понятиями, как повседневность, гендер, ментальность, устная история, историческая антропология и др. Таким образом, в среде исторической науки имеется немало разногласий, касающихся выбора основных ее констант. В связи с этими дискуссиями представляется целесообразным исследовать природу новых исторических категорий, выявить их познавательные возможности, отследить процесс их эволюции.

Природа исторических категорий

Научные категории складывались в процессе исторического развития теоретической мысли и общественной практики. Но о категориях какого рода идет речь? О фактических, гипотетических или метафизических? Это во многом зависит от того, какой понимается историческая наука в целом: описательной или аналитической. Как бы то ни было, история нуждается в строго научном знании, которое она использует как в целях описания, так и обоснования.

Если расположить категории исторической науки по традиционной шкале, то наиболее употребительными являются «сущность», «явление», «случайность», «необходимость» и т. д. Ни в коем случае не отрицая значения данных категорий, необходимо все же отметить, что их безраздельная доминанта ослабила историческую науку в методологическом отношении. Однако в связи с работами структуралистов и постструктуралистов, этнологов, психоисториков и других можно говорить о революции в области методологии истории, внедрении в нее новых категорий, на базе которых возможно создание принципиально новой программы, которая могла бы стать эпистемологической основой исторической науки.

В ранее опубликованных работах отмечалось, что примечательной чертой историографии в XX в. являлась разработка понятийного аппарата самой исторической наукой. Это, в первую очередь относится к таким понятиям, как пространство и время. Историческое время оказалось глубоко эшелонированным: под краткосрочным временем, обычно изучаемым «традиционной» наукой (к нему обращено основное внимание отечественных историков и по сей день) были открыты пласты медленно текущего времени. В методологии истории усилиями французской школы «Анналов» появилась концепция *длительной временной протяженности*. В круг исследовательских проблем вошла повседневная жизнь людей, организованность которой стала фиксироваться категорией *структура*. Линейному представлению всемирной истории была противопоставлена *тотальная история*, в рамках которой и на частном материале раскрывалась целостная картина общественной жизни людей на ее определенном срезе. Обобщенные представления о структурах общества и их смене могли характеризоваться как «*идеальные типы*» — понятиями, введенными в науку М. Вебером и т. д.

Рассмотрение проблемы новых категорий возможно, по крайней мере, в двух ракурсах. Во-первых, анализ условий, в которых появилась и эволюционировала та или иная категория; во-вторых, выявление механизма формирования новых категорий.

Историческая мысль на многие века определила тенденцию выводить все изменяющееся из неизменного. На процесс изменения накладывались рамки необходимости, целесообразности, подчиняющие хаос изменений порядку причинно-следственных отношений, не позволяющие процессу изменения протекать как угодно. Такое понимание легло позже в основу не только исторического, но и всего научного мировоззрения. Мышление в подобной ситуации отрабатывало приемы и методы описания порядка, выводило соответствующие категории. В историю была заложена жесткая исследовательская программа; она всегда содержала глубокий смысл, который передавался с помощью категориального мышления.

Однако процесс самосознания, «потребность» в своих историях, открытие тем и людей, до этого «спрятанных» от истории, привели к открытию новых предметных областей историографии, освоению новых методов исследования, появлению иных подходов и направлений в исторической науке. Примерами этой тенденции могут считаться устная история, история повседневности, история семьи и более связанное с идеологией направление современных исследований — «женская история», а несколько позднее — «гендерная история»²⁵⁴.

Изменение условий функционирования исторической науки способствовало появлению ее новых категорий. Для понимания их формирования будем отталкиваться от базового понятия, которое условно можно определить как «историческое». Именно оно изначально несет историческое содержание, определяет предметную область истории в общем массиве социального знания. Понятие «историческое» предельно конкретизирует ту область бытия, которую она отражает и которая является собственным предметом исторической науки.

Общеизвестно, что базовые категории формируются из понятий, широко представленных в различных дисциплинах: философии, социологии, психологии и др. (время, структура, повседневность и др.). Категории науки призваны служить инструментарием данной науки, обеспечивать выполнение наукой ее функций. Соответственно, основное прагматическое значение категорий — их пригодность для научного познания. Поэтому возникает необходимость уточнения категорий. Операциональный характер последних требует их максимальной однозначности, которая в принципе отличает науку от других областей познания.

Представляется, что главный способ такого уточнения заключается в соединении понятий с исходной категорией — «историче-

ское». В результате получают такие новые категории, как «историческая антропология», «ментальная история», «история повседневности», «гендерная история», «устная история».

Новые категории

Такая категория, как **ментальность**, является средством фиксации особенностей состояния того или иного общества, выявления внутренней связи и мотивации человеческого поведения. «Описать то, что видишь — это легко; увидеть то, что необходимо описать, — в этом состоит основная проблема»²⁵⁵. Такими словами известный французский историк, основатель школы «Анналов» Л. Февр, провозгласил цель ментальной истории: исследовать коллективные представления, смысловые структуры, логику коллективного мышления в повседневной жизни. Ментальную историю анналисты противопоставили неэффективной и малопродуктивной констатации объективных фактов.

Статус ментальной истории институционно начал оформляться в рамках французской школы «Анналов» в 60-е гг. XX в.²⁵⁶ В большей степени она использовала методы структурализма (Леви-Стросс), этнологии, культурной антропологии (К. Гиртц), иконографии.

Большой интерес в ментальной истории вызвала проблема смерти. Последняя была связана с исследованиями завещаний, проведенными М. Вовелем и Ф. Ариесом. По признанию самих французских ученых, ментальная история не столько расширила диапазон исторической науки и понятия исторического источника, сколько помогла глубже взглянуть на проблему человека²⁵⁷. Иными словами, реконструкция ментальности позволяет воссоздать тип человеческой личности, свойственный тому или иному обществу и сводящий воедино все проявления человеческой активности.

Ментальность связана с основанием социальной жизни. Ключевой проблемой в данной области является анализ представлений, которые могут быть определены как формы, означающие классификацию социального мира и организующие схемы восприятия и оценки жизненных явлений, неявные предпосылки деятельности, причем в качестве форм маркирования человеком собственного положения в социальных иерархиях выступают образы, ритуалы и др.

Ментальная история исходит из того, что в сознании современного культурного человека сталкиваются две различные исторические традиции. Одна отражает ценности, идеалы и представления

людей, сложившиеся на протяжении веков как формы человеческого исторического опыта проживания в мире и образующие ядро мировоззрения человека. В этом смысле одним из таких наиболее характерных периодов было средневековье²⁵⁸. Другая — стремление изменить эти идеалы и ценности даже насильственным путем. Это довольно легко проследить на примере революционных событий. М. Вовель исследовал феномен Парижской коммуны 1871 г. На основе речей, песен революционеров исследователь предпринял попытку нарисовать их ментальный портрет, показать страх, переживание, образ мышления, мотивацию действий. Причем вопрос состоял не в том, как люди пережили революцию, а в том, как их менталитет влиял на революционные процессы и почему революционные идеи так и не смогли глубоко проникнуть в массы²⁵⁹.

Ментальность является базисной категорией **исторической антропологии** — качественно нового направления в исторической науке. Наиболее содержательной характеристикой исторической антропологии является антропологизм, т.е. обращенность ее к человеку в его отношении к миру и самому себе. Представители исторической антропологии выдвинули тезис о принципиальном многообразии главного объекта исследования — человека. Это предполагает отражение всего его предметного многообразия: человек многопредметен не только в силу своих бесконечных качеств, но и в силу своей содержательной индивидуальности.

Данный тезис был заимствован из философской антропологии, которая в Германии была разработана М. Шеллером и А. Геленом. Однако философская антропология пыталась только на основе единой концептуальной конструкции (онтологическое бытие) постичь феномен человека в его отношении к миру. При таком подходе вне поля исследователя терялись индивидуальные особенности человека. Решить эту проблему была призвана историческая наука, главным смыслом которой начиная с конца 60-х гг. XX в. был поиск «собственно человека»²⁶⁰. Что это означает для выработки методологического подхода к исследованию проблемы *человека — агента истории?*

Во-первых, это означает, что постижение исторического феномена человека требует многих познавательных процедур (герменевтики, психоистории и др.), выходящих в известном отношении за рамки чисто сциентистских исследовательских программ; во-вторых, это свидетельствует о коренном изменении значения роли человека, суть которого состоит в том, что представления обычного человека о жизни, как и поступки, в значительно большей степени,

чем это было принято полагать, зависят от повседневного личного опыта индивида; его духовности, сознания, личности и, не в последнюю очередь, от социального статуса.

«Антропологизация» исторической науки означает не только расширение проблематики исследования (магия, движение ведьм в средние века, история сексуальности и др.), но переносит исследовательский пафос на постижение внутреннего, духовного мира человека. Историческая антропология не ограничивается привычной констатацией; для нее важно выявить сложную эволюцию и логику развития внутреннего ментального мира человека — этого средоточия человеческой специфики — активности, индивидуальности и мотивации его деятельности; рассмотреть возможности, движущие силы, тенденции самосовершенствования/упадка человека, а также характер творения им своего бытия.

Как оказалось, проследить данную логику было эффективней на уровне микроисторических, локальных географических объединений. Наиболее удачными, классическими, в этом отношении оказались исследования итальянских, французских и немецких авторов. Итальянец К. Гинзбург в своей капитальной работе «Сыр и черви. Мир мельника в 1600 г.» исследовал мировоззрение и духовный мир простого рабочего — мельника Меннокьо²⁶¹. Французский анналист Э. Ле Рой Ладюри проанализировал быденную жизнь и эволюцию небольшой пиренейской деревушки XIV в. — Монтаю²⁶². Геттингенский ученый Г. Медик реконструировал жизнь швабского местечка Лайхингена в период 1650—1900 гг.²⁶³

Не вдаваясь в содержание этих работ, необходимо отметить, что их последовательное появление поставило вопрос о реальной ценности таких базовых категорий исторической науки, как **пространство и время**. Понятийная нагрузка обеих категорий предполагает теперь иное измерение пространственного и временного процессов. Традицией становится изучение меньших в пространстве и времени ареалов повседневной жизни, в которой коренятся все проявления человеческой активности и которая предстает наиболее глубинным (по М. Блоку, «особой мерой плотности»²⁶⁴) измерением исторических процессов. В историческую науку постепенно входила категория повседневности.

Вплоть до второй половины 70-х гг. XX в. программа, ориентированная на исследование повседневности была способна заинтересовать немногих. Наиболее чуткими в этом вопросе оказались историки, осознавшие недостаточность надысторических законов для объяснения поступков отдельных людей и эффективно использующие знания традиционных норм, стереотипов поведения, господствующих в ту или иную эпоху²⁶⁵.

Категорию **повседневности** можно охарактеризовать как соотношение индивидуальности и социальной реальности. Ее основные атрибутивные свойства выражаются в следующем: субъективные переживания четко противопоставляются объективным процессам и структурам, индивидуальные действия – типичным практическим действиям, однократные эпохальные события – длительным ритмам, подвижные формы рациональности – идеальным конструкциям²⁶⁶.

В отношении повседневности на первый план выходит проблема детерминации личности внешними факторами. На проблеме повседневности можно видеть, как индивид оказывается перед необходимостью буквально каждый день принимать то или иное решение, делать свой выбор. Естественно, люди воспринимают правила, общественные установки, традиции и институты как данность, которая предшествовала человеку. Каждый человек более или менее следует общественному этикету, соблюдает многочисленные нравственные установки, политические нормы.

Однако не только политическими решениями, институциональным взаимодействием держится мир, но и тем, как ведет себя человек в повседневной жизни. Ведь многообразие ситуаций, сказывающихся в повседневной жизни, необычайно велико. С другой стороны, относительная свобода индивидуальных решений здесь, как правило, шире, чем в любой иной сфере. Поэтому повседневность представляет очень удобное поле исследований для изучения взаимоотношений между общепринятыми стереотипами и индивидуальными интенциями. Германские историки изучали, например, разнообразие стратегии поведения заключенных в нацистских концлагерях, где практиковался дележ рационами горячего супа, что укрепляло совместное желание выжить²⁶⁷.

Множество факторов детерминировали не только существование отдельного человека, но и различие социальных ролей, прав и обязанностей мужчин и женщин. В результате этого было предложено развести понятия биологического пола от пола социального, для которого была избрана категория **гендер**, т.е. все то, что формирует черты, нормы, стереотипы тех, кого общество определяет как женщин²⁶⁸. В своей программной статье «Гендер как полезная категория исторического анализа» Дж. Скотт предложила ввести гендер в историю в качестве научной категории, аналогичной понятиям «класс», «слой»²⁶⁹.

Сложилось целое направление в ранее существовавшей «женской истории», основной категорией которого стал гендер. Общую суть гендерной истории можно выразить в следующем: на протяжении веков было отмечено все более и более возрастающее разделение между социальными ролями мужчин и женщин, настолько

расходящееся, что можно говорить о существовании различных — мужской и женской — субкультур в широком контексте мирового сообщества. Однако при этом мужчины и женщины продолжали трудиться в семейных рамках. Брачные и супружеские взаимосвязи (коммюнити), приобретая, казалось бы, большую значимость, быстро распались под влиянием набирающей обороты индустриализации и становления техногенного общества. В таких условиях встал вопрос об автономии женщины, что можно выделить в качестве важнейшего компонента в системе гендерной истории.

В техногенном обществе ценность женщины как индивида не учитывалась должным образом. Она могла реализоваться только через принадлежность к некоторой корпорации либо социальной общности. При этом у женщины было мало шансов изменить эту корпоративную связь. Подчиняясь традициям либо социальным обстоятельствам, женщина была закреплена за определенным местом в системе, ей предстояло усвоить определенный тип традиционных профессиональных навыков. При этом средства патриархального господства удерживались не только экономическими, политическими и культурными институтами (включая религию и образование), ограничивавшими доступ женщины в публичную политику. Его важным инструментом явился также контроль над женской сексуальностью в самом широком смысле²⁷⁰.

Развитие **гендерной истории** заставило признать существование в доиндустриальных обществах двух сфер: сферы господства мужчины (политика, дипломатия, военное дело и др.) и сферы господства женщины (дом, семья, домохозяйство и т. д.)²⁷¹. Однако все более обнаруживалась недостаточность (хотя и растущих в количественном отношении) исследовательских программ, опубликованных книг и статей. Лидеры нового научного направления почувствовали, что развитие обособленной гендерной истории может завести в тупик.

Возникла необходимость поиска синтеза гендерной истории с иными историческими и социально-теоретическими построениями, направлениями и концепциями. Наиболее результативными оказались междисциплинарные *связи с историей повседневности*. Германские исследовательницы в качестве синтезирующих предложили такие понятия, как «труд» и «семья». Но возникли проблемы.

В первом случае — в отношении «труда». Препятствием оказалось то, что женский труд, который подвергался постоянным изменениям под влиянием индустриализации, всегда отличался от мужского. Возникли вопросы: каким образом женщина могла идентифицировать себя с трудовой практикой в повседневной жизни? Какие мотивы заставляли ее брать или бросать работу?²⁷²

«Семья» же рассматривалась как микромир, где мужчина и женщина проживают, ведут совместное хозяйство, как место взаимосвязи интересов индивидов. Однако изучение многочисленных источников показало, что значение семьи для мужчины и женщины было разным: в отличие от мужчины женщина была крепче привязана к семье в эмоциональном и экономическом отношениях. Семья представлялась ей как нечто собственное, во всяком случае как «рабочее место»²⁷³.

Таким образом, процесс социокультурной детерминации различий в иерархии полов заставил обратиться к таким понятиям, как повседневность, соперничество, конфликт, властные функции и т.д.²⁷⁴ Методологические вопросы оказались в центре внимания, казалось бы, прикладной международной практической конференции «Женщины в период Веймарской республики и фашизма», состоявшейся в 1978 г. в Западном Берлине. Участники конференции пришли к единому мнению, что современная историческая наука должна больше внимания уделять истории женщин: «их повседневности, опыту, действиям, логике индивидуальной и коллективной жизненных стратегий»²⁷⁵.

Понятно, что такие исследования могли проводиться только при наличии соответствующих источников. Энтузиастки-первопроходцы просмотрели массу архивных дел, находя в них свидетельства, проливающие свет на положение женщин в обществе в разные эпохи²⁷⁶. Однако история, как обычно, сталкивается с людьми, которые, если и оставили после себя «следы» в обычном понимании слова, то их очень мало. Редкостью являются письма и другие материалы личного происхождения, передаваемые из поколения в поколение²⁷⁷. Возник своеобразный дефицит источников²⁷⁸.

Более того, документы «традиционной» истории нередко описывают дискретное, индивидуальное человеческое взаимодействие. Оно может быть значимым в рамках времени, пространства и действия — при помещении в контекст долговременных процессов²⁷⁹. В связи с этим в исторической науке активно используется метод «реконструирования» исторических источников. Его основу составляют так называемые **устные опросы** — постановка вопросов и получение, по возможности, четких ответов на них.

В советской науке устные опросы сводились лишь к сбору материала фольклорного характера (песен, легенд, былин и т.п.), а изучение повседневной жизни индивида не приветствовалось (если личность и представляла интерес, то лишь в зависимости от принадлежности к классу). В то же время на Западе сложилось

целое направление, именуемое *устной историей (Oral History)*²⁸⁰, основу которой составляют интервью — опросы людей. Одним из главных условий их успешного проведения является преодоление языкового барьера, который может выражаться в проявлении различных диалектов местности, где живет опрашиваемый. Возникает потребность в том, чтобы берущий интервью мог разговаривать на местном языке (диалекте)²⁸¹.

Важно учитывать специфику устного источника. Она, с одной стороны, состоит в том, что его сложно проверить на истинность²⁸², с другой — он содержит оценочное суждение событий, что имеет большее значение, чем фактологический материал, так как помогает выявить определенный дух эпохи²⁸³.

Большой интерес для исследователей представляют устные свидетельства очевидцев, живших в эпоху тоталитаризма. В начале 80-х гг. группа немецких ученых под руководством Л. Ниегхаммера осуществила проект по изучению повседневной жизни людей Рурской области в период национал-социализма (LUSIR-PROJEKT)²⁸⁴. В двухтомном издании собрано немало свидетельств очевидцев об их отношении к нацистскому режиму и т.д.

Социальный мир объективных реальностей может быть представлен также в песнях, которые становятся источником устной истории. Показательным примером может служить проект «*Наша история — наши песни*», осуществленный в 1983 г. на материалах повседневной истории Ганноверского района Линдена (Западная Германия)²⁸⁵.

Устные опросы представляют собой информационно емкие, специфичные по внутренней и внешней форме исторические источники, своеобразно отражающие действительность. Казалось бы, наличие огромного количества письменных источников, кинофотофонодокументов в сочетании с современными информационными технологиями не оставляет устным источникам реальных перспектив. Однако это не так: устные источники представляют интерес для междисциплинарного исследования. Они имеют значение запечатленных фактов «из первых рук», так как содержат, как уже отмечалось, оценочный аспект.

Вместе с тем не следует забывать, что статус «устного источника» до сих пор остается под вопросом в исторической науке. Одной из важных проблем является, например, разграничение понятий: «устный источник» и «фонодокумент».

Введение новых категорий является важнейшей новацией в методологии истории. Их иерархизация и анализ взаимодействия составляют важную проблему исторической науки, решение которой должно в корне преобразовать практику исследования.

В силу своей синкретичности новые исторические категории кажутся весьма перспективными. Олицетворяя собой не только прагматическую, но и определенную мировоззренческую практику, они позволяют значительно дополнить и модернизировать категориальный аппарат исторической науки.

Контрольные вопросы

1. Назовите и охарактеризуйте категории исторической науки:
 - а) заимствованные из других наук,
 - б) выработанные самой исторической наукой.
2. Классифицируйте категории исторической науки, относящиеся:
 - а) к объективно-структурному направлению,
 - б) к историко-антропологическому.

2.6. ПРИНЦИПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Ключевые слова

Принцип исторического познания, принцип историзма, принцип объективности, системный подход, ценностный подход, оценка, аксиологический метод.

Вопросы для обсуждения

1. Понятие принципа в исторической науке.
2. Основные принципы исторической науки и их сущность.
3. Интерпретация принципов в историографии.
4. Историзм и «историцизм».

Не во всех работах по методологии истории стоит вопрос о принципах исторического познания, как и нет согласия по конкретному набору характерных для истории принципов и их трактовке. Однако хорошо известно, что у любой науки есть своя система исследовательских принципов, составляющих ее основания, ее исходные положения. Они возникают в процессе творческого освоения человеком объективной реальности. Как указывал А. Эйнштейн, «для применения своего метода теоретик в качестве фундамента нуждается в некоторых общих предположениях, так называемых принципах, исходя из которых он может вывести следствия». Для их установления «не существует метода, который можно было бы выучить и систематически применять для достижения целей. Исследователь должен, скорее, выведать у природы четко формулируемые общие принципы, отражающие определенные общие черты совокупности, множества экспериментально установленных

фактов»²⁸⁶. Следовательно, вопрос о принципах истории также не имеет запрограммированного ответа. Подавляющее большинство современных методологов истории исходят из того, что история как наука обладает своей спецификой. Поэтому в системе ее исследовательских принципов должно найти отражение как то, что объединяет историю со всеми формами научного познания, так и особенности ее познавательного процесса. Отсюда следует, что в исторической науке существуют общенаучные и специфические принципы познания.

Поскольку цель всякого познания — получение объективно-истинных знаний, то историческое познание обязательно должно соответствовать по своему содержанию принципу объективности. История как наука требует эффективной стратегии исследования своих проблем, в чем ей оказывает существенную помощь системный подход. Особенностью предмета исторического изучения является то, что он развивается во времени и пространстве. Это предполагает применение при его изучении исторического подхода. Наконец, в историческом познании существует специфика субъектно-объектных отношений, накладывающая несводимый отпечаток на весь познавательный процесс. Последнее обстоятельство обуславливает существование в исторической науке ценностного подхода.

Принцип историзма

Он в наибольшей степени отражает особенности исторического познания. По своей сути этот принцип является общеметодологическим и применяется во всех науках (биологии, ботанике, языкознании и т.д.), изучающих объект в его развитии. В каждой из них применение данного принципа составило целую эпоху в постижении сущности и закономерностей исследуемых объектов. Показательным примером в этом отношении является дарвинская революция в биологии — учение об эволюционном происхождении видов путем естественного отбора.

Принцип историзма по своему происхождению связан с европейской наукой и философией XIX в. Выступая как крупнейшее завоевание научной мысли, историзм стал характерным признаком способа мышления новоевропейской цивилизации, т. е. явлением мировоззренческим. Его мировоззренческое значение, прежде всего, в обосновании глубинной связи времен, обусловленности настоящего и будущего с прошлым.

Современные социальные формы и политические институты историки XIX в. начали выводить из далекого прошлого. В исторических работах пытались найти разгадку сегодняшних социальных проблем и пути их решения. К истории обратились политики, литераторы, художники. Интерес к ней стал своеобразным показателем духовной атмосферы общества. Отражением историзации мышления явился, в частности, исторический роман, сразу завоевавший массу поклонников.

Историзм как способ мышления тесно связан с историзмом как принципом познания. Последний требует изучения всякого явления в его генезисе и развитии, конкретно-исторической обусловленности и индивидуальности. Основной вклад в его разработку в конце XVIII – начале XIX в. внесен представителями немецкого историзма. Среди них Ю. Мезер, И.Ф. Шиллер, И.Г. Гердер, И.Ф. Гете, Г.В.Ф. Гегель, В. Гумбольдт, «школа права», школа Л. Ранке и др. Окончательную формулировку в рамках немецкого историзма принцип получил в философии истории В. Дильтея и неокантианстве.

Значение немецкого историзма в первую очередь определяется тем, что он выявил особенности развития и познания общественных явлений в сравнении с природой. Эти особенности сводились к пониманию истории как процесса развития и самопознания духа. Историчность выступала здесь как обязательный атрибут, особая форма или стадия развития духа, а именно духа народа, воплощающегося в соответствующую культуру. Историзм провозглашался как общефилософский принцип, методологическая установка. В качестве исследовательской программы он включал в себя нацеленность историографии на эмпиризм, опору на источники, достоверность информации которых гарантируется критическим методом исследования, максимально полное описание объекта исследования, восстановление «жизненных сил» исторического явления в конкретных условиях его существования посредством включения этого явления в контекст «внутреннего опыта» исследователя²⁸⁷.

Теоретическим фундаментом немецкого историзма обычно называют две его основополагающие идеи: индивидуальность и развитие.

Историческая индивидуальность трактовалась исследователями весьма широко. Это и конкретная личность, и целый народ, и определенная эпоха, и экономическое, политическое, религиозное или художественное движение, и человечество в его целостности²⁸⁸. Индивидуальность была провозглашена главным субъектом истории. Задача ученого виделась в раскрытии идеи, носителем которой является индивидуальность. Исторический мир предстал на пол-

ненным общественными явлениями, уникальными по своему характеру, жившими своей собственной исторической жизнью. Как глубокомысленно утверждал Леопольд фон Ранке, «каждая эпоха стоит непосредственно перед лицом Бога, и ее достоинство покоится вовсе не на том, что из нее выходит, а в ее собственном бытии, в ее собственном “Я” каждая эпоха является в высшей степени достойной изучения и должна рассматриваться как нечто значительное само по себе»²⁸⁹.

Идея развития требовала рассмотрения всякой индивидуальности в ее генезисе, становлении и раскрытии своего предназначения, показа взаимосвязи одной индивидуальности с другими. Исходя из этого, история трактовалась как непрерывный поток развивающихся и взаимодействующих индивидуальностей, который нельзя повернуть вспять или искусственно направить в какое-то желаемое русло.

Всякое развитие общественных феноменов признавалось как органическое, внутренне обусловленное, отягощенное традицией. Когда нечто совершенное в истории создано, подчеркивал Гердер, «после него возможны лишь подражания или напрасные потуги превзойти достигнутое. Гомер пел, и после него уже невозможен был второй Гомер...»²⁹⁰. Каждый, по словам мыслителя, должен стремиться быть на своем месте тем, чем он может быть в цепочке вещей, а иное невозможно²⁹¹. Поскольку развитие любого народа, каждого народа вытекает из его внутренних исторических корней, то ему нельзя навязать чужой образец, свод правления или кодекс законов, выработанных на иной исторической почве.

Следует учитывать, что немецкий историзм формировался в русле негативной реакции на Французскую революцию, что придало ему консервативную политическую окраску. Он отстаивал эволюционный путь развития общества, которому противоестественны всякие революционные преобразования. Отсюда постоянные апелляции немецких авторов к исторической традиции в деле реформирования Германии, провозглашение особого для нее пути развития в рамках европейской цивилизации. Откровенно реакционную интерпретацию получили широко распространенные гегелевские идеи о государстве как «нравственной субстанции», «живом духе», реализующем в истории свою идею об «избранном народе», посредством которого мировой дух осуществляет свои планы и т.д. В политике эти идеи стали примеряться к Пруссии и немецкому народу как богоизбранным. В практике историографических исследований государство оказалось главным объектом изучения.

Сами по себе идеи развития и индивидуальности были плодотворны и, несомненно, обогатили мировую науку, отразили характерные черты исторического подхода к изучению явлений общественной жизни. Однако в немецком историзме наблюдалось гипертрофирование уникального и неповторимого в истории. В конечном итоге это выразилось в противопоставлении истории естествознанию.

В обоснование принципа историзма, кроме немецких ученых, внесли свой вклад просветители (теория общественного прогресса), французские историки эпохи Реставрации (теория классовой борьбы), позитивисты (требование всестороннего изучения исторических явлений, разработка теории исторического источника и методов его изучения), марксисты.

Марксистский историзм выражает диалектико-материалистический подход к историческому процессу²⁹². Его характерной чертой была политизированность, стремление противопоставлять себя иным формам на классовой основе. Отсюда его политизированность, острая полемическая направленность против других направлений, претензии на научную исключительность. Уверенность марксистов в том, что их учение «есть высшее развитие всей исторической и экономической, и философской науки Европы»²⁹³, основывалась не столько на логических, сколько на политических аргументах. Поэтому факт крушения коммунистической идеи, не предусмотренный марксистским историзмом, вызвал кризис доктрины.

Сказанное не умаляет значение марксизма как научного метода и его вклада в разработку принципа историзма. Его заслуги связаны с последовательным стремлением соединить мир природы и социальных явлений в единую картину, учитывая развитие общества как продукта целеполагающей деятельности людей. Марксистский историзм доказал зависимость всех форм и видов сознания от общественного бытия людей, дал последовательную материалистическую интерпретацию исторического процесса. В качестве учения о революционном преобразовании общества он обосновал наличие необходимости в истории качественных скачков, хотя и не уделил должного внимания силе исторической традиции.

В.И. Ленину принадлежит одно из наиболее полных определений принципа историзма в науке. Он писал о необходимости «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь

стала теперь»²⁹⁴. Марксизм показал свою способность приспосабливаться к изменяющейся политической обстановке и духовной атмосфере. Это обеспечило его жизнеспособность на протяжении полутора веков.

На рубеже XIX и XX вв. принцип историзма был применен к самому познающему субъекту. В. Дильтей обосновал идею о единстве социальной практики и познания в истории. «Историчность» была объявлена основным признаком человека и социальной реальности, в которой он творит. Под сомнение был поставлен сам научный характер исторического познания, его способность давать достоверные знания о прошлом. Г. Риккерт был вынужден выступить против историзма как мировоззрения, поскольку он «представляет из себя в сущности одну из форм релятивизма и скептицизма; при последовательности в мышлении он необходимо должен привести к полнейшему нигилизму»²⁹⁵.

Крайности исторического релятивизма успешно преодолеваются в современной науке. Так, по наблюдению Б.Г. Могильницкого, в современной американской историографии «речь идет о подходе, бесповоротно отвергающем самодовольные претензии на непогрешимость наших знаний, но вместе с тем ориентированном на получение достоверного изображения прошлого как главной цели познавательных усилий историка. Весьма существенным при этом является признание поступательного характера исторического познания, предполагающее наличие некоторых жестких стандартов его научности»²⁹⁶.

В структуре исторического познания принцип историзма выступает как стержневой, объединяющий все уровни исторического исследования — от эмпирических фактов до теоретических конструкций. Однако область его применения не ограничивается только историографией, в равной мере он используется всеми социальными науками.

Непременным условием получения достоверного знания о прошлом является применение принципа историзма при соблюдении требований системности и объективности научного исследования.

Системный подход

Это эпистемологический инструмент познания, присущий всем наукам. Он ориентирует исследователя на раскрытие целостности сложного объекта, на выявление многообразных типов связей объекта изучения, сведение их в единую картину, раскрытие внутренних механизмов функционирования объекта. Категория «система» включает в себя такие понятия, как «элемент», «связь»,

«целое», «единство», «структура» (схема связи между элементами). В системах выделяются структурообразующие элементы и производные. На разных этапах развития конкретной системы качественно эти элементы могут существенно различаться и даже видоизменяться. Системный подход характеризуется целостностью и комплексностью. Изучаемая система рассматривается не со стороны ее отдельных аспектов и свойств, а как целостная качественная определенность. При этом производится комплексный учет как ее собственных основных свойств, так и ее места и роли в иерархии систем. Поскольку общество является сверхсложной саморегулирующей системой с многообразными связями и взаимоотношениями, значение данного подхода в истории особенно велико.

В современной научной литературе системность рассматривается как познавательный конструкт, не имеющий естественной природы и задающий специфический способ организации знаний и мышления. Системность здесь определяется не столько свойствами самих изучаемых объектов, сколько целенаправленной деятельностью познающего субъекта. Поэтому различия в познавательных установках исследователей порождают множественность описаний одного и того же объекта. Рассмотреть какой-либо объект в виде системы означает, указывает А.Ю. Бабайцев, представить его в четырех категориальных слоях: 1) процессов, 2) функциональной структуры, 3) степени организованности материала, 4) морфологии (материальное наполнение функциональных мест структуры)²⁹⁷.

Системный подход ориентирует исторические исследования на выявление недостаточности старых традиционных предметов изучения и постановку новых задач. Он позволяет выстраивать новые предметы изучения, задавая их типологические и структурные характеристики. Данный подход выявляет более широкую познавательную реальность по сравнению с той, которая фиксировалась в прежнем научном знании. С его помощью осуществляется поиск конкретных механизмов целостности изучаемого объекта и обнаружение разнообразной типологии его связей. На базе этого подхода разработан специальный историко-системный метод, получивший широкое распространение в практике исторических исследований.

Принцип объективности

Все согласны, что история должна писаться объективно, поскольку иначе невозможно научное изучение прошлого человечества. Однако сразу встает вопрос: какой смысл вкладывается учеными в понятие «объективность»? Л. Ранке призывал писать

историю так, «как это собственно было». Для великого немецкого историка это означало представить исторический мир как мир объективных исторических фактов. Историк должен максимально освободиться от личных пристрастий и антипатий и быть не судьей, а дисциплинированным рассказчиком. Поскольку, по убеждению Ранке, каждая историческая индивидуальность самоценна, то историк не может обойти своим вниманием ни малое, ни большое в прошлом. Не случайно Ранке нередко и не без оснований упрекают в объективизме за стремление изгнать из исторических работ всякие оценки в современном духе, демонстрацию общественного индифферентизма и преклонение перед фактом. Однако его объективизм приносил значимые результаты. Наряду с Фукидидом Ранке называют среди признанных образцов объективности в историографии. По оценке В.П. Бузескула, «насколько вообще можно историку отрешиться от своих симпатий и антипатий при изложении явлений прошлого, настолько сделал это Ранке»²⁹⁸.

В марксизме претензия буржуазной историографии на объективность была объявлена иллюзией, скрытой формой консервативной партийности, направленной против сил прогресса. Только пристрастия партий и движений, указывающих направление развития общества по пути прогресса, создают условия для объективного подхода к изучению исторического процесса. На таком понимании базируется известный принцип коммунистической партийности. В философском смысле марксистская теория отражения предполагает под объективностью воспроизведение объекта таким, каким он существует сам по себе, вне и независимо от человека и его сознания²⁹⁹. Однако, если это условие трудно реализуемо даже в естественных науках, опирающихся на экспериментальное знание, что говорить об истории, выступающей как самопознание общества. «Объективность» познания в области социальных наук, — подчеркивал в этой связи М. Вебер, — характеризуется тем, что эмпирически данное всегда соотносится с ценностными идеями, только и создающими познавательную ценность указанных наук, позволяющими понять значимость этого познания, но неспособными служить доказательством их значимости, которое не может быть дано эмпирически... Жизнь в ее иррациональной действительности и содержащиеся в ней возможные значения неисчерпаемы, поэтому конкретные формы отнесения к ценности не могут быть постоянными, они подвержены вечному изменению, которое уходит в темное будущее человеческой культуры³⁰⁰.

Нередко трудности, стоящие на пути объективного изучения, представляются столь значительными, что вызывают у ученых пессимистические настроения. Так, Юрген Кох предлагает говорить

не о постулате объективности, а только о «критериях оценки исторических аргументов». Свой вклад в распространение скептических настроений в рядах историков внесли представители феминистической науки, потребовавшие ревизии общих результатов исторических исследований. Гендерные исследования, по словам Л.П. Репиной, создали предпосылки для становления «новой исторической субдисциплины с исключительно амбициозной задачей — переписать всю историю как историю гендерных отношений, покончив разом и с вековым «мужским шовинизмом» всеобщей истории, и с затянувшимся сектантством «женской истории»³⁰¹ Перевернуть с ног на голову почти любое представление об истории» собираются психоисторики³⁰². Все эти заявления вряд ли способствуют нормальному процессу развития историографии.

Сказанное не означает, что категория объективности чужда исторической науке. Напротив, как всякое научное знание, историческое в полной мере соответствует требованиям этой категории. Однако ее функционирование в истории имеет свои особенности. Несмотря на то, что процесс исторического познания есть своего рода «упорядочение» действительности с помощью субъективных по своей природе категорий, он может давать объективные результаты. Возможность для этого создается рядом факторов³⁰³.

1. Наличием исторических источников, существующих независимо от исследователя и в той или иной форме отражающих прошлую реальность. «Разнообразие исторических свидетельств, — отмечает М.Блок, — почти бесконечно. Все, что человек говорит или пишет, все, что он изготавливает, все, к чему он прикасается, может и должно давать о нем сведения»³⁰⁴. Поэтому при всех пробелах источников историки располагают обширной базой для освещения прошлого.

2. Заинтересованностью исследователя и общества в целом в получении достоверного знания об истории человечества, поскольку это знание необходимо для практического решения современных социальных проблем. Сознательное искажение картины прошлого чревато катастрофами в настоящем.

3. Известным контролем объективности исследования благодаря общему уровню, достигнутому исторической наукой, накопленному в ее арсенале, проверенному и обоснованному знанию, существованию признаваемой научным сообществом системы ценностей.

Все это не означает, что новые теории или факты, не согласующиеся с господствующей системой представлений, всегда ошибочны, хотя смена научных парадигм, как справедливо указывает

американский философ Т. Кун, дело исключительное, поскольку «переход к новой парадигме является научной революцией»³⁰⁵, а последние же, как известно, совершаются редко.

Объективность научного подхода к историческим фактам достигается специально организованным исследовательским процессом. Он предполагает:

- всесторонний охват изучаемого явления с целью выявления его сущности и многообразия взаимосвязей с историческим миром;
- опору на достигнутый уровень научного знания с учетом выдвинутых по данной проблеме точек зрения;
- творческий подход к историческому исследованию, что достигается, с одной стороны, применением всей совокупности различных методов для получения из источников максимально разнообразной и обширной информации о прошлом, с другой стороны — движением вперед в соответствии с новыми общественными запросами и успехами, достигнутыми в других областях науки.

Учет этих факторов обеспечивает потенциальную возможность получения объективного знания. Но, как справедливо подчеркивал И.Д. Ковальченко, «все это — только возможность приобретения истинных знаний, превращение которой в реальность определяется субъективными факторами процесса познания, а именно — позицией исследователя»³⁰⁶. Реальные результаты исторической работы в значительной степени определяются уровнем профессиональной подготовки ученого, фундаментальностью его научной концепции и даже личностными характеристиками, как-то: честностью, темпераментом, педантичностью; «волей к правдивости» и совестью и др.

Соблюдение принципа объективности является обязательным условием научной состоятельности исторической работы, залогом признания ее ученым сообществом. Обязанность быть объективным должна сопутствовать всей деятельности историка — от сбора источников до теоретических обобщений. Вероятно, исторической науке в равной мере противопоказана как политическая ангажированность, так и крайности объективистского подхода.

В историческом творчестве принцип объективности сочетается с ценностным подходом к прошлому, что усложняет проблему получения объективно истинного знания.

Ценностный подход в истории

Вопрос о ценностном подходе является весьма важным, но дискуссионным в методологии истории. Поскольку объектом исторического исследования выступает прошлое человеческого

общества, то научное его изучение будет обязательно включать в себя определенное отношение ученого к предмету исследования. Как указывают российские философы А.М. Коршунов и В.Ф. Шаповалов, «данное отношение отражает ценностный подход к объекту и выражается в оценочных суждениях»³⁰⁷. В историографической практике историк постоянно пользуется оценочными понятиями (прогрессивный, либеральный, демократический и пр.), с помощью которых он высказывает свои оценки изучаемых явлений. Но оценками дело не исчерпывается: ценностный подход представляет своеобразный способ познания.

В процессе научного познания ученый прибегает к двум основным способам освоения субъектом окружающего мира: научно-познавательному (логическому) и ценностно-ориентационному. Первый господствует в естествознании, второй характерен для социальных наук.

Научно-познавательный подход имеет целью открытие законов функционирования объекта, подведение различных явлений под общие понятия, и в той мере, в какой эта задача стоит перед историей, он ей необходим. Однако логический метод познания не исчерпывает задач и целей исторической работы. В объекте, кроме всего прочего, историка интересует индивидуальное, выделение и оценка которого связаны с разделяемой ученым системой ценностей. Поэтому ценностный подход существует объективно и основывается на необходимости получения об объекте двух типов информации: научной и ценностной³⁰⁸.

Проблема ценностного подхода в исторической науке встала со всей остротой на рубеже XIX и XX вв. Инициатором ее разработки была баденская школа неокантианства в Германии. Согласно выдвинутой неокантианцами теории, история использует особый аксиологический метод познания, который противостоит генерализирующему методу естествознания. Оперировав с категорией ценности, Г. Риккерт пытался осмыслить весь комплекс методологических проблем истории. Только «точка зрения ценности», по его мнению, позволяет отграничить историю от наук о природе, одновременно придать ей научный характер, наделить историка критерием отбора и построения материала³⁰⁹.

Неокантианцы заявляли, что существуют определенные общепризнанные достижения культуры, которые составляют безусловные ценности для человеческого бытия. Среди них назывались такие ценности, как религия, государство, право, нравственность, искусство, наука. Риккерт объявил эти ценности не просто всеоб-

щими, а трансцендентными. Ценность, — писал он, — это «смысл, лежащий над всем бытием»³¹⁰. Сущность аксиологического метода, по мнению немецкого философа, заключается в отнесении изучаемых объектов к тем или иным ценностям, благодаря чему и производится отбор объектов и их оценка³¹¹. Стремясь избежать обвинений в субъективизме отстаиваемого им метода, Г. Риккерт противопоставил практическую оценку в истории, — которой следовало избегать, — чисто теоретическому отнесению к ценности³¹². Но изгнать оценку из историографии ему, конечно, не удалось. Кроме того, ценностные идеи не являются неизменными. Как отмечал российский методолог В.М. Хвостов, «представления о ценностях далеко еще окончательно не установились, находятся в процессе развития, а потому при применении этого метода всегда будут субъективные различия между отдельными историками»³¹³.

В позитивистской историографии аксиологический метод подвергся жесткой критике. Позитивисты не увидели в ценности объективного содержания и отрицали ее как препятствие историку в постижении им объективной истины. В этом смысле румынский теоретик А.Д. Ксенополь призывал историков «воздерживаться от всякой оценки и строго ограничиваться установлением фактов, сообразно действительности, с указанием их причин»³¹⁴.

Неоднозначные суждения о месте ценностного подхода в историографии высказываются и в современной науке. Необъективисты полагают, что именно ценностные суждения определяют специфику исторического познания³¹⁵. Понятие ценности того или иного исторического факта рассматривается ими в качестве критерия его отбора. В частности, А. Стерн подчеркивает, что «избирательные принципы, в соответствии с которыми историк выделяет определенные факты и воссоединяет их с другими, зависят от категорий, которые он использует, стандартов ценностей, принятых им, и в конечном анализе — от его историографического проекта»³¹⁶. Последний же «отражает господствующие тенденции своей эпохи»³¹⁷.

Стремясь к достижению объективности, ученые-необъективисты выступают за максимально возможную элиминацию из исторического исследования личностных оценок и современной системы ценностей³¹⁸, поскольку не видят возможности создания объективного критерия оценки³¹⁹. Отсюда их призыв не судить, а понимать историю. Но сказанное не означает, что историку навязывается модель объективности в ранкеанском духе. По словам американского историка Т. Хаскела, «объективность не есть ней-

тральность», она совместима с политическими обязательствами историка при условии, что политические приоритеты подчинены интеллектуальным³²⁰.

Обязательность ценностного подхода признается психоисториками. Директор института психоистории в Нью-Йорке Ллойд де Моз убежден, что «система ценностей любой социальной науки запечатлена в самих ее основах». Поэтому он предупреждает своих читателей: «Нет просто никакой возможности исключить ценности из психоистории — любить детей лучше, чем бить детей, в любой культуре, даже если психоисторик путем эмпатии может попытаться избавиться от этноцентризма. Поскольку главное, на что я делаю упор в этой книге, — это идея, что психологическая зрелость является историческим достижением, то каждая страница того, что вы собираетесь прочитать, проникнута моей системой ценностей, и вам следует приготовиться подвергнуть сомнению не только факты, но и мои ценности. Конечно, как и в случае с любой исторической теорией»³²¹.

Диаметрально противоположны подходы к рассматриваемой проблеме в марксистской философско-исторической литературе. Одни авторы утверждали, защищая принцип партийности, что с введением категории ценности в историографическую практику одновременно вносится элемент субъективизма и неправомерно вообще ставить вопрос о специфике исторического познания (Б.Ф. Поршнев, М.С. Козлова, болгарские философы Н. Стефанов, С. Качаунов и пр.), другие (А.В. Гулыга, И.Д. Ковальченко, Б.Г. Могильницкий) настаивали на существовании в истории аксиологических суждений, но не видели самостоятельного значения ценностного подхода, подчиняя его «принципу партийности» в науке.

Между тем категория ценности реально функционирует в историографической практике. По своей природе ценности объективны. Они представляют из себя определенные явления действительности, имеющие положительное значение для личности, социальной группы либо общества в целом. Они многообразны и могут выступать как в материальной, так и духовной форме. В социальном познании ведущая роль отводится ценностям политическим, правовым, нравственным, эстетическим и т. д., т. е. отражающим специфическую культурную деятельность человечества. Очевидно, что они выступают как продукт практической деятельности человека в различных ее формах.

Связь с практикой определяет исторический характер ценностей. Они неодинаковы у разных культурных групп, государственных образований, классов, партий, возникают и преобразо-

ываются либо исчезают вместе с ними. Однако релятивистская трактовка ценностей должна иметь свои границы. При всех изменениях в психике человека в его мировоззренческих установках сохраняется определенная устойчивость качеств, свойственных ему от природы. В противном случае история непознаваема. Поэтому в содержании ценностей имеется элемент общечеловеческого, отражающий коренные интересы человеческого бытия.

Нельзя не учитывать это обстоятельство, что значимое в истории не всегда составляет ценность или, напротив, может выступать как препятствие на пути реализации культурных ценностей. Например, поступок Герострата, поджегшего храм Артемиды в Эфесе значим, но его нельзя принять, как и проигнорировать. В любом случае, признаем ли мы за явлением положительное или отрицательное значение, мы анализируем его путем отнесения к ценностям, т. е. через оценку.

Оценка представляет волевое отношение нашего «Я» к рассматриваемому объекту, это средство осознания его значимости для человека. По содержанию она характеризуется актом логического выбора, предпочтения субъектом определенных объектов, их свойств, отношений. Она предполагает сравнение с идеалом, нормой³²². Оценка по своей природе субъективна, поскольку связана с известной системой ценностей и конкретным исследователем.

Важнейшая гносеологическая функция оценочных суждений в исторической науке заключается в том, что посредством их объект познания – прошлое – раскрывается как явление значимое для современной деятельности. «Каждая эпоха, – указывал в этой связи В.М.Хвостов, – вообще интересуется теми сторонами истории, которые играют наибольшую роль в ее собственной жизни, теми событиями, которые имеют отношение к наиболее дорогим для нее культурным ценностям»³²³. Поэтому неизбежны предпочтения в выборе предмета изучения, увлечения определенными историческими личностями, фактами и т.д.

Огромное значение ценностный подход имеет при отборе исторических фактов. С точки зрения научного (логического) подхода значение того или иного факта прошлого определяется его местом в причинно-следственном ряду, его ролью в выведении закона исторического развития либо в образовании общего понятия. Однако сразу же встанет вопрос о том, какой философии истории придерживается исследователь: будет он искать прогресс, регресс, исторические циклы, или он вообще не усматривает смысла в мировой истории. Уже в научном подходе, в «подведении под закон» можно усмотреть связи с ценностным суждением.

Однако интерес историка никогда не ограничивается общим. Отбор же индивидуального непосредственно связан с аксиологическим методом. Такой отбор предполагает предпочтение исследователем тех фактов прошлого, которые связаны с разделяемыми им культурными ценностями, причем значение объекта возрастает по мере роста его индивидуальности.

В реальной исторической практике можно наблюдать несовпадение ценности индивидуальности и ее исторического влияния в смысле серьезного воздействия на последующий ход событий. Например, подруга Перикла Аспазия по своему положению не играла существенной роли в судьбах афинской демократии, но благодаря своим личностным качествам и собранным в ее кружке ярким и талантливым людям она постоянно привлекает внимание историков. Так или иначе научный и ценностный подходы тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга, давая исследователю возможность избежать субъективизма в отборе фактов. «Лишь комбинируя понятия о ценности и о действительности индивидуального, — отмечал А. С. Лаппо-Данилевский, — историк получает основание признать за ним историческое значение; такое сочетание и служит ему в качестве критерия выбора исторических фактов»³²⁴. Подобное комбинирование научного и ценностного подходов облегчается тем, что в истории всеобщие ценности — наука, нравственность, искусство, семья, церковь — оказываются общими понятиями. Таким образом, ценностный подход позволяет дополнить удовлетворительно установленную связь фактов в эволюционном процессе их значимостью для культурного человечества.

Однако оценочное суждение базируется не только на всеобщих ценностях, но и ценностных ориентациях, ограниченных конкретной нацией, классами, политическими партиями, конфессиями и т.д. Воздействие последних на исследовательскую практику историка с трудом поддается контролю. Оно может быть и бессознательным выражением жизненной позиции ученого, и его принципиальным мнением.

Так, историки-марксисты напрямую связывали ценность исследования с классовой позицией. А некоторые современные исследователи призывают пересмотреть историю с национальной точки зрения, национального подхода, с позиции интересов своей нации. Нельзя не видеть опасности такого рода принципиальных установок для научной историографии. Поэтому ценностный подход не должен доминировать в исследованиях, а субъективно-индивидуальная точка зрения имеет право на существование только при соблюдении принципа объективности.

С ценностным подходом связана реализация некоторых социальных функций истории, в частности социальной памяти, воспитательной и политико-идеологической. Оценка социально значимой деятельности историка определяется тем, как он способствует формированию важнейших ценностных ориентаций субъекта в окружающем мире, выработке самосознания личности, поколения, класса, нации; воспитанию достойных нравственных качеств у молодежи, уважительного отношения к наследию прошлых поколений и т. д.

Контрольные вопросы

1. Установите соотношение принципов исторического познания.
2. Каковы возможности принципа объективности в историографии?
3. В чем заключаются сущность и особенности принципа ценностного подхода?
4. В чем состоит неоднозначность системного подхода?

2.7. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ключевые слова

Методы, историческое и логическое, восхождение от конкретного к абстрактному и восхождение от абстрактного к конкретному, моделирование, системный подход, специальные исторические методы, количественные (математические) методы, информационные технологии, социально-психологические методы, герменевтика и лингвистика, семиотика, методы социальных наук, междисциплинарность.

Вопросы для обсуждения

1. *Методология истории и методы исторического исследования: общее и различное.*
2. *Соотношение логических (общелогических), общенаучных и специальных исторических методов.*
3. *Обогащение методологии истории количественными методами и информационными технологиями.*
4. *Необходимость применения нетрадиционных (инновационных) методов в историческом познании.*

Место и роль методов в историографии

Вопрос о методах исторического исследования остается одним из наиболее сложных и наименее изученных³²⁵. Усилиями известного историка-методолога И.Д. Ковальченко были сделаны первые значительные шаги по систематизации применяющихся в историографии методов и формированию общей картины положения дел в этой области³²⁶. Это позволяет выявлять, ставить и более детально анализировать вопросы методологии исторического познания. И сразу возникает вопрос о соотношении чаще всего свободно используемых на практике следующих понятий: технология, подходы, методы, методология и методика исторического исследования.

По мнению московского историка В.А. Перевертенья, технология в историко-научном познании — это «совокупность знаний о том, что и как нужно сделать, чтобы решить поставленную историко-исследовательскую задачу, и набор используемых для этого средств»³²⁷. В противоположность традиционной технологии, использование компьютера в процессе введения, переработки и вывода информации следует назвать компьютерной технологией.

Непосредственное обращение к историко-научной познавательной деятельности требует уточнения и других различий. Так, своеобразие объективной и субъективной стороны в развитии общества обозначается как подход, целесообразно избранная форма деятельности — метод, а ее внешняя конкретно-предметная форма с целью получения научных знаний или обеспечения условий для этого — методика. Методология в данном случае рассматривается в ее прикладном значении — как совокупность методов, в отличие от методологии в ее философском смысле, — как учение о научном методе познания, методологической рефлексии, видении исторической реальности, подлежащей изучению.

Методы в самом общем значении — это определенным образом упорядоченная деятельность по достижению поставленной цели. В философском смысле они являются способом воспроизведения в мышлении изучаемого предмета, причем их сознательное применение является существенным условием успешного развития познания. Поскольку в основе всех методов лежат объективные законы действительности, они неразрывно связаны с теорией, которая, с одной стороны, дает им «жизненную» энергию, порождает новые, с другой, — обогащается и развивается под их влиянием.

Методы исторического исследования, призванные выполнять одинаково важную функцию, — формулировать основные принципы теории познания, — тем не менее отличаются как по сути и тому материалу, к которому они прилагаются, так и по решаемым с их помощью задачам. Они необходимы для обслуживания интересов и потребностей истории как единой науки с опорой на общий, изоморфный понятийный аппарат. Их знание важно для получения современных эффективных результатов исследования.

В конкретной исторической практике используются специальные методы исследования, которые базируются на философских (логических) и общенаучных методах.

Обращение к логическим методам

Историк, как и любая другая личность, постоянно обращается (бессознательно или осознанно) к логическим методам, которые являются основой их мышления. К ним относятся такие пары методов, ранжированные по мере усложнения мыслительной деятельности, как анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия и сравнение, логическое моделирование и обобщение и др.

Анализ и синтез — фактическое или мысленное разложение целого на составные части и воссоединение целого из частей — осуществляются на всех ступенях познавательного процесса. Анализ позволяет выявить строение исследуемого объекта, отделить существенное от несущественного, сложное свести к простому. Его формами являются классификация предметов и явлений, выделение этапов в их развитии, обнаружение противоречивых тенденций и др. Синтез дополняет анализ, ведет от существенного к его многообразию, к объединению в единое целое частей, свойств, отношений, выделенных посредством анализа.

Индукция и дедукция — связанные между собой и обуславливающие одна другую методы познания. Если индукция с ее различными приемами (сходства, различия, сопутствующих изменений) обеспечивает возможность перехода от единичных фактов (всех или не всех) к общим положениям и возможно вероятным, то дедукция призвана построить научную теорию. Дедуктивный метод применяется, как правило, после накопления и теоретического осмысления эмпирического материала с целью его систематизации и выведения из него всех следствий. Дедуктивный метод подразделяется на *аксиоматический*, когда выбирается некоторое множество положений, принимаемых без доказательства,

и *генетический*, основанный на анализе развития изучаемых предметов (установлении начальных условий генезиса, его этапов и основных тенденций), с целью выявления связей во времени. Во втором случае исследование идет параллельно реальному развитию, которое служит критерием проверки возникающих идей.

Аналогия – установление сходства между нетождественными объектами путем выявления их различий (объект А обладает признаками *a, б, с, д, е*; объект Б – *б, с, д, е*; следовательно, объекту Б, возможно, присущ признак *a*). В целях повышения вероятности вывода аналогию следует основывать на как можно большем числе отношений, на существенных свойствах, на установлении более тесной связи результирующего и факторных признаков. Но так как аналогия выполняет роль компаса, указывающего на проблемы, ее следует использовать в единстве с другими методами познания. Областью применения аналогии является теория подобия.

Сравнение – познавательная операция, лежащая в основе суждений о сходстве или различии объектов, строго продуманная концепция отбора и интерпретации существующего материала. С помощью сравнения выявляются количественная и качественная характеристики объектов, осуществляется их классификация, упорядочение и оценка. Его простейшими типами являются отношения тождества и различия.

Сравнение должно опираться на принципы, выверенные исследовательской практикой. Главный из них состоит в том, чтобы производить тщательный отбор материала, необходимого для сравнения. При этом встает вопрос, какие исторические факты или данные могут быть привлечены для сравнительного анализа. Сложность решения этого вопроса в том, что, с одной стороны, можно взять и подвергнуть сравнительному анализу любые факты, однако, с другой, взятые для сравнения факты не должны оказаться случайными, т. е. заинтересованными или возникающими в результате необъяснимых совпадений. В противном случае в процессе сравнения нельзя будет сделать выводы, которые соответствовали бы реальной действительности. Значит, привлекаемые для сравнительного изучения факты должны представлять интерес в той мере, в какой они, соотносясь между собой хронологически и по смыслу, имеют такую природу, которая дает возможность выявлять закономерность исторического явления.

Принципы сравнения предполагают огромное разнообразие фактов. Причем такое многообразие, которое может трактоваться не как изначальное состояние ситуации, а как результат исторического развития. Из множества фактов, несущих одинаковую

информацию, можно выбрать факт-основу какого-либо исторического явления и события. Поскольку многие факты, явления, события и т. п. не могут быть исторически засвидетельствованы вследствие слабости источниковой базы, они могут быть восстановлены, реконструированы лишь гипотетически. Тогда используется метод моделирования.

Моделирование – способ установления связей между объектами с целью определения их места в системе, которая указывает на свойства этих объектов.

Взаимосвязь методов сравнения и моделирования проявляется в том, что в пору становления компаративистики ее использование решало, главным образом, задачу установления взаимосвязи реальных фактов, подвергнутых сравнительному анализу. Позднее сравнение становится все более нацеленным на историческую реконструкцию, превращаясь в моделирование исторических процессов и явлений. Перед историком встала задача представления исторического явления как процесса, звенья которого должны поддаваться научному объяснению и иметь приуроченность к определенному хронологическому отрезку. Однако в силу чрезвычайной сложности и противоречивости исторического процесса построенная модель будет всегда иметь относительный характер.

При логическом моделировании чаще всего применяется прием экстраполяции, под которой подразумевается «распространение выводов, сделанных в результате изучения одной части явления, на другую часть этого явления; нахождение по ряду данных значений функций других ее значений, выходящих из данного ряда»³²⁸. В самом деле, гипотетически восстанавливая те или иные явления, отдаленные многими веками, моделируя будущие события, историки могут исходить из допущения, что законы функционирования исторической закономерности в прошлом, настоящем и будущем, по сути, идентичны. Классовый подход с его однолинейным развитием общества не является всеобщим. Для человеческой цивилизации на всех этапах ее развития характерны как прогресс, так и упадок. Таким образом, то, что известно о прошлом, можно экстраполировать на будущее, и наоборот.

Логическое моделирование требует учета одного важного обстоятельства. Результаты, получаемые с его помощью, зачастую оказываются основанными исключительно на выстраиваемых рядах предположений, не имеющих достаточного подтверждения в исторических источниках. Проблема приобретает особенную

остроту, когда по таким реконструированным моделям дается иная оценка известным событиям и явлениям. Решению данной проблемы помогает метод обобщения.

Обобщение — переход на более высокую степень абстракции путем выявления общих признаков (свойств, отношений, тенденций). Такой переход может касаться не только объективных фактов (индуктивное обобщение), а и мыслей (логическое обобщение). Он влечет за собой появление понятий, законов, теорий.

Обобщение является одним из важнейших средств научного познания. Если, например, индуктивный метод необходим при накоплении материала, а дедуктивный — в познавательном процессе, то прием обобщения позволяет унифицировать и по единой формуле отождествлять множество различных фактов, суждений, теорий.

В основу процесса обобщения кладутся некоторые исходные положения — аксиомы (постулаты), из которых остальные утверждения могут выводиться логическим путем, посредством доказательств. Полученные при этом обобщения выражаются в форме общих рекомендаций, которые могут сознательно, целенаправленно, а значит, и эффективно применяться при решении тех или иных проблем.

Использование общенаучных методов

В отличие от логических общенаучные методы охватывают лишь определенные аспекты научно-познавательской деятельности, являясь одним из средств решения исследовательских задач. К общенаучным методам относятся:

- общие логические приемы (сравнение, обобщение, абстракция и др.);
- методы эмпирического исследования (наблюдение, измерение, эксперимент);
- методы теоретического исследования (идеализация, формализация, мысленный эксперимент, системный метод, математические методы, моделирование, методы восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, логический, исторический и др.).

В познавательной деятельности все эти методы находятся в диалектическом единстве, взаимосвязи, дополняют один другого, что позволяет обеспечивать объективность и истинность познавательного процесса.

«Абстрактное» в научном познании — это неполное (в смысле конкретности) знание о познаваемой реальности. Однако (при всех отвлечениях от объективно-конкретного) абстракция непременно должна отражать те или иные существенные свойства рассматриваемых явлений и процессов.

Для выявления сущности используется теоретико-логический прием восхождения от конкретного к абстрактному³³⁰. Переход к абстрактному, или абстрагирование, — это мысленное отвлечение от некоторых свойств конкретного, выделение в изучаемом объекте отдельных, особенно интересующих исследователя черт. Процесс абстрагирования достигается посредством таких методологических приемов, как отвлечение, отождествление и идеализация.

При осуществлении *процедуры отвлечения* выделяется набор показателей, которые раскрывают свойства, реально присущие объекту. Затем на основе этого формируются общие понятия в группе сходных объектов. В ходе такой индукции отбираются существенные признаки объектов из всей их совокупности и проверяется их репрезентативность, если источники содержат ограниченный набор признаков по определенной группе объектов.

Отождествление нетождественного состоит в упрощении исторических объектов в процессе их исследования. Им приписываются те черты, которыми они обладают в небольшой степени или вообще не обладают. Этот прием неизбежен, поскольку признаки многих исторических объектов имеют «размытый», количественно не выраженный характер. В научных исследованиях такой подход широко используется при измерении количественных признаков изучаемых объектов в их историческом развитии, при их классификации и типологизации.

Классификация и типологизация представляют собой приемы, которые позволяют выделять классы и группы сходных исторических объектов, а также их различные типы. Это выделение, как правило, происходит на основе одного или нескольких признаков и поэтому не охватывает всего их многообразия. Исключения составляют классификации, проведенные методом многомерного статистического анализа, при котором исторические объекты включаются в определенную группу (тип) на основании использования целого набора их признаков.

Классификация имеет своей целью установление как существенных связей (естественная классификация), так и несущественных (искусственная или вспомогательная классификация) между группами объектов для определения их места в системе, которая указывала бы на их свойства. В отличие от классификации

типологизация является методом познания на основе расчленения совокупности объектов и их группировки с помощью идеализированной модели (типа) с целью установления существенных связей и осуществления идентификации объектов. Логическими формами типологизации являются тип, класс, система и др.

Идеализация — это особая форма мыслительной деятельности, когда в процессе изучения проблемы мысленно формируются объекты с определенными идеальными свойствами.

На этой основе немецким философом М. Вебером разработана концепция идеальных типов. Согласно ей, смысл идеальной типологии состоит в конструировании некоторых образов-схем, позволяющих наиболее удобным способом упорядочивать эмпирический материал, получаемый в ходе конкретного исследования.

Наделение исторических объектов признаками доводится до предела и становится абсолютным или идеальным. Эта абсолютность свойств идеального объекта переносится на действительность. Таким образом, посредством идеализации удается раскрыть сущность изучаемой реальности в ее абстрактном, очищенном от конкретики виде. На этой основе определяются закономерности функционирования и развития исторических объектов, строятся их качественные и формально-количественные модели.

Применение этого метода можно проследить в работе К. Ясперса «Смысл и назначение истории»³³¹, где он использовал его в совокупности с другими методами.

Восхождение от абстрактного к конкретному — это метод познания, позволяющий перейти от ограниченного знания, полученного посредством восхождения от конкретного к абстрактному, к более полному, конкретному теоретическому знанию. Знание, полученное в результате такого восхождения, выступает в форме научных понятий, законов и теорий, характеризующих сущность исследуемой реальности в единстве с выражающими ее явлениями.

Научная теория, будучи системой абстрактных понятий, представляет собой идеализированное отображение объективной действительности. Ее понятия и утверждения описывают не сами явления и процессы материального мира, а те свойства, которые получены искусственным путем, т. е. в процессе идеализации.

Восхождение от абстрактного к конкретному — наиболее высокий уровень теоретического познания. Не все области современной науки дошли до такого уровня. Его достижение является важнейшей целью научного познания³³².

Примером такого уровня теоретического познания может служить разработка французской школой «Анналов» концепции «длительной временной протяженности».

Метод восхождения от конкретного к абстрактному — это своего рода индуктивный метод, тогда как восхождение от абстрактного к конкретному — дедуктивный. Индукция в данном случае служит средством получения предположительных суждений-гипотез, которые затем проверяются и обосновываются. При ее использовании, когда в ряде частных случаев проявляется повторяемость свойств или отношений исторических объектов, строится цепь единичных суждений, которая подтверждается этой повторяемостью. Если при этом отсутствуют противоречащие схеме факты, то подобная цепь становится основанием для более общего заключения (индуктивной гипотезы).

Посредством дедукции осуществляется применение любого общего положения (закона) к частному факту. Она активно используется при объяснении и при обосновании выдвигаемых гипотез. Единичные исторические факты можно считать объясненными, если они включены в определенную систему понятий, из которой их можно получить дедуктивным путем. С помощью дедукции осуществляется схематизация и идеализация структуры практической деятельности. Применяя ее к накопленному материалу, можно получить новое знание, далеко выходящее за границы установленных эмпирических фактов.

Важное значение для исторической науки имеет *метод моделирования*. Это — исследование объектов познания на основе их моделей, воспроизводящих или отражающих эти объекты. Фундаментом метода является теория подобия. По характеру моделей различается предметное и знаковое (информационное) моделирование³³³.

Предметным моделированием называется исследование по моделям, воспроизводящим геометрические, физические, динамические или функциональные характеристики объекта-оригинала. Основанием для такой операции служит аналогия.

При знаковом моделировании в качестве моделей выступают схемы, формулы, таблицы и т. д. Важнейшим его видом считается математическое моделирование, воспроизводимое выразительными и дедуктивными средствами математики и логики.

Модель — это созданная или выбранная исследователем система, которая воспроизводит с определенной целью существенные стороны изучаемого объекта и находится с ним в такой степени

замещения или сходства, что ее исследование служит опосредованным способом получения знания об этом объекте. Модель представляет собой абстрагированное выражение его основной сущности, т. е. является его аналогом.

Обращение к модели особенно важно при изучении систем. Оно расширяет знание о свойствах, функциях и развитии объекта моделирования. Анализ теоретически допустимых параметров модели дает представление о диапазоне возможных состояний рассматриваемых объектов (явлений или процессов). Математическая обработка модельной системы, количественных ее показателей, характеризующих их конкретное состояние, позволяет получить новую, явно не выраженную в исходных данных (структурно-скрытую) информацию о них.

Моделирование обычно применяется вместе с другими общенаучными и специальными методами. Чаще всего его связывают с экспериментом. В исторических исследованиях могут использоваться следующие виды модельного эксперимента:

- моделирование социальных явлений на физических моделях (только изоморфных, т. е. взаимоднозначных с объектом);
- моделирование социальных явлений на биологических моделях (аналоговых и изоморфных);
- моделирование социальных явлений на социальных моделях (подобных и аналоговых)³³⁴.

Модель может быть построена на основе эмпирического анализа исторических событий и явлений. Она несомненно содействует переходу от эмпирического знания к теоретическому. Однако наиболее ценной является модель, построенная для изучения явлений или процессов как определенных систем.

Такое моделирование основывается на дедуктивном подходе к исторической реальности. Вначале используется метод восхождения от конкретного к абстрактному, а затем осуществляется переход от абстрактного к конкретному. При этом конкретизация может быть сколь угодно детальной. В итоге глубоко раскрывается то общее и основное, что присуще изучаемым объектам, явлениям и процессам.

Этот подход возможен, когда теоретический уровень познания исторических объектов позволяет сконструировать их абстрактную сущностно-содержательную модель. Такая возможность имеется далеко не всегда. Но изучение многих исторических явлений вполне достигло такого уровня. И тогда наиболее эффективным может оказаться математическое моделирование³³⁵.

Уже сам по себе процесс перевода нечетких образов в строгую форму математических уравнений или компьютерных программ позволяет исследователю понять, что же, собственно, ему достоверно известно об изучаемом объекте, а что является результатом домыслов, неявных допущений. Еще важнее то, что математические модели позволяют не только описать и упорядочить известные факты, но и установить новые — часто такие, которые в принципе невозможно получить эмпирическими методами.

Рассмотреть процесс моделирования можно на сделанной В.Л. Носевичем конкретной модели — Образование на Руси феодальной собственности на землю³³⁶.

Широкое применение в историческом исследовании получил *системный метод*³³⁷. В его основе лежит изучение объектов как систем, что позволяет раскрыть их сущностную природу и принципы функционирования и развития.

Этот метод предполагает создание некоторого количества упрощенных моделей, имитирующих или заменяющих (в определенном отношении) исходную систему. Такие модели должны допускать адекватный обратный переход к исходному моделируемому объекту без потери информации, существенной для его понимания.

Системный метод существует в виде ряда методологических концепций: он выполняет свои эвристические функции совокупностью познавательных принципов, основной смысл которых состоит в соответствующей ориентации конкретных исследований. Поэтому такой подход, помимо своих специфических приемов, требует применения различных общенаучных методов, в т. ч. таких, как восхождение от абстрактного к конкретному и логический, а также количественных методов.

В качестве специфических приемов системных исследований можно рассматривать структурный и функциональный анализы, направленные на изучение структуры систем и выявление их функций. Всестороннее познание любой системы требует рассмотрения ее структуры и функций в органическом единстве, т. е. применения структурно-функционального анализа.

Использование системного метода в одной из его первых разновидностей можно проследить на примере работы О. Шпенглера «Закат Европы»³³⁸.

Специальные исторические методы

Они представляют собой различное сочетание общенаучных методов, приспособленных к исследованию исторических объектов, а также заимствованных и адаптированных из других наук. Их можно подразделить на две большие группы: традиционные и нетрадиционные.

К числу *традиционных* специально-исторических методов истории относят следующие:

– метод *классового анализа*, широко использовался в СССР (трактовка исторического процесса через призму наличия определенных классов, а у приверженцев марксистского подхода – и классовой борьбы);

– *историко-генетический* (изучение исторических явлений в процессе их развития, от зарождения до гибели или современного состояния);

– *историко-сравнительный, или компаративный* (сравнение исторических объектов в пространстве и времени и определение сходства и различия между ними);

– *историко-типологический* (определение общих черт в пространственных группах исторических событий и явлений или выделение однородных стадий в их непрерывно-временном развитии);

– *историко-системный* (углубленный анализ социально-исторических систем, раскрытие внутренних и внешних механизмов их функционирования);

– *диахронического анализа* (построение во времени разнообразных по природе исторических процессов);

– *ретроспективный* (последовательное проникновение в историческое прошлое с целью определения причины данного события) и др.

Классовый анализ в его марксистско-ленинском понимании не следует абсолютизировать, как это имело место в советской историографии. Если он и применим к изучению макросоциальных единиц (классов), то фактически не может использоваться по отношению к более мелким социальным структурам (семья, род, внутриклассовые группы и др.). Кроме того, в марксистской традиции взаимоотношение классов обычно представляется как антагонистическое, что уже само по себе суживает применение такого метода.

Расположение других методов в группе традиционных специально-исторических методов, за исключением ретроспекции, имеет определенный смысл. Каждый последующий метод дополняет и усложняет предыдущий. Если историко-генетический метод имеет

целью отследить происходившие изменения в развитии исторического объекта, а историко-сравнительный — обеспечить его узнаваемость, то историко-типологический метод дает возможность под тот или иной тип (стадию) подвести рассматриваемый объект, а историко-системный — представить объект во всех его внутренних и внешних связях.

Диахронический метод представляет собой особый вид исследования, специфика которого выявляется через сопоставление с синхронистическим подходом. Различают *элементарный структурно-диахронический анализ*, нацеленный на изучение продолжительности процессов, частоты составляющих его явлений, длительности пауз между ними и др.; *углубленный анализ*, когда раскрывается внутреннее временное строение процесса, выделяются его стадии, фазы и события; и *расширенный анализ*, который включает предыдущие формы в качестве промежуточных и состоит в выявлении динамики отдельных подсистем на фоне развития систем.

Классическим примером расширенного структурно-диахронического анализа служит «Капитал» К. Маркса. Другими примерами построения глобальных исторических процессов с помощью этого метода могут быть работы Дж. Фуко, О. Конта, О. Шпенглера, А. Тойнби, однако их основной недостаток состоит в умозрительности построения систем.

В целях наиболее эффективного применения этих методов вырабатываются соответствующие правила и процедуры, называемые исследовательской методикой, и определяются необходимые инструментальные средства — техника исследования.

Традиционные методы получили свое развитие в процессе становления истории как науки — в эпоху Просвещения (XVIII в.). В XIX в. — «золотом веке истории» — они уже довольно активно использовались в исторических исследованиях. Однако в 20–30-е гг. XX в. обнаружилась недостаточность традиционных методов для изучения исторических объектов. Это проявилось в кризисе исторической науки. Его пытались преодолеть французская школа «Анналов», американская школа психоистории, квантитативная история и другие направления. В результате был потеснен метод классового анализа, хотя он оставался основным в советской историографии, и расширилась методология исторического исследования. Произошло обогащение и уточнение границ традиционных специально-исторических методов.

Во второй половине XX в. в связи с вовлечением в научный оборот новых источников, происходящей интеграцией наук, информатизацией общества появились и стали активно внедряться количественные (математико-статистические) методы и компьютерные

технологии изучения исторической реальности. Известное распространение получили также социально-психологические методы, внедряются методы литературной критики и т. д.

Таким образом, кроме традиционных, современной исторической науке присущи и такие *нетрадиционные* (редко используемые в историческом анализе) методы, как:

– *количественные* (количественный анализ, математическое моделирование, многомерный статистический анализ);

– *социально-психологические методы* (психоанализ, анализ «групповых фантазий», контент-анализ, моделирование, количественный анализ);

– *методы герменевтики* (вскрытие намеков в тексте путем изучения исторических реалий, «вживание в текст», психологический анализ);

– *современной лингвистики* (иррациональное определение природы текста как продукта социально-речевой деятельности, использование наряду с грамматическим анализом достижений семантики, функциональной стилистики и логики, а в последнее время и литературной критики);

– *семиотики* (вычленение знаков, разделение знаков и «означаемых» ими значений, способы кодировки и перекодировки знаков, складывание из них нового исторического построения);

– *искусствоведческий анализ* (индивидуализация артефактов и определение их собственной информативности, анализ через тексты знаний с использованием письменных источников, семиотический анализ, *выявление социальной информации*, что может обогатить знание социальной истории) и др.

Количественные (математико-статистические) методы занимают особое место в системе методов исторического исследования. Они позволяют расширить возможности изучения историко-социальных объектов, выразить в количественной форме степень взаимодействия составляющих их элементов, определить силу и характер влияния различных факторов, синтезировать новые источники, содержащие необходимые сведения. Поэтому они все чаще привлекают внимание историков в их стремлении дать более широкую трактовку данных, содержащихся в исторических источниках, особенно массовых, точнее охарактеризовать сущность изучаемых явлений и процессов, выявить закономерности исторического развития, которые носят вероятностный характер; определить итоги разнонаправленной деятельности людей (актов общественной борьбы, избирательных и других кампаний, коллективного принятия решений), получить новые знания или уточнить (подтвердить) имеющееся.

Количественные методы подразделяются на *количественный анализ*, т. е. сущностно-содержательный анализ исторических объектов на основе полученной системы их численных характеристик, и *математическое моделирование*, нацеленное на анализ структур и функций систем, подсистем и их совокупностей, выявленных в историческом развитии.

Количественный анализ предполагает, прежде всего, упорядочение количественных данных, чаще всего в виде таблицы, а затем их вычисление с использованием мер уровня, например, средней арифметической или моды (наиболее типичного значения признака), а также мер рассеяния, в том числе размаха и коэффициента вариации и др. Что же касается качественных признаков, то они измеряются посредством контент-анализа, который состоит в выявлении смысловых единиц (категорий) в тексте источника, подсчете их частот и определении их взаимосвязей.

Математическое моделирование предполагает осуществление корреляционного и регрессионного анализов. При первом анализе связи структурных элементов модели измеряются путем подсчета коэффициента корреляции, который показывает их тесноту в пределах $-1 < R_{xy} < 1$, при втором — на основе функционального отношения $y = a + bx$.

Многочисленность и многообразие признаков, характеризующих исторические объекты, нечеткость границ между ними порождает потребность в методах обработки, позволяющих проводить интегральный анализ на основе «сжатия» исходной информации — МСА (*многомерного статистического анализа*), в т. ч. факторного и кластерного анализов и распознавания образов. Однако сфера распространения этих методов неширока, так как они требуют сложного математического и программного обеспечения.

Весьма плодотворной может быть интеграция истории и социальных наук, использование в историческом анализе научных методов, характерных для социологии, экономической науки, политологии.

Социологические методы представляются как одна из составляющих инновационные методы исторического исследования (психоисторических, герменевтики, лингвистики и др.). Они могут применяться и самостоятельно, будучи адаптированными к историческому источнику. Эффективным может оказаться, например, *метод индексации* гражданского общества, используемый международной организацией Civicus (World Alliance for Citizen Participation) для оценки состояния и характеристики гражданского общества на различных уровнях его развития. Подобное исследование проводилось в Республике Беларусь в начале 2001 г.³³⁹ Полученная по его результатам

формула белорусского «Бриллианта» (модели гражданского общества образца 2001 г.) свидетельствовала о наличии здесь гражданского общества со средней степенью развития по большинству показателей.

В методологии экономической науки полезными для исторического исследования могут быть тесно связанные между собой *позитивный и нормативный методы*³⁴⁰. Позитивный метод предполагает описание, анализ и систематизацию фактов, явлений и процессов в том виде, в котором они имели место в действительности, и позволяет раскрыть их функциональные связи, например, при изучении рыночных систем. Посредством нормативного метода устанавливается связь между познавательной и оценочной деятельностью познающего субъекта, что очень важно при проведении принципа ценностного подхода с обязательным учетом принципов историзма и объективности.

Из политологии историками может использоваться *институциональный метод* (отображение политических институтов), характерный, например, для работы американского исследователя П. Меркла «Происхождение Западной Германской республики» (1963)³⁴¹, «исследование случая» (case studies) с его уникальным набором причин, *анализы концептный* (объяснение ключевых моментов) и *дискурсивный* (междисциплинарный)³⁴².

Современные научные исследования и обучение в условиях постоянно нарастающего потока информации и наличия мощной вычислительной техники вызывают потребность в накоплении и обработке данных посредством компьютерных технологий. К этому непосредственно побуждает широкое распространение количественных методов, без которых становится невозможной реализация не только инновационных, но и традиционных методов исторического познания.

В распоряжении историка имеются следующие информационные технологии:

- Базы данных (БД), как стандартные, легко адаптируемые к историческим источникам (СУБД – *системы управления базами данных*), так и специально ориентируемые на их анализ (программы *Gedcom, CenSys, Socrates, Kleio, Радавонд, Tact, Concordance* и др.);
- компьютерное *моделирование*, использующее логические, графические и математические модели (*электронные таблицы, среди которых Excel* и др.);
- *мультимедиа-технологии* (*Москвоведение, Шедевры иконописи Беларуси XII–XVIII вв.* и др.);
- технологии *Internet*, включая платформы для дистанционного обучения (*CT-Курс, Moodle, eUniversity* и др.)

Рассмотренные методы исторического исследования, хотя и не охватывают всей их совокупности, однако характерны для отечественной историографии — как традиционные (в части общенаучных — исторический и логический, восхождение от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, моделирование, системный анализ; в части специально-исторических — генетический, сравнительный, типологический, системный, диахронии, ретроспекции и др.), так и входящие в практику научного творчества историка (математико-статистические методы, методы психоистории, лингвистики, семиотики). Как правило, их сочетания представляются под различными названиями.

Неизбежность применения комбинации методов (или их совокупности) соответственно характеру источника, свидетельствует об их взаимопроникновении. При этом наиболее распространенным остается историко-сравнительный метод, затем историко-генетический и историко-типологический. Они неизбежны при историко-системном подходе. Их применение в современных условиях уже невозможно без использования количественных методов и информационных технологий. Не вводя жесткой системности, оставаясь объективным по отношению к историческому материалу, сравнительный анализ позволяет раскрыть наиболее существенные стороны изучаемого объекта, а применение количественных методов в сочетании с историко-системным подходом — построить достаточно удачные модели исторического развития. Историко-системный метод во многом характерен для работ психоисториков, стоящих на позиции истории как гуманитарной дисциплины в ее западном понимании.

Историческое исследование представляется диалогом, который нельзя провести ни исключительно рационально, ни, тем более, произвольно. Поэтому овладение разнообразными методами исторического анализа, углубление методологического знания, ориентация на плюрализм исследовательских стратегий и перспектив познания являются залогом успеха современной исторической науки.

Контрольные вопросы

- 1. Каков статус методов исторического познания?*
- 2. На конкретных примерах раскройте смысл выражения «общенаучные методы служат логической основой специальных исторических методов».*
- 3. Покажите правомерность ранжирования методов в каждой из групп (логические, общенаучные, специально-исторические).*

4. *Переведите нижеприведенное извлечение из "инвентаря" в табличную форму, разместив крестьянские хозяйства по службам; рассчитайте коэффициент корреляции между числом крестьян в хозяйствах, количеством у них земли и скота и дайте историческую интерпретацию полученным результатам.*

**Извлечение из инвентаря Мядельской волости
от 3 августа 1545 г.**

«Старец мядельский Овдей Тиманович, сын у него Прокоп, служба, статку кляч двое, земли под ними навоза на бочку, простое на 10 бочок, сеножателей 4 возы...

Ходор Круты сына маеть 2—Алексей, Амелян, а брат у него Прокоп, сына у него 2 — Василь, Ивашко, служба, статку у них волы 2, кляч 3... земли под ними навоза на 3 бочки, простое на 20 бочок, сеножателей на 10 воз...

Грыц Родивонович детей не маеть, статку кляч 2, служба, земли под ним навоза на полбочки, простое на 3 бочки, сеножателей на 10 воз...

Курило Коробеник з братом Овдеем, служба, сыны у Курила 2 — Василь, Трохим, статку у них кляч 2, Семен, Андрей (сыны у Овдея), статку у них кляч 2, ... земли под ними навоза на полбочки, простое на бочку, сеножателей на 5 воз.

Трихон Прокопов, сын у него Марко, служба, статку волы 2, кляч 3, ... земли навоза на бочку, простое земли на 10 бочок, сеножателей 15 воз...

Игнат Радивонович, пасынок у него Хвеско, служба, статку у них кляч 2, земли под ним навоза на бочку, простое на 5 бочок, сеножателей на 6 воз...

Мартин Мехович, сын у него Грышко, а брат у него 2, Степан и Иван, у Степана сыны 2 — Микита и Левон, служба, статку у них волы 2, кляч 2, земли под ними навоза на 2 бочки, простое на 10 бочок, сеножателей 10 воз...

Радивон Онанич, сын у него Яков, а брат у него Ходор, служба, статку у них кляч 2, земли под ними навоза на полбочки, простое земли на 6 бочок, сеножателей на 7 воз...

Ничипор Захарыч, сын у него Хома, а брат Конон, у Конона сын Денис, служба, статку у них волы 2, кляча, земли под ними навоза на бочку, простое земли на 15 бочок, сеножати на 2 возы...

Иван Прокопич и з дядковичи своими Наумом и Лаурином, служба, статку у них волы 2, кляч 2, земли по ним навоза на полторы бочки, простое на 10 бочок, сеножателей 5 воз...

Трихон Мехович, сынов у него нет, служба, статку не маеть, земли под ним навоза на бочку, простое земли на 5 бочок, сеножателей 6 воз...

Занко Субачович, сын у него Денис, служба, статку вол, земли под ним навоза на полбочки, простое 10 бочок, сеножателей 5 воз...

Иван Шикович з братаничом Трохимом, у Трохима сыны—Хома, Мишко, служба, статку у них волы 2, кляч 2, земли по ним навоза на бочку, простое земли на 15 бочок, сеножати на 2 возы...

Ивашко Шикович, сын у него Игнат, а брат у него Арехва, сын у него Дорохвей, служба, статку у них волы 2, кляч 2, земли под ними навоза на полбочки, простой земли на 15 бочок, сеножателей на 2 возы...»

Коэффициент корреляции рассчитывается по формуле

$$R_{xy} = \frac{\sum(x_i - x_{\text{ср}}) \cdot (y_i - y_{\text{ср}})}{\sqrt{\sum(x_i - x_{\text{ср}})^2 \cdot \sum(y_i - y_{\text{ср}})^2}}$$

где x_i и y_i – значения признаков x и y ; $x_{\text{ср}}$ $y_{\text{ср}}$ – их средние величины, равные $x_{\text{ср}} = 1/n \sum x_i$; $y_{\text{ср}} = 1/n \sum y_i$; n – общее число ответов.

5. Какие изменения с позиции синергетики следует внести в приведенную характеристику методов?

6. Роль методов социально-гуманитарных наук в методологии истории.

7. Пройдите тесты по следующим вопросам, обосновывая правомерность своего выбора:

1. Какова природа исторического познания?

а) в концептуальном видении исследователем своего объекта исторической действительности;

б) в реконструктивном характере исторического познания;

в) в ретроспективном характере исследования;

г) в субъектно-объектных отношениях в исторической науке.

2. В чем заключаются принципы исторического познания?

а) в их качестве выступают исходные понятия науки;

б) это основные способы решения научных проблем;

в) они заключаются в определенных требованиях, которыми должен руководствоваться исследователь;

г) это категории – общие понятия, в которых концентрируются важнейшие знания истории.

3. Определите сущность методов исторического анализа.

а) они выступают в качестве средств познавательной деятельности;

б) это совокупность приемов и операций, которые регулируют деятельность историка;

в) это та же совокупность приемов и операций, которая обеспечивает решение исследовательской задачи;

г) в анализе исторических объектов как с позиции их внешнего, так и внутреннего представления.

4. Какой метод из числа традиционных, на Ваш взгляд, чаще других используется историками?

а) генетический;

б) сравнительный;

в) типологический;

г) системный.

5. Чем вызвана потребность в инновационных методах исторического исследования?

а) информатизацией общества;

б) введением в научный оборот новых источников;

в) недостаточностью объяснительных функций исторической науки;

г) интеграцией наук.

6. Укажите, какое сочетание нижеуказанных понятий ближе к действительности:

- а) методология — источниковедение;
- б) методология — историография;
- в) методология — эпистемология;
- г) методология — прикладная математика.

7. Заполните отсутствующие места в следующих фразах:

- а) методология истории как учебная дисциплина зародилась ... ;
- б) в советской исторической науке методологические исследования начались в ... ;
- в) с самого начала определилась ... школа методологии истории;
- г) в СНГ специализация студентов исторических факультетов была впервые введена на

8. Установите наиболее адекватное соотношение следующих понятий, имея в виду основной источник появления того или иного направления в историографии:

- а) сфера исследования — историческая информатика;
- б) методы — экологическая история;
- в) источники — психоистория;
- г) проблемы — гендерная история.

9. Разъясните фразу «Междисциплинарность определена как онтологический объект исторического исследования», построив четыре предложения, используя следующие наборы слов:

- а) «интеграция», «не востребуемость», «единство»;
- б) «задача», «модель», «границы»;
- в) «выявление», «схема», «привлечение»;
- г) «опыт», «предсказание», «объединение».

10. Каким требованиям должен отвечать междисциплинарный объект исторического исследования?

- а) обладать возможностью для межнаучного диалога;
- б) являться микрообъектом;
- в) представлять самовоспроизводящую систему;
- г) вписываться в концепцию длительной временной протяженности.

11. Сущность количественных методов (применительно к истории).

- а) измерение количественных и качественных признаков исторических событий и явлений;
- б) расширение и углубление анализа исторических источников;
- в) охват нарастающего потока информации;
- г) анализ массовых источников.

12. Цели использования количественных методов в историческом исследовании.

- а) обеспечение диалога предметника с ПК;
- б) организация поиска информации;
- в) количественное выражение качественных признаков исторических событий и явлений;
- г) количественный анализ и математическое моделирование.

- 13. Области применения количественных методов в работе историков.**
а) определение факторов исторического развития;
б) количественное выражение качественных признаков;
в) поиск, хранение и обработка исторической информации;
г) массовые исторические источники.
- 14. Роль группировки в историческом исследовании:**
а) приведение материала в «рабочее состояние»;
б) уникальное средство для исследования структуры и типа исторических явлений;
в) возможность установления и изучения связей между признаками;
г) выявления тенденций развития.
- 15. Необходимость определения средних мер уровня:**
а) раскрытие общих свойств совокупности статистических данных;
б) выявление тенденции развития явления или процесса;
в) сравнение вариационных рядов;
г) нивелирование случайных отклонений.
- 16. Необходимость определения средних мер рассеяния:**
а) раскрытие общих свойств совокупности статистических данных;
б) выявление тенденции развития явления или процесса;
в) сравнение вариационных рядов;
г) нивелирование случайных отклонений.
- 17. Способы измерения качественных признаков нарративных источников единичного характера:**
а) коэффициент для неальтернативных признаков;
б) контент-анализ;
в) коэффициент корреляции;
г) коэффициент ассоциации и сопряженности.
- 18. Необходимость обращения к математическому моделированию:**
а) для определения количественных воздействий признака-фактора на результат;
б) для установления совокупной связи всех признаков;
в) для выяснения возможностей альтернативного развития;
г) для построения формально-количественных моделей.

2.8. СПЕЦИФИКА ЯЗЫКА ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Ключевые слова

Искусство, литература, историческое повествование, нарративная история, исторический образ, изложение материала, метафора.

Вопросы для обсуждения

1. *Взаимосвязь а) истории и искусства, б) истории и литературы.*
2. *Значение искусствоведческого анализа для социальной истории.*
3. *Требования к историческому повествованию.*

Язык историка — это то, что объединяет и разделяет его с прошлым. История предстает перед нами в языковом оформленном представлении. Для историка проблема языка, рассказа представляется очень важной. Она выходит на более общий вопрос о соотношении исторического и художественного познания.

Соотношение истории и искусства является предметом непрекращающихся дискуссий. Одни авторы вслед за Б. Кроче заявляют, что история — разновидность искусства (сам Кроче позже отказался от этого). Другие высказывались более осторожно, хотя подчеркивают близость истории и литературы. В частности, Г.С. Коммеджер указывал, что история обладает всеми элементами художественной формы, служит некоторым целям и управляется некоторыми принципами литературы³⁴³. Он противопоставляет «литературную» историю, научной или технической истории. «Научный» историк, в его понимании, интересуется не драмами прошлого и индивидуальным, а научными объяснениями, он чужд философии, и характерной формой его трудов является монография³⁴⁴. Нетрудно заметить, что в данном случае объектом критики выступает позитивистская и анализирующая социальная историография.

Большинство исследователей социальной аналитической истории настороженно относятся ко всяким параллелям между своей исторической наукой и искусством, усматривая в них угрозу научности истории. Презрение к нарративной истории демонстрируют и психоисторики. Упрекая историков за их стремление к накоплению уникальных повествовательных фактов, невзирая на их неисчерпаемость, Л. де Моз заявляет: «Историков воспитывают на теории уникальности любого исторического события; нарративная история — не наука и не предназначена ею быть. Нарративная история описывает ход исторических событий; психоистория открывает законы исторической мотивации. Нарративная история полна случайностей и ошибок»³⁴⁵. Представляется неправомерным как прямое отождествление истории и искусства, так и их противопоставление. Можно согласиться с Г. Рениром, что методолог должен решить, «может ли искусство написания быть приведенным в помощь историку при исполнении им его высшего долга — повествования истории»³⁴⁶. Очевидно, да. Историческая наука только выиграет, если не будет отказываться от своих эстетических качеств. В идеале историческая работа предстает в качестве рассказа, который основывается на фактах и содержит в себе научное объяснение. Необходимость для историка быть рассказчиком предъявляет к нему вполне определенные эстетические требования. Именно на

той стадии научного исследования, когда ученый сообщает о достигнутых результатах, история сближается с искусством. Поэтому вопрос о форме исторического труда приобретает определенное методологическое звучание.

В естественных науках написание проделанной исследовательской работы производится как формальный акт. «В истории же, — подчеркивает Ренир, — написание есть существенная операция. Это путь, на котором историк вырабатывает свое понимание, полученное из некоторого опыта прошлого»³⁴⁷. Об одной и той же веренице событий можно рассказать по-разному; смысл событий, о которых идет повествование, не обнаруживается через простые ссылки на источники. Как отмечал Х. Уайт, каждое повествование придает событиям форму, которая им самим не присуща, но раскрывает, что они значат. Иными словами, в историческом творчестве большую роль играют эстетические стандарты и интеллектуальная целостность.

Говоря о сближении истории с искусством на стадии написания рассказа, следует более четко определить границы такого сближения. Близость истории и искусства во многом формальная. Она проявляется в стремлении к выразительности, в использовании определенных приемов изображения материала, но не по содержанию исторического или художественного творчества и не по используемым методам постижения реальности. Основой для сближения является сам субъект, обладающий эстетической структурой познания как в истории, так и в искусстве, — человек в его историческом развитии. Поэтому постижение истории предполагает сопереживание и эстетическое отношение к прошлому. В нашей науке мы имеем образное мышление, которое сродни эстетическому³⁴⁸.

Однако исторические явления по-разному анализируются и воссоздаются историком и художником. Российский методолог П.М. Бицилли указывал, что художественный объект, даже когда он является воспроизведением реально существовавшего объекта, всегда выражает свою собственную художественную идею. В конечном счете он всегда выступает как «воплощенный в материальных формах дух художника. В историографическом произведении объектом является дух эпохи»³⁴⁹. Для художника исторические объекты — это только сырой материал, который он использует для создания собственных художественных объектов — символов. Для историка они — уже символы, в которых уже другие воплотили себя, свой дух.

Сущность той или иной эпохи передают крупные исторические события, личности, определяющие их ход, достижения культуры, менталитет, быт общества. Именно к ним приковано внимание

историка. Для их воссоздания ученый прибегает к творческому воображению и интуиции. Однако создавая исторический образ, исследователь всегда связан конкретными фактами прошлого, вымысел здесь невозможен. Убедительность исторических образов — в их достоверности. Если писатель создает типические образы в своем воображении, то историк находит их в реальном прошлом, сравнивая и просеивая огромное количество фактического материала.

Художественные стандарты имеют особое значение при написании исторического труда. К историческому повествованию должны предъявляться определенные требования. Следует согласиться с Г.С. Коммеджером, что «литературный стиль — это вопрос хорошего тона, определённой окраски, определенного движения повествования, это вопрос симметрии структуры, концентрации усилий, архитектурного единства и гармонии»³⁵⁰. Слабо аргументированную работу читатели не примут, но в равной мере проигнорируют труд, написанный плохим языком. Рядовой читатель скорее простит недостаток научной доказательности, чем отсутствие литературного обаяния. Не случайно большинство великих исторических работ обладает литературной ценностью.

Рассказ историка должен быть, прежде всего, ясным. Необходимо избегать двусмысленных и непонятных терминов. «Человек небрежно пользующийся языком, — указывает Г. Ренир, — есть разновидность интеллектуального “лихача”. Он может избежать аварии сам, но подвергает опасности других»³⁵¹.

Ученый должен сопереживать ход событий. Й. Хейзинга даже предлагал исследователю переживать события в их неопределенности, как еще не совершившиеся: «рассказывая о Саламине, он может предполагать, что победителями будут персы, рассказывая о государственном перевороте 18 Брюмера, — что Бонапарт потерпит позорное поражение»³⁵². Посредством сопереживания ученый вызывает в воображении, оживляет то, что однажды было и исчезло навсегда. Он позволяет как бы видеть прошлое собственными глазами и тем самым увлекает читателя за собой.

Немаловажное значение имеет ясность изложения. Она не может быть достигнута без сознательного ограничения в деталях и аргументах. Г. Ренир обоснованно подчеркивает, что исключение и обобщение являются двумя средствами от многословия: «Каталоги незначительных событий доставляют удовольствие исследователю, ушедшему на время с головой в себя, но они скучны читателю»³⁵³. А.С. Дягилев говорил: «Упущение — суть искусства». Как любое произведение литературы, историческая работа сильно выигрывает от найденного крылатого слова, меткой эпитаграммы, искусства драматизма.

Особую роль в исторической работе играют метафоры, представляющие определенную эпоху или событие в образе: «Смутное время Московского государства в начале XVII столетия» (Н.И. Костомаров), «Рождение новой России» (В. В. Мавродин), «Закат Европы» (О. Шпенглер). Подобные метафоры направлены на удовлетворение потребности не в объяснении, а в понимании истории. Вызываемые ими образы не только пробуждают ассоциации, но и воздействуют на толкование источников. Образы способствуют идеализации либо, напротив, компрометации отдельных исторических явлений и целых эпох. Очевидны ассоциации, связанные с метафорами: «золотой век», «вавилонское пленение», «трагическая Эллада», «эпоха сталинизма», «ночь длинных ножей» и т. д.

Однако, заботясь о форме труда, исследователь, конечно, не может забыть о своей главной задаче — решать проблемы; его знание и воображение должны стремиться к более полному и объективному освещению прошлого.

Контрольные вопросы

1. *Как представляется исторический объект:
а) историку и как его видит
б) художник?*
2. *В чем заключается специфика языка историка?*
3. *Каким должно быть историческое описание?*

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ

3.1. УРОВНИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ключевые слова

Уровень исторического исследования, социально-ориентированная история, микроистория, «история снизу», история повседневности, антропологический поворот, культурная история, символичность культуры, индивидуальный опыт.

Вопросы для обсуждения

1. Значение «антропологического поворота» для становления микроистории.
2. От политической и социальной истории макроуровня к истории снизу: причины и последствия перехода исторических исследований на микроуровень.
3. История как деконструкция: «опыт» человека и «символичность» культуры.

От макроистории к микроистории

Стремление придать истории «научный» статус, критика со стороны позитивистов, тенденция к социализации истории, разработка методологии социально-экономических исследований в первой половине XX в. привели к возникновению ситуации преобладания социально-структурной истории. Практически вплоть до середины XX в. основными объектами исследований были макроуровневые процессы в обществе. Такое положение дел сложилось благодаря тому пути, который проделала историческая мысль.

В самом деле, от наивного нарративизма, «описаний» поступков исторических героев, извлечения моральных уроков из истории историки повернулись лицом к изучению тех сил, действие которых, как казалось, определяет историю. В академическую науку вошли исследования, посвященные экономическому развитию стран, становлению городов, политическим интересам и их взаимосвязям с экономикой и т.д.

Однако во второй половине XX в. многие историки пришли к осознанию того факта, что подходы социальной истории привели к изменению предметной области исследований, причем не всегда в сторону ее расширения, а, напротив, в сторону сужения. Так, из поля зрения историков ускользали сами люди в истории. В исследования оказались вовлеченными «производительные силы и производственные отношения», между тем «люди» остались без внимания. Как и «политическая история» XIX в., социально ориентированная история XX в. не изучала людей, тем более «маленьких людей».

Именно с таким признанием было связано становление новой истории, ориентированной на изучение микроуровневых объектов. «История должна [была] повернуться к условиям повседневной жизни, таким, какими их испытывали простые люди»³⁵⁴.

Со второй половины XX в. предметная область исторической науки сместилась с «центра» власти к ее «границам», к жизни многих людей, в большинстве своем эксплуатируемых и тем более «забытых» историей. С середины 1970-х — начала 1980-х гг. под влиянием культурной антропологии в социальной истории происходит сдвиг исследовательских интересов от изучения макроуровневых структур, предполагавшего оперирование такими понятиями, как, например, «производительные силы», «производственные отношения», «народ», «государство», «институты права» и др., к культуре, причем одновременно происходит и изменение понимания термина «культура».

«Антропологизация» понимания культуры расширяет ее определение, включая «реальное содержание обыденного сознания людей прошлых эпох, отличающихся массовым характером и большой устойчивостью ментальных представлений, символические системы, обычаи и ценности, психологические установки, стереотипы восприятия, модели поведения»³⁵⁵. Кроме того, в это же время происходит расширение самого понятия «социального» — в социальной истории наряду с классами, сословиями начинают изучаться социальные микроструктуры — семья, община, приход и т.д.³⁵⁶.

Такой переход от макроистории, анализирующей крупные структуры, к микроистории, направляющей усилия на изучение малых сообществ и «маленького человека», знаменовал переключение исследовательского интереса на историю повседневной жизни. При этом новые историки повседневности не идентифицировали себя с той «историей повседневности», которую предлагал в 1960-е гг. Ф.Бродель («Структуры повседневной жизни». В 3 тт.; «Материальная цивилизация и капитализм». Лондон, 1981). Их внимание было обращено не на материальные условия повседневности, а на то, как эти условия испытывались людьми.

Для становления микроистории знаковыми становятся работы Э. Томпсона «Формирование рабочего класса», К. Томаса «Религия и упадок магии: изучение народных верований в Европе XVI—XVII вв.», П. Берка «Народная культура в Европе начала Нового времени», Н.З. Дэвис «Общество и культура во Франции начала Нового времени», К. Гинзбурга «Сыр и черви: космос мельника, XVI в.», раскрывавшие индивидуальный опыт людей, повседневную жизнь «многих», делавшие акцент на «народной культуре»³⁵⁷.

Многие исследователи сегодня следуют этой новой парадигме: не История, а истории, с множеством индивидуальных центров.

Создание общества массового потребления, процессы демократизации в целом ведут к перестановке акцентов и в предметной области истории. Объектами изучения социально-ориентированной истории становятся не столько социальные структуры и процессы, сколько повседневный опыт людей, условия, в которых они жили. Таким образом, наблюдается сближение позиций культурной и социальной истории.

Эта смена ориентиров в исторической науке происходит в результате острых дискуссий 1980-х гг. и носит название «антропологического поворота». В результате, с одной стороны, акцент в исторических исследованиях перемещается на изучение собственно «человека в истории», причем не столько созданных им и довлеющих над ним «структур», сколько его непосредственного опыта в историческом процессе. С другой стороны, для изучения неосознанных социокультурных представлений людей прошлого, включенных теперь в понятие «культура», историки стали широко использовать методы, заимствованные ими из культурной антропологии.

Новыми идеологами «культурной истории» становятся представители деконструктивистского, антропологического направлений (П. Берк, К. Гирц, Ю. Кристева, П. Бордье, Э. Хобсбаум и другие). В своей работе историки все больше заимствуют методы и подходы такой дисциплины, как антропология. Например, знаменитые «широкие/плотные описания» («thick descriptions») представляют собой трансформированный вариант полевой работы, а «ключевые символы» («key symbols») — один из главных методов изучения культурного контекста — являются теми символами, которые содержат основную информацию о центральных способах мышления, нормах, идеях, ценностях общества.

Общее смещение акцентов от макроуровневой истории к «истории снизу» отражает стремление современных исследователей к созданию такой истории, которая отражала бы исторический

опыт людей, долгое время «спрятанных от истории», «спрятанных» от исследовательского интереса.

Влияние на это смещение акцентов было оказано и с другой стороны: со стороны смежной с историей дисциплины — антропологии. Основной фокус своих исследований представители антропологии, со свойственным им вниманием к «человеку в культуре», направляли на установление связей между институтами современного общества, его культурными традициями и особенностями и культурой «примитивных» обществ, не соприкоснувшихся с письменной технологической цивилизацией³⁵⁸.

На первом этапе культурная антропология служила своего рода моделью и для истории повседневности (*every-day-history*), провозгласившей центральным объектом изучения опыт людей в истории. Поскольку же историк не имеет «прямого доступа к опыту людей, то, следовательно, он должен изучать этот опыт косвенно, через символические и ритуалистические действия, которые вместе с намерениями индивидуума формируют текст, делающий возможным доступ к иной культуре»³⁵⁹. В связи с этим в историографии заметен поворот к исторической антропологии с ее семиотическим подходом к символическому в культуре.

Предметная область антропологии — примитивные общества, язык и искусство, традиции и обряды, повседневность, физическая природа человека и его окружение — безусловно оказала огромное влияние на становление новых направлений в исторической науке, предоставив ей ценный и разнообразный материал своих практических исследований и теоретических разработок. Среди них особенно выделяется концепция культуры, которая «проглатывала» и делала своей составной частью не только экономические и социальные отношения, но и другие сферы культурной практики и производства. Представители школы «Анналов» добавили к этому свое понимание смысла культуры, включая в него и те нормы, ценности, идеи, которые бытовали в ту или иную историческую эпоху, социальное поведение и его символичность.

Представление о символичности в человеческой культуре становится одним из фундаментальных в историографии. «Все цивилизации создавались и сохранялись только при использовании символов. Все человеческое поведение состоит из символов или зависит от них. Символ является космосом человечества»³⁶⁰. В связи с этим особое внимание в историографии уделяется отныне исследованиям ритуалов, различных клише и словоформ, форм поведения, матримониальной сфере, так называемым «ментальностям» и др.

Исходя из этого, необходимо особо выделить признание историками необходимости исследовать так называемую «карнавальную культуру». М. Бахтин, преимущественно литературовед по характеру объектов своих исследований, но по сути большой историк, считал одной из задач историографии показать именно народную, «смеховую» культуру³⁶¹. И это не случайно. Именно в образах, символике народного смеха в моменты «карнавалов», когда привычная жесткая иерархия ослабляла свои тиски норм поведения и морали, была представлена информация о реальной народной культуре. В этих символах смеховой культуры были зашифрованы глубокие философские размышления о космосе, потоке, плодородии, идущие еще со времен первобытности. Феномен «снижения» высоких символов христианской веры и светской морали, властных отношений и т.п. открывает историкам возможность исследовать образы мышления и переработки действительности людьми прошлого. Надо лишь уметь увидеть и раскодировать эти источники.

«Культурная история»

Такая давно существовавшая сфера историографии, как история культуры, в корне отличается от «культурной истории». И не только подходом к самому определению понятия «культура», о чем уже говорилось выше, но и перемещением акцентов в изучении культурного содержания. Вышие достижения человеческой культуры являлись и достижениями верхних слоев общества. А то, как жили и как перерабатывали свою материальную реальность в культуру, создавая «вторую реальность», огромное большинство человечества — так называемые «простые люди», оставалось за кадром. Именно поэтому сегодня историки заявляют о необходимости изучать народную культуру (popular culture). Использование здесь английского термина вызвано реальной необходимостью подчеркнуть, что акцент в данном случае делается одновременно на понимании культуры как «низовой», «народной», «популярной». Это, безусловно, не означает, что культурные историки не исследуют проявления культуры «верхов». Так, история повседневности, например, изучает и жизненную реальность людей из высших эшелонов власти, аристократии, и рутину крестьян и ремесленников. И все-таки приоритеты многих культурных историков сегодня лежат в сфере исследования «народной культуры» (popular culture).

Таким образом, в отличие от социально ориентированной истории (к которой принадлежала и белорусская историография на протяжении «советского периода» своего развития) культурная

история делала акцент не на изучении объективных структур исторической реальности, а на то, как представлялась реальность людям прошлого.

Подобное «широкое» определение культуры подразумевает немалое, да и не простое «количество», а сложное взаимодействие разнообразных аспектов человеческого существования, связанных с поведением людей и технологиями, искусством и религией, бытовыми принадлежностями и манерой говорить, идеями и нормами общества. И в соответствии с тем, каких установок придерживается тот или иной писатель прошлого, обыгрывается его внимание к тем или иным аспектам культуры — исторического процесса.

История в чем-то подобна гобелену, сотканному из многочисленных нитей различных оттенков и цветов и посредством «многоуровневых» решений. Как показать место и значение каждого из составляющих этот «гобелен»? Одним из путей этого является конструирование междисциплинарных объектов исторического исследования (этому вопросу посвящена отдельная глава) — таких, как «гендерные стереотипы», «семья», «дискурсивные практики», «язык» и других, где пересекаются различные аспекты и уровни истории.

До недавних пор белорусские историки, живущие в условиях постсоветского пространства, занимались в основном исследованиями «традиционных» предметных областей исторического процесса. В то время, как в мировой историографии утвердилось исследование, связанные с изучением таких проблем, как питание в истории, телесность, половые отношения, рутинная работа, досуг и способы его проведения, привычки и т.п. (с различных уровней производства и потребления, символики, индивидуального опыта людей), в Беларуси такая работа находится лишь в самом начале. Она связана, главным образом, с попытками историков, пока еще интуитивными, воспользоваться данными этнографии или литературы (здесь следует отметить работы М. Пилипенко, А. Мицкевич, Т. Кухаренок, Т. Довнар, В. Ковтун, А. Львова, Т. Новогродского, Н. Слиж, А. Булич). В то же время они еще далеки от анализа взаимосвязи микроуровневых структур (например, семьи, института брака, воспитания, системы питания) с «большими силами» в истории, такими, как изменения в экономике, политических системах, и не ставят целью проследить эволюцию той же символики семейной обрядности, повседневной жизни, родов и т.п.

Не случайно часто происходящая в сознании историков непривольная подмена понятий, связанная с пока еще не устоявшимися в белорусской историографии статусами истории повседневности и «народной культуры». Опираясь этими терминами, белорусские историки зачастую не выходят за рамки истории материальной

культуры или этнографии. Так, употребляющийся в белорусской историографии термин «история питания» понимается лишь как «этнический элемент», в то время как исследователи историко-антропологической ориентации показывают, что «питание — фактор не только материальный, но и ментальный, так как зависит не только от климатических условий стран, уровня развития производительных сил и направленности хозяйственной деятельности в обществе, но и от всей совокупности представлений и ценностей (картины мира), свойственной его культуре, от культурных “кодов”, которые в свою очередь указывают на значимые ценности в бессознательных установках общества»³⁶².

Часто вызываемые дискуссии по поводу различий в макро- и микроподходах к истории могут быть проиллюстрированы на таком, ставшем уже почти хрестоматийным, примере. Представьте, что на одной и той же странице исторического сочинения приведены две фотографии времен второй мировой войны. В верхней мы видим крыло самолета, с которого падает бомба, и пересеченную местность, похожую с высоты на игрушечную карту. Надпись, гласящая, что за это время войны было сброшено столько-то бомб, показывает на макроподход к истории. Ниже мы видим фотографию, запечатлевшую сцену уже после падения одной из подобных бомб — тела людей, ужас и паника на их лицах, передающие кошмар военной реальности. Тем самым мы как бы соприкасаемся с опытом людей того времени, их условиями жизни, что уже является исследованием на микроуровне.

Современная историография во всем мире остро ставит вопрос о необходимости сочетания макроструктурного и микроантропологического уровней исторического исследования, проведении анализа индивидуальных социальных позиций, «взятых в переплетающихся контекстах формальных социальных групп (домохозяйства, профессиональные корпорации, религиозные общины, институты местного самоуправления) и неформальных (семьи, соседства, имущественные страты)». Неотъемлемой частью такого анализа должна быть и динамика индивидуальных жизненных циклов, где «биологические циклы жизни индивидов связываются с системой стратификации и социальными процессами в микроструктурах и обществе в целом»³⁶³.

Интересы и исторический опыт «маленького человека», которые были оставлены без внимания как политической историей XIX в., так и социальной историей XX в., условия его повседневной жизни и то, как эти условия испытывались, стали приоритетными объектами изучения для ведущих историков современности. П. Берк, К. Гинзбург, Н. Дэвис, К. Томас, Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби,

К.-Г. Фабер, Й. Рюзен и многие другие авторитеты «новой истории» ориентируются на написание культурной истории, где нарратив и индивидуум, микроподход играют центральную роль.

Таким образом, вопросы, связанные с жизнью «простых» людей, главных участников исторического процесса, их повседневностью, которая и составляла этот исторический процесс, проблемы передачи культуры через поколения, трансформации культурной памяти в истории еще должны найти своих исследователей и в Беларуси.

И все же представление о культуре будет упрощенным, если мы не рассмотрим ее многоуровневость. Действительно, культура не бывает гомогенной, она делится на пласты, уровни, бывает «высокая и низкая», «центральная и периферийная», «доминирующая и подчиненная».

Культура не бывает единообразной, как не бывает единообразным общество. В этом смысле корифей «новой культурной истории», «анналист» Ж. Дюби, высказывается о наличии в культуре не только уровней, но и направлений. Уровни культуры, как и топографии, располагаются и вертикально, и горизонтально. Дюби вводит вместо «уровней» понятие «культурная формация» (по аналогии с «социальной»). Он ставит вопросы: Как взаимодействуют «народная культура» и «элитная»/научная и др. культуры? Как происходит социализация «научной» культуры (письменности, алфавита, культуры книг)? В средневековье, например во Франции XII в., «народная» культура не была в ситуации простой дуэли с «культурой верхов», так как сами «верхи» зачастую были в конфронтации; ситуация была более сложной, комплексной. В задачу историка входит изучение именно таких обстоятельств.

Однако среди историков культуры, а ныне и «культурных историков», и историков в целом, традиционно существовало амбивалентное отношение к дихотомии «культура верхов» и «культура низов», «доминирующая — подчиненная», «высокая — низкая, поп-культура». Тем не менее эпоха модерна, особенно постмодерна, демонстрирует теснейшую взаимосвязь и взаимозависимость между этими уровнями культуры. К какому уровню историки будущего могли бы отнести, например, фильмы Ф. Феллини или А. Тарковского, ведь они являются результирующей обоих уровней.

«Я считаю, — говорит Ж. Дюби, — что если мы будем ограничиваться указанием на разрыв между классами, то тем самым ограничим исследовательское поле и обедним результаты работы. В нашей культуре, культуре каждого из нас, независимо от того, насколько мы образованны, существует “осадок”, ностальгия по “народной”

культуре. Можно ли говорить о созидательности “народа” и о том, что такое “народ”? Множество подобных вопросов стоят перед исследователями»³⁶⁴.

В то время как исследователи были всецело заняты изучением образцов «высокой» культуры, сформировавшихся в рамках ее идеологий, а вместе с ними и ценностей, и норм поведения людей, культурные явления, идущие от рядовых членов общества, формы, возникающие в недрах «низовой» культуры, оставались закрытыми для читателей истории.

С другой стороны, когда историки Запада пришли к новому увлечению — истории повседневности, распалось и без того хрупкое равновесие в исторической картине. В западной историографии создался «фетиш повседневности, чтобы, используя «широкие описания», способы, предложенные антропологами, установить все детали домашней жизни»³⁶⁵. Однако при такой детализации — уходе в детали домашнего хозяйства — вне поля зрения историков могут остаться сами отношения, поведение, представления, нормы, т.е. идеологические структуры, которые контролировали культуру в прошлом. В той же Беларуси картины быта в истории до недавнего времени были вотчиной этнографов, не ставивших в качестве принципиальной задачи анализ исторических реалий. Поэтому подобные проблемы пока практически не коснулись белорусской историографии, и слова Томпсона еще не кажутся даже иллюзорной угрозой, хотя такое «пока» действительно является временным.

Историки постсоветского пространства все более склоняются к изучению «подробностей быта». Более того, технологии как средства, позволяющие соединить объекты материальной культуры и нормы по их использованию, становятся сегодня многообещающими объектами исследований.

В то же время для многих историков воплощением подлинной истории являются и иные стороны культуры. Например, система «нормы — ценности — идеологии — власть» и движение ее составляющих стала лейтмотивом творчества идеолога постструктурализма М. Фуко. Центральным аспектом культуры М. Фуко считает отношения власти. Сквозь призму различных дискурсивных практик, будь то наказания в истории, сексуальность или безумие, Фуко стремится изучить эволюцию институтов власти и соответственно культуры.

«Культурных историков» зачастую обвиняют в смешении понятий «история» и «культура», в том, что они изучают «культуру человечества», подводя под нее все проявления его деятельности. Однако подобные обвинения не совсем оправданны. История не может быть «прошлым» сама по себе. Она есть продукт осмысления

сегодняшним историческим сознанием людей исторического опыта прошлого. Культура же являет нам «вторую реальность», т.е. ментальные представления, стереотипы поведения и восприятия, модели мышления, символические системы, обычаи, ценности, в которых воспринималась и передавалась людьми прошлого современная им жизнь. Выбор приоритетов определяет и уровни исторических исследований.

Контрольные вопросы

1. Как соотносятся макро- и микроуровневые исследования в истории?
2. Установите основные отличия «культурной истории» от «истории культуры».
3. Какое влияние оказала культурная антропология на микроисторию?

3.2. ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Ключевые слова

История повседневности, «мастерские» истории, историография Западной Германии (ФРГ), микроанализ, новый исторический синтез, «плотные» описания, локально-исторические рамки, частная ситуация, рабочая история, субкультура.

Вопросы для обсуждения

1. Роль обычного человека в истории.
2. Значение «антропологического поворота» для становления микроанализа в историографии.
3. Методологическая природа микроанализа.
4. История повседневности в тематическом ракурсе.

Решение ряда теоретических проблем современной исторической науки, расширение ее источниковой базы, выработка более эффективного исследовательского инструментария и другие стали возможными благодаря развитию новых направлений. К ним относятся и *история повседневности*.

В настоящее время достаточно убедительно определено место истории повседневности в истории исторической мысли как попытки переосмысления традиционных представлений о прошлом человечества. Это стало результатом «антропологического поворота» в мировой историографии, т. е. переноса акцентов изучения с глобальных структур на уровень повседневности, что предполагает совершенно иную оценку феномена человека и его роли в историческом процессе.

За прошедшие десятилетия во многих странах (Англия, Германия, США, Франция, Швеция и др.) сложилась довольно обширная историография по вопросам повседневности, а в некоторых — предпринимаются лишь первые шаги в этом направлении. Для историографической традиции, с одной стороны, характерна несомненная общность подходов, с другой — более или менее национальные особенности.

Становление истории повседневности

Первоначально в становлении истории повседневности определенную роль сыграли инициативные движения — «мастерские истории». Например, в ФРГ в конце 80-х гг. существовало около 40 таких подвижнических групп, насчитывающих свыше 300 человек³⁶⁶. В Западной Европе в целом к началу 80-х гг. насчитывалось 1600 научных исторических кружков, члены которых изучали подобного рода проблемы, в том числе условия труда на различных предприятиях, жилищный и другие вопросы³⁶⁷.

«Мастерские» истории ставили своей целью изучение повседневной жизни тех, кого называли «безымянными статистами» или винтиками общественных процессов. Деятельности подобных групп благоприятствовала обстановка внутренних демократических реформ, которые пробудили интерес к забытым традициям³⁶⁸. При этом осознание таких традиций постепенно сопровождалось пониманием более емкого характера панорамы, которая начала складываться в науке на основе изучения широкого исторического, социологического и этнографического материала.

Наиболее полное научно-теоретическое обоснование понятие исторической повседневности получило в историографии ФРГ. В конце 70-х — начале 80-х гг. несколько молодых исследователей из института истории им. М. Планка (Геттинген) предложили отказаться от изучения социально-политических структур и процессов и перейти к исследованию таких вопросов, которые ранее либо рассматривались с позиции неконструктивной критики, либо вообще замалчивались, в том числе роль «маленького» человека в истории, его повседневная жизнь, взаимоотношения с социальными структурами³⁶⁹. Этот вопрос диктовался не только стремлением приверженцев в истории повседневности «отстоять» человека в истории, но и тем, что само общество оказалось в состоянии кризиса. Развитие немецкой истории повседневности привело к тому, что в начале 90-х гг. она стала самостоятельным направлением, выходящим за рамки национальной историографии и играющим существенную роль в мировой исторической науке.

На Национальном конгрессе историков, состоявшемся в Ганновере (1992), была образована специальная секция «Что будет после истории повседневности?». Этот факт свидетельствовал о сформировавшейся группе ученых (А. Людтке, Х. Медик, Р. Ван Дюлмен и др.), признающих историю повседневности тем научным направлением, которое является своеобразной «корректировкой исторической науки и дает значительные шансы для новой оценки прошлого»³⁷⁰.

Группа сложилась на основе идеи консолидации различных направлений в социальной истории с ориентацией на ее междисциплинарность и сравнительный подход. В 1993 г. этой группой был налажен выпуск периодического издания «Историческая антропология. Культура. Общество. Повседневность», задачей которого провозглашалось «открытие» истории «через призму жизненных обстоятельств людей»³⁷¹. Оно действительно объединило ученых, работающих в Германии и за рубежом над различными проблемами социальной истории. Его статьи характеризуются многообразием тематики и подходов к их раскрытию — от социального портрета средневекового общества до сюжетов из гендерной, этноциальной и рабочей истории, от истории города до истории детства, частной жизни, от конкретного содержания, включая научную жизнь, до обзорного и методологического характера.

А. Людтке определяет историю повседневности как «детальное историческое описание устроенных и обездоленных, одетых и нагих, сытых и голодных, раздора и сотрудничества между людьми, а также их душевных переживаний, воспоминаний, любви и ненависти, тревог и надежд на будущее»³⁷². По его мнению, представления обычного человека, как и поступки, в значительно большей степени, чем это было принято полагать, зависят от его повседневного личного опыта. Такие общественные категории, как экономика, политика, идеология, законодательство, существовали и действовали лишь опосредованно, «просеиваясь» сквозь призму жизненного опыта людей, вызывая определенные ответные реакции и действия.

Повседневность — отражение массового сознания людей и их традиционные представления. Она понимается как частное выражение общественных процессов. Это комплексный объект, выступающий как единство многообразных функций или воплощение социальных связей, как исторически конкретная социально-пространственная форма существования общественной системы, воспроизводящей и концентрирующей ее основные элементы и отношения. Повседневность — одна из наиболее устойчивых форм общественного развития: меняются политические системы и ре-

жимы, идеология и ее социальные носители и др., но повседневность остается незабываемой константой исторического процесса. Она играет существенную роль в определении форм социального поведения, выступает важным средством выражения духовных запросов и идейных ориентиров различных слоев общества.

Заложив современные основы истории повседневности, германские исследователи наполнили ее собственными категориями. Одна из них – способы «присвоения мира» (*Aneignung*)³⁷³. Суть *Aneignung* состоит в том, что человек, оказавшись в той или иной жизненной ситуации, будет вести себя в соответствии со своим мировоззрением, отношением к действительности, зачастую не следуя определенным социальным нормам. Объяснять поведение человека приходится не с точки зрения бездумного подчинения его системе групповых норм, а с позиции вариативности ситуации и неповторимости каждого человека. В этой связи А. Людке приводит в качестве примера традицию празднования 1 Мая – дня национального труда в гитлеровском рейхе. Большинство немцев сознательно шло в этот день на митинги, демонстрации, поддавшись нацистским идеям. Однако многие участие в подобных акциях расценивали как лишний шанс увеличения заработной платы, повышения по службе и др.³⁷⁴

Характер взаимоотношений между людьми, гарантирующий социальную упорядоченность, ставит каждого человека перед необходимостью выбора сложных жизненных решений, принятие которых самым непосредственным образом затрагивает его интересы. Чем обусловлен его выбор стратегии своего поведения, которое является серьезным элементом формирования картины мира? А. Людке убежден в том, что все определяется характером человека, его своенравностью и упрямством (*Eigensinn*), игнорированием общих групповых установок.

Таким образом, *Eigensinn* выступает другой важной категорией истории повседневности, означающей своеобразную форму социальной организации индивида, в генезисе которой условно можно выделить два этапа: на первом этапе происходит кристаллизация определенных черт характера субъекта (самоуверенность, самоуважение, своенравность и др.); на втором – все более определенно обнаруживаются тенденции к конфронтации между субъектом и сложившимися в обществе социальными структурами. В этих условиях, поскольку сама система общественной организации на протяжении длительного времени аккумулировала, как правило, исторический опыт в области управления социальными процессами и стала способной успешно противостоять всем социальным инновациям, индивид чаще всего вынужден был реализо-

вывать себя в ограниченном пространстве. Например, стремление заводских рабочих избавиться от контроля администрации было причиной роста авторитарных тенденций в собственных семьях³⁷⁵.

На это обстоятельство обращает внимание также историк Р. Зидер, констатируя тот факт, что сопротивление переменам в семейной жизни было частью борьбы за самоуважение и идентификацию. Если на предприятии рабочий находился в рамках жесткой производственной иерархии, под постоянной угрозой увольнения из-за колебаний рынка, то в семье он мог относительно самостоятельно принимать решения³⁷⁶.

В истории повседневности, считают ее сторонники, целесообразно выделить проблему насилия. Американская исследовательница Д. Вирлинг высказала мысль о том, что повседневность становится своего рода бастионом простого человека против всего угрожающего насилия государственной власти³⁷⁷. Власть в данном случае выступает не только в качестве норм, установок и предписаний, регламентирующих повседневную жизнь, но и как социальная практика. В результате этого общественные процессы принимают форму сложной диалектики и модели развития, в рамках которого имеет место и взаимодействие, и конфронтация людей и власти³⁷⁸.

Традиционная формула, в которой человек подчинен системе, объясняется способностью власти на основе экономических и социально-политических институтов осуществлять экспансию, т. е. интегрировать общество в единый, монолитный организм. Такой взгляд на природу насилия является господствующим в современной исторической науке. Реже раскрывается иная сторона: став заложником государственной власти, человек постепенно становится гарантом ее внутренней стабильности и функционирования. Такая характеристика является не менее важной при раскрытии феномена тоталитаризма. Например, изучение немецкими историками определенного комплекса источников (дневников, личных записок и т. д.) периода фашизма Германии показало, что сопротивление в гитлеровском рейхе носило единичный, аномальный характер. Наоборот, большинство обычных немцев были не только лояльны к полицейским акциям фашистов, но и нередко их инициировали³⁷⁹. Выдвинутая новым поколением ученых концепция истории повседневности как «исследования преломления скрытых мотивов и результатов деятельности»³⁸⁰ человека состоит в том, что не только структуры предопределяют мысли людей и ограничивают рамки их поступков, но и люди могут (и должны) иметь собственную стратегию поведения. Социальный

человек — это индивид, окруженный прочным барьером условий. Он осваивает мир и сам приспосабливается к нему, создавая в повседневной жизни предпосылки устойчивого воспроизводства социальных отношений. В силу этого субъект истории выдвигается на передний план микроанализа как фигура, в повседневной деятельности которой «преломляется зависимость от общества и свобода творчества»³⁸¹.

Признание исторической наукой повседневности в качестве важнейшего компонента социальной реальности и научного знания влечет за собой ряд последствий принципиального характера. Оно предполагает отказ от рассмотрения исторического развития с точки зрения теории прогресса и модернизации, которые предлагают обществу всеобъемлющий проект переустройства и не учитывают многих обстоятельств, в частности таких, как менталитет человека, его повседневную жизнь.

Интегративный характер категории повседневности и заявленные ей задачи («новый исторический синтез», «тотальная история») обусловили тот факт, что социальная история постоянно вбирала в себя и перерабатывала различные части гуманитарного знания (социология, историческая демография, психология, структурная, социальная и культурная антропология и др.). При этом обогащались ее теоретико-методологический арсенал и язык объяснения.

Немецкий историк Ф. Ульрих убежден, что такой поворот в историографии в принципе соответствует логике развития науки, когда в определенный период времени к какой-нибудь области проявляется повышенный интерес со стороны научного сообщества, и она становится весьма популярной. «Почти без шума, совершенно мирным образом, — пишет он, — в германской исторической науке произошла смена перспектив — от изучения разреженной атмосферы канцелярий и салонов, деяний верховных лиц и государственных событий, от анализа глобальных общественных структур и процессов она обратилась к малым жизненным мирам, серым зонам и нишам повседневности»³⁸². И далее: можно не только утверждать, что разработка и освоение в истории такого сложного многоуровневого объекта, каковым является повседневность, позволили германской историографии совершить большой рывок в количественном накоплении знаний, но и говорить о теоретико-методологическом прорыве, о формировании новой концепции и смене парадигмы исторического знания в недалеком будущем. Это сложное обобщение богатого конкретного материала с целью выделения из всей мозаики событий наиболее существенных моментов, в фокусе которых можно вычленить качественные преобразования изменяющейся социальной системы.

История повседневности как научное направление

Как и всякое научное направление, история повседневности имеет свою источниковую базу и проблематику исследований, свою методологию.

Методология. Зарождение истории повседневности вызвало необходимость обращения к сопряженным наукам, в рамках которых накоплен достаточный опыт, ценный для ее исследования. Одной из таких дисциплин явилась этнология. Исследователь Х. Медик провозгласил «этнологический стиль исследования» парадигмой для социальной истории, «дающей возможность реконструировать единую историческую взаимосвязь»³⁸³.

Это положение Г. Медика базировалось на ранее выдвинутом американским этнологом Г. Гиртцем принципе о том, что «мелочи» помогают изучать глобальные вопросы, а прием так называемого «плотного описания», отличающегося «отчетливо выраженной взаимосвязью с мельчайшими подробностями», дает возможность интерпретировать «интенции поведения людей»³⁸⁴. И хотя, как отмечает А. Людтке, такой подход не является универсальным рецептом, опираясь на него, можно выявить «потенциал и феномен исторической практики, которая создается людьми»³⁸⁵.

В силу определенных условий, когда историческая наука в течение XX в. испытала влияние различных дисциплин (социологии и исторической демографии, социальной и культурной антропологии, лингвистики и литературной критики, психологии и др.), «плотные описания» стали основой метода, который в понятийном аппарате *Alltagsgeschichte* стал обозначаться как микроанализ. В своем системном виде он реконструировался в рамках школы «Анналов», американской и британской социальной истории, в историографии Италии. Представители итальянской социальной истории рассматривали микроанализ как индивидуализированный подход и утверждали, что его сущность сродни художественному творчеству и постижение прошлого средствами «понимания», «вживания» в него одновременно предполагает отбор исторических фактов и их истолкование³⁸⁶.

Особенностью является сознательное ограничение масштаба наблюдения в пространстве и времени, что ставит вопрос о реальной ценности такого подхода. Традицией становится изучение меньших в пространстве и времени ареалов, повседневной жизни их населения, в которой коренятся все проявления человеческой активности и которая предстает наиболее глубинным (по М. Блоку,

«особой мерой плотности»³⁸⁷) измерением исторических процессов. По словам Г. Медика, эти локально-исторические рамки позволяют по-новому объяснить такие понятия, «как бюрократическое государство, индустрия, капитализм, семья и др.»³⁸⁸.

Методологическая природа принципа микроанализа проявляется в том, что он выступает в качестве конкретного научного норматива исследования. Его уникальность — в способности фрагментации объекта исследования на определенных срезах, в выявлении того необычного, казуального с точки зрения историка, в котором спектрально отражается вся гамма социально-экономических, общественных и человеческих отношений. Отталкиваясь от «частной ситуации», микроисторик пытается реконструировать сам способ, посредством которого индивиды строят социальный мир. Ж. Ревель считает, что микроисторики прежде всего изучают противоречивые и, во всяком случае, неоднозначные опыты и социальные представления, посредством которых люди действуют. Они предлагают «перевернуть наиболее распространенный у историков подход, когда исследователи в своем анализе отталкиваются от глобального контекста, и начинать собирать воедино множество контекстов»³⁸⁹.

Одним из методов, используемых в истории повседневности является интервью — непосредственный опрос участников исторических событий. Это не просто постановка определенных вопросов, а выяснение роли социальных обстоятельств «в конструировании повседневности»³⁹⁰. В ходе исследования ученый составляет анкету вопросов, или «биографический путеводитель», используемый при интервьюировании, что позволяет субъекту органически связать свой рассказ, обращая внимание на все фазы жизненного цикла (детство, юность и т. п.) и те их сферы (семья, карьера и т. п.), которые значимы для него и интересуют историка.

Источниковая база. Проблема источниковой базы истории повседневности состоит в том, что приемы микроанализа далеко не в равной степени применимы к различным историческим эпохам. Глубина реконструкции, например, повседневной жизни средневековья будет гораздо меньше, чем эпохи нового или новейшего времени вследствие неполноты источников. Не случайно развитие истории повседневности привело к коренному изменению источниковедческого сознания — «совокупности бытийно присущих той или иной историографической ситуации знаний, представлений об исторических источниках и путях их изучения, теоретико-методологических построений, методических схем, классификационных установок, явных и неявных форм канонов, невербализованного исследовательского опыта»³⁹¹. Основной упор делался

на исследование потенции юридических норм вне анализа особенностей их реального применения и действия в конкретно-исторических условиях, наложения сложного правового поля на весь комплекс факторов, объединенных понятием «социальная среда», и, безусловно, на ее действующее лицо — «рядового человека». В связи с этим меняется статус тех источников, которые ранее считались «второстепенными»: писем, дневников, жалоб и заявлений граждан и т.д. При этом немаловажное значение имеют фотоснимки, которые часто игнорируются³⁹².

Нередко исторические источники «реконструируются» исследователями при помощи методов устной истории (Oral History), представляя собой информационно емкие, специфичные по внутренней и внешней форме источники, своеобразно отражающие действительность. Немецкий исследователь В. Шульце объединяет эти источники понятием «эго-документов». «Общим критерием таких материалов, — подчеркивает он, — является их способность давать представление о добровольном либо подвергшемся целенаправленному внешнему воздействию мировоззрении людей в стране, семье, социальной группе. С помощью таких источников можно реконструировать взаимосвязь “человек-система”, фундаментальную в себе человеческие страхи и ценностные ориентации»³⁹³.

Проблематика исследований. Введение в оборот новых исторических источников закладывало ориентацию на преодоление жесткой заданности сюжетов исследования. Особенно показательна в этом отношении история рабочего класса — одной из самых многочисленных социальных групп в индустриальном обществе. Если ранее вектор исследования был направлен на анализ форм протеста (профсоюзное движение, стачки, забастовки и др.), то позднее «рабочая история» эволюционировала в сторону исторической антропологии и в контексте такого обновления все более популярной становится повседневная жизнь рабочих. Классическим образцом «рабочей истории» является работа немецкого исследователя А. Людтке, где прослеживается повседневная действительность рабочего, его жизненные установки, стратегии поведения в эпоху кайзеровской империи и в период национал-социализма³⁹⁴.

Традицией истории повседневности стало изучение народной культуры, которая объединяет в себе систему ценностей, понятий, обычаев, верований «плебейской прослойки» (Э. Томпсон). По словам известной исследовательницы Н. Дэвис, историю карнавалов и праздников, торжественных церемоний и посиделок можно прочитать с той же пользой, что и дневник, политический трактат, проповедь или свод законов³⁹⁵. Принципиальный вопрос состоит

в том, существует ли народная культура самостоятельно либо испытывает необратимое влияние элитных социальных групп (знати, церковников и др.).

В изучение народной культуры большой вклад внесла группа под руководством профессора из Саарбрюкена (ФРГ) Р. ван Дюльмена³⁹⁶. В центре ее исследований, охватывающих период «осени средневековья» (Й. Хейзинга) и начало возникновения буржуазного общества, стоят проблемы веры/неверия, магии, феномена карнавала, преследования ведьм. Благодаря введению в оборот новых источников (автобиографических записок, отчетов инквизиции, судебных дел и др.) удалось реконструировать повседневную культуру раннего и позднего средневековья³⁹⁷.

Через призму повседневности ученые попытались раскрыть феномен тоталитаризма. Несмотря на наличие огромного количества исследований в этой области, до сих пор не выяснено главное — социальная поддержка режимов. Историки повседневности считают, что тоталитарный гитлеровский режим опирался не только на террор и пропаганду, но и на значительный уровень общественного консенсуса германского общества 30–40-х гг. Значительный процент общественного настроения приходился на долю осознанной поддержки власти.

В то же время историки склонны считать, что нацистская идеология не всегда «срабатывала» на уровне повседневности и усилия пропагандистов давали часто «совершенно иные результаты»³⁹⁸. Имели место явления внутреннего неподчинения и нонконформизма, выражающиеся в появлении субкультуры в молодежном движении, различных неформальных группировок. Их члены собирались на тайных квартирах, обсуждали политические проблемы³⁹⁹. Субкультура была также направлена против насаждаемого повседневного аскетизма, табуирования сексуальности и др. Иначе говоря, фашистская идеология не вживалась неизменно, а воспроизводилась в сознании в модифицированном виде.

Появление истории повседневности дало шанс преодолеть сложившуюся привычку к широким умозрительным обобщениям, в которых нивелировались асинхронность, социальная противоречивость и разнородность картины мира в сознании человека. Через изучение отдельных «сегментов», многообразных форм восприятия людьми своего опыта, отношений на производстве и в быту открывались возможности понимания специфики групповых и личностных идентификаций в обществе. В конечном счете такой подход давал основание германской историографии по-новому реализовывать ее потребность в достижении идеала исторического синтеза.

Контрольные вопросы

1. Что такое повседневность?
2. Какими категориями оперирует немецкая школа истории повседневности?
3. Каковы приоритетные источники в истории повседневности?
4. История повседневности в нашем опыте.

3.3. ГЕНДЕРНАЯ И УСТНАЯ ИСТОРИИ

Ключевые слова

Феминизм, андроцентризм, женская история, гендер, гендерная история; «история снизу», устная история, интервьюирование, интерпретация.

Вопросы для обсуждения

1. Объективная необходимость в написании «истории женщин».
2. Гендерный статус и иерархия в историческом масштабе.
3. Устная история: теоретические основания, подходы и методы.

Гендерная история

Разочарование в глобальных объяснительных схемах и универсальных концепциях в эпоху постмодерна коснулось всех сфер общественного сознания – политической, научной, а также исторической. Это разочарование породило интерес к новой стороне исторического процесса, которая вытеснялась ранее политической, экономической, социальной историей. Эта сторона истории связана с опытом определенных групп людей и народов, их стремлением к идентификации. В результате ранее «выключенные» из истории темы приобрели самостоятельность – женская история, устная история, история национальных меньшинств (например, американских индейцев или афроамериканцев) и другие.

Кроме того, следует подчеркнуть, что эти новые направления в историографии были связаны со стремлением исследователей поставить человека и его опыт во главе исторической работы. Антропологизация исторических исследований и их переход на микроуровень нашли отражение и в расширении «территории истории» за счет включения в нее таких сфер, которые были связаны с деятельностью женщин. Доминировавшие до недавнего времени истории – событийная, политическая, экономическая, избиравшие в качестве своих исследовательских объектов «видимые»,

«неподвижные» пласты истории, абсолютно игнорировали ту часть жизни общества, которую принято называть «приватной» и где традиционно доминировали женщины.

Такое исключение женщин из поля зрения исследователей было обусловлено исторически: на протяжении столетий женщины устранились из публичной жизни и властных сфер, что делало их практически «невидимыми» для историков. Поскольку история представлялась полем битв, политических, дипломатических, экономических перипетий, то частная, семейная, сфера жизни казалась не заслуживающей внимания. С другой стороны, мы не можем сказать, что историография античности, средневековья или Нового времени не оставила ярких женских образов, однако все они — и Жанна Д'Арк, и Екатерина Великая, и Ефросинья Полоцкая — вошли в нее как раз благодаря тому, что вели себя, выходя за рамки «женских» моделей поведения.

Более того, большинство мыслителей от античности до Нового времени считали, что положение женщины обусловлено ее биологической природой, и, употребляя понятие «человек», имели в виду — «мужчина». Это представление становится настолько общепринятым, что даже в наши дни мы слышим его отголоски, словно «проказа и прокаженные исчезли, но осталась сама структура» (М. Фуко).

Современные исследователи связывают подчиненное положение женщины в обществе с гендерным разделением труда, начало которому было положено в период перехода от охоты и собирательства, предполагавших равные доли мужчины и женщины в хозяйстве, к земледелию и скотоводству, усиливших роль мужчины и закрепивших стереотипы «мужчины—добытчика» и «женщины—хранительницы очага». Социальное неравенство, имущественные интересы и властные отношения нашли отражение в гендерной стратификации общества.

Андроцентристский (от греч. andros — мужчина) подход культивировался в истории со времен античности, где женщина не являлась субъектом гражданского права, поскольку считалась неспособной выйти за рамки своего природного предназначения и соответственно частно-семейной сферы существования. Так, «в античности женщины [и дети] жили совершенно удаленно [от мужчин]. Они редко показывались в общественных местах, оставались в своих комнатах, редко ели со своими мужьями, они редко проводили вместе дни»⁴⁰⁰.

Классическая Греция дает нам пример свободного гражданина — мужчины и его жены, не имевшей этого статуса, не выходявшей за рамки своего хозяйства и семьи. Неравенство между мужчинами

и женщинами затрудняло их близость в духовном, интеллектуальном плане. Этим часто объясняют бисексуальность античного общества. Так, Плутарх констатировал: «Любовь не имела ничего общего с женской половиной»⁴⁰¹.

Подчиненное положение женщин и их исключенность из публичной сферы сохранялась и на протяжении средневековья, и в Новое время. «Естественной дефективностью» женщин объяснялся их низкий социальный статус (Фома Аквинский). Женщина, как пишет Ж. Дюби о Франции XII в., имела две ипостаси: тело ее принадлежало мужу, а душа — Богу⁴⁰². С наступлением Нового времени появляются иные ноты в понимании «женского вопроса», хотя в целом либеральная теория этого периода «демонстрировала ограниченность в вопросе распространения эгалитарных прав на новые группы граждан: женщинами пренебрегали просто потому, что они женщины»⁴⁰³. Несмотря на то, что многие мыслители считали, что социальный прогресс и смена периодов совершаются пропорционально прогрессу женщин к свободе, а падение социального — пропорционально уменьшению свободы женщин» (Ш. Фурье, 1808), на практике даже после Французской революции женщины были исключены из политической, социальной и экономической сферы.

Хотя некоторые исследователи считают салоны XVII в. уже первой формой женского движения, о настоящем зарождении женского самосознания можно говорить только со второй половины XIX в. Именно тогда появляются первые феминистки-суфражистки (от англ. *suffrage* — право голоса) в Великобритании, а затем и в других странах. Широкое движение за избирательные права женщин и общая революционная ситуация дали свои плоды: в 1905 г. в Финляндии, а затем в 1918–20-е гг. в Бельгии, Германии, Канаде, США женщины получили право голоса.

После бурного всплеска женского движения последовал период некоторого застоя, что было связано со многими факторами. В частности, успехи суфражизма, военные трудности, рост промышленности и качественный скачок в устройстве быта на некоторое время приостановили развитие феминистского движения.

Однако уже в 1960-е гг. начинается новый период, часто называемый «женским возрождением», связанный, с одной стороны, с ростом политического участия женщин, осмыслением социокультурных ролей полов, включением женщин в орбиту философской мысли. Все это привлекло внимание к важности постановки проблем, связанных с репрезентацией женских сфер в истории, и рождению нового направления в исследованиях — «женской истории».

Говоря о женской истории, следует сделать терминологическое уточнение: английский вариант названия *women's history* предоставляет возможность двоякого перевода — как «женская история» и «история женщин». И хотя, строго говоря, последний перевод грамматически более корректен, тем не менее идеологически возможно употребление термина «женская история». Такая оговорка не случайна, поскольку это направление в целом начиналось с признания того факта, что вся история, существовавшая до сих пор, является по своей сути «историей мужчин», предполагавшей изучение «мужских» сфер деятельности и «мужской взгляд» в интерпретациях, основанных на представлениях, ценностях и даже документах мужчин.

Нельзя не отметить, что попытки пересмотреть историю с этой точки зрения осуществлялись и ранее, тем более что и сами идеи феминизма возникли очень давно. Феминистическая мысль имеет долгую историю, и мы отошлем читателя к специальной историографии⁴⁰⁴.

На волне феминистского движения сформировалась убежденность в необходимости исследований, призванных «восстановить справедливость в отношении «забытых» предшествовавшей историографией женщин». В результате (конец 1960-х — начало 70-х гг.) широко распространились исследования, авторы которых стремились, во-первых, восполнить этот пробел и написать «историю женщин», и, во-вторых, дать «женский взгляд» на исторический процесс. Эта установка на создание особой «женской истории» господствовала до середины 1970-х гг. и сочеталась со стремлением объяснить наличие конфликтующих интересов и альтернативного жизненного опыта женщин разных социальных категорий, опираясь на феминистские теории неомарксистского толка, которые вводили в традиционный анализ фактор различия полов и определяли статус исторического лица как специфическую комбинацию индивидуальных, половых, семейно-групповых и классовых характеристик⁴⁰⁵.

Следует отметить, что в этот период историки, стремясь найти и исследовать «женский вклад», в большинстве случаев оказывались в плену маскулинного типа культуры, который предполагал счет ценностей с «мужской точки зрения». «Когда тема женщин только появилась в исторической литературе, — пишет американский историк А. Кредитор, — слишком часто она сводилась к изучению женщин как компонента домашнего хозяйства и детопроизводства или к исследованию личностей женщин, проявивших себя чем-то экстраординарным»⁴⁰⁶. Тем не менее именно тогда феминистская

теория приходит к анализу властных отношений как основному источнику гендерного неравенства и изучению механизмов работы социальных институтов, проводящих это неравенство в жизнь.

К началу 1980-х гг. феминистская теория переходит на новый виток развития, а вместе с ней изменяется облик и женской истории. Огромное значение для ее теоретического и методологического обновления имело конструирование категории «гендер», создавшей новые возможности для междисциплинарного, кросс-культурного, исторического анализа. Следует отметить особый вклад в теоретическое обоснование гендерного подхода к истории, сделанный феминистскими исследователями Дж. Скотт, Н. Дэвис, Ш. Роуботэм, М. Лэйк. Именно в этот период новое поколение постмодернистски ориентированных сторонников феминистской теории доказывает, что «пол» — это социально-культурная конструкция, и следовательно в каждом конкретном обществе существуют собственные гендерные стереотипы и понимание гендерных ролей⁴⁰⁷. Понятие гендера как социокультурной конструкции пола становится центральным в исторической науке уже в 1980-е гг. и сегодня наряду с категориями «класс», «раса» является ключевым в исторических исследованиях.

Так, исследовательский опыт в отношении гендерного подхода прошел трансформации от полной «невидимости» женщин в истории через признание их несправедливо «маргинального» положения и лозунга изучения женщин «в их собственных терминах» (т.е. с позиции женщин) к тому состоянию, когда достижения феминистской мысли вносят коррективы в традиционные теории и дисциплины. «Гендер, — пишет австралийский историк М. Лэйк, — подобно троянскому коню позволил нам влиться в поток традиционной истории, но не с намерением добавить свои исследования, а со стремлением переписать ее»⁴⁰⁸.

Следует подчеркнуть, что категория «гендер» с самого начала носила междисциплинарный характер, связанный с теми разнообразными сферами и влияниями, которые накладывались на факт принадлежности человека к биологическому полу, — социально-политическими, культурными, экономическими, психологическими (статус в обществе, отношение к власти, карьера, заработная плата, культурные стереотипы поведения, характер труда, особенности психики и т.п.). С момента введения в научный оборот «гендер» был призван исключить «биологический и психический детерминизм, который постулировал неизменность условий бинарной оппозиции мужского и женского начал». Поскольку гендерный статус, гендерная иерархия и модели поведения задаются

не природой, а предписываются институтами социального контроля и культурными традициями, гендерная принадлежность оказывается встроенной в структуру всех общественных институтов, а воспроизводство гендерного сознания на уровне индивида поддерживает сложившуюся систему социальных отношений во всех сферах. Такой факт взаимообусловленности гендерного статуса, властных отношений, собственности, проявлений в культурной сфере предполагает междисциплинарный характер использования категории «гендер».

Гендерная история, которая начинает свое развитие в нашей стране, уже давно и прочно утвердилась в западной историографии. Так, «женские исследования» (Women's Studies) получили настолько широкое признание во всем мире, что уже вошли в состав специальностей, по которым можно защищать диссертации и получать докторскую степень (Ph.D.). По данной специальности преподаются более 200 различных курсов. Свыше 100 различных феминистских изданий, посвященных культурно-исторической тематике, включают такие популярные журналы, как *Frontiers: A Journal of Women Studies*, *Signs: Journal of Women in Culture & Society*, *Women's Studies Quarterly*, *Gender and History*, *Journal of Women's History*, *Women's History Review* и др.

Под влиянием свойственной постмодерну ситуации междисциплинарности, исследователи «женской истории» и приверженцы гендерного подхода (понимающегося как рассмотрение любых исторических процессов и событий с точки зрения гендерной стратификации) принимали самое непосредственное участие в становлении многих новых направлений современной историографии: устной истории, истории повседневности, микроистории.

Представление о гендере как социокультурной конструкции пола, как всех тех отношений, статусов, ролей, которые накладываются на человека в обществе в зависимости от того, является ли он мужчиной или женщиной, включается в общий культурный дискурс современности.

Индивидуализация тем исторического исследования, антропологическая заинтересованность в истории привели к пересмотру некоторых категорий исторического исследования. Так, принятые в «традиционной» историографии «народные массы», «народ», «производительные силы» и другие абстрактные, «бестелесные» категории не могут быть единственным предметом исследований современных историков. «В то время, — пишет М.Хоувелл, — как сегодня многие историки все еще заняты написанием биографий, истории маневров и хроники дипломатии, тщательной до болезненности датировкой манускриптов, они уже больше не контро-

лируют дисциплину. То, что в группу историков, признающих повседневную жизнь, экономические процессы, социальные структуры как неотъемлемую составляющую истории, входят наиболее видные историки двух последних десятилетий — Лоуренс Стоун, Эммануил Ле Рой Ладюри, Филипп Ариес, Кристофер Хилл, — говорит о триумфе категорий *класс, раса, этничность, гендер*⁴⁰⁹.

Современные гендерные исследования осуществляются преимущественно в направлении сочетания «традиционных» для историков проблем социально-экономического плана (с учетом нового содержания, вкладываемого в понятие «социальное»), антрополого-семиотического подхода и ключевых аспектов гендерных взаимодействий, преподнося тем самым не только новые выводы, но и открывая новые поля. Так, особой популярностью пользуются исследования, посвященные процессам взаимодействия гендерных различий и экономических преобразований, социальной политике, культурной символике и стереотипам, матримониальному поведению и др.

Особое место в исследованиях занимают проблемы, связанные с модернизацией общества. Актуальными остаются вопросы, поставленные в классической работе Э. Кларк «Трудовая жизнь женщин в XVII в.» (1919), о том, что развитие капитализма на раннем этапе имело отрицательные последствия для женщин. Многие исследователи отмечают, что в экономике, основанной на принципах конкуренции и наемного труда, дискриминация женщин была более заметной, чем в традиционном крестьянском хозяйстве. В то же время именно переход к капитализму дал женщинам возможности для самоосознания, стирая границы «традиционного» гендерного разделения труда.

Еще в 1930-е гг. М. Бирд предприняла попытку проследить достижения женщин, их социальную роль и вклад в жизнь общины («Америка глазами женщин», 1934; «Рождение американской цивилизации», в соавторстве с Ч. Бирдом, 1927, и др.) Во второй половине XX в. внимание к проблеме роли женщин в производстве возросло за счет исследований экономики со времен колоний до наших дней, законодательства, показателей заработной платы, условий труда и т.д.

Популярными темами исследований становятся семейная жизнь, институт брака, мораль, т. е. те сферы общественной жизни, которые традиционно относили к «приватным», «женским» (Г. Лернер, Б. Велтер, Ж. Дюби). При этом, если в 1970-е гг. приоритетными были социально-экономические аспекты этой проблематики, то в 1980–1990-е гг. четко обозначился акцент на культурной символике.

Эта «семиотизация», характерная для многих историографических направлений, подразумевает «расшифровку» исторических источников с точки зрения наличия в них гендерной символики. Такой подход позволяет изучать архитектурные памятники, материалы инквизиции, лубочные картинки, приходские книги, переписку, мемуары и многие другие виды источников, ранее практически не попадавшие в исследовательское поле историков.

Один из пионеров гендерных исследований Н. Дэвис, говоря о тонкой грани между поэзией и историей, подчеркивает роль воображения историка, который призван услышать «голоса из прошлого»⁴¹⁰. Исследование ученой, ставшее уже классикой, фокусируясь на гендерных отношениях, рисует красочную картину народной культуры во Франции начала Нового времени⁴¹¹.

Разнообразные виды источников использует и Ж. Дюби, анализируя институт брака в средневековой Франции. Литературные произведения, частная переписка женщин и духовников, архитектурные памятники, скульптуры, художественные изображения, — все несет на себе отпечаток культурной символики, являясь той самой «второй реальностью», которую создают люди⁴¹².

Семиотическая направленность современной гендерной истории расширяется за счет изучения культуры потребления, языка, моды, быта, досуга и т. д.⁴¹³

Говоря о новых направлениях в современной историографии, нельзя не отметить их тесное переплетение как на уровне исследовательских объектов, так и на уровне технологий. Гендерная история, микроистория, история повседневности, устная история, несмотря на разногласия между их последователями, имеют под собой родственные основания, связанные со вниманием к индивидууму в культурном контексте или в локальном сообществе, с акцентом на изучении «опыта».

С самого начала своего развития женская/гендерная история шла рука об руку с таким направлением, как устная история, которая также занимала прочное место в исследованиях западных историков начиная с 1960-х гг.

Устная история

Первоначальная идея, давшая толчок бурному развитию исследований в рамках устной истории, состояла в признании необходимости интервьюирования свидетелей и непосредственных участников событий и процессов прошлого с целью исторической реконструкции. В то время как интервью с членами социальных

и политических элит служили лишь дополнениями к существующим документальным источникам, те, кто стоял у истоков устной истории (П. Томпсон, Р. Самуил, К. Гиртц, Р. Грили и др.), преследовали иную цель: «заключить внутрь исторического источника, созданного в результате интервьюирования, опыт и перспективу тех групп людей, которые обычно оставались «спрятанными от истории»⁴¹⁴.

Первый проект по устной истории был организован американским исследователем А. Невинсом в Колумбийском университете в Нью-Йорке в 1948 г. Его интересы лежали в записи и сохранении интервью с представителями элиты белых мужчин. В отличие от него английские исследователи в 1950–60-е гг. (например, Г.Э. Эванс) направляли свои усилия на запись опыта так называемых «простых» людей — представителей рабочего класса. В целом исследования историков этого периода отвечали лозунгу создания «истории снизу», распространившемуся в мировой историографии.

В 1960–70-е гг. устная история получает сильный импульс к развитию со стороны истории афроамериканцев (А. Хайли). Следует отметить большой интерес, проявляемый исследователями маргинальных культур, к такому новому виду источников, как интервью. Отсутствие собственной писаной истории, давние традиции устного исторического сознания укрепили популярность устной истории в таких регионах, как Южная Африка, США, Италия и многих других.

Устная история бросила вызов традиционной истории и в другом смысле: от исследователей требовалось теперь знание таких техник интервьюирования, которые пересекали рамки различных дисциплин — социологии, антропологии, психологии и лингвистики. Устная история зависела в большей степени от отношений между историком и его источником. Рассказчик не только «вспоминал» прошлое, но и интерпретировал его. Более того, некоторые историки видели свою цель не столько в реконструировании прошлого и создании нарратива, сколько в оказании помощи индивидуумам или социальным группам в процессе идентификации. В этом случае сам процесс интервьюирования представлял «терапевтическое» средство, «поиск себя» и своего места в истории.

Бросая вызов ортодоксальной историографии в плане использования исторических источников, методов и исследовательских задач, устная история породила множество споров. Пожалуй, самыми значительными среди них были и остаются споры вокруг достоверности памяти и природы интервьюирования, а также о соотношении памяти и истории, прошлого и настоящего.

Это, в свою очередь, породило нерешенные проблемы, связанные с возможной субъективностью исследователя и трудностями интерпретации. Кроме того, поскольку устные историки имеют дело с процессами памяти, то разработка и постановка вопросов, интервьюирование и интерпретация должны основываться на готовности и умении слушать, внимании к интервьюируемому и точности в процессе коммуникации. С этой целью исследователи используют различную технику интервьюирования, специально подготовленные опросники, знание психологии, необходимые для того, чтобы правильно обращаться с такими явлениями человеческой памяти, как конструктивные ошибки, рефабрикация под влиянием общественных стереотипов, бессознательное подавление и забывание.

Важнейшими звеньями в процессе создания устной истории являются интервьюирование и интерпретация. Чаще всего современные исследователи готовятся к интервью, составляя специальные опросники, ориентированные на исследовательские задачи. Поскольку во время интервью рассказчик вынужден вспоминать события прошлого, устные историки используют специальные методы, стимулирующие мнемонические процессы (визуальные техники — карты, планы местности, фотографии, диаграммы и т.д.)⁴¹⁵.

Записанные материалы историк должен расшифровать, и здесь вновь возникает проблема интерпретации. Хотя уже само интервьюирование может обнаружить противоречия между идеологией, мифологией и реальностью, интерпретация также таит опасность ложных заключений. «Мы подвергаемся опасности не только неправильного понимания интервью, но и неверного понимания того, что и почему было сказано»⁴¹⁶. В связи с этим многие «устные историки», также как и представители микроистории, пришли к выводу о необходимости постановки исследуемой темы в широкий социальный контекст.

Многие исследователи сегодня пытаются соотнести теоретические изыскания о нарративе и памяти с политическими установками для создания истории «маргинальных групп», что порождает большое количество литературы, пересекающей дисциплинарные границы. Так, в тесной связи с устной историей находятся исследования в области лингвистики и коммуникации (П. Томпсон, Р. Грили, М. Фримэн), изучающие отношения между идентичностью, памятью, личным нарративом⁴¹⁷. По своим целям и методам близки к устной истории представители так называемой нарративной психологии (В.М. Раньян, Т.Р. Сарбин), ориентированной на психолого-биографические исследования, «социологии истории жизни» (М. Чемберлейн, П. Томпсон, Д. Берто), изучающей

общество с точки зрения индивидуального опыта, и антропологии (С. Каллауэй, Р. Самуил), раскрывающей связи частной и общественной сфер⁴¹⁸.

Несмотря на некоторую настороженность, сохраняющуюся в рядах «традиционных» историков по отношению к устной истории, общепризнанным фактом является то, что это направление сделало значительный вклад в решение таких проблем, как общественная конструкция памяти, этические дилеммы историка, а также вопросов, вынесенных на повестку дня постструктуралистскими и постмодернистскими подходами к языку и репрезентации.

Говоря о своей сверхзадаче, последователи устной истории считают, что именно она позволяет нам видеть историю как более или менее непосредственный опыт, а не абстрактный процесс. «Устная история — это история, построенная вокруг людей. Она делает героев не только из вождей, но и из неизвестного большинства. Она помогает наименее защищенным, особенно пожилым, людям обрести уверенность и достоинство. Она способствует пониманию между социальными классами и поколениями. Устная история дает средства радикальной трансформации социального смысла истории»⁴¹⁹.

Контрольные вопросы

1. Что такое «андроцентристский подход к истории»?
2. В чем состоит значение категории «гендер» для переосмысления истории?
3. Чем гендерная история отличается от женской?
4. В чем состоит проблема источниковой базы для устной истории?
5. Как «спрятанные от истории» люди становятся «видимыми»?

3.4. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИИ

Ключевые слова

Демографическая история, демография, демографический режим, демографические процессы, смертность, эпидемии, рождаемость; экологическая история, история природы, экологические катастрофы, «основа, структура и суперструктура».

Вопросы к обсуждению

1. Основные причины и факторы возникновения и развития демографической и экологической историй.
2. Демографическая история как таковая.
3. Концепция экологической истории, приемлемой для Беларуси.

Демографическая история

Демографическая история как отрасль исторической науки появилась в конце XIX в. Ее зарождение связано с обеспокоенностью французских властей низким и даже отрицательным ростом населения во Франции перед лицом бурного демографического роста в Германии. Широкую популярность демографическая история приобрела после второй мировой войны, первоначально в Соединенных Штатах, а впоследствии, когда задача восстановления разрушенной Европы была уже решена, — и в Италии, Франции, Великобритании и других западноевропейских странах. Этому способствовали и такие факторы:

1. Все большее осознание угрозы перенаселения Земли. Демографическая история стала выполнять социальный заказ — поиск причин перенаселения в странах Азии и Африки на фоне все уменьшающейся рождаемости в развитых странах Запада. Предполагалось, что если будут найдены причины уменьшения рождаемости на Западе, то можно будет выработать некий рецепт для решения проблемы перенаселения в остальном мире.

2. Переоценка социальных и экономических изменений в Европе и Америке на протяжении последних четырех столетий. Она была вызвана появлением новых средств анализа и попыткой более тесно связать человека с окружающим миром и своим прошлым⁴²⁰.

Термин «демографическая история» привился в русскоязычном историческом сообществе. Западные исследователи зачастую используют такие названия, как «изучение населения», «историческая демография» и «история населения»⁴²¹. Однако принципиальными здесь являются задачи, решаемые этой отраслью, и методы, используемые ею для их решения. На эти вопросы даются разные ответы. Так, Д.С. Смит считает, что методологический стиль демографии может быть полезен для оценки исторических данных и процессов, а демографические переменные могут стать решающим фактором в формировании структуры и развитии общества. Демография оценивается им как наука, в задачу которой входит, прежде всего, не интерпретация моделей, а поиск и создание их. Ее целью является статистическое исследование размера, структуры и развития человеческого населения. Если найденные им данные не могут быть объяснены, исходя из внутренних демографических факторов, демограф должен стать экономистом, социологом, историком или оставить задачу объяснения для коллег из других дисциплин. В то же время солидные знания демографических техник существуют для тех, кто вовлечен в количественное исследование истории смертности, рождаемости и миграций.

Историческая демография должна быть автономной и следовать междисциплинарной тропой. Демографические эффекты в истории, вероятно, наиболее важны при анализе общества в целом, где они должны подвергнуться компаративному анализу. Популярна точка зрения, согласно которой компаративное историческое исследование будет более эффективным, если сравниваемые общества достаточно похожи (хотя есть и специальные исследовательские стратегии, направленные на сравнение именно радикально отличающихся обществ). Успех при использовании компаративного анализа наиболее вероятен при изучении демографических эффектов в рамках населения отдельно взятого общества.

Демография может предложить историку широкий набор средств для исследования. В рамках аналитической перспективы исследования (разъединение сложного исторического объекта на простые части и их анализ) демография предлагает исследователю такие средства, как «модель S-кривой», которая, позволяя получить идеальное течение процесса, помогает историку посредством сравнения его с реальным ходом истории сформулировать проблему, которую необходимо решать. Для исследования процессов социального расслоения и неравенства пригодна «модель цепи Маркова»⁴²².

Полезным может оказаться сочетание историко-демографического исследования определенной проблемы с параллельным исследованием того же вопроса на современных данных, что особенно важно для принятия принципиальных решений. К примеру, можно исследовать рождаемость в XVIII и XX вв. для формирования определенной теории среднего уровня или хотя бы первичных гипотез о характере процессов. Когда и исторические, и современные данные подтвердят выдвинутые гипотезы или теорию среднего уровня, можно будет более уверенно формировать текущую политику, опираясь на найденные закономерности.

Французский исследователь Ф. Фурет упрекает демографическую историю за то, что демография императивно диктует данные и методы для этой отрасли исторического знания, превращая ее в побочный продукт демографии, концепции и вопросы которой она просто транслирует в прошлое⁴²³.

Другой французский исследователь — Л. Генри, бывший долгое время директором Национального института демографических исследований в Париже, полагает, что историческая демография должна быть частью демографии, а не истории. При этом он ставит перед ней задачу анализа состава населения, которое существовало до внедрения классической демографической статистики. Соединение результатов изучения состава населения со знанием

его образа жизни позволяет получить объективные данные по определенным регионам изучаемой территории. В то же самое время Л. Генри признает, что историческая демография теперь совершенно независима от тенденций, характерных для демографии довоенных лет, когда явное предпочтение отдавалось статистической обработке данных современности, а не исследованию данных прошлых лет. Поэтому она свободна проводить наблюдения в рамках собственных интересов, используя все необходимые документы⁴²⁴.

Профессор права Калифорнийского университета Дж. Нунан еще в 1968 г. пришел к выводу, что применение «бритвы Оккама» (использование минимального числа причин для объяснения исследуемого объекта) часто оказывает плохую услугу демографической истории. Исходя из этого принципа, демографическая история часто грешит приверженностью к экономическим объяснениям исследуемых феноменов, если не способна отыскать им демографическое толкование. Д. Нунан справедливо указывает, что такая тенденция умаляет возможности исторического объяснения. Количественные демографические данные — это тот источник, которым должен интересоваться историк, сравнивая сведения других дисциплин, от географии до теологии, чтобы правильно описать человеческое поведение. «Бритва Оккама» — плохой принцип, если при его использовании от историка ускользает часть той сложной игры множества взаимодействующих сил, которые присутствуют в большинстве личностей и обществ⁴²⁵.

Опасения Д. Нунана о превалировании экономических объяснений в демографической истории не лишены основания. В 1993 г. Р. Мэнард, профессор истории Миннесотского университета, отметил, что ожидания больших результатов от американской социальной истории в связи с расцветом демографической тематики не оправдались. В 80-е гг. XX в. вопросы, связанные с изучением населения — много ли было людей, как долго они жили, когда женились, динамика численного состава семей, склонность к миграциям или оседлости, — вновь ушли из центра внимания социальной истории, отойдя на ее периферию. Определенные достижения в этот период были сделаны только экономистами, которые, руководствуясь постулатами, не соответствующими новейшим тенденциям исторического знания, смогли добиться определенных успехов в области исследования рынков труда, миграции и роста населения.

Р. Мэнард видит корни затруднений демографической истории в том, что, во-первых, демография по своей природе узкофокусированная техническая дисциплина, рассматривающая вопросы, связанные со смертью и полом индивидов, на основе множества

уравнений и их сложных решений. Как наиболее эмпирическая из всех социальных наук, она особенно противостоит современным интеллектуальным трендам постмодернизма. Во-вторых, демографы и социальные историки концентрируют внимание на различных аналитических единицах (первые — на индивидах, вторые — на семьях), рассматривают различные аспекты человеческого поведения (общее и биологическое против частного и культурного), преследуют различные цели (демографы моделируют общие процессы, историки объясняют эти процессы, зная их итоги).

Р. Мэнард предлагает свой вариант исследовательской деятельности, который призван возродить американскую демографическую историю, изучающую колониальный период в истории США. В основе предложенного им варианта лежит понятие американского демографического режима, включающее три компонента: набор разделяемых показателей жизненных процессов, миграцию, общий процесс изменения населения. Демографический режим рассматривается как общая модель развития, в которой показатели смертности, рождаемости и миграции изменяются единообразно, когда население приспосабливается к изменяющимся обстоятельствам. Теоретическую базу предоставляет теория демократического перехода. В ней понятие демографического режима используется для противопоставления периода с высокой рождаемостью, высокой смертностью и низкими показателями роста населения современному миру, в котором имеет место низкий уровень рождаемости, низкий уровень смертности и низкие показатели роста населения. Трансформация первого режима во второй — это та проблема, которую пытаются решить посредством этой теории. Что обеспечивает каждому режиму единство, если не взаимодействие между людьми, которые живут в несовпадающих условиях окружающей среды и разделяют устремления, создающие набор общих показателей жизненных процессов³²⁶.

По мнению Р. Мэнарда, уникальный демографический режим существовал в Британской Америке в XVII—XVIII вв. Его отличительные характеристики включали падение численности местных народов и даже их уничтожение, интенсивную трансатлантическую миграцию, быстрый рост населения, раннее и практически универсальное вступление в брак женщин из-за материального изобилия, наличие больших семей и легкой миграции на Запад, которая ограничивала социальные и экономические трансформационные процессы, связанные с быстрым ростом населения в Европе⁴²⁷.

Профессор Л.Р. Пус из Католического университета Америки (США) предлагает обзор исследований в области демографической истории в Северо-Западной Европе за период с конца XIV до середины XVII в. Этот период имеет важную особенность, позволяющую легко исследовать его при помощи методов демографии. Дело в том, что как раз с середины XIV в. государство и церковь начали вести учет таких показателей, как количество крещеных, браков и умерших, и вести списки постоянно проживающих жителей, налогоплательщиков, что позволяет проводить крупномасштабное математическое исследование населения.

Несмотря на то, что еще не совсем ясны рамки исторической демографии, Л.Р. Пус признает ее успешное развитие в 80-е гг. XX в. Он указывает на удачную попытку реконструировать демографическую картину целой страны — Англии — на одном из этапов Ренессанса. Вслед за этой попыткой называются подобные исследования, предпринятые в Швейцарии и Франции. Л.Р. Пус предлагает выделить четыре этапа в развитии исторической демографии, прохождение каждого из которых означает рост этой дисциплины и умножение индивидуальных исследовательских проектов. Первый из них он характеризует как простой сбор данных, второй — как этап определенной обработки данных, третий — построения теорий о системных качествах населения внутри исторических моделей, четвертый — расширение границ демографических проблем до взаимодействия с культурной и социальной историей. Тем не менее, как отмечает Л.Р. Пус, историческая демография так и не поднялась до создания теории о демографическом изменении Европы или об отношениях между какими бы то ни было географическими общностями в этот или иной период времени, ограничиваясь лишь рядом частных теорий по демографическим аспектам развития отдельных стран⁴²⁸.

В настоящее время усилия исторической демографии направлены, прежде всего, на определение базовых показателей состава населения прошлых веков. Они должны включать данные о численности населения стран или небольших регионов, о рождаемости в них, браках, смертности, протяженности жизни, времени замужества и беременности, составе и структуре домовладений и других единиц учета. Показатели такой совокупности, несомненно, взаимосвязаны между собой. Так, ускоренный рост населения может происходить в результате уменьшения смертности или увеличения рождаемости, или действия обоих факторов одновременно; он может найти отражение в появлении домовладений больших размеров.

Исторические демографы — пленники имеющихся данных, прикладывающие значительные усилия для извлечения заслуживающих доверия фактов из разнообразных количественных показателей. Наиболее важные источники этого периода могут быть поделены на две категории: серийные показатели и межсекционные. Первые включают данные, относящиеся к различным моментам человеческой жизни и охватывающие определенный временной период. Среди таких данных можно назвать Флорентийские книги мертвых или Лондонские тюдоро-стюартовские списки смертности. Выявление из них необходимых параметров, например продолжительности жизни или времени начала брачных отношений, требует целой реконструкции посредством сравнения данных об отдельных индивидах в различных источниках. Ко вторым относятся сведения о населении на такой-то момент, в том числе о его размере и плотности в определенных географических пунктах, а иногда и о его возрасте и поле. Сюда могут быть отнесены различные налоговые списки, приходские или городские обзоры. Ценность этих материалов в том, что они показывают размер и композицию домовладений. Все это важно для развития исторической демографии как самостоятельной ветви, в которой изучаются как брачные процессы и процессы формирования домовладений, так и область структурной семейной истории⁴²⁹.

Изучение демографических процессов требует от историка не только сбора эмпирических данных, но и включения их в моделируемую систему, которая продемонстрировала бы, каким образом демографические процессы соотносятся с окружающей средой и, в особенности, с экономическим развитием. Историческая демография изучает европейское население обычно с точки зрения гомеостаза. Предполагается, что доиндустриальное население будет стараться искать равновесия в течение определенного времени с окружающей биологической и экономической средой. Это может достигаться посредством различных механизмов. Так, при перенаселении люди могут страдать от нехватки еды, что может привести к уничтожению городов или к запуску поведенческих эффектов, не осознаваемых на индивидуальном уровне. Например, при перенаселении распространяющаяся бедность не позволяла людям вступать в брак или заставляла откладывать его на более позднее время.

С точки зрения Л.Р. Пуса, процессы рождения, смертности и брачных отношений связаны сетью внутренних механизмов, которые можно объяснить только при учете специфических условий местной среды и экономики. При этом на выбор путей установления равновесия с окружающими условиями немаловажное

значение имеют культурные системы. Имеющееся взаимодействие культурных и демографических факторов ставит перед историческим демографом ряд проблем. Во-первых, это вопросы о культуре брачных отношений, а во-вторых – о бедности, ее культуре и уменьшении. Характер этих вопросов такой, что они не могут быть решены только посредством количественного анализа – требуется обращение к антропологической или культурной истории⁴³⁰.

Профессора М.Л. Ли и Д. Лошки из университета Миссури-Колумбия (США) поднимают важный вопрос о системном характере демографических процессов, вызывающем необходимость применения соответствующих системных методов исследования. Они называют историю населения своеобразной мозаикой, где все события соединены в единое интегрированное целое. Любое автономное явление, будь то война, или изменения в погоде, или внешняя потребность в производстве того или иного продукта, воздействует на систему. Она оказывается включенной в мировую систему, что ведет к установлению циклов жизненных процессов или к изменениям их длины и амплитуды. Отсюда можно сделать вывод, что вопрос о том, в связи с какими причинами, внутренними или внешними изменяются циклы, связанные с демографией населения, не является главным для понимания истории, так как внутренние процессы становятся интернациональными.

И М.Л. Ли и Д. Лошки считают, что при анализе взаимосвязанных переменных целесообразно обратиться к структурному подходу, и в его рамках использовать системный метод, включающий набор методов. В частности, системный метод успешно использован ими для анализа взаимосвязи между ростом населения, реальными доходами и данными о жизненных процессах в Англии. При этом оказалось возможным интегрировать различные коэффициенты⁴³¹.

Актуальным для демографической истории стал вопрос, возможно ли экстраполировать результаты исследований по одной области в какой-либо стране на ее соседние области. Большинство исследователей, особенно на данном этапе постмодернистского развития исторической науки, дают отрицательный ответ, хотя есть и сторонники экстраполяции. Например, С.Б. Ханли из университета Йеля считает возможным говорить, что демографическая история отдельной провинции Японии отражает национальные тенденции в целом, и данные, полученные по этой провинции, являются типичными для соседних⁴³².

Исследование французского профессора новой истории П. Гурберта может служить интересным примером использования метода семейной реконструкции в демографической истории⁴³³. Хотя

надо отметить, что этот метод не всегда применим. Так, профессор аграрной истории Вагенингского университета в Нидерландах Б.Х.С. Ван Баф говорит о сложностях его использования в Нидерландах при освещении местной истории. А все дело том, что многие представители низших слоев населения не имели фамилий до гражданской регистрации, проведенной в 1811 г.⁴³⁴

Историк, связанный с изучением демографических процессов, должен помнить о четырех категориях наиболее распространенных ошибок. К первой относятся случайные ошибки, возникшие при сборе данных. Ко второй – внутренние предубеждения исследователя, считающего количественные данные, которые необходимо использовать, неверными. К третьей – фактические ошибки, ведущие к неправильной интерпретации данных, что, как правило, связано с факторами, находящимися вне контроля исследователя: когда у него не хватает количественных данных для работы, он, как правило, пускает в ход свое воображение и преувеличивает имеющиеся. К четвертой категории относятся ошибки, порождаемые неверной логикой, принятием на веру сомнительных данных и др.; эта категория ошибок хорошо знакома и традиционным исследователям⁴³⁵.

Одной из подотраслей демографической истории, приобретающей все большее значение, является «история миграций», или «изучение миграционных процессов»⁴³⁶. Как правило, речь в ней идет о выявлении закономерностей в миграции представителей одного из народов⁴³⁷, а иногда и комплексном анализе состава и характера миграций в определенный город или страну⁴³⁸.

Наиболее популярными в демографической истории являются следующие темы:

Смертность и эпидемии. Одной из любимых тем демографической истории является тема голода и эпидемий, вызывавших значительные демографические последствия. Исследователь Ж. Бирабен провел интересное исследование демографических характеристик эпидемии чумы во Франции начала XVIII в. Оказалось, что эпидемия по стране распространялась по важнейшим из существующих коммуникаций. Вероятность поражения чумой уменьшалась с уменьшением численности населенных пунктов, но все города с населением, превышающим десять тысяч человек, были поражены ею⁴³⁹.

Демографические характеристики смертности в одном из округов Англии на протяжении трех столетий рассмотрены в работе профессора Кембриджского университета Э.А. Вригли. Ценность этого исследования, с точки зрения автора, заключается, прежде всего, в возможности последующего сравнительного анализа полу-

ченных данных с данными по другим округам, что помогает найти определенные функциональные зависимости в развитии процессов индустриальной революции. К этому следует добавить, что данное исследование ценно само по себе, поскольку способствует выявлению экономических факторов и социальных условий жизни пусть и одного из округов, но в течение длительного времени⁴⁴⁰.

Исследование профессором Лондонской школы экономики Д.В. Глассом демографии Лондона конца XVII в., позволило сделать не только ряд чисто демографических наблюдений, но и прийти к интересным выводам о системе учета населения и о том влиянии, которое оказал на нее Акт 1694 г. о новых налогах для дополнительного финансирования войны против Франции⁴⁴¹. Работа другого английского исследователя Дж. Ландерса затрагивает ряд интересных вопросов о демографических закономерностях смертности населения Лондона за период с 1670 по 1830 гг.⁴⁴² Плодотворность исследования, проведенного группой американских ученых по определению степени влияния системы мероприятий по снижению смертности в 1870–1930 гг., организованных муниципальными службами Филадельфии, позволяет говорить, что демографическая история эффективна не только для объектов достатистической эпохи⁴⁴³.

Рождаемость. В исследовании этой темы интерес вызывает работа Дж. Шпенглера, профессора экономики в университете Дюка. Она посвящена раскрытию роли демографических факторов в раннем экономическом развитии Западной Европы. Автор пришел к интересным выводам. Так, низкая рождаемость и низкий прирост населения в XVII и XVIII вв., ставшие результатом сформировавшейся в Европе в течение предыдущих двух столетий уникальной модели регулирования рождаемости, позволили накопить капитал для будущего бурного экономического роста, не растратив его на поддержку роста населения⁴⁴⁴. А использование разработанной ранее Дж. Шпенглером схемы для анализа факторов, влияющих на решение завести детей, привело профессора Гарвардского университета Д.М. Хира к интересным выводам о тенденциях, которые переживала и будет переживать рождаемость в мире. По его мнению, в современном мире серьезным фактором уменьшения рождаемости служит увеличение периода времени, которое ребенок должен посвящать своему образованию⁴⁴⁵.

Перспективы демографии. Далекое не все исследователи, работающие на поприще демографической истории, оптимистически оценивают ее перспективы. Так, Т.Х. Холлингсворф указывает, что собирание демографических данных — довольно трудоемкая

работа, требующая контроля и отслеживания возможных ошибок. Анализ данных также весьма нелегкий процесс, а результаты могут оказаться слишком тривиальными, чтобы оправдать затраченные усилия⁴⁴⁶. Ему вторит Р. Мэнард, заявляя, что немногие демографы готовы тратить месяцы в архивах, собирая по крупицам данные по эпохам, предшествующим возникновению современной статистики, и находясь под угрозой того, что они могут не подтвердиться впоследствии. В равной мере боятся этого и историки⁴⁴⁷.

Профессор Моринау из университета «Париж XII» отмечает, что демографы, экономисты и историки использовали сложные методы исследования и не признавали подходов, которые не соответствовали этим методам. В то же время очевидный провал расчетов должен был заставить их найти ошибку. Манипулирование коэффициентами и переменными — не есть решение. Необходимо думать о путях признания и реинтегрирования тех аспектов, которые ранее игнорировались. Это значит, что наблюдение должно взять верх над спекуляциями, даже если они украшены математическими гирляндами, что наблюдение — это наиболее целесообразный ресурс для пересмотра вычислений, оно необходимо. Не следует искать только человеческие факторы, поскольку немаловажное значение имеют факторы, не связанные с человеком⁴⁴⁸.

Тем не менее представляется, что в соответствии с мнением большинства исследователей, работающих в данном направлении, перспективы у демографической истории есть, и отрадно, что она развивается в Беларуси. Немалую роль в ее дальнейшем развитии может сыграть деятельность членов Белорусской ветви Ассоциации стран СНГ «История и компьютер».

Экологическая история

Одним из основателей экологической истории считают Дональда Ворстера, причем его нередко именуют даже «отцом» этого научного направления. Д. Ворстер считает, что ее целью является определение роли и места природы в человеческой жизни⁴⁴⁹. Он предлагает следующую концепцию экологической истории: она имеет основу (природную историю), структуру (производственные отношения или способы производства), и суперструктуру (культуру и идеологию), а задача экологического историка состоит в идентификации взаимных отношений между этими уровнями⁴⁵⁰. При этом под *способом производства* Д. Ворстер, скорее, понимает отношения потребления, подчеркивая, что человек потребляет потоки энергии экосистемы в процессе осуществления физической и механической работы. Точка зрения К. Маркса здесь не-

приемлема, так как любой способ производства вовлекает множество нечеловеческих организмов, труд, производство и воспроизводство которых не менее существенны для выживания человека, чем человеческий труд, на котором концентрировал свое внимание Маркс. Поэтому способ производства — это набор отношений между этими человеческими и нечеловеческими субъектами большой экосистемы, поддерживающий и воспроизводящий экономическую и культурную жизнь частной человеческой группы⁴⁵¹.

Исследования профессора экологической истории, философии и этики Калифорнийского университета в Беркли К. Мэршант направлены на то, чтобы внедрить гендерную перспективу в концептуальную схему, предложенную Д. Ворстером. Это может произойти либо посредством освещения каждого из трех уровней концептуальной схемы (основа, производство и познание) с использованием гендерного анализа, либо посредством введения четвертого аналитического уровня — репродукционного, который будет взаимодействовать с другими уровнями.

К. Мэршант приводит ряд доводов для обоснования необходимости таких подходов. Прежде всего она отмечает, что женщина и мужчина традиционно играли разные роли в производстве, взаимодействующем с окружающей средой. На уровне познания чувствительность к гендерным отношениям способна обогатить экологическую историю — взгляды, мифы и ощущения всегда сконструированы по гендерному принципу. Внедрение репродуктивного уровня необходимо, потому что, во-первых, хотя человек, как и все виды, воспроизводит себя биологически, но в отличие от них делает это в соответствии с социальными и этическими нормами культуры, в которой рожден. Во-вторых, люди должны воспроизводить свою собственную энергию на основе каждодневного приема пищи и сохранять ее посредством ношения одежды и использования жилищ. В-третьих, люди передают умения и поведенческие нормы следующему поколению производителей, что означает воспроизводство культуры во времени. Наконец, люди создают систему управления и законов, которые сохраняют социальный порядок племени или нации.

Внедрение гендерной перспективы в экологическую историю позволяет создать более сбалансированную и полную картину взаимодействия людей с природой в прошлом. Это приводит к умножению теоретического знания, поскольку способы, которыми мужчины и женщины способствуют производству, воспроизводству и познанию, развиваются в отношении экологии в зависимости от определенных исторических различий⁴⁵².

С. Хэйс, почетный профессор истории Питсбургского университета (США), поднимает ряд вопросов, связанных с пониманием эволюции проблем окружающей среды в американском обществе во второй половине XX в. Он подчеркивает необходимость изучения политического контекста принятия решений по проблемам окружающей среды, в том числе скрытой подоплеки политического выбора решений и контроля за их реализацией. В задачу историка, помимо анализа деятельности традиционных групп интересов или политических партий, входит также и анализ деятельности тех, кто принимает решения – администраторов, ученых, плановиков, экономистов. Для этой работы необходимо использование широкого круга источников. Так, в случае исследования, проводимого С. Хэйсом, были использованы данные различных опросов и газет, списки членов организаций по защите окружающей среды, интервью с ведущими авторами, биографии, стенограммы заседаний профессиональных организаций, материалы слушаний законодательных собраний и др. Эти источники оказались полезны также для изучения более специфических вопросов экологической истории, таких как состояние дикой природы, динамика состава населения, загрязнение окружающей среды.

В результате С. Хэйс пришел к более глубокому пониманию связей между социальными и демографическими процессами, непосредственным социальным контекстом, придающим значение идеям и действиям, и организационными и политическими стратегиями. Немаловажную роль в исследовании сыграл использованный им метод моделирования. В созданной модели штаты, исходя из их отношения к экологическим ценностям, были распределены по нескольким группам, ставшим единицами для дальнейшего анализа. Результаты такого исследования позволили преодолеть сложившуюся тенденцию изображения американского общества как относительно однородного.

С. Хэйс специально останавливается на необходимости сотрудничества историков с архивистами. Дело в том, что материалы по многим вопросам экологической истории организованы в архивах не так, как это хотелось бы исследователям. С. Хэйс призвал архивы оказывать им всяческое содействие, надеясь на получение в свое распоряжение более организованных коллекций⁴⁵³.

Доцент университета Утака Р. Вайт отмечал, что экологические историки встречаются с большими трудностями, пытаясь включить историю природы в общепринятое на данный момент представление о социальной истории. Их оценка взаимосвязи экологического и социального параметров представляется многим сомни-

тельной. Проблема установления такой связи возникла у самых истоков экологической истории. Она была рождена на основе возникшего морального интереса, который дал готовое объяснение причинности. Оно состоит в том, что природа оказалась уязвимой для действий человека, и человек со временем пожалеет о том, что проявил легкомысленность. Однако то обстоятельство, что историки усвоили эту причинную связь и работают на ее основе, вовсе не доказывает, что она реально существует.

Вплоть до последних лет экологические историки думали, что у них есть твердое основание для констатации такой связи, созданной на основе морали. Они полагали, что природная система находится в поисках равновесия и противостоит его нарушениям, что существует некий идеальный природный баланс, достижения которого достаточно, чтобы он сам себя поддерживал. Эти «истины» представлялись как стандарты, на основе которых измерялись и оценивались человеческие действия. Но действительность оказалась сложнее, и экологическая наука более не придерживается прежних стандартов. В современной экологии идея природного сообщества растений и животных, идеально приспособленных к данной окружающей среде, потеряла свои позиции. Взамен пришло признание сложной синергетической картины мира и чередования нестабильности и стабильности.

Эрозия экологической науки, конечно, не уничтожила убеждения историков в том, что экологические и социальные изменения взаимосвязаны, но появилось стремление фокусировать внимание главным образом на самых крупных проявлениях этого изменения — разного рода катастрофах, таких, например, как пандемии, которые опустошили Западное полушарие. Неспособные проследить каждодневные последствия экологических изменений с той точностью, которую хотелось бы иметь, историки стали тяготеть к исследованию катастроф, в которых человеческое участие очевидно. Не случайно чтение современной литературы по экологической истории наводит на мысль, что только чудо сохранило жизнь на этой планете и что любые изменения окружающей среды были только к худшему.

Каким же образом изменить ситуацию к лучшему? Р. Вайт полагает, что необходимо разработать понятные стандарты, по которым экологические историки могли бы оценивать происходившие изменения. При этом обязательно включить человеческую историю в историю жизни всей планеты, однако не теряя из вида роли и значения человеческого действия и не отказываясь от вызовов постструктурализма. Основой для такой переработки теоретической базы

экологической истории может стать использование теории структуры известного социолога А. Гидденса, противостоящей как функционализму, так и материализму⁴⁵⁴.

Президент Американского общества экологической истории В. Кронон отмечает, что положение Д. Ворстера о том, что «сила человеческой власти над природой так очевидна и драматична, что нет опасности пренебрежения ее исследованием со стороны историков», неверно. Как раз напротив, тот третий уровень анализа, который предлагается Д. Ворстером, как правило, не используется в экологических исследованиях. Существуют либо исследования экологии и экономики, либо исследования идей о природе, и только за редким исключением можно найти работы, синтезирующие все эти три поля.

В. Кронон предлагает отойти от предлагаемого Д. Ворстером понятия способа производства. Более удачным, по его мнению, будет не полагаться на некие классификации, а, используя набор аналитических подходов, определить наиболее важные связи между людьми и экосистемой, в которой они пребывают. Разумно последовать в этом плане за современными экологами, которые предпочитают начинать анализ не с системы, а с отношений. При такой схеме исследования после идентификации наиболее важных отношений можно прийти к более глубокому пониманию культурных и экологических изменений.

Какие же аналитические инструменты использовать? В. Кронон предлагает часть из них позаимствовать у Д. Ворстера (выявление степени, до которой сельское хозяйство упрощает экосистему, способа поддержания плодородия земель и т. д.), а часть из других дисциплин (например, метеорологии и биологии). Использование этих инструментов позволит сконструировать системную картину того, как люди относятся к окружающему миру. Ее, по мнению В. Кронона и Д. Ворстера, вероятно, можно будет назвать «способом производства». Не важно, как будет названа, а важно, будет ли создана целостная картина исследуемого объекта.

В. Кронон ставит задачей создание экологической концепции. При этом важной проблемой является исследование социальных и экологических различий в отношении к власти. Для ее решения необходимо исследовать те ландшафты, которые не кажутся очень «природными», но в которых пересекаются власть и различия разного рода — от городов и фабрик до госпиталей и корпораций⁴⁵⁵.

Особое значение в современном мире имеет востребованность обществом и правительством как демографической, так и экологической историй⁴⁵⁶. Американский профессор М. Кэссити отмечает,

что современные правительственные службы особенно заинтересованы в уроках истории, касающихся вопросов управления землей и климатом. Не случайно в США проводятся специальные семинары, в том числе затрагивающие вопросы использования западных земель в связи с глобальным потеплением. Активизируется деятельность различных организаций (советов по сохранению исторических ценностей, совещательных комитетов и т. д.), которые мобилизуют граждан на решение вопросов, важных для сохранения и развития общества. Историк не только может, но и обязан использовать свои специальные знания для организации массовых действий в этом направлении. Тогда история становится той социальной силой, которая прокладывает дорогу между прошлым и будущим⁴⁵⁷.

Контрольные вопросы

1. Как соотносятся демография и история в демографической истории?
2. Назовите основные темы исследований в демографической истории.
3. В чем состоят теоретические и методологические предпосылки экологической истории?

3.5. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Ключевые слова

Постмодерн, историография, интеллектуальная история, антропологизация, лингвистический поворот.

Вопросы для обсуждения

1. Каково содержание понятия «историография»?
2. В чем заключаются основные функции истории?
3. Что такое идея?

Историография и трансформация постмодерна

Проблемы, поставленные в рамках постструктуралистски-деконструктивистского комплекса, проникли и в историографию. Однако, если, перефразируя Доминика Ла Капра, историография в ее «западном» варианте уже давно переживает период той же ферментации, что и литературная критика, и философия, то историки Беларуси все еще тяготеют к декларированию своего «иммунитета»

к «болезни постмодерна» с его снедающими сомнениями и рефлексивной напряженностью, которые проявились в других исследовательских областях⁴⁵⁸.

Но вне зависимости от нашего желания или нежелания, историография проходит трансформации, связанные с антропологическим и лингвистическим поворотами, изменением самого понятия «социального», акцентом на «опыте» людей в истории и т. д.

Прибегнем к авторитету известного голландского историографа Франклина Анкерсмита, который отмечает: «В период после второй мировой войны исследовательский акцент сдвигается в сторону историографии и критической (т.е. «гносеологической» – О.Ш.) философии истории»⁴⁵⁹. И, более того, наблюдается «*сильный подъем историографии за счет критической философии истории*»⁴⁶⁰ (курсив О.Ш.). Исследовательские интересы этих двух направлений смыкаются: философская рефлексия исторической профессии больше не ориентируется на философский анализ, связанный с источниками и доказательностью исторических суждений, а имеет тенденцию к осмыслению прошлого истории исторической мысли и в особенности делает акцент на том, что систематически утаивалось или «репрессировалось» во фрейдистском значении этого слова.

Нужно отметить, что растущий интерес к историографии все же касается совершенно иного наполнения термина «историография». Как обобщает тот же Ф. Анкерсмит, «можно говорить о «новой» в противоположность «старой», традиционной историографии; различие между ними состоит в разном видении природы исторической реальности, исторических текстов и взаимоотношений между ними. Традиционная историография основана на том, что можно называть *постулатом двойной прозрачности*. Во-первых, исторический текст рассматривается таким образом, как если бы он был «прозрачен» по отношению к исторической реальности, которую он (текст) открывает. Во-вторых, исторический текст рассматривается как «прозрачный» по отношению к суждению историка относительно какой-либо части прошлого или, иными словами, по отношению к (историографическим) намерениям, с которыми историк писал текст. Согласно первому постулату прозрачности, текст позволяет нам видеть сквозь него прошлую реальность; согласно второму – текст является совершенно адекватным средством передачи историографических взглядов или намерений историка»⁴⁶¹.

Но разве не кажется несправедливым тот факт, что в дискуссиях о природе истории как рода деятельности принимают участие главным образом философы, а сами историки в принципе не готовы

к «вызовам» (читатель узнает здесь терминологию А. Дж. Тойнби). История как дисциплина подвергается сегодня таким вызовам со стороны: 1) философско-лингвистических сомнений, выдвинутых в рамках постструктуралистско-деконструктивистского комплекса; 2) высоких технологий и процессов глобализации, имеющих тенденцию «минимизировать» роль гуманитарных дисциплин, когда роль гуманитарных дисциплин ощущается повсеместно как «незначительная», все больше историков сдвигают свои интересы в сторону политологии, социологии, информатики, антропологии; 3) фрагментации и «нарративизации» внутри самого исторического знания.

В этом смысле представляется необходимой задача теоретического осмысления позиций истории сегодня, которую должна взять на себя *историография в ее обновленном виде*. Более того, нельзя не привести слова авторитета в области интеллектуальной истории Доминика Ла Капра о том, что «наша задача-максимум – помочь привести историографию к точке, с которой она была бы способна вступить в эти дебаты на равноправной основе, а не просто как хранитель фактов или неопозитивистская падчерица социологии, и, безусловно, не как мифологизированный локус для какого-либо додискурсивного образа «реальности», но с правом критического голоса среди дисциплин, рассматривающих проблемы понимания и объяснения»⁴⁶².

Говоря об обновлении содержания историографии, следует особо выделить момент, связанный с ее *идентификационной функцией*. Так, студентам, которые начинают изучать философию, предлагается с самого начала некая обзорная картина (своего рода «история главных идей в философии»), позволяющая видеть, что такое философия как дисциплина. Мы же сразу окунаем первокурсника в дисциплинарную специализацию: «История Древней Греции», «История западных и южных славян», «История Беларуси»..... Не кажется ли это, по меньшей мере, странным? Будущие историки (да и многие настоящие) не имеют этой самой «общей картины»... Поэтому историография (в каком бы смысле мы не употребляли этот термин: история исторической мысли, история идей, интеллектуальная история или даже философия истории) должна осознаваться как фактор идентификации, самоосознания историков. Так же, как и в случае с историей вообще.

«Специализация», замыкание в своих дисциплинарных границах, разделение истории по хронологическому принципу, темам, направлениям и т. д. неизбежны с ростом исторического знания, но они же мешают видеть ускользающее Целое. Когда

история только начиналась, она считалась такой литературой, которая была бы интересна, — потому что рассказывала о себе и своих героях-предках и писалась так же, как и литература; полезна, — потому что тогда верилось, что она может чему-то научить, или потому что, может что-либо оправдать... Первые историки видели это самое «целое», «всеобщность», «идею»... — как бы мы *это* не называли, *оно* включало видение Истории от ее начал до современности, во всех ее проявлениях и целях. Теперь же такого видения не осталось. Оно раздробилось на «фрагменты», «нарративы», изучение «дискурсов» — в западной историографии; и тщательную специализированность в исторических исследованиях у нас.

История идей и историография

В связи с вопросом о Целостности вернемся к пониманию «нового наполнения историографии». Еще одной его коннотацией является *осознание историографии как «истории идей», или «интеллектуальной истории»*.

Если кто-нибудь задастся вопросом, нужна ли *интеллектуальная история*, то еще в 1940 г. А. Лавджой предложен простой ответ: «Если... апологией любого занятия историей является только человеческая заинтересованность в изучении ее эпизодов и движущейся драмы жизни человечества *в целом*, то данное исследование («история идей» — ОШ) оправдано в высшей степени»⁴⁶³.

Кто-то может связывать *интеллектуальную историю* с историей философии (и тогда ее корни можно вести от Платона и Аристотеля с их критикой своих предшественников). Но все же более принято связывать интеллектуальную историю с именем Артура Лавджоя и его соратниками, с деятельностью журнала *Journal of the History of Ideas*, который тоже в большой степени был детищем все того же Лавджоя, а «манифестом» движения считать его книгу «*The Great Chain of Being*» («Великая цепь бытия», 1936).

Оригинальными идеями Лавджоя были следующие: создать историю идей как междисциплинарное предприятие, которое бы стояло на перекрестке 12 полей (история философии, история науки, фольклора, этнографии, частично история языка, история религиозных верований, история литературы, история искусства, экономическая история, история образования, политическая и социальная история, историческая составляющая социологии); вычленять и изучать «*идеи*» — некие единицы-блоки в культуре, циркулирующие как составные части разнообразных учений и теорий в различных областях знания. Таким образом, с самого

начала в понятие «история идей» вкладывалось изучение того, как возникают и распространяются новые убеждения и интеллектуальные формы.

Лидер «интеллектуальных историков» Дональд Келли характеризует позиции Лавджоя как «эклектические». Келли пишет, что сам Лавджой не был «первопроходцем», поскольку основная мысль, проходящая сквозь все лавджоевские построения, — это вера в мобильность «идей», так называемых «unit-ideas» — валюту для всех этих исследовательских полей и орудие интеллектуальной истории. А эта мысль варьировалась уже в трудах лидера эклектической школы Виктора Кузэна (см. последнюю книгу Келли, где он посвятил Кузэну отдельную главу⁴⁶⁴), а тот, в свою очередь, тяготел к германским концепциям, был проводником интердисциплинарного и исторического подходов и платоновских «идей».

Такое самоосмысление, признание себя (или своей исследовательской доктрины) «наследниками», является показательным для интеллектуальных историков — ведь все идеи «наследуются», и собственно свою задачу они видят в том, чтобы проследить эти генетические линии.

Послевоенный период для истории идей был отмечен критикой в ее сторону со стороны «традиционных» историков. В результате (после некоторого упадка к 1960-м гг.) лавджоевская «история идей» начинает переосмысление себя в плане «социализации» и придания нового смысла самому понятию «социального». Этот период — 1960-е годы, который не случайно выделяется историографией, как начало антропологического поворота, был отмечен широкими движениями, перевернувшими привычную картину мира людей. Представляя здесь лишь скетч к такой картине, отметим главное: диалектическое взаимодействие антропологизации истории и демократизации общества. Воспитание терпимости и демократического мышления, признания многовариантности путей развития связывается с антропологически ориентированной историей, дающей полифоничную картину прошлого.

Итак, 1960-е гг. в истории были отмечены многочисленными волнениями, повлекшими изменения и в общественном, и в историческом сознании. Движение «новых левых». Борьба за права афроамериканцев и пламенный Мартин Лютер Кинг. Олимпийские игры 1968 г. в Мехико: черные атлеты-медалисты на пьедестале салютуют «Черным пантерам». Пацифизм и многотысячные протесты в США и Западной Европе против вьетнамской войны — и остановка бомбардировок Вьетнама в октябре 1968 г. Л. Джонсоном. Студенческие волнения: протесты, забастовки, оккупации в Лондонской школе экономики, Эссекском, Лейцестерском университетах.

в университетах Бермингема, Манчестера, Оксфорда в Великобритании, в американских Беркли и Колумбийском университете, волнения студентов в Польше, Югославии, Чехословакии, Италии, Японии, Мексики и, конечно, знаменитые 10 майских дней в Сорбонне в 1968 г. События в Чехословакии, встряхнувшие страны соцлагеря. Движение хиппи и поколение «детей-цветов», Биттлз. Наконец, сексуальная революция, изобретение надежной контрацепции, буйный рост феминизма, «марши»-демонстрации, осознание гендерных идентичностей и т. д.⁴⁶⁵

Эти события не могли не поставить перед историками проблемы: историческое сознание, сформированное в условиях «моновидения» (когда в истории не звучали «голоса» черных, женщин, национальных меньшинств, когда история «народа» была представлена социально-структурным макроизмерением), нуждалось в пересмотре. Афро-американцы поставили перед историками проблемы изучения своих корней как необходимого звена самоидентификации. Феминистские авторы начали «женские исследования», трансформировавшиеся к сегодняшнему времени в гендерные. Началось переосмысление того, какой должна быть история. Историей структур? Историей без людей? Историей экономики, политики, государства, классов?

...И начинается *антропологизация*, как поворот к человеку, с одной стороны, и использование наработок антропологии — с другой... Возникают история повседневности, устная история, гендерная история и т.д., предоставляющие возможность видеть прошлое в многообразии его составляющих.

В этих условиях история идей пересмотрела свои исследовательские поля и подходы в духе «*культурного поворота*»: к представлению о культуре как о символической и репрезентационной системе, к «социальной истории» идей, с акцентом на изучении не столько идей интеллектуальной элиты, сколько идей, разделяемых массами, ментальностей, народной культуры, верований, предрассудков и т.п., смыкаясь с такими исследовательскими направлениями, как «культурная история», «историческая антропология», «история повседневности».

В 1980-е гг. начинается «шестивие» интеллектуальной истории, если не «победное», то, во всяком случае, весьма авторитетное, по мировой историографии, и под знаменем уже *лингвистического поворота*.

В отличие от других гуманитарных наук, лингвистический поворот пришел в историю во второй половине XX в., с акцентом на «литературоведческой» стороне, а в теоретическом плане — с влия-

нием уже не структурализма, а постструктурализма. В силу своей «идейной» наполненности, интеллектуальная история особенно глубоко укоренила семена лингвистического поворота.

Какие следствия несет лингвистический поворот для истории, если признается, что: 1) «не я мыслю своим языком, а мой язык мыслит мной» (формы и структура нашего мышления обусловлены языком, к которому мы принадлежим); 2) литературная критика становится моделью для аналитических работ во всех областях гуманитарного знания — и все формы дискурса начинают рассматриваться как текстуальные, как литературные, как то, что может быть проанализировано в терминах «риторики»? Какие опасности таит в себе постструктуралистское недоверие к возможностям познания? Как лингвистический поворот взаимодействует с другой крупнейшей тенденцией второй половины XX в. — антропологизацией? Как сочетаются ее проявления (фокус на «опыте» человека в истории, интерес к микроуровневой истории в противовес социально-структурной, новое понятие самого «социального», заимствование подходов и методов культурной антропологии и др.) с тезисом о языковой обусловленности сознания?

Эти и множество других проблем становятся базовыми для обсуждения в исследованиях интеллектуальных историков.

Эта «новая интеллектуальная история» еще и очень хорошо совпала с общим настроением постмодерна на децентрированность, ведь по Лавджою идеи переходят без границ из одной области в другую, «существует периодическая “вибрация” между интеллектуалистскими и антиинтеллектуалистскими тенденциями, — например, между классицизмом и романтизмом»⁴⁶⁶. Тем самым интеллектуальные историки идут вполне в русле общей критики идеи прогресса постмодернистами.

Как писал Д. Келли, «история идей начиналась как междисциплинарное предприятие, и таковым она остается, по крайней мере, в работах своих лучших представителей. Некоторые из ее посылок, проблем, ожиданий остаются в своей классической лавджоевской форме. Из них я бы особенно выделил осознание роли истории не только с точки зрения науки и философии, но также и культуры, сверхрациональных сил идеологии и бессознательного; признание «лингвистического поворота» в философии и роли риторики в историческом исследовании; акцент на вопросах ценности, эстетики и морали в исторической работе; герменевтическую необходимость различать “уровни смыслов” в исследовании текстов и, говоря шире, прошлого»⁴⁶⁷.

Говоря о взаимоотношениях интеллектуальной истории и лингвистического поворота, следует отметить несколько основных течений внутри самого этого направления. Так, позиция Дональда Келли (признанный лидер интеллектуальной истории, редактор журнала «История идей») заметно менялась на протяжении 1980–1990 гг.: от скептически-иронического отношения ко всему, что он называл «текстуализмом» к принятию лингвистического поворота («Историческое воображение», 1997). Другой известный интеллектуальный историк Доминик Ла Капра не только разделяет позиции лингвистического поворота, но и фактически следует в русле идей таких его представителей, как Р. Рорти и Х. Уайт.

В связи с новым наполнением интеллектуальной истории следует отметить значение деятельности таких корифеев современной исторической мысли, как Ричард Рорти и Хэйдэн Уайт, создавших теоретические основания для пересмотра смысла и направленности исторического исследования, разработавших концепции «типов сюжетопостроения».

Выбор историка, зачастую бессознательный, зависит от языка, которым он пользуется. Поскольку, как считает Уайт, а за ним и многие другие представители интеллектуальной истории, история не создала собственного языка (хотя и использует квазитеоретическую терминологию), она использует все те же тропы, которые живут в обыденной речи (метафора, метонимия, синекдоха, ирония). В связи с этим следует сделать оговорку: лидеры интеллектуальной истории или постмодернистские историографы, утверждая, что историк неизбежно использует в своей работе правила и коды, не умаляют значение исторической профессии. Напротив, они аргументируют, что историческая методология вооружает нас для ответа на вопросы, задаваемые прошлому, корректным и исчерпывающим образом. Проблема же, которую видят представители лингвистического поворота в историографии, заключается в том, что правила, коды, методология зачастую предполагают и предопределяют сами вопросы, а потому подсознательно и ненамеренно конструируют исторический объект и реальность прошлого. Возникает опасность замещения исторической реальности конвенцией, условно называемой «эффектом реальности».

Как мы видим, вопрос, ставившийся когда-то историками идей, — «должна ли история идей принять лингвистический поворот», сегодня звучит риторически, потому что это принятие уже состоялось.

Эволюция истории идей привела ее к новому пониманию «идей»: вначале к «социальной истории» идей, а затем, в «новой интеллектуальной истории», — к сегодняшнему лингвистическому пониманию культуры, ее «языковой» обусловленности, создающей фун-

дамент для общности «идей». В этом смысле новое понимание «идей» приблизилось к фукольдьянским «эпистемам» — некоего проблемного поля, состоящего из «дискурсов» данной эпохи.

Таково новое наполнение (или, может, дополнение?) к «традиционным» сферам исследовательских интересов историографии. С одной стороны, история идей, понимаемая не просто как одно из направлений деятельности историков или ее новое исследовательское поле (наряду с гендерной, устной, повседневной и т.д.), а как нечто более значимое — изучение исторических категорий мышления, интеллектуальной деятельности, исторического развития интеллектуальной сферы (включая и ее философские, и художественные, и естественнонаучные части), как новый способ познать то, как видели мир в прошлом, как это видение менялось, как мы видим это видение сегодня.

С другой стороны, историография как история идей, составляющих историческое и культурное сознание эпохи.

Это движение навстречу усилит позиции историографии в осмыслении места истории в постмодернистском мире, создаст возможности для интеграции исторического знания в более «целостную» картину.

Роль истории и перспективы истории идей

Несмотря на «вызовы» и «проблемы» в плане постигаемости, познаваемости истории, разочарования в возможностях и «позитивной истины», и «деконструктивистской» практики..., несмотря на недоверие к истории и историографии, нам не чужд оптимизм. Вопросы пессимистов, связанные с «вызовами»: «Что остается истории, развенчиваемой как дисциплине, разрываемой деконструкцией, обесцениваемой релятивизмом и скептицизмом? Создавать микроистории? Воссоздавать мультикультурализм и полифонию? И какова тогда от истории польза?», — хотелось бы переадресовать к проблеме понимания функций истории.

Если исходить из неких «прикладных», «функциональных» позиций истории, то самым простым ответом тем, кто ставит вопрос о пользе истории в свете вызовов постмодерна, будут слова Артура Марвика: «попытайтесь вообразить повседневную жизнь общества, в котором никто не знает истории вообще. Воображение оказывается бессильным, потому что именно посредством знания история общество *познает* себя⁴⁶⁸. А мы добавим: что главная функция истории не столько (и даже вообще не) назидательная (как традиционно понимали почти во все времена, — начиная от античности,

и заканчивая советским временем), а «идентификационная» и «культурная». Поскольку общество не имеет «органической» памяти само по себе, ему нужен кто-то, кто эту память будет собирать и хранить — историки. Кроме того, общество воспроизводит себя при помощи истории. Это неотъемлемая часть тех культурных практик, которые человек усваивает в процессе взросления и интеграции в общество.

Если мы признаем «идентификационную» функцию истории, то становится более осознаваемой насущная актуальность исследований по истории Беларуси: «Оправданием любого исторического исследования в конечном счете должно быть то, что оно усиливает наше самосознание, дает нам возможность видеть себя в перспективе и помогает нам двигаться навстречу свободе, которую дает самопознание»⁴⁶⁹. И тогда возникает вопрос, который, как бы «наивно» он не звучал, нельзя игнорировать: должны ли мы делать акцент на истории Беларуси как главной, а на всех остальных «историях» как на второстепенных? Ответ может быть таким: в условиях пресловутой глобализации необходима собственная идентификация. Национальное самоосознание. Однако если мы не хотим, что нас «включили» постфактум, если мы не хотим быть поглощенными безликими глобализационными процессами, то исторической задачей является интеграция белорусской культуры в общемировую культуру (в самом широком смысле этого термина, подразумевая, что культура включает все символическое и материальное производство и организацию слов, жестов, образов, звуков, посредством которых люди способны достигать индивидуальной и коллективной идентичности, быть связанными с миром и отличать себя от других). А для этого абсолютно необходимы и всемирная история вообще, и история ее идей в частности — в этом состоят актуальные для историографии проблемы.

Интеллектуальная история, и в ее лавджоевском понимании, и в ее «социально-культурном» контексте, и в ее обновленном виде с лингвистической подоплекой, открывает в этом смысле широкие перспективы. Без такой истории мы останемся неизвестны не только западному миру, но и *самим себе* (пример: в Национальной Библиотеке Франции, где хранится более 13 млн. книг, 250 тыс. томов рукописей, 350 тыс. томов периодических изданий, 12 млн. эстампов, фото и еще десятки миллионов музыкальных записей, карт, аудиодокументов и мультимедиа — среди всего этого богатства белорусская история представлена примерно *двадцатью книгами*, в большинстве своем зарубежных авторов или изданиями об архитектуре и живописи).

Интеллектуальная история открывает путь к осмыслению себя и своего мира. Каковы были центральные «специфически» белорусские идеи? И можно ли так формулировать вопрос; развивалась ли белорусская культура в европейском «мэйнстриме»? Какие эволюции претерпевали общеевропейские идеи в «белорусском контексте» в литературе, искусстве, философии, социальных движениях? Как менялись стандарты морали, образовательные методы, вкусы? Каково было взаимовлияние научных открытий и общественной мысли и преломление их в повседневности? Как менялось содержание таких идей и доктрин, как эволюция, прогресс, примитивизм, индивидуализм, коллективизм, национализм, расизм, теорий о человеческих мотивациях, человеческой природе, обществе и т.д.⁴⁷⁰

Так что на вопрос о статусе истории в период «вызовов», ответим так: остается история как наиважнейшая часть процессов идентификации, культурного производства и воспроизводства, без которой общество не сможет функционировать, и остается историография как часть идентификации самой истории.

Остается и «поэтическая», по определению А. Марвика, составляющая истории — осознание, как писал Джордж Макалей Тревельян, «почти чудесного факта, что однажды, по этой земле... ходили другие мужчины и женщины, такие же реальные, как мы сейчас, имеющие собственные мысли, снедаемые своими страстями, но сейчас все они ушли, поколение за поколением, ушли так же, как и мы вскоре уйдем, подобно призракам, с рассветом» — в нашем воображении существует «инстинктивная жажда разрушить барьеры времени и смертности и расширить границы человеческого сознания за пределы человеческой жизни»⁴⁷¹.

Конечно, многие исследователи могут изначально негативно воспринимать идеи соотнесения/взаимодействия/перетекания интеллектуальной истории, истории философии, истории литературы, историографии (или, лучше, истории исторической мысли). И даже более того, энтузиазм в отношении таких идей был бы даже удивительным. После навязчивого, прямо-таки обсессивного, стремления к четкому определению исследовательских полей, попыток и разнообразных трактовок содержания предметов дисциплин историко-философского комплекса, продолжавшегося в советской исторической науке вплоть до 1980-х гг., идеи открытого, ориентированного на спонтанность, сознания, отсутствия строгих барьеров и междисциплинарности могут и должны восприниматься болезненно. Не случайно некоторые авторы уже сейчас отмечают оппозицию, проявляющуюся в противопоставлении

во всей культуре XX века «репрессивного логического позитивизма и попустительского экзистенциализма, а также авторитарного структурализма и «делай-что-хочешь» — постмодернизма»⁴⁷².

И все же, как соотнести такие, казалось бы, разные стороны видения «идей»? «Идей» — в самом широком смысле этого слова. Хотя перечисленные историко-философские домены разные, но все они имеют нечто общее — язык/письмо, языковые конструкции и, соответственно, осознание общности этих разных «историй» скрывается в признании их как всеобщей истории нарратива.

Как указывает Х. Уайт, вопрос о природе *нарратива* — это вопрос об осознании природы самой культуры, и даже возможно, *о природе самого человека*. Импульс к повествованию и неизбежность формы нарратива для всякого рассказа о том, как «все происходило на самом деле» являются настолько естественными, что нарративность может осознаться проблематичной только в культуре, где ее нет (или в тех областях современной западной интеллектуальной и художественной культуры, где ее отрицают на программном уровне). Уайт усматривает, что в самом термине «нарратив» опосредованы понятия «знание» и «рассказывать». Рассматривая латинские, греческие, санскритские корни этого понятия, он изучает как «перевести знание в рассказ — путем нарратива». Т.е., природа нарратива скорее общечеловеческая, нежели зависящая от специфического наполнения различных культур. Это предполагает, что нарратив является не просто одним из способов кодировки, посредством которых культура соотносит знание и опыт, но это *метакод*, универсальная человеческая база, на основе которой транскультурные «послания» о природе реальности могут переноситься⁴⁷³.

В условиях взаимосвязанности, интертекстуальности мира человеческой культуры, когда широко осваивается феномен междисциплинарности или интердисциплинарности, изучение интеллектуального поиска может дать колоссальное взаимообогащение и приращение знания. При этом осознание взаимозависимости всех его областей дает понимание, что нет единичных перемен в одной области без последующих/одновременных перемен в других областях. Какова эта взаимосвязь? Ее исследование в хронологической (проблемной/структурной) зависимости, возможно, и создаст самую эффективную интеллектуальную историю.

Контрольные вопросы

1. Что такое интеллектуальная история?
2. Каковы основные этапы ее развития как направления?
3. В чем проявляются взаимодействия лингвистического поворота, антропологизации и истории идей?

В заключении курса предлагается пройти форум по нижеприведенному сценарию.

Форум. Социокультурные измерения истории: новые проекты

Предлагая тему для форума, мы стремились освободить вас от условий изначальной «заданности» образовательного процесса. Поэтому тема, вынесенная на обсуждение, сформулирована так, чтобы быть максимально «открытой» и свободной для ваших исследований, наблюдений, выводов и, возможно, прогнозов.

I этап. На этом этапе предлагаем обсудить следующие вопросы:

- 1. Всемирная историография в первой половине XX века: конец «золотого века», объективизм, структурализм и социальная история.*
- 2. История и социальные перемены 1960-х – 1990-х гг.*
- 3. Нужна ли сегодня «апология истории»?*
- 4. Перемены в историческом сознании и познании, 1960–2000-е гг.*
- 5. История в начале столетия: продолжение следует...*

Просим продолжить перечень возможных вопросов по поставленной проблеме.

II этап. На этом этапе предлагается прокомментировать поставленные вопросы. Интерпретация может включать следующие параметры:

По 1-му вопросу

- а) время методологических сомнений и философско-исторических споров;
- б) социализация историографий в первой половине XX века (социальная история во Франции, Великобритании, США, Германии, России, Беларуси);
- в) проекты модерна: тотальные объяснения и их социально-культурные вариации (Советский Союз, США, нацистская Германия и др.);
- г) история коллективных ментальностей и «Анналы социальной и экономической истории».

По 2-му вопросу

- а) процессы демократизации, социальные волнения, «сексуальная революция» в странах Запада;
- б) явления «оттепели» и их культурные выражения в странах социалистического лагеря;

- в) попытка «перестройки» и распад СССР, «бархатные» революции, социальная поляризация в Беларуси и проблемы «гражданского общества»;
- г) ситуация постмодерна и процессы глобализации.

По 3-му вопросу

- а) советская историография: проблема «объективности» историка и зависимость от идеологии (можно иметь в виду примеры интерпретации белорусской истории);
- б) проблемы постнеклассической философии в отношении истории (объект/субъект, прошлое/история, событие/факт, нарратив/интерпретация, постижение/отражение и т.п.);
- в) белорусская историография после перестройки: зеркало перемен или последний «форпост» модерна.

По 4-му вопросу

- а) антропологизация исторического знания (постановка человека и его многообразных жизненных проявлений в центр истории, использование методов и подходов культурной антропологии, культура как вместилище символов человеческой деятельности);
- б) влияние постмодернистской «чувствительности» на историографию (лингвистические «трудности», анализ дискурсивных практик, проблема релятивизма, деконструктивизм...);
- в) новые предметы и направления исследований (история женщин и гендерная история, история повседневности, устная история, история ментальностей, историческая демография...)

По 5-му вопросу

- а) «класс», «нация», «дискурс», «культура...»
- б) исторический нарратив: ситуация безвластия?
- в) глобализация и «национальные концепции» истории...

Предлагаемые параметры условны. Требуется их критическое обсуждение, уточнение и расширение до оптимальности.

Хотя сама форма нашего общения – форум – диктует свободный обмен и даже, возможно, поляризацию мнений, это не снимает обязанностей с каждого участника качественно готовиться к сеансам. В этих целях предлагаем использовать следующую литературу:

Подборка по историографии эпохи «модерна» и «объективности»

Губман Б.Л. Смысл истории: очерки современных западных концепций. М., 1991.

История исторической мысли XX века. Вып. 1. Томск, 2001. Вып. 2. Томск, 2003.

Историческая наука в XX в.: Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки. Учебное пособие для вузов (под ред. А.В. Адо, И.П. Дементьева, А.И. Патрушева и др.). М.: 1-е изд. 2001, 2-е изд. 2002.

Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998.

Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. [Ч. 1] // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998. С. 11–52; Ч. 2 // Там же. 1998/99. М., 1999. С. 7–38.

Румянцева М.Ф. Теория истории. Учебное пособие. М., 2002.

Русакова О.Ф. Философия и методология истории в XX веке: школы, проблемы, идеи. – Екатеринбург, 2000.

Сидорцов В.Н. Актуальные методологические проблемы исследования истории // Гуманитарно-экономический вестник, 1998, № 1. С. 24–30.

Согрин В.В., Зверева Г.И., Репина Л.П. Современная историография Великобритании. М., 1991.

Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002.

Философия истории. Антология. Под ред. Ю.А. Кимелева. М., 1994.

Философия и методология истории. М., 1997.

Историография новейшего времени стран Европы и Америки.

Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996.

История и сталинизм. Сост. А. Н. Мерцалов. М., 1991.

Подборка по постмодерну и постнеклассической философии в отношении истории

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989; Семиотика. М., 1983.

Гурко Е. Деконструкция: тексты и интерпретация. Ж. Деррида. Оставь это имя (Постскрипtum). Как избежать разговора: денегации. Минск: Экономпресс, 2001.

Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002.

Ильин И.П. Постструктурализм и диалог культур. М., 1989; Некоторые концепции искусства постмодернизма в современных зарубежных исследованиях. М., 1988; Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996; Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998; Постмодернизм. Словарь терминов. М.: ИНИОН РАН (отдел литературоведения), INTRADA, 2001; Теория знака Ж. Дерриды и ее воздействие на современную критику США и Западной Европы // Семиотика. Коммуникация. Стиль. М., 1983.

Копосов Н.Е. Как думают историки. М., 2001.

Лиотар Ж.Ф. Постмодернистский удел(и еще что-то переведено, уточнить выходные данные).

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

Сидорцов В. Н. Методология исторического исследования (механизм творчества историка). Мн.: БГУ, 2000.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

Шутова О. М. «Антропологический» и «лингвистический» повороты в историографии // Архивы на шляху XXI стагоддзя: гісторыя, спадчына, сучаснасць. Мат-лы Другога беларуска-французскага архіўнага семінара. Мінск, 8-10 лютага 2000 г. Мінск.: НАН РБ, 2003.

Шутова О. М. Историография. Диалектика вызовов в условиях пост-модерна // XXI век: актуальные проблемы исторической науки. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Мн.: БГУ, 2004.

Эко У. Имя розы. М., 1989. (?)

Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Иностран. лит. — М., 1988, №10.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. ТОО ТК «Петрополис», 1998.

Эко У. Миграции. Терпимость и нетерпимость. // Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб., 1997

Подборка по глобализации

Арсенко А. Глобализация: социальные изменения и последствия в преддверии XXI века // Постмодерн: новая магическая эпоха. Ред. Л.Г. Ионин. Харьков, 2000.

Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М.: Прогресс — Традиция, 2001.

Гидденс Э. Постмодерн // Философия истории. Антология. М.: Аспект Пресс, 1995.

Ионин Л. Г. Новая магическая эпоха // Постмодерн: новая магическая эпоха. Харьков, 2000.

Некlessа А. И. Эпилог истории, или Модернизация versus ориентализация // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия. Московский Общественный Научный Фонд; Институт мировой экономики и международных отношений РАН. М., 1999.

Постижение истории; онтологический и гносеологический подходы. Учеб. пособие. Мн.: БГУ, 2002.

Подборка по «культурной истории» (3-й и 4-й вопросы)

Гириц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. СПб., 1997.

Гириц К. Польза разнообразия // THESIS: Теория и история экономических социальных институтов и систем. Т. 1. Вып. 3., М., 1993.

Гуревич А. Я. Избиение кошек в Париже, или Некоторые проблемы символической антропологии // Труды по знаковым системам. Т. 25. Семиотика и история. Тарту, 1992.

Дэвис Н. З. Возвращение Мартена Герра. М., 1990.

Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983, 1985 (1-е фр. изд. — 1958).

Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история. Ежегодник. 1997. М., Российская политическая энциклопедия, 1998.

Репина Л.П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиевистике // Одиссей. Человек в истории. 1990. М., 1990.

Теоретико-методологические проблемы исторического познания. Материалы к международной научной конференции. В 2-х тт. Мн.: РИВШ БГУ, 2000.

Подборка по гендерной истории, истории повседневности, микроистории, исторической антропологии, устной истории

Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999.

Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992 (фр. изд. — 1977).

Бёрк П. Антропология итальянского Возрождения // Одиссей. Человек в истории. 1993. М., 1994.

Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998 (1-е фр. изд. — 1924).

Блок М. Феодалное общество. Т. I. Ч. I. Кн. 2 (Условия жизни и духовная атмосфера) // его же. Апология истории, или Ремесло историка. Изд. 2-е, доп. М., 1986.

Гендерные истории Восточной Европы / Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А. Пето. Мн.: ЕГУ, 2002.

Гинзбург К. Образ шабаша ведьм и его истоки // Одиссей. Человек в истории. 1990. М., 1990.

Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996.

Гренди Э. Еще раз о микроистории // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. М., 1997.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972; 2-е изд. М., 1984.

Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989.

Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.

Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.

Гуревич А.Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей. Человек в истории. 1989. М., 1989.

XXI век: актуальные проблемы исторической науки. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Ист. фак. БГУ 15–16 апр. 2004 г. / Редкол.: В. Н. Сидорцов (ответ. ред.) и др. Мн.: БГУ, 2004.

Дэвис Н.З. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века. М., 1999.

Женщины на краю Европы / Под ред. Е. Гаповой. Минск: ЕГУ, 2003.

К новому пониманию человека в истории: Очерки развития современной западной исторической мысли / Под ред. Б. Г. Могильницкого. Томск, 1994.

Культура и общество в Средние века в зарубежных исследованиях. Реферативный сборник: К XVII Международному Конгрессу исторических наук (Мадрид, авг. 1990). М., 1990.

Культура и общество в Средние века и раннее Новое время. Методика и методология современных историко-антропологических и социокультурных исследований: Сб. аналит. и реф. обзоров / РАН. ИНИОН; Редкол.: А.Л. Ястребицкая (Отв. ред.) и др. — М.: ИНИОН, 1998.

Леви Дж. К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

Ле Гофф Ж. Является ли все же политическая история становым хребтом истории? // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Т. II. Вып. 4.

Людтке А. «История повседневности» в Германии после 1989 года // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 1999 (вып.2). М., 1999.

Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. Методология истории. Учеб пособие. Мн., 2004.

Медик Х. Микроистория // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Т. II. Вып. 4.

Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996.

Оболенская С.В. «История повседневности» в современной историографии ФРГ // Одиссей. Человек в истории. 1990. М., 1990.

Ревель Ж. Микроанализ и конструирование социального // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996 (Краткий вариант той же работы опублик.: Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996).

Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М.: РОССПЭН, 2002.

Репина Л.П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и новейшая история, 1997, №6.

Репина Л.П. Город, общество, цивилизация: историческая урбанистика в поисках синтеза // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995.

Сидорцов В.Н. Введение. Методические указания. Модуль I. Электронный учебный курс в системе УМК // Методология истории: количественные методы и информационные технологии. Учеб.-метод. пособие. Мн.: БГУ, 2003, с. 3–42.

Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993.

Феминизм и гендерные исследования. Тверь, 1999.

Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: РГГУ, 1996.

Шартье Р. Мир как представление // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.

Шутова О.М. Феминизм и постструктурализм: генеалогии, взаимодействия, противодействия // Женщины в истории: возможность быть увиденными. Вып. 3 / Под ред. И.Р. Чикаловой. Мн., 2004.

Шутова О.М. Устная и гендерная истории в свете антропологизации историографии // Женщины в истории: возможность быть увиденными. Вып. 1 / Под ред. И.Р. Чикаловой. Мн., 2000.

Журналы

Одиссей: Человек в истории. Москва. [Выпускается с 1989 г.]

THESIS: Теория и история экономических социальных институтов и систем. Москва.

Казус (Индивидуальное и уникальное в истории). [Выпускается Институтом всеобщей истории РАН].

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Абстрагирование (лат. *abstrahere*) – мысленное отвлечение от каких-то свойств конкретного, выделение в изучаемом объекте отдельных черт, интересующих исследователя.

Адаптационные механизмы – совокупность состояний и процессов, обеспечивающая определенную стабильность развивающейся системе в конкретных условиях внешней среды. *См. также Бифуркационные механизмы.*

Аксиоматический метод – способ построения научной теории, при котором за основу принимаются некоторые исходные постулаты (аксиомы); последующие утверждения этой теории выводятся логическим путем.

Амбивалентность (от лат. *ambo* – оба) – двойственность чувственного переживания, когда один и тот же объект вызывает у человека одновременно два противоположных чувства (например, симпатии и антипатии).

Анализ – логический прием мысленного расчленения явления или процесса (предмета) на части (признаки, свойства, отношения).
Анализы:

групповых фантазий – см. *Социально-психологические методы*;
искусствоведческий – индивидуализация и определение собственной информативности артефактов (искусственно сделанных предметов), их анализ через тексты знаний с использованием письменных источников, *семиотический* анализ, а также выявление в них социальной информации;

классовый – трактовка исторических явлений и процессов через призму наличия определенных классов, а у приверженцев марксистского подхода – и антагонистической классовой борьбы;

кластерный (от англ. *cluster* – гроздь) – метод классификации объектов при отсутствии заранее заданной информации о характере их распределения внутри группы;

количественный – сущностно-содержательный анализ исторических явлений на основе полученной системы их численных характеристик; позволяет установить абсолютную и относительную меру как количественных, так и качественных признаков изучаемых объектов, а также интенсивность их проявления;

системно-структурный – анализ с целью выявления элементов, подсистем, элементной обусловленности внутренних и внешних функций, истории и альтернатив дальнейшего развития изучаемого объекта как целостного образования;

функциональный – выявление внутренних и внешних функций, свойственных изучаемому объекту и его подсистемам; это выявление может выступать в качестве средства расчленения целостного образования, тогда анализ становится *структурно-функциональным*.

Аксиология (гр. *axios* – ценность, *logos* – слово, понятие) – учение о ценностях; цель учения – исследовать высшие смыслообразующие принципы как условие необходимого и общезначимого различения истинного и ложного, доброго и злого, справедливого и несправедливого и т. д.

Альтернативность в истории – представление, допускающее одну из двух или нескольких возможностей развития событий.

Аналитическая философия истории – см. *Критическая (аналитическая) философия истории*.

Аналогия (гр. *analogia*) – форма суждения, когда на основании сходства двух объектов в каких-либо отношениях делается вывод об их сходстве в данном отношении.

Андроцентризм (от греч. *andros* – мужчина) – культурная традиция представления мужской нормы как общечеловеческой, универсальной. **А.** в историографии используется теоретиками гендерного подхода, которые считают «традиционное» представление об истории андроцентристским, т. к. показывает в качестве действующих лиц лишь мужчин, отводя женщинам роль, «субъективированную» по отношению к общечеловеческой (мужской) норме.

Антропологизация (от гр. *anthropos* – человек) – явление в историографии, ставящее в центр исследования «человека» (в противовес, например, «событийной» историографии или истории классов, государственных, общественных институтов) и сопровождающееся заимствованием подходов и методов культурной антропологии.

Антропология – учение о природе (сущности) человека, который служит исходной точкой и центральным объектом рассмотрения. См. также *Историческая антропология*.

Архетип (гр. *arch* – начало, *typos* – образ) – в позднеантичной философии прообраз, идея; в социальных науках (социологии, социальной психологии) **А.** связан с концепцией коллективного бессознательного К. Юнга и означает врожденные априорные, происторические образы, общие для отдельных рас, наций и всего человечества; структурная единица коллективного бессознательного.

Архивоведение – научная дисциплина, занимающаяся разработкой методов сбора, систематизации и хранения документов, изучением истории и организации архивного дела.

Аттрактор (от англ. *attract* — привлекать) — особые точки в фазовом пространстве динамических систем, притягивающие или отталкивающие траектории движения новообразований.

База данных — упорядоченный массив информации в электронной форме, который создан и обрабатывается с помощью специфического программного средства — СУБД; при этом главное условие, необходимое для изучения данного массива информации, заключается в его доступности для проведения поиска, пополнения и анализа данных.

Банк данных — совокупность всех массивов информации длительного хранения в автоматизированных системах обработки данных, а также программных и технических средств, обеспечивающих ее накопление, обновление, корректировку и использование.

Белорусская идея — термин, обозначающий систематизированное обобщение национального самосознания и представленный как в рационализированной, социально-философской и общественно-политической форме, так и в образно-художественном выражении; ее суть заключается в осмыслении бытия белорусского этноса, исторического наследия и борьбы белорусского народа, его национальной идентичности и самостоятельности, генетических истоках, исторического предназначения, идей существования, оснований уникальности, особенностей национального характера, геополитического положения и роли в глобализационных процессах современности.

Бенара точки — элементы системы, обладающие памятью о прошлых действиях и способностью приспосабливаться к новым условиям различным образом.

Бифуркация (от лат. *bifurcus* — раздвоенный) — точки ветвления процесса, порождающие новую линию эволюции; в этих точках система избавляется от отживших структур и формирует новые; термин введен представителями бельгийской школы И. Пригожина.

Бифуркационные механизмы — совокупность состояний и процессов, из которых складывается действие, когда система проходит через одно из пороговых состояний, совершая переход, ведущий к качественному изменению протекающих в ней процессов, к изменению ее организации. См. также *Адаптационные механизмы*.

Биогенетический закон — закон, в соответствии с которым индивидуальное развитие организма (онтогенез) в сжатой форме повторяет основные стадии развития всего вида (филогенез); сформулирован З. Фрейдом.

Возможность — объективная тенденция, выражающаяся в наличии условий для возникновения и развития исторического объекта или процесса.

Восхождение от абстрактного к конкретному — общенаучный метод познания, позволяющий перейти от ограниченного знания к более полному, конкретному, теоретическому знанию.

Время историческое — время, наполненное историческими событиями и зависящее от их характеристик; введено В. Дильтеем.

Всемирно-исторический — понятие, в котором выражается единство и целостность человеческой истории, скрытые за внешним многообразием локально-исторического.

Гендер (от гр. *genes* — рожденный) — социокультурная конструкция пола, которая задается не природой, а институтами социального контроля и культурными традициями, принятыми в том или ином обществе; гендерный статус, гендерная иерархия и модели поведения присущи каждой исторической эпохе; впервые использовал Р. Столлер в 1968 г.

Гендерная история — направление исследований в историографии, получившее широкое распространение в 1970-е гг.; считает гендерную принадлежность «встроенной» в структуру всех общественных институтов, а потому изучает взаимообусловленность гендерного статуса, властных отношений и отношения собственности, его проявления в культурной сфере.

Генерализирующие науки — обобщающие науки; о законах.

Геополитика (от гр. *geo* — земля) — междисциплинарное научное направление, изучающее зависимость внешней политики государств и международных отношений от системы политических, экономических, военных отношений, обусловленных географическим положением страны (региона) и другими факторами (климатом, природными ресурсами, расселением и т. д.); цель геополитики — разработка геостратегии государства, т. е. направлений его внешнеполитической деятельности.

Герменевтика (гр. *hermeneutike* — истолковательное) — искусство и теория истолкования текстов, исходя из их содержания, а не из их объяснение через контекст.

Гипертекст (от гр. *hyper* — над, сверх, по ту сторону) — сверхтекст (дополнительный текст); используется в компьютерных системах представления знания.

Глобализация (англ. *globalization*) — философско-культурологическая интегративная концепция, отражающая тенденции развития мировой истории на современном этапе. Г. утверждает, что современное общество — это целостный и взаимосвязанный мир, постоянно сталкивающийся с необходимостью культурного плюрализма при решении глобальных проблем современности (установление международного порядка на принципах равноправия

и взаимовыгодного сотрудничества, развитие экономической интеграции, предотвращение мировой ракетно-ядерной войны, решение экологических, демографических, энергетических, продовольственных проблем, а также связанных с ликвидацией эксплуатации, нищеты и других форм социального неравенства).

Гносеология (от гр. *gnosis* – знание) – теория познания, изучающая его возможности, исследующая источники, формы и методы познания, условия его достоверности и истинности.

Гражданское общество – см. *Общество*.

Дедукция (лат. *deductio* – выведение) – метод систематизации накопленного и теоретически осмысленного материала и выведения из него всех следствий; построение научной теории. См. *Индукция*.

Деконструктивизм – направление в теории культуры, основной идеей которого является деконструкция – поиск в любом тексте скрытых смыслов, денотативных (явных) и коннотативных (созвучных) элементов, «следов» от прошлых и настоящих языковых практик.

Демографическая история (от гр. *demos* – народ) – отрасль знания о народонаселении во временной протяженности, его распределении, составе и воспроизводстве (рождаемости, смертности, продолжительности жизни), факторах его движения.

Диалог (гр. *dialogos*) – логико-коммуникативный процесс, при котором люди взаимодействуют посредством своих смысловых позиций; такое взаимодействие ведет к кристаллизации идей; их творческому взаимодействию и синтезу.

Диахронический (гр. *dia* – через, *chronos* – время) метод – см. *Метод*.

Дискурс (англ. *discourse* – речь), **дискурсивные практики** – связанный текст в совокупности с некоторыми внетекстовыми параметрами и факторами, т. е. событиями, являющимися предметом повествования, условиями порождения текста; применительно к истории, историографии – языковое сознание эпохи, изучение языковых практик, бытовавших в ту или иную историческую эпоху.

Диссипативные (лат. *dissipatio* – рассеивание) – **структуры** – неравновесные, динамические структуры, формирующиеся только в крупных и сложных системах; отвечают за постоянный обмен материей, энергией и информацией системы и внешней среды.

Женская история – направление в историографии, возникшее на почве феминистской идеологии 1960-х гг. и призванное восстановить справедливость в отношении женщин, «забытых» предшествовавшей историографией; открытие собственно женщин в истории, женский взгляд на исторический процесс; господствовала до середины 1970-х гг., вплоть до появления *гендерных исследований*.

Идеализация — общенаучный метод познания, при помощи которого свойства и признаки объекта исследования доводятся до крайнего предела; применяется с целью более полного и глубокого проникновения в сущность изучаемых процессов и явлений.

Идеальный тип — мысленный образ-схема, представляющий исследовательскую конструкцию для упорядочения и систематизации конкретно-исторического материала; введен М. Вебером.

Идеология (гр. *idea* — идея, образ, *logos* — слово, понятие) — система исторически сложившихся концептуально-теоретических взглядов и идей, а также эмоционально-психологических средств, выражающих основные социальные программы и приоритеты, интересы и цели, идеалы и ценности определенных социальных общностей и организаций, наций и государств, политических партий и общественных движений, ставящих целью сохранение или преобразование существующего общественного устройства; в отличие от объективистски-рационального, логически выстроенного теоретического представления знаний, идеологический способ представления оперирует как концептуально-теоретическими, так и эмоционально-психологическими средствами, обращается к соответствующей системе ценностей, интересов, образов, символов, лозунгов, политических симпатий и антипатий, программ действия.

Идеографический метод — см. *Метод*.

Изоморфизм (гр. *isos* — равный, *morphe* — форма) — отношения типа одинаковости, равенства объекта и его модели.

Имманентный (гр. *immanens* — присущий) — внутренне присущий какому-либо явлению, проистекающий из его природы.

Инвариантный путь развития — неизменный путь развития, не допускающий альтернативы.

Индивидуализирующие науки — науки об индивидуальном; описательные, идиографические.

Индукция (лат. *inductio* — выведение) — логический переход от единичных фактов (всех или не всех) к общим положениям и возможно вероятным посредством установления сходства, различия, сопутствующих изменений. См. *Дедукция*.

Инструментальные средства — техника исследования, например — компьютерная.

Интеллектуальная история, история идей — направление в историографии, возникшее во второй половине 1930-х гг. в связи с основанием *Journal of the History of Ideas* (ред. А.Лавджой) и выходом в свет книги А.Лавджоя «*The Great Chain of Being*» («Великая цепь бытия», 1936). Первоначально имела целью создание истории идей на стыке 12 полей (истории философии, науки, фольклора, этно-

графии, частично языка, истории религиозных верований, литературы, искусства, экономической истории, истории образования, политической и социальной, исторической составляющей социологии), при этом ключевым понятием были «идеи» (некие единицы-блоки в культуре, циркулирующие как составные части разнообразных учений и теорий в различных областях знания). В 1960–1970-е гг., переосмыслила себя в плане «социализации» (не только «сияющие вершины», но и идеи «простых» людей); в 1980-е гг. получает название «новой» и переходит к принятию лингвистического поворота.

Информатизация — совокупность процессов, происходящих во всех сферах общества и связанных с качественно новым уровнем производства, переработки и передачи информации.

Информационно-энтропийный (гр. *en* — в, внутри, *thrope* — поворот, превращение) метод — см. *Метод*.

Искусственный интеллект — совокупность автоматических методов и средств целенаправленной переработки информации (знаний) в соответствии с опытом, приобретаемым в процессе обучения и адаптации.

Исследовательские программы (парадигмы) — системы принципов, идеалов и норм, определяющие механизмы описания и объяснения общественных и исторических явлений, критерии научности в их познании и прогнозировании, выступающие в силу своей интегративности трансляторами социально-философского знания в сферу конкретно-научного знания, а через него способствующие приданию смысла деятельности практического мышления в истории, экономике, политике и других сферах социальной жизни.

Историзм — принцип исследования, требующий изучения всякого явления в его генезисе и развитии, конкретно-исторической обусловленности и индивидуальности; как научный принцип утверждается в XIX в.; характерный способ мышления человека новоевропейской цивилизации; современная историография понимает **И.** также как критическое движение мысли, утверждающее преимущественную важность исторического контекста для интерпретации текстов всех видов.

Историко-генетический метод — см. *Метод*.

Историко-системный метод — см. *Метод*.

Историко-сравнительный метод — см. *Метод*.

Историко-типологический метод — см. *Метод*.

Историософия — центральное учение в философском осмыслении человеческой истории, область осмысления вопросов о человеке, его судьбе и предназначении, о смысле и цели истории, конце истории и т. д.; термин введен А. Цешковским.

Историческая антропология — направление в исторической науке, дополняющее объективно-структурное и рассматривающее повседневную жизнь людей как в ее материальных обстоятельствах («кастрюля не менее важна, чем соната Бетховена»), так и в субъективированном виде — в поведении людей. Возникла на основе использования методов культурной антропологии.

Историческая информатика — направление в исторической науке, возникшее на стыке источниковедения, информатики и количественной истории; в его основе лежит формализация и компьютерная обработка исторических источников, разработка и использование новых компьютерных технологий исследования, создание компьютерных программ обучения.

Исторический закон — объективно существующая и повторяющаяся связь этапов исторического процесса, обобщающая эмпирические данные и носящая в реализации вероятностный характер.

Историческое — процесс становления и развития объекта; понятие, определяющее предметную область истории в общем массиве социального знания.

История идей — см. *Интеллектуальная история*.

История повседневности — описание быта людей в истории, их отношения к важнейшим событиям современности, «открытие» жизни людей, «спрятанных» от истории на протяжении всех предшествующих эпох; темами изучения становятся семейная жизнь, манеры и одежда, режимы питания, образ жизни и т. д.; исследовательские подходы связаны с культурной антропологией, историей ментальностей, гендерной историей, микроисторией.

Инструментальные средства — техника исследования, например компьютерная.

Источник — любая информация, которая может быть использована для познания прошлого, в первую очередь, продукт целенаправленной деятельности людей; особую роль играют письменные источники.

Категории — наиболее общие понятия, концентрирующие знания о важнейших отношениях, свойствах и связях окружающего мира.

Количественная история (клиометрия) — область исторической науки, основанная на применении количественных методов исследования.

Классификация — прием, который позволяет выделить классы и группы сходных исторических объектов на основе определенных признаков.

Классовый анализ — см. *Анализ*.

Кластерный анализ — см. *Анализ*.

Когнитивный (англ., лат. *cognitive*) — познаваемый, имеющий отношение к познанию.

Количественный анализ — см. *Анализ*.

Колориметрия — учение о способах математического решения проблем систематики, классификации, гармонии и эстетической оценки цвета.

Компьютерное источниковедение — научное направление в источниковедении, основанное на применении компьютерных технологий.

Конец истории (конец идеологии) — фактически конец модернистских толкований истории, связанных с теологическим по своей сущности представлением о «заданности» истории как постепенного и неуклонного поступательного движения от низших форм к высшим.

Контртрансфер — термин, принятый в психоанализе и предусматривающий эффект «переноса» эмоций и отношений врача/пациента; в психоистории подразумевает перенос отношения объекта исследования на субъект.

Контент-анализ — метод, основанный на сведении текста источника к ограниченному набору определенных элементов, которые легко подвергнуть количественной обработке. См. также *Социально-психологические методы*.

Концепция всемирной истории — рассмотрение исторического процесса, исходя из взаимосвязи «всемирно-исторического» и «локально-исторического». См. также *Всемирно-исторический; Линейная концепция истории*.

Концепция культурного плюрализма — признание исторической индивидуальности каждого народа как высшей ценности и несравнимости индивидуальных культур; получил развитие в романтической историографии конца XVIII — XIX вв.

Концепция социального действия — объяснение причины социального действия через его субъективно подразумеваемый и переживаемый смысл; вместе с ним в социальном познании оказывается представленным все многообразие человеческой культуры (идеи, идеологии, мировоззрения, представления и т. п.). Социальное действие как единица социальной реальности введено М. Вебером.

Критическая (аналитическая) философия истории — гносеологическое направление (логика исторического познания) в философии истории, охватывающее такие проблемы, как природа и специфика исторического познания, организация и представление исторических фактов и теорий, в отличие от онтологического, акцентирующего внимание на проблеме исторического бытия (онтологии).

Культура (лат. *cultura* – возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание) – специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе. Подходы в культуре:

аксиологический (от гр. *axios* – ценный) – связан с выделением мира ценностей в бытии человека; культура в этом случае выступает как совокупность материальных и духовных ценностей, как сложная система идеалов, целей и смыслов, значимых для человека;

гуманитарный – выделяет в культуре аспекты, направленные на духовно-нравственное совершенствование человека как субъекта культуры;

деятельностный – в его рамках культура выступает как специфический способ человеческой жизнедеятельности, регуляции, сохранения, воспроизводства и развития общества, как своего рода «социальный ген» жизнедеятельности людей, механизм адаптации и основа творческой активности человека;

семиотический (гр. *semeiotike* – учение о знаках) – заключается в способности культуры выступать в качестве знакового механизма передачи опыта через определенный социокод, т. е. закрепленную совокупность деятельностных схем (по биологическим программам не передаются); они обеспечивают социальное наследование; человек их усваивает в процессе обучения, воспитания, трудовой деятельности и т. д.;

социологический – представляет культуру как социальный институт, который определяет роли и нормы поведения людей в конкретной системе общественных отношений, в различных подсистемах культуры (материальной, духовной, политической).

Культура в контексте «постмодернистского» понимания – включает все символическое (и материальное производство и организацию слов, жестов, образов, звуков), посредством которых люди способны достигать индивидуальной и коллективной идентичности; исторически складывающийся комплекс символов человеческой деятельности.

Культура историческая – целостный исторический феномен (культурно-исторический тип, локальная культура), возникающий на базе территориальной, этнической, языковой, политической, экономической и психологической общности, проходящий этапы зарождения, развития и упадка.

Культурная (социальная) антропология — направление, возникшее в начале XX в. в западной историографии и ставившее главным объектом исследования «примитивные» (не соприкоснувшиеся с техногенной цивилизацией) общества, которые рассматривались как прототипы современных социальных институтов (права, брака и т. п.); впоследствии методы К. А. (полевые исследования, плотные описания и др.) распространились и на анализ истории.

Лингвистический (Дискурсивный) поворот в истории — совокупность процессов, связанных с признанием языкового характера мышления и переносом подходов и методов литературной критики на все гуманитарное знание.

Линейная интерпретация истории — концепция объяснения всемирно-исторического процесса как характеризующегося специфическим порядком событий, динамикой общественной жизни людей, необратимостью и направленностью развития, единством принципов организации, нацеленностью на прогресс, постоянное восхождение к более совершенным формам общественной жизни.

В интерпретации исторического процесса выделяют подходы:

Формационный — учитывающий поступательно-стадиальный, прогрессивный характер развития человеческой истории, развитие во времени, ее хронологию; в марксизме выделяется пять общественно-экономических формаций (первобытная, рабовладельческая, феодальная, буржуазная и коммунистическая);

цивилизационный — учитывающий всю многомерность, сложность, уникальность отдельных культур и цивилизаций, развитие человеческого общества в пространстве; при таком, интеграционном подходе исторический процесс может быть рассмотрен во всем его многообразии, вариативности исторического развития, в направленности на плюралистический диалог культур и обоснование перспектив развития.

Логическое — философская категория, основанная на теоретическом воспроизведении развивающегося или развитого объекта во всех его существенных связях и отношениях.

Макроанализ — см. *Анализ*.

Массовые источники — объекты действительности, которые образуют определенные общественные системы с соответствующими структурами; к ним относится вся совокупность статистических источников.

Математическое моделирование — см. *Моделирование*.

Машиночитаемые (электронные) документы — документы, пригодные для автоматического (машинного) считывания содержащейся в них информации.

Междисциплинарность — заимствование и перетекание подходов и методов различных дисциплин; создание междисциплинарных объектов (гендер, класс, повседневная жизнь и др.).

Менталитет, ментальность (лат. *mens, mentalis* — мышление) — особый набор «привычек мышления», обнаруживающихся как нечто самоочевидное для человека данного типа культуры на определенном историческом промежутке времени; совокупность образов и представлений, которыми руководствуются в своем поведении члены той или иной социальной группы и в которых выражено их понимание мира и собственного места в нем.

Метафора (гр. *metaphora* — перенос) — событие в образе, образное сближение слов на базе их переносного значения, направленное на удовлетворение потребности не в объяснении события, а в его понимании.

Метод — совокупность приемов и операций, которые регулируют деятельность историка и обеспечивают решение исследовательской задачи. Методы:

герменевтики — вскрытие намеков в тексте путем изучения исторических реалий, «вживание» в текст, а также его психологический анализ;

диахронический — способ научного исследования путем построения во времени разнообразных по природе исторических явлений и процессов;

идеографический — состоящий в описании индивидуальных особенностей исторических фактов, на основе «отнесения к ценности» (действительно «существенным» событиям и явлениям); разработан баденской школой неокантианства;

информационно-энтропийный — выявление случайных элементов и определение их меры;

историко-генетический — способ изучения исторических явлений в процессе их развития от зарождения до гибели или современного состояния;

историко-системный — углубленный анализ общественно-исторических систем, раскрытие внутренних механизмов их функционирования;

историко-сравнительный — метод сопоставления исторических объектов в пространстве и времени, выявление сходства и различия между ними;

историко-типологический — средство выявления общих черт в пространственных группах исторических событий и явлений или выделение однородных стадий в непрерывно-временном их развитии;

классового анализа — рассмотрение любого общественного явления через призму наличия определенных классов и классовой борьбы;

количественные — совокупность приемов и операций описания, преобразования и получения нового исторического знания с использованием современных методов математики и информатики;

многомерного статистического анализа (МСА) — набор математико-статистических методов, ориентированных на исследование статистических совокупностей, в которых объекты характеризуются набором определенных признаков;

номогенетический (от гр. *nomos* — закон) — метод естественных наук, состоящий в обобщении материала и установлении законов; разработанный И. Кантом и представителями баденской школы неокантианства;

политологии — основанные на общенаучных методах: институциональный метод как изучение политических институтов, исследование «случая» (case studies) с его уникальным набором причин, анализы — концептный (объяснение ключевых моментов) и дискурсивный (междисциплинарный) и др.;

психологические — позволяющие выявить психическую мотивацию исторических процессов и создать психологическую концепцию личности в истории;

ретроспекции (от лат. *retro* — назад) — движение мысли от современного видения объекта в прошлое с целью выяснения причины его появления;

семиотики (гр. *semeiotike* — учение о знаках) — вычленение знаков, разделение знаков и «означаемых» ими значений, способы кодировки и перекодировки знаков, складывание из них нового исторического построения;

социально-психологические — заимствованные из социальной психологии, индивидуальной психологии, психоанализа; рассматривающие коллективное поведение, групповую динамику согласно теориям социальной психологии. Различают психоанализ индивидуальный (источников личного характера, например, мемуаров, писем, литературных произведений и т. д.) и анализ групповых фантазий, т. е. образов, возникающих в групповом бессознательном (фольклора, художественной литературы, архитектуры и т. п.); перенос теории психоанализа личности на изучение групповых процессов (идеи о «психической защите», роли детства и др.);

социологии — основанные на общенаучных методах неформализованные (качественные) и формализованные (качественно-количественные) методы, в т. ч. контент-анализ, количественный

анализ, в ходе которого используются приемы выборки, процентное распределение, индексы, парные корреляции, различные виды многомерного статистического анализа, коэффициент Яниса, предназначенный для вычисления баланса положительных и отрицательных оценочных суждений относительно избранного объекта высказывания;

экономической науки — основанные на общенаучных методах: *позитивный* метод, предполагающий описание, анализ и систематизацию фактов, явлений и процессов в том виде, в котором они имели место в действительности, и позволяющий раскрыть их функциональные связи (например, изучение рыночных систем); *нормативный*, посредством которого устанавливается связь между познавательной и оценочной деятельностью познающего субъекта, что очень важно при проведении принципа ценностного подхода с обязательным учетом принципов историзма и объективности.

Методология (гр. *methodos* — способ познания, *logos* — учение) — система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе; теория о путях и методах формирования научного знания.

Методология истории — дисциплина, изучающая природу, принципы и методы исторического познания; раскрывает специфику познания истории, взаимосвязь исторической науки и современности, структуру исторического исследования и основные исторические понятия.

Методы многомерного статистического анализа — см. *Метод*.

Микроанализ — см. *Анализ*.

Многомерное шкалирование — метод МСА, целью которого является описание матрицы близости расстояний между точками объектов и представление данных об их сходстве в виде системы точек в пространстве.

Многомерность — единство двух основных видов информации: внутреннего (теоретические, формально-логические, концептуальные модели) и внешнего (текстуальные и знаково-символьные формы).

Множественная регрессия — метод МСА, посредством которого устанавливается зависимость одного признака (результатирующего) от набора независимых факторных признаков.

Моделирование — метод исследования объектов познания на их моделях, воспроизводящих или отражающих эти объекты; в основе метода лежит теория подобия. Моделирование:

имитационно-прогностическое — конструирование подражательных моделей с целью определения оптимального характера

функционирования общественных систем и проведения прогнозирования.

отражательно-измерительное — метод, основанный на создании математических моделей, характеризующих процессы, происходившие в реальной исторической действительности;

Модель — абстрагированное выражение сущности объекта моделирования (аналог объекта, квазиобъект); программа либо устройство, обеспечивающее имитацию характеристик и поведения определенного объекта. Модели:

биологические — аналоговые (сходные в каком-то отношении с исследуемым объектом) и изоморфные;

математические — система математических соотношений, описывающих изучаемый объект в понятийно-знаковой форме (уравнение, неравенство, коэффициенты, графы и др.);

социальные — подобные (похожие) и аналоговые;

физические — изоморфные (гр. *изо* — равный, *морф* — форма), т. е. взаимоднозначные с исследуемым объектом.

Модерн (фр. *moderne* — современный) — период начала индустриализации и «капиталистических» преобразований в социально-экономической сфере, поиска «тотальных» объяснительных теорий в социальных науках, экспериментов построения общества по этим теориям в политике, стремления к целостности, лаконизму форм, подчеркиванию структурных элементов в искусстве.

Модернизация — теория прогрессивного развития общества через государственные или социальные структуры, причем «простой» человек со свойственной ему картиной мира присутствовал в этой теории лишь в качестве пассивного объекта целенаправленной преобразовательной деятельности общества.

Модернизм — направление в культуре XX в., для которого характерны отрицание традиционных форм и художественности, опора на условность стиля, поиск новых эстетических принципов, разрыв с реализмом.

Мультикультурализм — подход в отношении множественности, релятивности и равноценности культур в истории.

Мультимедиа (анг. *multimedia* — многосредность) **расширение** — пакеты программ, дающих возможность дополнить традиционные документы (таблицы, тексты, иллюстрации и т.д.) такими элементами, как звуковое сопровождение, видео-вставки и т.д.

Народная (популярная) культура (popular culture) — объект микроистории, включающий не только проявления «низовой», «лубочной» культуры, но и условия, в которых жили люди, их повседневный опыт.

Нарратив (лат. «narratio» — повествование) — имеющий отношение к описанию, один из главных приемов исторического исследования.

Нелинейность развития — многовариантность, непредсказуемость развития из-за наличия в обществе большого количества подсистем, постоянного столкновения интересов и целей различных людей.

Необходимость — философская категория, которая представляет отражение внутренних, устойчивых, повторяющихся, всеобщих отношений действительности; используется для определения поведения исторических субъектов, а также хода исторических процессов.

Неокантианское направление в методологии истории — направление в германской историографии конца XIX — первой четверти XX вв., противопоставившее по содержанию и методу исследования науки о культуре и науки о природе, провозгласившее аксиологический метод основным средством постижения истории (В. Виндельбанд, Г. Риккерт, М. Вебер).

Неообъективизм — направление в американской историографии второй половины XX в., постулирующее возможность объективного познания прошлого, в условиях зависимости исторической науки от современности.

Номологические науки (от гр. *nomos* — закон) — науки об общем, о законах.

Обобщение — выявление общих признаков (свойств, отношений, тенденций) объективных фактов (событий) — индуктивное обобщение, — а также мыслей — логическое обобщение.

Общественные объединения — добровольные самоуправляемые некоммерческие формирования, созданные по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации целей, указанных в уставе общественного объединения. Правовое регулирование деятельности общественных объединений осуществляется на основе Конституции Республики Беларусь и Закона Республики Беларусь «Об общественных объединениях», другими актами законодательства.

Общество:

гражданское — система самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей;

информационное — общество, характеризующееся в техническом отношении широким внедрением информационных тех-

нологий во все сферы жизни общества, в котором информация и уровень ее использования существенным образом обуславливают качество жизни, а также перспективы экономического развития и социальных изменений;

постиндустриальное — общество, в котором сфера услуг получила приоритетное развитие и превалирует над объемом промышленного производства и производства сельскохозяйственной продукции.

Объективность — принцип, исходящий из представления о возможности субъекта дать аутентичное (подлинное) истолкование объекта исторического исследования, обеспечивающий получение истинного знания о прошлой реальности, адекватное ее описание.

Онтология (от гр. *ontos* — сущее) — философское учение о бытии, его основах, принципах, структуре и закономерностях; применительно к истории используется понятие социальной онтологии (учение о бытии общества).

Описание — этап эмпирической стадии научного исследования, состоящий в фиксации знания об исторической реальности с помощью системы обозначений, принятых в науке.

Отождествление нетождественного — упрощение исторических объектов в процессе исследования, когда им приписываются свойства, которыми они обладают в небольшой степени либо вообще не обладают.

Оценка — выяснение значения события в историческом процессе, его актуальности для современности.

Панславизм — идейно-политическая доктрина, провозглашающая общность интересов всех славянских стран, необходимость их единства.

Парадигма (гр. *paradeigma* — пример, образец) — теория или модель постановки проблемы, принятая в качестве основы для решения исследовательской задачи.

Понимание — процедура, связанная с включением некоторого нового содержания в систему устоявшихся идей и представлений.

Позитивизм (лат. *positivus* — положительный) в исторической науке — направление в науке XIX–XX вв., ориентированное на описание и систематизацию фактов, исходящее из идеи единства научного знания и возможности внедрения в историческое исследование нормативных требований и методов естественных наук.

Познание историческое — форма отражения объективной действительности, основанная на соблюдении принципов историзма, системности, объективности и ценностного подхода.

Полидисциплинарность — обращение к теории и методам других дисциплин при рассмотрении объектов данной дисциплины. См. также *Междисциплинарность*.

Понятие научное — мысль, отражающая в обобщенной форме связи между предметами и явлениями действительности посредством фиксации общих и специфических признаков, в качестве которых выступают свойства предметов, явлений и отношения между ними.

Постмодернизм (приставка лат. *post* — после характеризует осознание непохожести на предшествующий период — модерна) — движение в современной философии, литературоведении, теории культуры, историографии и др. областях; характеризуется отрицанием теорий классической философии (прогресса, разума, познания, объективности и др.) и недоверием к метатеориям вообще; представляет мир в виде разнообразия, нестабильности, набора различных культур или интерпретаций; опирается на теорию дискурса, деконструктивизм, постструктурализм; получает развитие в сер. XX в.

Постструктурализм — направление в современной философии, характеризующееся своим противопоставлением структурализму, связанному с использованием структурного метода, моделирования, формализации и математизации, обращением к чувственному восприятию действительности, иррационализму (вере); П. критикует жесткое деление на «структуры», переносит акценты на все нестабильное, случайное, иррациональное, фрагментарное, изучает не «знак», а «текст», «дискурс», рассматривает формы культуры как текстуальные, подчиняющиеся законам риторики, считает, в противовес классической философии, сознание и разум не тождественными, что влечет за собой вопрос о познаваемости мира.

Прагматика (гр. *pragma* — дело) — раздел семиотики, изучающий отношение знаков и знаковых систем к тем, кто их использует, к людям и их поведению. См. также *Семантика*; *Синтактика*.

Презентизм (лат. *presentism* — представление) — релятивистское направление в американской историографии 20–50-х г. XX в., утверждавшее неразрывную связь истории и современности, обусловленность всего процесса исторического исследования влиянием современности (К. Беккер, Ч. Бирд).

Проблемное поле — область научного исследования, определяющая основные проблемы, представленные для изучения.

Прогресс — тип или направление развития, для которого характерен переход от низшего к высшему, от менее к более совершенному; успех, достигнутый по сравнению с прошлым.

Прогресс социальный — тип развития социальной сферы, процесс происходящих в ней изменений, при которых она или отдельные ее элементы, отдельные социальные явления переходят на более высокую — в соответствии с объективными критериями — ступень, стадию зрелости либо происходит количественное нарастание присущих соответствующим социальным явлениям позитивных характеристик; в современных условиях актуальной является проблема поиска критерия социального прогресса, так как налицо диспропорция между прогрессом техники и науки, материального производства и потребления и ростом отчуждения человека «в массовом обществе», уровнем духовной культуры общества; понятие прогресса в современных условиях все более трансформируется в сторону обогащения его гуманистическими характеристиками; развитие человека в его духовном и телесном измерении, осознание самоценности человеческого существования, создание благоприятных условий для человека — в этом видится прогресс современного общества.

Пространство — ареал повседневной жизни, в которой коренятся все проявления человеческой активности и которая предстает наиболее глубинным («особой мерой плотности», по М. Блоку) измерением исторических процессов.

Психоанализ (в историографии) — объяснение типов личности, социальных институтов и действий; актуализация детского опыта на основе клинических аналогий, поиск истоков такого объяснения в бессознательном; изучение поведения групп на основе модели индивидуального развития; использование концепции о «психической защите» для анализа поведения коллективов и индивидуумов в истории. *См. также* Анализ.

Психогенетическая теория истории — подход, основанный на передаче из поколения в поколение психической структуры как главной составляющей в распространении и развитии культурных элементов общества; разработана Л. де Мозе.

Психоистория — направление в историографии, складывающееся из трех главных разделов: история детства, психобиографии, история групп; четко ориентирована на исследование психологических мотиваций тех или иных исторических событий.

Редукционизм (от лат. *reductio* — возвращение, отодвигание назад) — методологический принцип, согласно которому высшие формы материи могут быть полностью объяснены на основе закономерностей, свойственных низшим формам.

Реконструкция историческая — восстановление изучаемой исторической реальности (событий прошлого) на основе извлечения

из исторических источников скрытой информации путем использования логических приемов, чувственного опыта, интуиции, научного воображения.

Репрезентативность (от фр. *representativ* — показательный) — свойство выборочной совокупности объектов представлять характеристики генеральной совокупности.

Ретроспекция — взгляд в прошлое, обозрение того, что было в прошлом с целью уяснения настоящего. См. также *Метод ретроспекции*.

Самодостаточность — способность истории как сложной системы создавать и воспроизводить в процессе активной совместной деятельности людей необходимые условия собственного существования; история в данном случае характеризуется как целостный организм, в котором тесно переплетены и не могут функционировать в отрыве друг от друга различные социальные группы, обеспечивающие совместными усилиями жизненно необходимые условия существования.

Семантика (гр. *semantikos* — обозначающий) — раздел семиотики, занимающийся анализом отношения знаков к объектам, знаков системы как средства выражения смысла.

Семантическая карта — объединение вербальной и символической информации, позволяющее создать системное представление о предмете в его абстрактных и конкретных понятиях.

Семиотика (от греч. *semeion* — знак) — направление в теории культуры, рассматривающее культуру как знаковую систему, где каждый аспект человеческой деятельности представляет из себя «знак»; дисциплина, занимающаяся сравнительным изучением знаковых систем.

Синергетика (гр. *synergeticos* — совместный, согласованно действующий) — междисциплинарное направление в современной науке, в рамках которого обосновывается теория сложных самоорганизующихся систем, исследуется совместное действие многих подсистем самой различной природы, в результате которого возникает структура и соответствующее функционирование (по Г. Хакену, 1978); применительно к социальным системам — самоорганизация посредством прохождения системой циклических режимов зарождение/сохранение порядка.

Синтактика (от гр. *syntaxis* — составлене) — раздел семиотики, изучающий отношение знаков к другим знакам, их соподчинение в знаковой системе безотносительно к ее функциям.

Синтез — логическая операция, состоящая в соединении различных элементов предмета или явления в единое целое.

Синхрония (гр. *syn* – вместе, *chronos* – время) – понятие, характеризующее историческую последовательность как сосуществование, состояние ее явлений в определенный момент времени.

Система (гр. *systema* – целое, составленное из частей, соединение) – упорядоченное множество элементов, взаимосвязанных между собой и образующих некоторое целостное единство; порядок, обусловленный планомерным, правильным расположением частей в определенной связи, строгой последовательностью действий; совокупность хозяйственных единиц, учреждений родственных по своим задачам и организационно объединенных в единое целое.

Система социальная – структурный элемент социальной реальности, определенное целостное образование, основными элементами которого являются люди, их связи и взаимодействия.

Систематизация – приведение в определенную систему, установление четкого порядка на основе учета внешних признаков рассматриваемых объектов без претензий на установление их классов и типов.

Системный подход – общенаучный метод, в основе которого лежит исследование объектов как целостных систем, выявление их внутренних и внешних связей и функций.

Случайность – философская категория, служащая для отражения внешних, неустойчивых связей действительности.

Смысл истории – см. *Прогресс социальный*.

Социально-психологические методы – см. *Метод*.

Социальное действие – см. *Концепция социального действия*.

Сравнение – познавательная операция, лежащая в основе суждений о сходстве или различии объектов, строго продуманная концепция отбора и интерпретации имеющегося материала.

Средства инструментальные – см. *Инструментальные средства*.

Структура (лат. *structura* – строение, расположение, порядок) – расположение и связь частей, составляющих целое; внутреннее строение чего-либо; совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, т.е. сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях.

Структурная лингвистика – совокупность воззрений на язык и методы его исследования, в основе которых лежит понимание языка как знаковой системы с четко выделенными структурными элементами.

Сущность – внутреннее содержание исторического объекта, выражающееся в единстве всех его многообразных форм.

Сублимация (от лат. *sublimare* – возносить) – психический процесс преобразования и переключения энергии аффективных влечений на цели социальной деятельности и культурного творчества; понятие введено З. Фрейдом.

Сциентизация (от лат. *scientia* – знание, наука) – стремление определенных школ в исторической науке XIX–XX вв. «подтянуть» историю к естественным наукам как по методам, так и по познавательным идеалам.

Теория (гр. *theoria* – исследование, учение) **графов** (гр. *grapho* – пишу; система точек, некоторые из которых соединены отрезками) – область дискретной математики, особенностью которой является геометрический подход к изучению объектов.

Теория игр – изучение математических моделей принятия оптимальных решений в условиях конфликта (под конфликтом понимается всякое явление, в котором участвуют различные стороны, называемые множествами игроков и наделенные несопадающими интересами).

Теория культурно-исторических типов – социологический подход к анализу истории, в котором акцент делается на многолинейности развития общества и культуры, вычленяются определенные типы социальной и культурной системы, подчеркивается их своеобразие. Отстаивается идея замкнутости, локальности культур и цивилизаций.

Теория нечетких множеств – теория, в которой осуществляется формализация нечеткости путем введения понятия степени принадлежности элемента нечеткому множеству (нечеткое или размытое множество – это совокупность элементов, относительно которых нет однозначного ответа на вопрос, принадлежит ли данный элемент этому множеству).

Теория истории – форма достоверных знаний, дающая целостное представление о закономерностях и существенных характеристиках исторической реальности.

Технология – совокупность инструментальных средств обработки источникового материала.

Типологизация – классификация объектов, основанная на установлении общности признаков, свойств, черт.

Тип человеческой личности – обобщенный образ, свойственный тому или иному обществу, соединяющий воедино все конкретные проявления человеческой активности.

Тотальная история – история жизнедеятельности людей в конкретном пространственно-временном промежутке, рассматриваемая историком со всех доступных ему аспектов; термин введен представителями французской школы «Анналов».

Трансцендентный (лат. *transcendentis* — выходящий за пределы) — недоступный познанию, находящийся за пределами научного опыта.

Умеренный историзм — подход, отвергающий претензии на непогрешимость знаний, но в то же время ориентированный на получение достоверного отражения прошлого как главной цели исторического познания; характерен современной американской историографии.

Устная история — направление в историографии, основанное на идее интервьюирования свидетелей и непосредственных участников событий и процессов прошлого с целью исторической реконструкции; основатели устной истории (П. Томпсон, Р. Самуил, К. Гиртц, Р. Грили и др.) рассматривали **У. И.** не столько как дополнение к существующим документальным источникам, сколько как средство, с помощью которого можно включить в историю опыт и перспективу тех групп людей, которые обычно оставались «спрятанными от истории».

Факт исторический — событие или явление исторической действительности; сообщение источника, т. е. информация о действительности; элемент логической структуры исторической науки, полученный на основе интерпретации источниковой информации о событии.

Факторный анализ — метод МСА, основанный на выявлении наибольшего числа существенных признаков через наименьшее количество емких и исчерпывающих характеристик.

Феминизм (фр. *feminisme* от лат. *femina* — женщина) — теория равенства полов; возникла как продолжение суфражизма (борьбы за избирательные права женщин в XIX в.); представлена различными направлениями (радикальным, либеральным, социалистическим, психоаналитическим); с 1980-х гг. развивается т. н. постмодернистский феминизм, который «включает» гендерную теорию в постструктуралистское и деконструктивистское понимание культуры; применительно к истории феминистская мысль нашла отражение в появлении женской, а затем гендерной истории. См. *Гендерная история*; *Женская история*.

Феномен (гр. *phainomenon* — являющееся) — то же, что явление.

Феноменологические науки — науки о явлениях, об индивидуальном, описательные, идиографические.

«Философия жизни» — направление в германской историографии конца XIX — первой четверти XX вв., противопоставившее по содержанию и методу исследования науки о духе и науки о природе, провозгласившее «метод вживания» основным средством постижения истории (В. Дильтей, Г. Зиммель).

Философия истории — область философского знания, предметом которой является, с одной стороны, уяснение природы исторического процесса, выявление фундаментальных принципов и начал исторического бытия, постижение смысла, направленности и многомерности истории, с другой, рефлексивно-аналитическое осмысление специфики и структуры исторического знания, его связи с другими типами знания (донаучным, художественным, этическим, религиозным и др.), социокультурными и ценностными компонентами, раскрытие механизмов взаимодействия и специфики исторического описания (нарратива), понимания и объяснения, социального детерминизма и свободы воли в истории.

Флуктуации (лат. *fluctuatio* — колебание) — малые возмущения, случайные отклонения в социальных структурах, способные в моменты неустойчивости этих структур разрастаться в макроструктуры.

Формация общественная — сложившаяся на основе данного способа производства форма бытия общества; специфический способ взаимодействия основных структур (экономической, социальной, политической и идеологической) той или иной формации, придающий ей характер особого социального организма; общество, находящееся на определенной ступени или стадии развития и обозначенное К. Марксом термином «Общественная формация».

Формализация — совокупность познавательных операций, обеспечивающих отвлечение от значения понятий с целью исследования их логических особенностей, дедуктивных и выразительных возможностей.

Функциональный подход к цивилизации — сведение цивилизации к различным параметрам развития общества (экономический, культурологический, географический, духовный), обеспечивающим уникальность и неповторимость каждой цивилизации.

Функция — роль, выполняемая исторической наукой в обществе и определяющая в своей совокупности ее социальную ценность.

Футурология (от лат. *futurum* — будущее) — название концепций о будущем человечества; в узком значении — область научных знаний, охватывающая перспективы социальных процессов и явлений (в этом смысле футурология синонимична прогнозированию и прогностике); с начала 1960-х гг. под футурологией понимается «наука о будущем», «история будущего», ориентированная на познание перспектив всех явлений, и, прежде всего, социальных.

Харизма (гр. *charisma* — милость, божественный дар) — в католической теологии означает исключительный духовный дар, ниспосылаемый богом кому-либо ради блага церкви (пророческий дар святых, «непогрешимость» папы и др.); особая одаренность выдающихся людей, благодаря которой они способны совершать то,

что лежит, казалось бы, за пределами человеческих способностей; в социологии политики используется для определения отношений между вождями и массами.

Холизм (англ. *holism* — целое) — термин, используемый для обозначения принципа целостности, который трактуется как высшее философское понятие, синтезирующее в себе объективное и субъективное; введен Я. Смэтсом.

Ценностный подход — аксиологический метод познания, основанный на соотношении изучаемых объектов с теми или иными общепризнанными ценностями.

Цивилизационно-культурологические (нелинейные) подходы к истории (цивилизационная концепция исторического прогресса) — объяснение вариативного характера исторического развития, многообразия и уникальности человеческой истории, преодоление европоцентристских стандартов и приоритетов, постулирование принципиальной возможности иного мироустройства.

Цивилизация (от лат. *civilis* — гражданский) — устойчивое культурно-историческое сообщество людей, отличающееся общностью духовно-нравственных ценностей и культурных традиций, сходством материально-производственного и социально-политического развития, особенностями образа жизни и типа личности, наличием в большинстве случаев общих этнических признаков и соответствующих географических рамок. Выделяют два типа цивилизационного развития:

традиционалистский (восточный) — цивилизация, характеризующаяся неразделенностью военной и административной власти, подчинением общества государству, отсутствием гарантий частной собственности и прав граждан, полным поглощением личности коллективом, господством зачастую деспотического государства; из описанных А. Тойнби 21 цивилизаций большинство относились к традиционалистскому типу (Древней Египет и Вавилон, Древняя Индия и Китай, античная цивилизация, средневековые общества Запада и Востока и др.); на современном Востоке выделяют такие цивилизационные модели, как *японскую*, к которой относят страны, идущие по западно-европейскому пути, *индийскую* — страны, идущие по западно-европейскому пути, но сохраняющие при этом традиционную внутреннюю структуру, и *африканскую* — страны, характеризующиеся не столько развитием и стабильностью, сколько отставанием и кризисом;

техногенный (западный) — цивилизация, начавшая свое бурное развитие со становлением в Европе капиталистических отношений в XV–XVII вв., динамичная и агрессивная, отличающаяся

устремленностью ко всему новому, нетрадиционному, ярко выраженным индивидуализмом свободной личности и деятельностным преобразовательным вектором по отношению к природному и социальному миру, высоким уровнем промышленного производства, ориентированным на массовое производство товаров потребления длительного пользования, радикальным изменением всей общественной структуры, начиная с форм поведения человека и кончая рационализацией мышления.

Циклизм — одна из концепций «всемирности», в соответствии с которой история — это совокупность последовательно расположенных замкнутых циклов, между которыми нет связей и переходов; разработана Д. Вико.

Человеческая история — история, в центре которой находится человек с его внутренним миром.

Школа «Анналов» — школа во французской историографии XX в., нацеленная на создание «тотальной» или «глобальной» истории, стремившаяся дать синтезированную, объемную картину исторической жизни (М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель).

Эвридитарность — (производное от *Эвридика* — в древнегреческой мифологии жена Орфея; она умерла от укуса змеи, тогда скорбящий Орфей спустился за ней к богу подземного мира и царства мертвых и своим пением добился ее отпущения обратно в мир живых, однако, возвращаясь, она оглянулась и в результате была вынуждена остаться в царстве мертвых) — стремление к прошлому, которое, однако, не детерминирует будущее.

Экологическая (от гр. *oikos* — дом) **история** — отрасль знания, рассматривающая во временной протяженности проблемы взаимоотношения человеческого общества и окружающей среды.

Эмпирическое — философская категория, характеризующая исследование, направленное непосредственно на объект и опирающееся на данные наблюдения и эксперимента.

Эпистемология (от гр. *episteme* — знание) — теория научного познания; применительно к истории — теория исторического познания.

Эсхатология (от гр. *eschatos* — последний) — религиозное учение о конце света, конечных судьбах и человека.

Этнология (от гр. *ethnos* — народ) — область науки, изучающая генезис, сущность, функции и закономерности в развитии различных народов.

Этноцентризм — система взглядов, в которых жизнь др. народов, их нравы и обычаи рассматриваются через призму традиционных установок и ценностных ориентаций своей этнической общности; э. в бытовой сфере, на личностно-семейном уровне связан с тем

естественным противопоставлением «мы – они», которое лежит в основе этнической идентификации, уходит своими корнями в особенности психики, негативно реагирующей на все незнакомое и, в конечном счете, обусловлен этнокультурной спецификой процесса социализации личности в определенной этнокультурной среде, восприятием бытующих в ней стереотипов и др.

Явление – внешняя форма существования исторического объекта.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

¹ См.: Методология истории: Учеб. пособие для студентов вузов / А. Н. Нечухрин, В. Н. Сидорцов, О. М. Шутова и др. Мн.: НТОО «ТетраСистемс», 1996; Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы. Допущено Министерством образования Республики Беларусь в качестве учебного пособия для слушателей системы повышения квалификации и переподготовки кадров образования / Под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. Мн.: БГУ, 2002; и др.

1. МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

1.1. Философия истории: основные понятия, проблемное поле, исследовательские программы

² Коллинвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 110.

³ Кареев Н. И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох. Тула, 1993. С. 14.

⁴ Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993. С. 15.

⁵ Cieszkowski A. Von Prolegomena zur Historiosophie. Berlin, 1838.

⁶ Бердяев Н. А. О русской философии. Екатеринбург, 1991. Ч. 2. С. 5.

1.2. Императивы современной социальной динамики и глобализация мировой истории

⁷ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 106.

⁸ Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Т. 1. М., 1992. С. 8.

⁹ Соловьев В. С. Сочинения: В 2 тт. Т. 1. Философская публицистика. М., 1989. С. 481.

¹⁰ Данилевский Н. Россия и Европа. М., 1991. С. 481.

¹¹ Леонтьев К. Записки отшельника. М., 1992. С. 34.

¹² Brzesinski Z. The Grand Chessboard. American Primacy and its Geostategic Imperatives. 1997. № 7. P. 3.

¹³ Хантингтон С. Грядущее столкновение цивилизаций? США-ЭПИ, 1994.

1.3. Линейные и нелинейные интерпретации мировой истории в контексте геополитики

¹⁴ См.: Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. СПб., 1995; Данилевский Н. Россия и Европа (взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому). М., 1991; Шпенглер О. Закат Европы: В 2 тт. М., 1993; 1998; Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

¹⁵ Семенов В. Геополитика как наука // Власть. 1994. № 8. С. 63-68.

¹⁶ Tikhomirova I. V., Tikhomirov V. B. International business risk: Russia. Strategic zone for foreign investment: know-how. Moscow/ VCPH Ltd. 1993. P. 23.

¹⁷ Robertson R. Globalisation: Social Theory and Global Culture. London, 1992.

1.4. Постмодернистские контуры исторического сознания

¹⁸ Jenkins K. On «What is History»: From Carr and Elton to Rorty and White. London; New York: Routledge, 1999. P. 6.

¹⁹ Horgan J. The End of Science: Facing the Limits of Knowledge on the Twilight of the Scientific Age. Helix Books, 1996.

²⁰ Slavic and East European Journal. Vol. 39. № 3. Fall. 1995.

²¹ Agger B. A Critical Theory of Public Life: Knowledge, Discourse and Politics in Age of Decline. London; New York, Philadelphia: The Falmer Press, 1991. P. 21.

- ²² After Poststructuralism: Interdisciplinarity and Literary Theory. Ed. Easterlin N., Riebling B. Evanson, III.: Northwestern University Press, 1993.
- ²³ *Hamilton P.* Historicism. London; New York: Routledge, 1996. P. 3.
- ²⁴ *Iggers G.* Historiography in the Twentieth Century: From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge. Hanover; London: Wesleyan University Press, 1997. P. 4.
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ *Grumley J. E.* History and Totality: Radical Historicism From Hegel to Foucault. London, New York: Routledge, 1989. P. 186.
- ²⁷ *Hunt L.* Introduction // The New Cultural History. Berkeley, Los Angeles, London: 1989. P. 7.
- ²⁸ *Jenkins K.* On «What is History». P. 7.
- ²⁹ *Duby G.* Love and Marriage in the Middle Ages. P. 22.
- ³⁰ *Jenkins K.* On «What is History». P. 18.
- ³¹ *White H.* Tropics of Discourse. Baltimore: John
- ³² *White H.* The Content of the Form. Baltimore: John Hopkins University Press, 1987. P. 57.
- ³³ *Hamilton P.* Historicism. P. 3.
- ³⁴ *Grumley J. E.* History and Totality: Radical Historicism From Hegel to Foucault. P. 69.
- ³⁵ *Hamilton P.* Historicism. P. 51.
- ³⁶ *Iggers G.* The German Conception of History. Hanover; London: Wesleyan University Press, 1983.
- ³⁷ *Barraclough J.* Main Trends in History. New York; London: Holmes & Meier, 1991.
- ³⁸ *Grumley J. E.* History and Totality: Radical Historicism From Hegel to Foucault. P. 186.
- ³⁹ Ibid. P. 187.
- ⁴⁰ *Stown L.* The Past and the Present. Boston; London: Henley, 1981. P. 74.
- ⁴¹ Ibid. 1981.
- ⁴² *Берталицифи Л.* Общие теории систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сб. перев. / Общая ред. и вст. статья В.Н. Саловского и Э.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82; *Эшби У. Росс.* Введение в кибернетику / Пер. с англ. Д.Г. Лахути / Под ред. В.А. Успенского. М., 1959.
- ⁴³ *Кучин Б.Л.* Научно-технический прогресс и развивающиеся системы // Системные исследования: Методологические проблемы: Ежег. 1990 г.: Сб. / Ред. кол.: Д.М. Гвишиани и др. АН СССР ВНИСИ. М.: Наука, 1991. С. 274–283; *Андреев А.Ю., Бородин Л.И., Левандовский М.И.* Синергетика в социальных науках: пути развития, опасности и надежды // Круг идей: макро- и микроподходы в исторической информатике: Сб. / Отв. ред. Л.И. Бородин и др. М.: Ассоциация «История и компьютер», 1998. С. 32; см. также о взаимоотношениях системного подхода и синергетики у *Аришнова В.И., Савичева Н.Г.* Гражданское общество в контексте синергетического подхода // Общественные науки и современность. 1999. №3. С. 131–138.
- ⁴⁴ *Эшби У. Росс.* Введение в кибернетику / Пер. с англ. Д.Г. Лахути. Под ред. В.А. Успенского. С пред. А.Н. Колмогорова. М.: Изд-во иностранной лит., 1959. С. 16, 193.
- ⁴⁵ *Елизарова Т.А.* Эволюция картины мира и теория ноосферы В.И. Вернадского // В.И. Вернадский и проблемы организационно-экономических исследований: Сб. науч. ст. / Науч. ред. В.Л. Квинт. М.: Академия наук, 1989. С. 87; *Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П.* Введение в системный анализ: Учеб. пособие для студ. М.: Высш. шк., 1989; *Дружинин Д.Л., Ваняхро В.Г.* Синергетика и методология системных исследований // Системные исследования: методологические проблемы: Ежег. 1988 г.: Сб. / Ред. кол.: Д.М. Гвишиани и др. АН СССР ВНИСИ. М., 1989. С. 288.

⁴⁶ Янг Э. Самоорганизующаяся Вселенная // *Общественные науки и современность*. 1991. № 1. С. 150.

⁴⁷ Пригожин И. Время, структура и флуктуации // *Успехи физических наук*. 1980. Т. 131. Вып. 2. С. 195.

⁴⁸ Кучин Б.Л. Научно-технический прогресс и развивающиеся системы // *Системные исследования: Методологические проблемы*: Ежег. 1990 г.: Сб. / Ред. колл.: Д.М. Гвишиани и др. АН СССР ВНИСИ. М.: Наука, 1991. С. 280; Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с Пригожиным // *Вопросы философии*. 1992. № 12. С. 3–20; Пригожин И. Время, структура и флуктуации // *Успехи физических наук*. 1980. Т. 131. Вып. 2. С. 195.

⁴⁹ Пригожин И. Время, структура и флуктуации // *Успехи физических наук*. 1980. Т. 131. Вып. 2. С. 32; Пригожин И., Стенгерс, И. *Время, хаос, квант. Решение парадокса времени* / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс, 1994; Янг Э. Самоорганизующаяся вселенная // *Общественные науки и современность*. 1991. № 1. С. 147.

⁵⁰ Свирский Я.И. Интервью с С.П. Курдюмовым // *Вопросы философии*. 1991. № 6. С. 53–57.

⁵¹ Янг Э. Самоорганизующаяся Вселенная // *Общественные науки и современность*. 1991. № 1. С. 149.

⁵² Кучин Б.Л. Научно-технический прогресс и развивающиеся системы // *Системные исследования: Методологические проблемы*: Ежег. 1990 г.: Сб. / Ред. колл.: Д.М. Гвишиани и др. АН СССР ВНИСИ. М.: Наука, 1991. С. 280; Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с Пригожиным // *Вопросы философии*. 1992. № 12. С. 3–20; Пригожин И. Время, структура и флуктуации // *Успехи физических наук*. 1980. Т. 131. Вып. 2. С. 195.

⁵³ Пригожин И. Время, структура и флуктуации // *Успехи физических наук*. 1980. Т. 131. Вып. 2. С. 32; Пригожин И., Стенгерс И. *Время, хаос, квант. Решение парадокса времени* / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс, 1994. С. 82; Янг Э. Самоорганизующаяся Вселенная // *Общественные науки и современность*. 1991. № 1. С. 147.

⁵⁴ Гомаионов С.А. Композиционный подход в историческом познании. М.; Киров: Московский пед. гос. ун-т., Кировский гос. пед. ин-т. 1994. С. 118.

⁵⁵ Князева Е.Н. Случайность, которая творит мир (новые представления о самоорганизации в природе и обществе) // *В поисках нового миропонимания*: И. Пригожин, Е. и Н. Рерихи: Сб. ст. / *Философия и жизнь*: Науч.-попул. серия. М.: Знание, 1991. С. 25.

⁵⁶ Пригожин И., Стенгерс И. *Время, хаос, квант. Решение парадокса времени* / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс, 1994. С. 80; Пригожин И. *Природа, наука и новая рациональность* // *В поисках нового миропонимания*: И. Пригожин, Е. и Н. Рерихи / *Философия и жизнь*. Науч.-попул. серия. М.: Знание, 1991. С. 36.

⁵⁷ Пригожин И. Время, структура и флуктуации // *Успехи физических наук*. 1980. Т. 131. Вып. 2. С. 191–205; Малинецкий Г.Г. *Нелинейная динамика – ключ к теоретической истории?* // *Математическое моделирование исторических процессов*. Сб. ст. / Отв. ред. Л.И. Бородкин. М.: Ассоциация «История и компьютер», 1996. С. 68–89; Янг Э. Самоорганизующаяся Вселенная // *Общественные науки и современность*. 1991. № 1. С. 149.

⁵⁸ Рузавин Г.И. Синергетика и диалектическая концепция развития / *Философские науки*. 1989. С. 20.

⁵⁹ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика и принципы коэволюции сложных систем // *Проблемы общественного развития*. 1998. № 3–4. С. 4.

⁶⁰ Назаретян А.П. Векторы исторической эволюции // *Общественные науки и современность*. 1999. № 2. С. 112–126.

⁶¹ Садовский В. Н. Смена парадигм системного мышления / Системные исследования: методологические проблемы. Ежегодник. 1992/94 гг. М.: Эдиториал УРСС, 1996. С. 75–76.

⁶² Моисеев Н. Н., Александров В. В., Тарков А. М. Человек и биосфера: опыт системного анализа и эксперименты с биосферой. М.: Наука, 1985. С. 31–32.

⁶³ Моисеев Н. Н., Александров В. В., Тарков А. М. Человек и биосфера: опыт системного анализа и эксперименты с биосферой. М.: Наука, 1985.

⁶⁴ Моисеев Н. Н. Идеи естествознания и общественные науки. М.: ВЦАН СССР, 1991. С. 51.

⁶⁵ Wallerstein I. Les inegalites entre Etats dans Le systeme international: origines, et perspectives // Centre quebequois de relations internationalites. Universite Laval, 1975. P. 13–16.

⁶⁶ Wallerstein I. Historical systems as complex systems // European Journal of Operational Research. 1987. Vol. 30, № 2. P. 203.

⁶⁷ Ibid. P. 204.

⁶⁸ Wallerstein I. Les inegalites entre Etats dans Le systeme international: origines, et perspectives // Centre quebequois de relations internationalites. Universite Laval, 1975. P. 13–16; Wallerstein I. The Modern World System: in 2 Vol. / New York: Academic Press, 1974. Vol. 1: Capitalism Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the XVI Century, 1974. P. 410; Wallerstein I. The Politics of the World Economy. The States, the Movements and Civilizations. Essays. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 191.

⁶⁹ Wallerstein I. Historical systems as complex systems // European Journal of Operational Research. 1987. Vol. 30. № 2. P. 205–206.

⁷⁰ Миросистемный подход сегодня / М. Чешков, А. Дилигенский, В. Хорос и др. // Мировая экономика и международные отношения. 1991. № 11. С. 53–54.

⁷¹ Там же. С. 53–54.

⁷² Субетто А. И. Социогенетика, системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие. СПб.; М.: Логос, 1994. С. 7–9.

⁷³ Sharrock W. & Button G. The Social Actor: Social Action in Real Time // Ethnomethodology and the Human Science: Coll. art. / Ed. by Button, G. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 137; Foucault M. Discipline and Punish. The Birth of the Prison. Harmondsworth: Penguin Books, 1977; Громов И., Мацкевич А., Семенов В. Западная теоретическая социология: Учеб. пособие. М.: Изд-во «Ольга», 1996. С. 237.

⁷⁴ Суворов В. В. Методологические проблемы синергетики. <http://www.i.ph.ras.ru/>.

⁷⁵ Андреев Ю. А., Бородкин Л. И., Левандовский М. И. Методы синергетики в изучении динамики курсов акций на Петербургской бирже в 1990-х гг. // Круг идей. Историческая информатика в информационном обществе. Труды VII конф. Ассоциации «История и компьютер». М., 2001. С. 93.

⁷⁶ Кызлева Е. Н., Курдюмов С. П. Законы эволюции самоорганизации сложных систем. <http://www.хаос.ru/>.

⁷⁷ Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. Введение. М., 1990.

2. МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

2.1. Природа исторического творчества: субъектно-объектные отношения

⁷⁸ Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». №19. Ноябрь. 1996. С. 59–195.

⁷⁹ Гадамер Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 44–45.

⁸⁰ См.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. Ч. 2.

⁸¹ Виппер Р. Ю. Две интеллигенции и другие очерки: Сб. ст. и публ. выступлений. 1900–1912. М., 1912. С. 141–142.

- ⁸² См. о них: Мифы «новой хронологии» академика А.Т. Фоменко // Новая и новейшая история. 2000. № 3.
- ⁸³ Доори П. Еще раз о методологии. Старое и прекрасное: «мыльная опера» о непонимании между историками и моделями // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». № 19. Ноябрь. 1996. С. 64.
- ⁸⁴ Стингл М. Поклоняющиеся звездам. М., 1983. С. 68–75.
- ⁸⁵ Hughes H.S. History as Art and as Science. N.Y.; Evanston; L., 1964. P. 5.
- ⁸⁶ Шиллер И.Х.Ф. Собр. соч.: В 8 тт. Т. 7. М., 1937. С. 603.
- ⁸⁷ Утченко С.Л. Цицерон и его время. М., 1973. С. 108.
- ⁸⁸ Кузьмин А.Г. Падение Перуна: Становление христианства на Руси. М., 1988. С. 19.
- ⁸⁹ Дружба народов. 1996. № 8. С. 192.
- ⁹⁰ Дэвидсон Б. Африканцы: Введение в историю культуры / Пер. с англ. М., 1975. С. 133.
- ⁹¹ См. описание процессов над «одержимыми» в кн.: Орлов М.А. История сношений человека с дьяволом. М., 1992.
- ⁹² Цит. по: Кузьмин А.Г. Падение Перуна: Становление христианства на Руси. М., 1988. С. 19.
- ⁹³ Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. с фр. М., 1983. С. 159.
- ⁹⁴ Там же. С. 148.
- ⁹⁵ Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. Пгд., 1923. С. 21–22.
- ⁹⁶ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография / Пер. с англ. М., 1980. С. 22–23.
- ⁹⁷ Элиаде М. Космос и история: Избр. раб. / Пер. с фр. и англ. М., 1987. С. 27.
- ⁹⁸ Тойнби А.Дж. Постигание истории / Пер. с англ. М., 1991. С. 618.
- ⁹⁹ Бердяев Н.А. Смысл истории. Париж, 1969. С. 10–11.
- ¹⁰⁰ Бузескул В.П. Лекции по истории Греции. Т. 1. Пгд., 1915. С. 180.
- ¹⁰¹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 292.
- ¹⁰² Кареев Н.И. Суд над историей // Русская мысль. 1884. № 3. С. 28.
- ¹⁰³ Виннер Р.Ю. Кризис исторической науки. Казань, 1921. С. 3.
- ¹⁰⁴ Бузескул В.П. Лекции по истории Греции. Т.1. Пгд., 1915. С. 474–475.
- ¹⁰⁵ Виннер Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки: Сб. ст. и публ. выступлений. 1900–1912. М., 1912. С. 61, 142.
- ¹⁰⁶ Ерофеев Н.А. Что такое история. М., 1976. С. 119.
- ¹⁰⁷ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 28–29.
- ¹⁰⁸ Дильтей В. Типы мировоззрений и обнаружение их в метафизических системах // Новые идеи философии. №1. СПб., 1912. С. 137–138.
- ¹⁰⁹ Dilthey W. The Dream // The Philosophy of History in our Time. N. Y., 1959. P. 41.
- ¹¹⁰ Виннер Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки: Сб. ст. и публ. выступлений. 1900–1912. М., 1912. С. 34.
- ¹¹¹ Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: В 2 тт. Т. 1. М., 1972. С. 430.
- ¹¹² См.: Светлов Г. Е. Путь богов (синто в истории Японии). М., 1985. С. 4–5.
- ¹¹³ Дэвидсон Б. Африканцы: Введение в историю культуры / Пер. с англ. М., 1975. С. 92.
- ¹¹⁴ Подробнее о герменевтике см.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М., 1988.
- ¹¹⁵ Де Моз Л. Психоистория / Пер. с англ. Р.-на-Д., 2000. С. 131.
- ¹¹⁶ Декс П. Клеопатра / Пер. с фр. Р.-на-Д., 1998. С. 107–108.
- ¹¹⁷ Hughes H.S. History as Art and as Science. N.Y.; Evanston; London, 1964. P. 12.
- ¹¹⁸ Виннер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. М., 1911. С. 175.
- ¹¹⁹ Из далекого и близкого прошлого. Пгд.; М., 1923. С. 110–112.

¹²⁰ Stern A. Philosophy of History and the Problem of Values. The Hague, Mouton and Co, 1962. P. 75–76.

¹²¹ Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М., 1989. С. 111.

¹²² Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973. С. 14.

2.2. Социальные функции исторической науки

¹²³ Лев Диакон. История. – М., 1988. – С. 7.

¹²⁴ Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. – М., 1989. – С. 3

¹²⁵ См., например: Ключевский В.О. Соч.: В 9 тт. Т. 7. – М., 1989. – С.385.

¹²⁶ Кареев Н.И. Суд над историей // Русская мысль, 1884. – № 3. – С. 24.

¹²⁷ См.: Историческая наука и историческое сознание. Томск, 2000. – С. 32.

¹²⁸ Боллингброк Г.С.-Д. Письма об изучении и пользе истории. – М., 1978. – С. 10.

¹²⁹ Тойнби А.Дж. Постигание истории. – М., 1991. – С. 617.

¹³⁰ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. – М., 1973. – С. 8.

¹³¹ Геродот. История. – Л., 1972. – С. 12.

¹³² Иосиф Флавий. Иудейская война. – Мн., 1991. – С. 32.

¹³³ Cotmager H.S. The Nature and Study History. – Columbus; Ohio, 1966. – P. 2.

¹³⁴ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. – Прага, 1925. – С. 167–168.

¹³⁵ Cotmager H.S. The Nature and Study of History. – Columbus; Ohio, 1966. – P. 4.

¹³⁶ См.: Историческая наука и историческое сознание. Томск, 2000. – С. 27.

¹³⁷ Прокопий Кесарийский. Тайная история. – М., 1991. – С. 7.

¹³⁸ Покровский М.Н. Предисловие // Переписка Николая и Александры Романовых. – Т. 3. 1914–1915. – М.-Пг., 1923. – С. III.

¹³⁹ Stern A. Philosophy of History and the Problem of Values. – The Hague; Mouton and Co, 1962. – P. 30.

¹⁴⁰ Боллингброк Г.С.-Д. Письма об изучении и пользе истории. – М., 1978. – С. 11.

¹⁴¹ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М., 1977. – С. 9.

¹⁴² См.: Историческая наука и историческое сознание. Томск, 2000. – С. 20.

¹⁴³ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М., 1987. – С. 57.

¹⁴⁴ См.: Кареев Н.И. Теория исторического знания. – Спб., 1913. – С. 71–72;

Тарле Е.В. Очерки и характеристики из истории европейского общественного движения в XIX в. – Спб., 1903. – С. 147–158; Хвостов В.М. Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории. – М., 1914. – С. 265–266.

¹⁴⁵ См.: Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М., 1987. – С. 57–60; Могильницкий Б.Г. О природе исторического познания. – Томск, 1978. – С. 200–213; Ракитов А.И. Историческое познание. – М., 1982. – С. 282–289.

¹⁴⁶ См.: Манфред А.З. Образование русско-французского союза. – М., 1975.

¹⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. – С. 361.

¹⁴⁸ Stern A. Philosophy of History and the Problem of Values. – The Hague; Mouton and Co, 1962. – P. 18.

¹⁴⁹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. – Т. 3. – М., 1964. – С. 194.

¹⁵⁰ Прокопий Кесарийский. Тайная история. – М., 1991. – С. 6–7. Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. – М., 1981. – С. 41. См.: Крист К. История времен римских императоров от Августа до Константина. – Т. 2. – Ростов-на Дону, 1997. – С. 133–180.

¹⁵¹ История в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера. – Л., 1978. – С. 13.

¹⁵² Боллингброк Г.С.-Д. Письма об изучении и пользе истории. – М., 1978. – С. 13–15.

¹⁵³ Тойнби А.Дж. Постигание истории. – М., 1991. – С. 618.

¹⁵⁴ Историческая наука и историческое сознание. Томск, 2000. – С. 22.

¹⁵⁵ Фукидид. История.: Кн. 1. – М., 1915. – С. 15–16.

¹⁵⁶ См.: Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. – М.-Л., 1964. – С. 77.

¹⁵⁷ См.: *Косминский Е.А.* Историография средних веков (V – середина XIX вв.). Лекции. – М., 1963. – С. 39–45.

¹⁵⁸ История в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера. – Л., 1978. – С. 245.

¹⁵⁹ См.: *Алпатов М.А.* Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века. – М.-Л., 1949. – С. 67.

¹⁶⁰ Под знаменем марксизма. – 1940. – № 1. – С. 13.

¹⁶¹ См.: Историография Новой и Новейшей истории стран Европы и Америки. – М., 1990. – С. 412.

¹⁶² *Dozer Donald M.* History as Force // *Pacific Historical Review*, – Vol. XXXIV. – P. 385, 395.

¹⁶³ 18-th International Congress of Historical Sciences [from 27 August to 3 September 1995]. Actes / Proceedings. – Montreal: ICHS, 1995; Современная мировая историческая наука: Информационно-аналитический обзор (по материалам XVIII Международного конгресса историков и X Международной конференции «История и компьютер. – Монреаль, август-сентябрь 1995 г.). – Мн., 1996.

2.3. Проблема междисциплинарности

¹⁶⁴ *Февр Л.* Бой за историю. М., 1991. С. 37.

¹⁶⁵ *Людтке А.* Что такое история повседневности? Ее перспективы развития в Германии / Социальная история. 1998–1999. М., 1999. С. 99.

¹⁶⁶ *Михайлюк О.В.* Исторический источник: информация и смысл // *Вісник Дніпропетровського університету. Історія та археологія*. 2000. Вып. 8. С. 52.

¹⁶⁷ *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Микроистория и микроанализ / Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого. М., 1999. С. 92–93.

¹⁶⁸ *Журавлев С.В.* «Маленькие» люди и «Большая» история. Иностранцы московского электростанции в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000.

¹⁶⁹ *Коллинвуд Р.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 366.

¹⁷⁰ *Mooser J.* Wirtschafts- und Sozialgeschichte, Historische Sozialwissenschaft, Gesellschaftsgeschichte / Fischer Lexikon Geschichte. Frankfurt am Main; М., 1990. S. 387.

¹⁷¹ *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История как теоретическое знание / Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2000. Вып. 3. С. 32.

¹⁷² *Шутова О.М.* На пути к Истории Людей (заметки по истории исторической мысли (конец XX в.)). Мн., 1999. С. 18. *Wehler H.-U.* Aus der Geschichte lernen? Muenchen, 1988. S. 146–147.

¹⁷³ *Iggers G.* Geschichtswissenschaft im 20. Jahrhundert. Goettingen, 1993. S. 97–105.

¹⁷⁴ *Ракитов А.И.* Историческое познание: системно-гносеологический подход. М., 1980. С. 244.

¹⁷⁵ *Wehler H.-U.* Neoromantik und Pseudorealismus in der neuen «Alltagsgeschichte» // Preussen ist wieder chic....Politik und Polemik. Frankfurt am Main:Suhrkamp, 1983. S. 101.

¹⁷⁶ *Тихвинский С.Л.* Итоги XIX Международного конгресса исторических наук в Осло // Новая и Новейшая история. 2001. № 1. С. 10–40.

¹⁷⁷ Источниковедение. Теория. История. Метод. М., 1998. С. 168.

¹⁷⁸ *Schoettler P.* Wer hat Angst vor der «linguistic turn»? / Geschichte und Gesellschaft. 1997. № 23. S. 134–151.

¹⁷⁹ См.: *Hunt L.* Symbole der Macht. Macht der Symbole. Die Französische Revolution und der Entwurf einer politischen Kultur. Frankfurt am Main, 1989.

¹⁸⁰ *Stedman-Jones G.* Politik und Sprache. Fuer eine theorieorientierte Sozialgeschichte. Muenster, 1988. S. 11.

¹⁸¹ *Luedtke A.* Akten. Angaben. Schaufenster: Die DDR und ihre Texte: Erkundungen zu Herrschaft und Alltag. Berlin, 1997. S. 19; *Schlosser H.* Die deutsche Sprache in die DDR zwischen Stalinismus und Demokratie. Historische, politische und kommunikative Bedingungen. Koeln, 1989. S. 11.

- ¹⁸² Iggers G. *Geschichtswissenschaft im 20. Jahrhundert*. Goettingen, 1993. S. 94.
- ¹⁸³ Geertz C. *Dichte Beschreibung. Beitrage zum Verstehen Kultureller Systeme*. Frankfurt am Main, 1983. S. 31.
- ¹⁸⁴ Medick H. *Missionere Im Ruderboot? Etnologische Erkenntnisweisen als Herausforderungen an die Sozialgeschichte // Alltagsgeschichte: zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen*. Frankfurt am Mein; New York: Campus Verlag, 1989. S. 50.
- ¹⁸⁵ См.: *Le Roy Laduire – Montalion. Ein Dorf von dem Inquisitor*. Frankfurt; M.; Berlin, 1993.
- ¹⁸⁶ Medick H. *Weben und Ueberleben in Laichingen 1650–1900: Lokalgeschichte ala allgemeine Geschichte*, Goettingen, 1997. S. 11–33.
- ¹⁸⁷ Medick H. *Mikro-Historie // Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie. Eine Diskussion*. Goettingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1994. S. 45.
- ¹⁸⁸ Ibid. S. 46.
- ¹⁸⁹ Medick H. *Weben und Ueberleben in Laichingen 1650–1900: Lokalgeschichte ala allgemeine Geschichte*, Goettingen, 1997. S. 457.
- ¹⁹⁰ Загуменов Ю. Развитие гражданского общества в Беларуси // Аналитический бюллетень Белорусских ассоциаций фабрик мыла. 2001. № 2. С. 32–38; <http://www.dialogue.unibel.by>

2.4. Исторический факт и историческое суждение: проблема верификации и интерпретации

- ¹⁹¹ *Фюстель де Куланж П.Д.* История общественного строя древней Франции. Т. 1. СПб., 1907. С. XXXV.
- ¹⁹² Франц А. Собр. соч. Т.3. М., 1984. С. 8
- ¹⁹³ Виноградов П.Г. Фюстель де Куланж // *Русская мысль*. 1890. Кн. 1. С. 83–103.
- ¹⁹⁴ Кареев Н.И. *Историко-философские и социологические этюды*. СПб.; М.: Варшава, 1895. С. 129.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 117, 124.
- ¹⁹⁶ Дильтей В. *Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии*. 1988. № 4. С. 135–152.
- ¹⁹⁷ *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 тт. Т. 7. М., 1989. С. 406.
- ¹⁹⁸ Ланглау Ш., Сеньобос Ш. *Введение в изучение истории*. СПб., 1899. С. 48–49.
- ¹⁹⁹ Там же. С. 175.
- ²⁰⁰ Там же. С. 176.
- ²⁰¹ Там же. С. 215.
- ²⁰² См.: Виннер Р.Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания (1900), Беккер К. Что такое исторические факты? (1926).
- ²⁰³ Виннер Р.Ю. *Две интеллигенции и другие очерки: Сб. статей и публичных выступлений*. 1900–1912. М., 1912. С. 60–61; Becker C.L. *What are Historical facts// The Western Political Quarterly*. 1955. Yd. 8. № 3. P. 320.
- ²⁰⁴ См.: Кроче Б. *Исторический материализм и марксистская экономия*. СПб., 1902. С. 25.
- ²⁰⁵ Виннер Р.Ю. *Две интеллигенции и другие очерки: Сб. статей и публичных выступлений*. 1900–1912. М., 1912. С. 31.
- ²⁰⁶ Там же. С. 31–32.
- ²⁰⁷ Becker C.L. *What are Historical facts // The Western Political Quarterly*. 1955. Yd. 8. № 3. P. 331.
- ²⁰⁸ Ibid. P. 329.
- ²⁰⁹ Ibid. P. 330.
- ²¹⁰ Becker C.L. *What are Historical facts // The Western Political Quarterly*. 1955. Yd. 8. № 3. P. 332.

- ²¹¹ *Vinaver P.Ю.* Две интеллигенции и другие очерки: Сб. ст. и публ. выступлений. 1900—1912. М., 1912. С. 32.
- ²¹² *Vinaver P.Ю.* Очерки теории исторического познания. М., 1911. С. 203—204, 210—211.
- ²¹³ *Гулыга А.В.* История как наука. / Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 12.
- ²¹⁴ *Жуков Е.М.* Очерки методологии истории. М., 1980. С. 209—211.
- ²¹⁵ *Хвостова К.В., Финн В.К.* Гносеологические и логические проблемы исторической науки. М.: Наука, 1995. С. 6—7.
- ²¹⁶ *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987. С. 133; см. также: Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 163—167.
- ²¹⁷ *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987. С. 133.
- ²¹⁸ *Сестан Э.* История событий и история структур. М., 1970. С. 5.
- ²¹⁹ *Доорн П.* Еще раз о методологии. Старое и прекрасное: «мыльная опера» о непонимании между историками и моделями // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». № 19. Ноябрь. 1996. С. 77.
- ²²⁰ *Миколецкий Г.Л., Лютиц Г., Энгельс — Яноши Ф.* Биография и историческая наука. М., 1970. С. 6.
- ²²¹ *Stern A.* Philosophy of History and the Problem of Values. The Hague, Mouton and Co, 1962. P. 87.
- ²²² *Hughes H.S.* History as Art and as Science. N.Y.; Evanston; L., 1964. P. 16.
- ²²³ *Могильницкий Б.Г.* Между объективизмом и релятивизмом: дискуссии в современной американской историографии // Новая и Новейшая история. 1993. №5. С. 14. Английский историк А.Буллок в этой связи пишет, что «всякая точка зрения на те или иные события подвержена постоянным изменениям по мере поступления новых данных или в результате дискуссий» (*Буллок А.* Гитлер и Сталин: В 2 тт. Т. 1. Смоленск, 1994. С. 471).
- ²²⁴ *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987. С.130.
- ²²⁵ *Инар Ф.* Сулла. Р.-на-Д., 1997. С. 302—303.
- ²²⁶ *Хвостова К.В., Финн В.К.* Гносеологические и логические проблемы исторической науки. М.: Наука, 1995. С. 89—90.
- ²²⁷ *Кузьмин А.Г.* Падение Перуна: (Становление христианства на Руси). М., 1988. С. 19.
- ²²⁸ *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987. С. 130.
- ²²⁹ *Инар Ф.* Сулла. Р.-на-Д., 1997. С. 302—303.
- ²³⁰ *Дюпрон А.* Язык и история. М., 1970. С. 19.
- ²³¹ *Carr E.H.* What is History? N.Y., 1962. P. 30.
- ²³² *Renier Y.S.* History. Its Purpose and Method. L., 1950. P. 169.
- ²³³ *Хвостова К.В., Финн В.К.* Гносеологические и логические проблемы исторической науки. М.: Наука, 1995. С. 75.
- ²³⁴ *Де Моз Л.* Психоистория / Пер. с англ. Ростов н/Д., 2000. С. 112.
- ²³⁵ *Хвостова К.В., Финн В.К.* Гносеологические и логические проблемы исторической науки. М.: Наука, 1995. С. 11.
- ²³⁶ См.: *Иванов Г.М., Кориунов А.М., Петров Ю.М.* Методологические проблемы исторического познания. М., 1981. Гл. 4.
- ²³⁷ *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987. С. 207.
- ²³⁸ См.: *Кошелев В.С.* Кризисные явления в современной исторической науке // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь. Ч. 2. Мн., 1995. С. 7—13.
- ²³⁹ *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987. С. 211—212.
- ²⁴⁰ *Cottmager H.S.* The Nature and Study of History. Columbus; Ohio, 1966. P. 5.
- ²⁴¹ *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография / Пер. с англ. М., 1980. С. 231.

- ²⁴² Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения / Пер. с англ. М., 1988. С. 13.
- ²⁴³ Виннер Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки: Сб. ст. и публ. выступлений. 1900–1912. М., 1912. С. 260–261.
- ²⁴⁴ Gottshalk L. Categories of Historiographical Generalization // Generalization in the Writing of History. Chicago, 1963. P. 113–129.
- ²⁴⁵ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 231.
- ²⁴⁶ Более подробно см.: Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 230–234.
- ²⁴⁷ Бузескул В.П. Лекции по истории Греции. Т. 1. Пгд., 1915. С. 301.
- ²⁴⁸ Виннер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. М., 1911. С. 40–41, 46.
- ²⁴⁹ Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследования магии и религии / Пер. с англ. М., 1980. С. 298.
- ²⁵⁰ Ростовцев М.И. История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). СПб., 1899. С. XIII.
- ²⁵¹ Доорн П. Еще раз о методологии. Старое и прекрасное: «мыльная опера» о непонимании между историками и моделями // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». № 19. 1996. С. 64.
- ²⁵² Renier Y.S. History. Its Purpose and Method. L., 1950. P. 169–170.
- ²⁵³ Доорн П. Ещё раз о методологии. Старое и прекрасное: «мыльная опера» о непонимании между историками и моделями // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». № 19. 1996. С. 65.

2.5. Введение новых категорий

- ²⁵⁴ Шумова О.М. На пути к Истории Людей (заметки по истории исторической мысли (конец XX в.)). Мн., 1999. С. 18.
- ²⁵⁵ Mentalitaet-Geschichte. Berlin, 1987. S. 5.
- ²⁵⁶ Shoettler P. Von den «Annales» zum «Forum Historie». Hinweise zur «neuen» Geschichte in Frankreich / Geschichte entdecken. Erfahrungen und Projekte der neuen Geschichtsbewegung. Reinbek, 1985. S. 58–71.
- ²⁵⁷ Mueller Stichwort «Annales-Schule» / Geschichte. Lexicon der wissenschaftlichen Grundbedriffe. Reinbek, 1994. S. 46.
- ²⁵⁸ Mentalitaet-Geschichte. Berlin, 1987. S. 7.
- ²⁵⁹ См.: Vovelle M. Die Franzoesische Revolution. Soziale Bewegung und Umbruch der Mentalitaet. Frankfurt am Mein, 1985.
- ²⁶⁰ Vogel J. Historische Anthropologie / Geschichtswissenschaft. Frankfurt am Main, 2000. S. 296.
- ²⁶¹ См.: Ginsburg C. Der Kaese und die Wuermer. Die Welt eines Muellers um 1600. Berlin (West), 1990.
- ²⁶² См.: Le Roy Laduire – Montalion. Ein Dorf von dem Inquisitor. Frankfurt am Mein; M.; Berlin, 1993.
- ²⁶³ Medick H. Weben und Ueberleben in Laichingen 1650–1900: Lokalgeschichte ala allgemeine Geschichte. Goettingen, 1997.
- ²⁶⁴ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 89.
- ²⁶⁵ Марков Б. Философская антропология. СПб., 1997. С. 232.
- ²⁶⁶ Вальденфельс Б. Повседневность как правильный тигль рациональности / Социологос. М., 1991. С. 39.
- ²⁶⁷ Luedtke A. Alltagsgeschichte, Mikro-Historie, historische Anthropologie / Geschichte. Ein Grundkurs. Reinbeck, 1998. S. 575.
- ²⁶⁸ Пушкарева Н.Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 76.

²⁶⁹ Scott J. Gender. Eine nuetzliche Kategorie der historischen Analyse / Selbst Bewust. Frauen in den USA. Leipzig, 1994. S. 53; *Lundt B.* Frauen- und Geschlechtgeschichte / Geschichte. Ein Grundkurs. Reinbeck, 1998. S. 579.

²⁷⁰ Цит. по: *Репина Л.* История женщин сегодня / Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996. С. 51.

²⁷¹ *Пушкарева Н.Л.* Зачем он нужен, этот гендер? Новая проблематика, новые концепции, новые методы анализа прошлого / Социальная история. Ежегодник. 1998–1999. М., 1999. С. 159.

²⁷² *Wierling D.* Alltagsgeschichte und Geschichte der Geschlechterbeziehungen. Ueber historische historiographische Verhaeltnisse / Alltagsgeschichte. Zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen. Frankfurt am Main; New York, 1989. S. 181.

²⁷³ Ibid. S. 181.

²⁷⁴ *Булич А.В.* Система категорий гендерной истории / Теоретико-методологические проблемы исторического познания. Мат. Междунар. науч. конф. 1–2 февраля 2001 г., г. Минск. Мн., 2001. Т. 1. С. 173.

²⁷⁵ *Hageman K.* «Ich glaube nicht, dass ich Wichtiges zu erzaehlen habe. Oral Hystory und historische Frauenforschung» / Oral Hystory. Muendlich erfragte Geschichte. Goettingen, 1990. S. 31.

²⁷⁶ *Пушкарева Н.Л.* Зачем он нужен, этот гендер? Новая проблематика, новые концепции, новые методы анализа. С. 158.

²⁷⁷ *Людтке А.* Что такое история повседневности? Ее перспективы развития в Германии. / Социальная история. 1998–1999. М., 1999. С. 89.

²⁷⁸ *Niethammer L.* Oral Hystory in USA. Zur Entwicklung und Problematik diachroner Befragungen / Archiv fuer Sozialgeschichte. Bonn, 1978. №18. S. 483.

²⁷⁹ *Шутова О.М.* На пути к Истории Людей (заметки по истории исторической мысли (конец XX в.)). Мн., 1999. С. 57.

²⁸⁰ См.: Oral Hystory. Muendlich erfragte Geschichte. Goettingen, 1990.

²⁸¹ *Fischer G.* Autobiographische Texte als historische Quelle. Zur Methodik der sprachlichen Analyse / Geschichte von unten. Fragenstellungen, Methoden und Projekte einer Geschichte des Alltags. Wien; Koeln; Graz, 1984. S. 85–86.

²⁸² *Marsiske H.A.* Sowtware fuer Zeitmaschinen: Film und Computersimulation / Geschichte. Ein Grundkurs. Reinbeck, 1998. S. 197.

²⁸³ *Щеглова Т.К.* Устная история и краеведческая работа // Преподавание истории в школе. 1998. № 5. С. 60.

²⁸⁴ *Niethammer L.* Die Jahre weiss man nicht, wo man die Leute hinsetzen soll. Faschismuserfahrung im Ruhrgebiet. 2 Bd. Bonn, 1983.

²⁸⁵ *Oberheide E.* Und unsere Fahn ist rot. Ein Freizeitheim in Hannover erforscht die Geschichte des Arbeiterstadteils Linden // Die andere Geschichte. Geschichte von unten, Spurensicherung, Oekologische Geschichte, Geschichtsverkstaetten. Koeln, 1986. S. 182.

2.6. Принципы исторического познания

²⁸⁶ *Эйнштейн А.* Физика и реальность. М., 1965. С. 5–6.

²⁸⁷ О стадиях развития принципа историзма см.: *Ракитов А. И.* Историческое познание. М., 1982. С. 230–242.

²⁸⁸ *Риккерт Г.* Философия истории. СПб., 1908. С. 27–28.

²⁸⁹ Цит. по: *Шенкин Е.* Автобиография Л. Ранке // Русская мысль. 1893. Кн. 8. С. 159.

²⁹⁰ *Гердер И. Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 388.

²⁹¹ Там же. С. 388–389.

²⁹² Подробнее о сущности марксистского историзма см.: *Могильницкий Б.Г.* Марксистский и буржуазный историзм // Вопросы истории. 1982. № 7. С. 71–88.

- ²⁹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 49.
- ²⁹⁴ Там же. Т. 39. С. 67.
- ²⁹⁵ Риккерт Г. Философия истории. СПб., 1908. С. 122–123.
- ²⁹⁶ Могильницкий Б. Г. Между объективизмом и релятивизмом: дискуссии в современной американской историографии // Новая и Новейшая история. 1993. №5. С. 10.
- ²⁹⁷ Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Мн., 1998. С. 620.
- ²⁹⁸ Бузескул В. П. Исторические этюды. СПб., 1911. С. 183.
- ²⁹⁹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 226.
- ³⁰⁰ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 413.
- ³⁰¹ Репина Л. П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и Новейшая история. 1997. № 6. С. 47.
- ³⁰² Де Моз Л. Психоистория / Пер. с англ. Ростов н/Д., 2000. С. 11–12.
- ³⁰³ См.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 241–243.
- ³⁰⁴ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973. С. 38.
- ³⁰⁵ Кун Т. Структура научных революций. М., 1975. С. 22, 105, 122.
- ³⁰⁶ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 242.
- ³⁰⁷ Коршунов А. М., Шаповалов В. Ф. Творчество и отражение в историческом познании. М., 1984. С. 66.
- ³⁰⁸ См.: Рамазанов С. П. Проблема ценности в историческом исследовании и специфика исторической науки // Социальные проблемы науки, образования, воспитания. Томск, 1977. С. 152.
- ³⁰⁹ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911. С. 53, 178–179, 182; Риккерт Г. Философия истории. СПб., 1908. С. 52, 119;
- ³¹⁰ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911. С. 139–140; Риккерт Г. Два пути теории познания // Новые идеи в философии. Сб. 7. СПб., 1913. С. 46.
- ³¹¹ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911. С. 142–143.
- ³¹² Риккерт Г. Философия истории. СПб., 1908. С. 55.
- ³¹³ Хаустов В. М. Теория исторического процесса. М., 1914. С. 303–304.
- ³¹⁴ Ксенополь А. Д. Понятие «ценности» в истории. Киев, 1912. С. 20.
- ³¹⁵ Marwich A. The Nature of History. N.Y., 1971. P. 129–130.
- ³¹⁶ Stern A. Philosophy of History and the Problem of Values. The Hague, Mouton and Co, 1962. P. 74.
- ³¹⁷ Ibid. P. 76.
- ³¹⁸ Commager H.S. The Nature and Study of History. Columbus, Ohio, 1966. P. 68–71.
- ³¹⁹ Carr E. H. What is History? L., 1962. P. 33.
- ³²⁰ См.: Haskell T.L. Objectivity is not Neutrality // History and Theory. 1990. V. 29. №2.
- ³²¹ Де Моз Л. Психоистория / Пер. с англ. Р.-на-Д., 2000. С. 10.
- ³²² Коршунов А. М., Шаповалов В. Ф. Творчество и отражение в историческом познании. М., 1984. С. 72.
- ³²³ Хаустов В. М. Теория исторического процесса. М., 1914. С. 303.
- ³²⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Вып. 1. Ч. 1–2. СПб., 1910. С. 238, 239.
- ³²⁵ По данному и другим вопросам подраздела более подробную информацию см.: Сидорцов В. Н. Методология исторического исследования (механизм творчества историка). Мн., 2000; Его же. Методология истории: количественные методы и информационные технологии. УМК. Мн., 2003.
- ³²⁶ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

2.7. Методы исследования

- ³²⁷ *Перевертень В. А.* Историческое исследование в свете понятий и классификации информационных технологий // «История и компьютер». 1999. №24. Июнь. 1999. М., 1999. С. 124.
- ³²⁸ См.: *Логические методы и формы научного познания.* Киев, 1994.
- ³²⁹ См.: *Французова Н. П.* Исторический метод в научном познании. М., 1972.
- ³³⁰ *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М., 1987.
- ³³¹ *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / Пер. с нем. М., 1991.
- ³³² *Материалистическая диалектика. Краткий очерк теории.* М., 1985. Гл. 4.
- ³³³ См.: *Уемов А. И.* Логические основы метода моделирования. М., 1971; *Глинский Б. А.* Моделирование как метод исследования социальных систем. Дис. д-ра филос. наук. М., 1978.
- ³³⁴ См.: *Каракозова Э. В.* Моделирование в общественных науках: философско-методологические проблемы. М., 1986.
- ³³⁵ *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М., 1987. С. 362.
- ³³⁶ См.: *Носевич В. Л.* Компьютерная модель в изучении исторических процессов / *Методологические проблемы исторической науки. Сб. статей / Под ред. В. Н. Сидорцова и В. Ф. Кушнира.* Мн., 1993. С. 96–102.
- ³³⁷ См.: *Блауберг И. В., Юдин Э. Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973; *Уемов А. И.* Системный подход и общая теория систем. М., 1978; *Ракитов А. И.* Историческое познание: системно-гносеологический подход. М., 1982; *Аверьянов А. Н.* Системное познание мира. Методологические проблемы. М., 1985; *Коган М. С.* Системный подход и гуманитарное знание. СПб., 1991.
- ³³⁸ *Шпенглер О.* Закат Европы. М., 1993.
- ³³⁹ *Загуменов Ю.* Развитие гражданского общества в Беларуси // *Аналитический бюллетень Белорусских ассоциаций фабрик мысли.* 2001. № 2. С. 32–38; <http://www.dialogue.unibel.by>
- ³⁴⁰ *Научитель М. В.* Методология экономической науки. Мозырь, 1999; и др.
- ³⁴¹ *Merkel P. H.* The Origin of the West German Republic. New York: Oxford University Press, 1963.
- ³⁴² Теоретико-методологические проблемы исторического познания. Материалы к международной научной конференции. В 2-х тт. Мн.: РИВШ-БГУ, 2000; и др.

2.8. Специфика языка исторической науки

- ³⁴³ *Comtager H.S.* The Nature and Study of History. Columbus; Ohio, 1966. P. 6–8.
- ³⁴⁴ *Idid.* P. 10–13.
- ³⁴⁵ *Де Моз Л.* Психоистория / Пер. с англ. Ростов н/Д, 2000. С. 11.
- ³⁴⁶ *Renier Y.S.* History. Its Purpose and Method. L., 1950. P. 244–245.
- ³⁴⁷ *Idid.* P. 245.
- ³⁴⁸ Цит. по: *Гулыга А. В.* Эстетика истории. М., 1974. С. 43–44.
- ³⁴⁹ *Бицилли П. М.* Очерки теории исторической науки. Прага, 1925. С. 223.
- ³⁵⁰ *Comtager H.S.* The Nature and Study of History. Columbus; Ohio, 1966. P. 7.
- ³⁵¹ *Renier Y.S.* History. Its Purpose and Method. L., 1950. P. 246.
- ³⁵² Цит. по: *Гулыга А. В.* Эстетика истории. М., 1974. С. 63.
- ³⁵³ *Renier Y.S.* History. Its Purpose and Method. L., 1950. P. 246–247.

3. СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ

3.1. Уровни исторического исследования

- ³⁵⁴ *Iggers G.* Historiography in the Twentieth Century: From Scientific Objectivity to the Postmodern. Challenge. Hanover, London: Wesleyan University Press, 1997. P. 102.
- ³⁵⁵ *Ibid.* P. 21.
- ³⁵⁶ *Репина Л. П.* Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. С. 20.

³⁵⁷ См.: *Thompson E.P.* The Making of the English Working Class. New York, 1966; *Thomas K.* Religion and the Decline of Magic: Studies in Popular Beliefs in 16th and 17th Century Europe. London, 1971; *Burke P.* Popular Culture in Early Modern Europe. London, 1978; *Davis N.Z.* Society and Culture in Early Modern France. New York, 1975; *Ginzburg C.* The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth-Century Miller. New York, 1978.

³⁵⁸ *Mead M.* Anthropology and an Education for the Future // The Teaching of Anthropology. American Anthropological Association Memoir 94, 1963. P. 595.

³⁵⁹ *Geertz C.* Thick Description: Toward an Interpretative Theory of Culture // C. Geertz. The Interpretations of Cultures. New York, 1973.

³⁶⁰ *White L.A.* The Symbol: The Origin and Basis of Human Behavior // Readings in Anthropology, ed. by J. D. Jennings, E. A. Hoebel. New York: McGRAW-HILL, 1972. P.315.

³⁶¹ *Бахтин М.М.* Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.

³⁶² *Montanari M.* Der Hunger und Überfluss: Kulturgeschichte der Ernährung in Europa. München, 1993. Цит. по: Арнаутова Ю.Е. Рецензия // Одиссей. Человек в истории. 1998. М.: Наука, 1999.

³⁶³ *Репина Л.П.* Система познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. С. 38.

³⁶⁴ Love and Marriage in the Middle Ages, by Georges Duby. Cambridge; Oxford: Polity Press, 1994. P. 135.

³⁶⁵ The Myths We Live By. Ed. by Raphael Samuel, Paul Thompson. London; New York: Routledge, 1990. P. 2.

3.2. История повседневности

³⁶⁶ *Frei A.G.* Die Geschichtswerkstaetten in der Krise // Alltagskultur, Subjektivitaet und Geschichte: zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte. Muenster, 1994. S.318.

³⁶⁷ *Sperner E.* Die neue Geschichtsschreibung. Geschichtswerkstaetten und Geschichtsprojekte in der Bundesrepublik (Kooperationsprojekt «Historisch-politische Arbeiter-Bewegung in der Region»). Bielefeld, 1985. S. 11.

³⁶⁸ *Brand K.-W., Buesser D., Rucht D.* Aufbruch in einer anderen Gesellschaft. Neue soziale Bewegungen in der Bundesrepublik. Frankfurt am Mein; New York: Campus Verlag, 1986. S. 75.

³⁶⁹ *Hartdewig W.* Alltagsgeschichte heute. Eine kritische Bilanz // Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie. Eine Diskussion. Goettingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1994. S. 19.

³⁷⁰ *Luedtke A.* Alltagsgeschichte, Mikro-Historie, historische Anthropologie // Geschichte. Ein Grundkurs. Reinbeck: Rowohlt Taschenbuch Verlag GmbH, 1998. S. 558.

³⁷¹ От составителя // История ментальностей. Историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 11.

³⁷² *Людтке А.* Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии? / Социальная история. 1998–1999. М., 1999. С. 77.

³⁷³ *Luedtke A.* Anregungskraft und blinde Stelle // Was bleibt von marxistischen Perspektiven in der Geschichtsforschung? Goettingen: Wallstein Verlag, 1997. S. 22.

³⁷⁴ *Luedtke A.* Geschichte und Egensinn // Alltagskultur, Subjektivitaet und Geschichte: zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte. Muenster: Westfaelisches Dampfboot, 1994. S. 142.

³⁷⁵ Ibid, S. 142.

³⁷⁶ *Зидер Р.* Социальная история семьи. М, 1997. С. 219.

³⁷⁷ *Давлетов А.* Национал-социализм в современных украинских и немецких учебниках по истории: какое место отведено в них показу повседневной жизни? // Історія шлодженності і права человека. Мат. Міжнар. канф. Мн., 1–5 січня 1999 г. Мн., 2000. С. 167.

³⁷⁸ *Luedtke A.* Einleitung: Herrschaft als soziale Praxis: historische und sozialanthropologische Studien // Herrschaft als soziale Praxis. Goettingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1991. S. 12; *Schumann D.* Gewalt als Grenzüberschreitung. Ueberlegungen zur Sozialgeschichte der Gewalt im 19 und 20. Jahrhundert // Archiv fuer Sozialgeschichte. 1997. № 37. S. 366–368.

³⁷⁹ *Luedtke A.* Stofflichkeit, Macht-Lust und Reiz der Oberflaechen. Zu den Perspektiven von Alltagsgeschichte // Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie. Goettingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1994. S. 75.

³⁸⁰ *Людтке А.* Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы развития в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998–1999. М.: РОССПЭН, 1999. С. 98.

³⁸¹ *Ким С.Г.* Немецкая историография о возможностях микро- и макроанализа // Историк в поиске: Микро- и макроподходы в исследовании прошлого. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 69.

³⁸² *Ultrich V.* Entdeckungsreise in den historischen Alltag. Versuch einer Annäherung an die neue Geschichtsbewegung // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1985. №6. S. 403.

³⁸³ *Piepmeyer R.R. Berdahl, A. Luedtke U.A.* Klassen und Kultur. Sozialanthropologische Perspektiven in der Geschichtsschreibung // Historische Zeitschrift. 1983. Bd. 237. H. 2. S. 100–102.

³⁸⁴ *Geertz C.* Dichte Beschreibung. Beitrage zur Verstehen kultuteller Systeme. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft, 1987. S. 11.

³⁸⁵ *Luedtke A.* Was ist und wer treibt die Alltagsgeschichte? // Alltagsgeschichte: zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen. Frankfurt am Mein; New York: Campus Verlag, 1989. S. 19.

³⁸⁶ *Ginzburg C.* Mikro-Historie. Zwei oder drei Dinge, die ich von ihr wei // Historische Anthropologie. Kultur. Gesellschaft. Alltag. 1993. № . S. 181.

³⁸⁷ *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 89.

³⁸⁸ *Medick H.* Weben und Überleben in Laichingen 1650–1900: Lokalgeschichte als allgemeine Geschichte. Goettingen, 1997. S. 30.

³⁸⁹ *Ревель Ж.* Микронисторический анализ как конструирование социального / Одиссей. Человек в истории. М., 1996. С. 167.

³⁹⁰ *Stokle F.* Zur praktischen Umgang mit Geschichte // Oral History. Mundlich erfragte Geschichte. Goettingen:Vandenhoeck und Ruprecht, 1990. S. 149.

³⁹¹ *Беленький И.Л.* К анализу современного источниковедческого сознания / Мир источниковедения. М., 1994. С. 12.

³⁹² *Luedtke A.* Industriebilder Bilder der Industriearbeit? Industrie und Arbeiterphotographie von der Jahrhundertwende bis in die 1930er Jahre // Historische Anthropologie. Gesellschaft. Kultur. Alltag, 1993. H. 1. S. 394–430.

³⁹³ *Schulze W.* Egodokumente: Annäherung an den Menschen in der Geschichte / Von Aufbruch und Utopie. Perspektiven einen neuen Gesellschaftsgeschichte des Mittelalters. Fuer und mit Ferdinand Seibt aus Anla Я seines 65. Geburtstages. Koeln, 1992. S. 435.

³⁹⁴ См.: *Ludtke A.* Eigen-Sinn. Fabrikalltag, Arbeitererfahrung und Politik vom Kaiserreich bis in den Faschismus. Hamburg, 1993.

³⁹⁵ *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С. 127.

³⁹⁶ *Duelmen R.* Historische Anthropologie. Entwicklung. Probleme. Aufgaben. Koeln; Weimar; Wien, 2000. S. 55–89.

³⁹⁷ См.: *Borst A.* Lebensformen im Mittelalter. Frankfurt am Mein, 1973; *Borst O.* Alltagsleben im Mittelalter. Frankfurt am Main, 1983.

³⁹⁸ *Boll F.* Jugend im Umbruch vom Nationalsozialismus zum Nachkriegsdemokratie // Archiv fuer Sozialgeschichte. 1997. Bd. 37. S. 516.

³⁹⁹ *Reinhard M.* Protest und Kontrolle im Dritten Reich: nationalsozialistische Herrschaft im Alltag e.rhein. Gro Я stadt. Frankfurt am Main; New York: Campus Verlag, 1987.

3.3. Гендерная и устная истории

⁴⁰⁰ *Gurwith M.* The Twilight of the Goddesses: Women and Representation in the French Revolutionary Era. New Brunswick: Rutgers University Press, 1992. P. 125.

⁴⁰¹ *Camarella E.* Bisexuality in the Ancient World. New Haven: Yale University Press, 1992. P. 70.

⁴⁰² *Duby G.* Love and Marriage in the Middle Ages. Cambridge; Oxford: Polity Press, 1994. P. 31

⁴⁰³ *Чикалова И.Р.* Гендерная история: к вопросу о становлении // Теоретико-методологические проблемы исторического познания. Материалы к междунар. науч. конф.: В 2 тт. Т. 1. Мн.: РИВШ БГУ, 2000. С. 169

⁴⁰⁴ См.: *Skott J.W.* Gender and the Politics of History. New York, 1988; *A History of Women*. Vol. 1–5. Cambridge; Mass; London, 1995; *Davis N. Z.* Society and Culture in Early Modern France. New York, 1975; *Репина Л.П.* Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и Новейшая история. 1997. № 6; *Пушкарева Н.Л.* Женщины Древней Руси. М., 1989; Теория и история феминизма. Харьков, 1996; Феминизм: Восток. Запад. М., 1993; *Хольмберг К, Линдхольм М.* Феминистская теория // Современная западная социология. СПб., 1992.

⁴⁰⁵ *Репина Л.П.* Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. С. 39.

⁴⁰⁶ *Kraditor A.S.* Up From the Pedestal // Women and Womanhood in America. Lexington; Mass; Toronto; London: D.C. Heath and Company, 1973. P. 5.

⁴⁰⁷ *Титаренко Л.Г.* Феминистская антропология и исторический подход // Теоретико-методологические проблемы исторического познания. Мат. к межд. науч. конф.: В 2 тт. Т. 1. Мн.: РИВШ БГУ, 2000. С. 167.

⁴⁰⁸ Современная мировая историческая наука: Инф.-аналит. обзор (по материалам XVIII Междунар. конгресса историков. Монреаль, 1995). Мн., 1996. С. 150.

⁴⁰⁹ Современная мировая историческая наука: Инф.-аналит. обзор (по материалам XVIII Междунар. конгресса историков. Монреаль, 1995). Мн., 1996.

⁴¹⁰ См.: *Davis N.Z.* The Return of Martin Guerre. Cambridge; Mass., 1983.

⁴¹¹ См.: *Davis N.Z.* Society and Culture in Early Modern France. New York, 1975.

⁴¹² См.: *Duby G.* Love and Marriage in the Middle Ages. Cambridge; Oxford: Polity Press, 1994; *The Knight, the Lady and the Priest: The Making of Modern Marriage in Medieval France*. Chicago, 1993.

⁴¹³ См.: *Berkley, L. A.* The Sex of Things: Gender and Consumption in Historical Perspective. London: University of California Press, 1996.

⁴¹⁴ См.: *The Oral History Reader*. Ed. by R. Perks and A. Thompson. London; New York: Routledge, 1998.

⁴¹⁵ См.: *Yow V.* Recording Oral History: A Practical Guide for Social Scientists. London: Sage, 1994.

⁴¹⁶ *Grele R.* Movement without the aim: Methodological and theoretical problems in oral history // *The Oral History Reader*. Ed. by R. Perks and A. Thompson. London; New York: Routledge, 1998. P. 48.

⁴¹⁷ См.: *Envelops of Sound: The Art of Oral History*. Ed. by R. Grele. Chicago: Precedent, 1985; *The Myths. We Live*. By. Ed. by Samuel R., Thompson P. London: Routledge, 1990; *Tonkin E.* Narrating Our Pasts: The Social Construction of Oral History. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

- ⁴¹⁸ См.: *Biography and Society: The Life History Approach in the Social Sciences*. Ed. by D. Bertaux. London: Sage, 1981; *Samuel R. Theaters of Memory: Past and Present in Contemporary Culture*. New York, 1994; *Haley A. Roots*. London: Hutchinson, 1977.
- ⁴¹⁹ *Thompson P. The Voice of the Past: Oral History // The Oral History Reader*. Ed. by R. Perks and A. Thompson. London; New York: Routledge, 1998, P. 28.

3.4. Демографическая и экологическая истории

- ⁴²⁰ *Landes David. The Treatment of Population in Historical Textbooks / Historical Population Studies // DAEDALUS. Journal of the American Academy of Arts and Sciences*. Vol. 97. N 2. 1968. P. 363–384; *Revelle Roger. Introduction to the Issue «Historical Population Studies» / Historical Population Studies // DAEDALUS. Journal of the American Academy of Arts and Sciences*. Vol. 97. N 2. 1968. P. 353–362; *Graubard Stephen R. Preface / Historical Population Studies // DAEDALUS. Journal of the American Academy of Arts and Sciences*. Vol. 97. N 2. 1968. P. V.
- ⁴²¹ *Noonan John T. Intellectual and Demographic History / Historical Population Studies // DAEDALUS. Journal of the American Academy of Arts and Sciences*. Vol. 97. N 2. 1968. P. 463; *Graubard Stephen R. Preface / Historical Population Studies // DAEDALUS. Journal of the American Academy of Arts and Sciences*. Vol. 97. N 2. 1968. P. P. V; *Henry Lovis. Historical Demography / Historical Population Studies // DAEDALUS. Journal of the American Academy of Arts and Sciences*. Vol. 97. N 2. 1968. P. 385.
- ⁴²² *Smith Daniel Scott. A Perspective on Demographic Methods and Effects in Social History / William and Mary Quarterly, Third Series*, Vol. 39. Issue 3. 1982. P. 442, 443, 454, 455, 462, 468.
- ⁴²³ *Furet Francois. Quantitative History / Historical Studies Today // DAEDALUS. Journal of the American Academy of Arts and Sciences*. Vol. 100. N 1. 1971. P. 152.
- ⁴²⁴ *Henry, Lovis. Historical Demography / Historical Population Studies // DAEDALUS. Journal of the American Academy of Arts and Sciences*. Vol. 97. N 2. 1968. P. 385, 387, 388–390.
- ⁴²⁵ *Noonan John T. Intellectual and Demographic History / Historical Population Studies // DAEDALUS. Journal of the American Academy of Arts and Sciences*. Vol. 97. N 2. 1968. P. 463–465.
- ⁴²⁶ *Menard Russel R. Whatever happened to early American Population History? / William and Mary Quarterly, Third Series*, Vol. 50. Issue 2, Early American History: In Past and Future, 1993. P. 356–366.
- ⁴²⁷ *Menard Russel R. Whatever happened to early American Population History? / William and Mary Quarterly, Third Series*, Vol. 50. Issue 2. Early American History: In Past and Future, 1993. P. 366.
- ⁴²⁸ *Poos L.R. The Historical Demography of Renaissance Europe: Recent Research and Current Issues / Renaissance Quarterly*, Vol. 42. Issue 4. 1989. P. 795, 796, 802.
- ⁴²⁹ *Poos L.R. The Historical Demography of Renaissance Europe: Recent Research and Current Issues / Renaissance Quarterly*, Vol. 42. Issue 4. 1989. P. 796.
- ⁴³⁰ *Poos L.R. The Historical Demography of Renaissance Europe: Recent Research and Current Issues / Renaissance Quarterly*, Vol. 42. Issue 4. 1989. P. 801–802, 805–808.
- ⁴³¹ *Lee Lin Maw, Loschky David. Interdependency Between Fertility and Real Wages in England, 1541–1871 / The Journal of European Economic History*. Vol. 27. N. 1. 1998. P. 109–110, 128.
- ⁴³² *Hanley Susan B. Population Trends and Economic Development in Tokugawa Japan: The Case of Bizen Province in Okayama / Historical Population Studies // DAEDALUS. Journal of the American Academy of Arts and Sciences*. Vol. 97. N 2. 1968. P. 625.
- ⁴³³ *Gouhert Pierre. Legitimate Fecundity and Infant Mortality in France During the Eighteenth Century: A Comparison / Historical Population Studies // DAEDALUS. Journal of the American Academy of Arts and Sciences*. Vol. 97. N 2. 1968. P. 593–603.

- ⁴³⁴ *Van Bath Bernard H. Slicher*. Historical Demography and the Social and Economic Development of the Netherlands / Historical Population Studies // DAEDALUS. Journal of the American Academy of Arts and Sciences. Vol. 97. N 2. 1968. P. 607.
- ⁴³⁵ *Hollingsworth T.H.* The Importance of the Quality of the Data in Historical Demography / Historical Population Studies // DAEDALUS. Journal of the American Academy of Arts and Sciences. Vol. 97. N 2. 1968. P. 416-418.
- ⁴³⁶ *Bailey Adrian J., Cooke Thomas J.* Family Migration and Employment: the Importance of Migration History and Gender / International Regional Science Review. Vol. 21. N. 2. 1998. P. 99.
- ⁴³⁷ *Baganha M.I.B.* Portuguese Emigration to the United States, 1820-1930. New York; London: Garland Publishing. 1993; The Jewish People in America. Five-Volume Edition, Series Editor Feingold Henry L. Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1992.
- ⁴³⁸ Immigration to New York. Ed. by Pencak William, Berrol Selma & Miller Randall M.; London; Toronto: Associated University Presses for the Balch Institute for Ethnic Studies, 1991.
- ⁴³⁹ *Biraben Jean-Noel*. Certain Demographic Characteristics of the Plague Epidemic in France, 1720-1722 / Historical Population Studies // DAEDALUS. Journal of the American Academy of Arts and Sciences. Vol. 97. N 2. 1968. P. 540-543.
- ⁴⁴⁰ *Wrigley E.A.* Mortality in Pre-Industrial England: the Example Colyton, Devon, Over three Centuries / Historical Population Studies // DAEDALUS. Journal of the American Academy of Arts and Sciences. Vol. 97. N 2. 1968. P. 575-576.
- ⁴⁴¹ *Glass D.V.* Notes on the Demography of London at the End of the Seventeenth Century / Historical Population Studies // DAEDALUS. Journal of the American Academy of Arts and Sciences. Vol. 97. N 2. 1968. P. 588-589.
- ⁴⁴² *Landers J.* Death and the Metropolis. Studies in the Demographic History of London, 1670-1830. Cambridge: Cambridge University Press. 1993.
- ⁴⁴³ *Condran Grethen A., Williams Henry & Cheney Rose A.* The Decline in Mortality in Philadelphia from 1870 to 1930: the Role of Municipal Services / The Pennsylvania Magazine of History and Biography. Vol. CVIII. N. 2. 1984. P. 153-178.
- ⁴⁴⁴ *Spengler Joseph J.* Demographic Factors and Early Modern Economic Development / Historical Population Studies // DAEDALUS. Journal of the American Academy of Arts and Sciences. Vol. 97. N 2. 1968. P. 433-446.
- ⁴⁴⁵ *Heer David M.* Economic Development and the Fertility Transition / Historical Population Studies // DAEDALUS. Journal of the American Academy of Arts and Sciences. Vol. 97. N 2. 1968. P. 458.
- ⁴⁴⁶ *Hollingsworth T.H.* The Importance of the Quality of the Data in Historical Demography / Historical Population Studies // DAEDALUS. Journal of the American Academy of Arts and Sciences. Vol. 97. N 2. 1968. P. 430.
- ⁴⁴⁷ *Menard Russel R.* Whatever happened to early American Population History? / William and Mary Quarterly, Third Series, Vol. 50. Issue 2. Early American History: In Past and Future. 1993. P. 357.
- ⁴⁴⁸ *Morineau Michael.* Malthus: There and Back from the Period Preceding the Black Death to the «Industrial Revolution» / The Journal of European Economic History. Vol. 27. N. 1. 1998. P. 197-198.
- ⁴⁴⁹ Цит по: *Cronon William.* Modes of Prophecy and Production: Placing Nature in History / The Journal of American History. Vol. 76. Issue 1. 1990. P. 1122.
- ⁴⁵⁰ *White Richard.* Environmental History, Ecology, and Meaning / The Journal of American History. Vol. 76. Issue 4. 1990. P. 1112.
- ⁴⁵¹ *Cronon William.* Modes of Prophecy and Production: Placing Nature in History / The Journal of American History. Vol. 76. Issue 1. 1990. P. 1123-1125.
- ⁴⁵² *Merchant, Carolyn.* Gender and Environmental History / The Journal of American History. Vol. 76. Issue 4. 1990. P. 1117-1121.

⁴⁵³ *Hays Samuel P.* Manuscripts for Recent History: A Proposal for a New Approach / The Journal of American History. Vol. 77. Issue 1. 1990. P. 209–216.

⁴⁵⁴ *White Richard.* Environmental History, Ecology, and Meaning / The Journal of American History. Vol. 76. Issue 4. 1990. P. 1112–1116.

⁴⁵⁵ *Cronon William.* Modes of Prophecy and Production: Placing Nature in History / The Journal of American History. Vol. 76. Issue 1. 1990. P. 1123–1131.

⁴⁵⁶ *Opie John.* Native's Nation. An Environmental History of the United States. Forthworth: Harcourt Brace College Publishers. 1998. P. 3.

⁴⁵⁷ *Cassidy Michael.* History and the Public Purpose / The Practice of American History: A Special Issue // The Journal of American History. Vol. 81. Issue 3. 1994. P. 974–976.

3.5. Интеллектуальная история

⁴⁵⁸ *La Capra D.* History and Criticism. Ithaca and London: Cornell University Press, 1985. p.46.

⁴⁵⁹ *F.R. Ankersmit.* The reality effect in the writing of history; the dynamics of historiographical topology. Holland, Amsterdam, New York, Oxford, Tokyo, 1989. p. 5.

⁴⁶⁰ *Ibid.*, с.6.

⁴⁶¹ *Ibid.*

⁴⁶² *Ibid.*, p.10.

⁴⁶³ *Lovejoy A.O.* Reflections on the history of ideas // The History of Ideas: Canon and Variations. Ed. By Donald R. Kelley. University of Rochester Press, 1990, p. 6.

⁴⁶⁴ См. *Kelley D.R.* The Descent of Ideas. The History of Intellectual History. Great Britain, Ashgate, 2002.

⁴⁶⁵ См. *Marwick A.* The Sixties. Cultural Revolution in Britain, France, Italy and the United States, c. 1958 – c.1974. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1998; *Hobsbawm E.* The Age of Extremes: The Short Twentieth Century 1914–1991. London, 1994; *Appleby J., Hunt L., Jacob M.* Telling the Truth About History. New York, London: W.W. Norton and Company, 1994; *Caute D.* 1968 dans le monde. Paris, Edition Robert Lafont, 1988.

⁴⁶⁶ *Kelley D.* Introduction // The History of Ideas: Canon and Variations. Ed. By Donald R. Kelley. University of Rochester Press, 1990, p.ix.

⁴⁶⁷ *Ibid.*, p. xii.

⁴⁶⁸ *Marwick A.* The Nature of History. Great Britain, Unwin Brothers LTD, p. 15.

⁴⁶⁹ Афоризм Кейта Томаса цит. по: *Marwick A.* The Nature of History. GBr, Unwin Brothers LTD, 1981, p. 288.

⁴⁷⁰ Приводимые здесь «идеи» в принципе были сформулированы еще в 1940 г. Лавджоем: *Lovejoy, Arthur O.* Reflections on the history of ideas // The history of ideas: canon and variations, p.7.

⁴⁷¹ *George Macaulay Trevelyan.* Цит. по *Marwick A.* The Nature of History. GBr, Unwin Brothers LTD, 1981 p.16.

⁴⁷² См. *Руднев В.П.* Характеры и расстройства личности. Патография и метапсихология. М.: Независимая фирма «Класс», 2002.

⁴⁷³ См. *Hayden W.* The Content of the Form. Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore and London: The John Hopkins University Press, 1987, p. 1.

ЛИТЕРАТУРА (ко всему курсу)

- Барг М.* Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984.
- Гендерные истории Восточной Европы / Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А. Пето. Мн.: ЕГУ, 2002.
- Гириц К.* «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. СПб.: Унив. кн., 1997.
- Гобозов И.А.* Введение в философию истории. М.: ТЕИС, 1999.
- XXI век: Актуальные проблемы исторической науки. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15–16 апр. 2004 г. / Редкол.: В.Н. Сидорцов (отв. ред.) и др. Мн.: БГУ, 2004.
- XX век: Методологические проблемы исторического познания. Сб. обзоров и рефератов. В 2 ч. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. отеч. и зарубеж. истории. Редкол.: А.Л. Ястребицкая (отв. ред.) и др. М.: Ин-т науч. информ. по общ. наукам РАН, 2001. (Сер: Социальные и гуманитарные науки в XX веке).
- Дэвис Н.З.* Возвращение Мартена Герра. М., 1990.
- Женщины в истории: Возможность быть увиденными. Сб. науч. ст. / Под ред. И.Р. Чикаловой. Мн., 2004. Вып.3.
- Женщины на краю Европы / Под ред. Е. Гаповой. Мн.: ЕГУ, 2003.
- Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987.
- Методология истории: Учеб. пособие для студентов вузов / А.Н. Нечухрин, В.Н. Сидорцов, О.М. Шутова и др. Мн.: НТООО «ТетраСистемс», 1996.
- Нечухрин А.Н.* Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в.–1917 г.). Гродно: ГрГУ, 2003.
- Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
- Постижение истории: онтологический и гносеологический подходы. Допущено Министерством образования Республики Беларусь в качестве учебного пособия для слушателей системы повышения квалификации и переподготовки кадров образования / Под ред. В.Н. Сидорцова, О.А. Яновского, Я.С. Яскевич. Мн.: БГУ, 2002.
- Постмодернизм. Энциклопедия / Сост. и науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. Мн.: Интерпрессервиз, Книжный дом; 2001.

Прядеин В.С. Историческая наука в условиях обновления: философские основы, принципы познания, методы исследования (исторический анализ). Екатеринбург: УрО РАН, 1995.

Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М.: РОССПЭН, 2002.

Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: ИВИ, 1998.

Румянцева М.Ф. Теория истории. Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2002.

РусакOVA О.Ф. Философия и методология истории в XX веке: школы, проблемы, идеи. Екатеринбург: УрО РАН, 2000.

Сидорцов В.Н., Балькина Е.Н., Комличенко В.Н. и др. Историческая информатика (Информатика для исторических специальностей). Учеб. пособие / Под ред. В.Н. Сидорцова, Л.И. Бородкина. Мн.: БГУ, 1998.

Сидорцов В.Н. Методология исторического исследования (механизм творчества историка). Мн.: БГУ, 2000.

Сидорцов В.Н. Методология истории: количественные методы и информационные технологии. Рекомендовано Центром учебной книги и средств обучения Национального института образования в качестве учебно-методического пособия для студентов высших учебных заведений исторических специальностей. Мн.: БГУ, 2003.

Теоретико-методологические проблемы исторического познания. Материалы к международной научной конференции. В 2-х тт. / Под ред. В.Н. Сидорцова, В.С. Кошелева, Я.С. Яскевич. Мн.: РИВШ БГУ, 2000.

Теория и история источниковедения: Пособие для студентов гум. фак. / В.П. Грицкевич, С.Б. Каун, С.Н. Ходин. Мн.: БГУ, 2000.

Томпсон Пол. Голос прошлого. Устная история. М.: Весь мир, 2003.

Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Прогресс. Культура, 1996. Философия истории. Антология. М.: Аспект Пресс, 1995.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1997.

Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Республика, 1993.

Шутова О.М. Психоистория: школа и методы. Мн.: НТОО «ТетраСистемс», 1997.

Шутова О.М. На пути к Истории Людей: заметки по истории исторической мысли (конец XX века). Мн.: ПолиБиг, 1999.

Яскевич Я.С. Основы идеологии белорусского государства: мировоззренческие ценности и стратегические приоритеты. Учеб.-метод. пособие для высших учебных заведений. Мн.: РИВШ БГУ, 2003.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава 1. МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ	7
1.1. Философия истории: основные понятия, проблемное поле, исследовательские программы	7
Проблемное поле и основные понятия философии истории	8
Специфика человеческой истории как сложноорганизованной системы	12
Исследовательские программы в социально-историческом знании	16
Идея направленности и прогресса человеческой истории	24
1.2. Императивы современной социальной динамики и глобализация мировой истории	27
Узловые моменты истории цивилизационного развития	28
Основные типы цивилизационного развития и их специфика ...	29
Основные модели развития современного Востока	31
Тенденции и противоречия развития современной западной цивилизации	32
Статус и приоритеты славянских духовных ценностей в современном мире	35
Глобализация и «встреча цивилизаций»	43
1.3. Линейные и нелинейные интерпретации мировой истории, в контексте геополитики	44
Линейные интерпретации социальной истории	45
Цивилизационно-культурологические (нелинейные) подходы к анализу истории общества	49
Формационный и цивилизационно-культурологический подходы: сравнительный анализ	56
О связи и диалоге цивилизаций и культур в современном мире ...	58
Неклассические цивилизационно-культурологические концепции в современной геополитике	61
Консолидирующие идеи белорусского общества и рациональный выбор исторического пути развития	63

1.4. Постмодернистские контуры исторического сознания	71
Постмодерн: ситуация и концепция	71
Трансформация исторического сознания	75
Проявления постмодерна в историко-культурной сфере	78
Языковой характер сознания: истинность, объективность и исторический нарратив	82
История, прошлое и другие проблемы исторического нарратива	87
Историзм: прошлое и трансформация	89
Образы представления историками прошлого	94
1.5. Историческая синергетика	100
Теоретические основы	101
Синергетическое видение истории	109
 Глава 2. МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ	 118
2.1. Природа исторического творчества: субъектно-объектные отношения	118
Специфика исторического познания	118
История и современность	125
Роль мировоззрения исследователя	129
2.2. Социальные функции исторической науки	138
Функция социальной памяти	139
Научно-познавательная функция	142
Воспитательная функция	145
Политико-идеологическая функция	148
2.3. Проблема междисциплинарности	151
Тенденция к междисциплинарности	151
Профит междисциплинарных контактов	159
2.4. Исторический факт и историческое суждение: проблемы верификации и интерпретации	165
Понятие исторического факта	165
Научно-исторический факт	170
Эмпирическое и теоретическое знания в историческом исследовании	176
2.5. Введение новых категорий	183
Природа исторических категорий	184
Новые категории	186

2.6. Принципы исторического познания	193
Принцип историзма	194
Системный подход	198
Принцип объективности	199
Ценностный подход в истории	202
2.7. Методы исследования	208
Место и роль методов в историографии	209
Обращение к логическим методам	210
Использование общенаучных методов	213
Специальные исторические методы	221
2.8. Специфика языка исторической науки	230
Глава 3. СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ	235
3.1. Уровни исторического исследования	235
От макроистории к микроистории	235
«Культурная история»	239
3.2. История повседневности	244
Становление истории повседневности	245
История повседневности как научное направление	250
3.3. Гендерная и устная история	254
Гендерная история	254
Устная история	261
3.4. Демографическая и экологическая истории	264
Демографическая история	265
Экологическая история	274
3.5. Интеллектуальная история	279
Историография и трансформация постмодерна	279
История идей и историография	282
Роль истории и перспективы истории идей	287
Форум. Социокультурные измерения истории: новые проекты	291
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ	298
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	325
ЛИТЕРАТУРА (ко всему курсу)	344

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТетраСистемс

E-mail: tetra@litera.by
<http://www.ts.by>

Наш адрес:

220014, г. Минск,
ул. Железнодорожная, 9
Тел.: 219-73-88, 219-73-90
298-59-85, 298-59-87
Интернет-магазин: <http://www.litera.by>

Издательство "ТетраСистемс" предлагает книги

Экономическая история зарубежных стран и России

Учебно-методическое пособие для вузов

Ермашкевич Г. И.

2005 г., переплет, 304 с.

Рассматривается становление и развитие мирового хозяйства с древнейших времен до наших дней. Особое внимание уделено тем регионам и странам, в которых произошедшие в определенные периоды изменения имели принципиальный для всей мировой экономики характер. Структурно систематизированный цифровой материал, несущий значительную дидактическую нагрузку, будет способствовать выработке у читателей навыков синтеза полученных знаний в прогностических и практических целях.

Издание предназначено для студентов экономических специальностей высших и средних учебных заведений, колледжей, а также для всех, кто интересуется историей мировой и отечественной экономики.

Общее языкознание

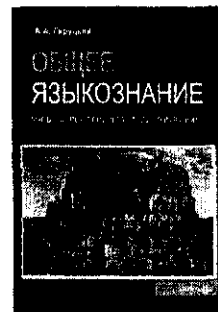
Учебное пособие для студентов вузов

Гируцкий А. А.

2003 г., переплет, 304 с., 3-е издание

Содержание книги полностью соответствует образовательному стандарту высшей школы по учебному курсу "Общее языкознание". В пособии дан краткий очерк лингвистических учений от языкознания Древней Индии до лингвистики конца XX века, охарактеризованы основные тенденции современного языкознания. Впервые сформулирована общая теория языка на основе геометрического образа структуры слова. Характеризуются современные методы изучения языка.

Предназначено для студентов филологических факультетов, аспирантов, преподавателей.

По вопросам оптового приобретения книг
обращаться по тел.: 219-73-88, 219-73-90, 298-59-85, 298-59-87

Посетите книжный интернет-магазин <http://www.litera.by>

Учебное издание

Сидорцов Владимир Никифорович
Нечухрин Александр Николаевич
Яскевич Ядвига Станиславовна
и др.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

*Учебное пособие для студентов, магистрантов и аспирантов
исторических и философских специальностей учреждений,
обеспечивающих получение высшего образования*

Ответственный за выпуск *С.В. Процко*
Компьютерная верстка *К.Н. Иваши*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 28.10.2005.
Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага для офсетной печати. Гарнитура Гаймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,46. Уч.-изд. л. 17,7. Тираж 2000 экз.
Заказ 2724.

Научно-техническое общество с ограниченной ответственностью «ТетраСистемс».
ЛИ № 02330/0056815 от 2 марта 2004 г.
220116, г. Минск, а/я 139 (тел. 219-74-01; e-mail: tetra@litera.by;
<http://www.ts.by>).

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство "Белорусский Дом печати"».
220013, г. Минск, пр. Независимости, 79.

